

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 3 (19)

**САРАНСК
2011**

Учре д и т е л и:

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

*Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

Основан в 2006 году

Главный редактор

В. А. Юрченков

Заместитель главного редактора

Г. А. Куршева

Ответственный секретарь

О. В. Зарубина

Р е д к о л л е г и я:

Ф. А. Айзатов, И. В. Бахлов, Е. Н. Бикейкин, С. П. Бурланков,
Т. М. Гусева, И. В. Зубов, А. М. Каторова, А. Н. Келина, В. А. Ломшин,
Л. И. Никонова, О. Е. Поляков, Е. Г. Скворцова, В. В. Ставицкий,
А. Н. Чекушкин, А. В. Чернов, А. М. Шаронов, Н. Г. Юрченкова

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Адрес редакции:

430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, каб. 304

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

<i>Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Еремкина Т. В.</i> Трансформация социально-трудовой сферы России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты	7
<i>Кильдюшкина И. Г., Ломшин В. А.</i> Реализация новой жилищной политики государства на региональном уровне в первой половине 1990-х гг.	21
<i>Цапкина М. А.</i> Кадровый потенциал на фармацевтическом рынке	34

ИСТОРИЯ

<i>Гусева Т. М.</i> Первая Всеобщая перепись населения 1897 г. в Саранске и Саранском уезде	40
<i>Зоркова Н. Н.</i> Деятельность землеустроительных комиссий в мордовском крае в ходе Столыпинской аграрной реформы	45
<i>Куршева Г. А., Варламенков В. Н.</i> Финансовое обеспечение учительских кадров в Поволжском регионе в 1920-е гг.	54
<i>Асабин И. Ю.</i> Советы народных депутатов как представительные органы государственной власти в середине 1960-х — первой половине 1980-х гг.	62
<i>Бикейкин Е. Н.</i> Социально-экономическое развитие г. Саранска в условиях нарастания кризисных явлений в экономике в первой половине 1980-х гг.	71

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Чужайкина Т. А.</i> «Мордовская тема» в научном наследии В. Н. Майнова	81
<i>Романова М. Н.</i> Жилище как атрибут культуры этносов: к теории вопроса	85
<i>Кандрина И. А.</i> Печь в быту и обрядах мордвы	93
<i>Никонова Л. И., Шевцова А. А.</i> Особенности современной езидской свадьбы (На примере езидов — мигрантов из Закавказья в Республике Мордовия)	99
<i>Блинов Д. С., Цыбусов А. П., Балькова О. П., Майорова К. А., Смирнова О. А.</i> Смертность как определяющий и корректируемый фактор демографического кризиса	107

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Моськина С. И. Словообразовательные и семантические особенности глаголов действия в мокшанском и эрзянском языках	113
Сокорова И. П. Текстовые конструкции вывода-обоснования в мокшанском языке	119
Цыплякова О. Ю. Семантика и структура сложноподчиненных предложений с придаточными атрибутивными в эрзянском языке	123
Ручина Н. А. Сопоставительный переводческий анализ двух русских переводов художественного фильма «Sex and the City»	132

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Шеянова И. И. Первые памятники раннемордовской словесности («Мордовская история» и «Мордовская земля» Т. Е. Завражнова и С. А. Ларионова)	146
Ильин Д. Ф. Формирование архетипического поля и его роль в генезисе архетипов	150
Шаронов А. М., Сураева М. Н. Жертвоприношение под строящийся город или другой объект	157

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Щукин Д. С. Идеология и практика культурно-просветительской работы на территории Мордовии в 1918 — 1927 гг.	165
Шкердина Н. О. Научная интеллигенция в контексте развития российской провинциальной культуры в 1945 — 1953 гг. (На примере Мордовии)	179
Сульдина Л. В. Развитие изобразительного искусства Мордовии в 1990-е гг.	187

НАШИ ПРОЕКТЫ

«Мифология мордвы». Буква Б	193
РЕЦЕНЗИИ	242
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	245
СОКРАЩЕНИЯ	251

CONTENTS

ECONOMICS

Lipatova L. N., Gradusova V. N., Eremkina T. V. Transformation of Social and Labour Sphere of Russia in the 1990s: Federal and Regional Aspects	7
Kildyushkina I. G., Lomshin V. A. Realization of New Housing Policy of the State at the Regional Level in the First Half of the 1990s	21
Tsapkina M. A. Human Resources in the Pharmaceutical Market	34

HISTORY

Guseva T. M. The First Census of 1897 in Saransk and in the Saransk Uyezd	40
Zorkova N. N. The Activity of Commissions on Land Management in the Mordovian Region During Stolypin's Agrarian Reform	45
Kursheva G. A., Varlamenkov V. N. Financial Provision of Teaching Staff in the Volga Region in the 1920s	54
Asabin I. Yu. The Soviets of People's Deputies as the Representative Organs of State Power in the Middle of 1960s — the First Half of 1980s	62
Bikeykin E. N. Social and Economic Development of Saransk Under Conditions of Intensification of the Crisis in the Economy in the First Half of 1980s	71

ETHNOGRAPHY

Chuzhaykina T. A. «Mordovian Theme» in Scientific Heritage of V. N. Maynov	81
Romanova M. N. Dwelling as an Attribute of the Culture of the Ethnoses: to the Theory of the Problem	85
Kandrina I. A. Oven in Life and Ceremonies of the Mordvins	93
Nikonova L. I., Shevtsova A. A. Peculiarities of Modern Yazidi Wedding (By the example of the Yazidis — migrants from Transcaucasia in the Republic of Mordovia)	99
Blinov D. S., Tsybusov A. P., Balykova O. P., Mayorova K. A., Smirnova O. A. Mortality as the Determining and Corrected Factor of the Demographic Crisis	107

LINGUISTICS

<i>Moskina S. I.</i> Word-Building and Semantic Features of the Verbs of Action in the Moksha and Erzya Languages	113
<i>Sokorova I. P.</i> The Text Constructions of Conclusion-Substantiation in the Moksha Language.....	119
<i>Tsyplyakova O. Yu.</i> Semantics and Structure of Compound Sentences with Subordinate Clauses of Attribute in the Erzya Language	123
<i>Ruchina N. A.</i> Comparative Analysis of two Russian Translations of the Feature Film «Sex and the City»	132

HISTORY OF LITERATURE AND FOLKLORE

<i>Sheyanova I. I.</i> The First Monuments of the Early Mordovian Literature («Mordovian Story» and «Mordovian Land» by T. E. Zavrazhnov and S. A. Larionov)	146
<i>Ilyin D. F.</i> The Formation of Archetypal Field and Its Role in the Genesis of Archetypes	150
<i>Sharonov A. M., Surayeva M. N.</i> The Offering Under the Constructing Town or Another Subject	157

CULTURAL THEORY AND HISTORY

<i>Schukin D. S.</i> Ideology and Practice of Cultural and Educational Activities in Mordovia in 1918 — 1927	165
<i>Shkerdina N. O.</i> Scientific Intelligentsia in the Context of Russian Provincial Culture in 1945 — 1953 (By the Example of Mordovia)	179
<i>Suldina L. V.</i> The Development of Fine Arts in Mordovia in the 1990s	187

OUR PROJECTS

«The Mythology of the Mordvins». Part B	193
REVIEWS	242
INFORMATION ABOUT AUTHORS	248
ABBREVIATIONS	251

ЭКОНОМИКА

УДК 94:331.5

Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова, Т. В. Еремкина
L. N. Lipatova, V. N. Gradusova, T. V. Eremkina

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЫ РОССИИ В 1990-е гг.: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

TRANSFORMATION OF SOCIAL AND LABOUR SPHERE OF RUSSIA IN THE 1990s: FEDERAL AND REGIONAL ASPECTS

Ключевые слова: занятость, безработица, производительность труда, условия труда, трудовая мобильность.

В статье исследуются изменения, происходившие в социально-трудовой сфере в России и Мордовии в 1990 — 2000-е гг., анализируются показатели занятости и безработицы, производительности труда, потерь рабочего времени, перераспределения рабочей силы в экономике, условий труда, удовлетворенности работников своим трудом.

Key words: employment, unemployment, labour productivity, labor conditions hold, labor mobility.

The changes, which happened in the social and labour sphere in Russia and Mordovia in the 1990s — 2000s, are studied in the article; indicators of employment and unemployment, labour productivity, losses of working time, redistribution of labour force in the economy, the labour conditions, satisfaction of employees with their work are analyzed as well.

1990-е гг. в России стали переломным этапом отечественной истории. В это время произошли огромные перемены во всех сторонах жизни общества. Отказ от политики всеобщей занятости, масштабная приватизация, падение объемов производства и уровня жизни населения и другие процессы кардинально изменили социально-трудовую сферу.

Одним из наиболее общих показателей, характеризующих состояние рынка труда, является удельный вес занятого населения в численности экономически активной его части, или уровень занятости. Он показывает количество людей, которые могут и желают трудиться и задействованы в экономике. С начала 1990-х гг. в России этот показатель устойчиво снижался вплоть до 1999 г. Его наименьшее значение было отмечено в 1998 г. (табл. 1).

Экономически активное население в Мордовии сокращалось быстрее, чем в России. С 1992 по 2000 г. оно уменьшилось на 9,6 %: с 497,5 до 449,9 тыс. чел. Тем не менее уровень занятости населения в регионе снизился в большей мере, чем в стране.

Таблица 1

Удельный вес занятых и безработных в численности экономически активного населения России и Мордовии в 1992 — 2000 гг., %

Регион	1992	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
<i>Уровень занятости</i>								
Россия	94,8	91,9	90,5	90,3	88,2	86,8	87,4	90,2
Мордовия	95,8	92,0	88,4	87,2	88,9	87,0	88,1	89,4
<i>Уровень безработицы</i>								
Россия	5,2	8,1	9,5	9,7	11,8	13,2	12,6	9,8
Мордовия	4,2	8,0	11,6	12,8	11,1	13,0	11,9	10,6

Составлена по: Труд и занятость в Мордовии : стат. бюл. Саранск, 2000. С. 24 ; 2001. С. 11 ; Россия в цифрах : крат. стат. сб. М., 2001. С. 77.

В 1992 г. доля занятых в численности экономически активного населения в Мордовии была больше, чем в России, в 2000 г. — меньше (см. табл. 1). Подобное можно объяснить несовершенством учета безработных граждан и занятых в неформальном секторе экономики.

По данным табл. 1, уровень занятости населения в России в 1992 — 2000 гг. снизился на 4,9 %, в Мордовии — на 6,7 %. Более значительное снижение в определенной мере было сдержано падением экономической активности населения, опережающим сокращением его общей численности. В России в рассматриваемый период число жителей уменьшилось на 2,4 %, численность экономически активного населения — на 5,2 %. В Мордовии эти показатели были равны соответственно 3,5 и 9,6 %.

Другим показателем, отражающим состояние рынка труда, является уровень безработицы. Он показывает, какая часть экономически активного населения может быть вовлечена в экономику (см. табл. 1).

Как видно из табл. 1, уровень безработицы в России с 1992 по 2000 г. возрос. Наибольший резерв рабочей силы отмечался в 1998 г. В Мордовии этот показатель также увеличился, особенно в 1998 г.

Степень использования занятого населения характеризуют показатели неполной вынужденной занятости — численность занятых неполный рабочий день (неделю), находившихся в административных отпусках, неотработанное по этим причинам рабочее время.

По одним оценкам, во второй половине 1990-х гг. неполный рабочий день (неделю) были вынуждены трудиться 3,5 — 5,0 млн чел., по другим — около 12,0 млн чел.¹ Официальные данные отражены в табл. 2.

Таблица 2

Неполная вынужденная занятость в экономике России в 1996 — 2000 гг.*

Показатель	1996	1997	1998	1999	2000
1	2	3	4	5	6
Численность работников, занятых неполное рабочее время, тыс. чел.	—	—	4 306	2 728	1 499
% от среднесписочной численности	—	—	10,1	6,5	3,6

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6
Численность работников, которым были предоставлены административные отпуска, тыс. чел.	7 538	5 194	4 742	3 325	2 175
% от среднесписочной численности	15,8	11,5	11,1	7,9	5,2
Неотработанное время:					
в связи с неполным рабочим днем, млн чел.-ч	1 321,4	862,6	809,5	481,8	240,3
в расчете на одного среднесписочного работника, ч	27,8	19,2	18,9	11,5	5,7
Продолжительность административных отпусков, млн чел.-ч	2 393,8	1 652,2	1 472,5	785,9	472,0
В том числе в расчете на одного среднесписочного работника, ч	50,3	36,7	34,4	18,8	11,3

Составлена по: Социальное положение и уровень жизни населения России : стат. сб. М., 2001. С. 76.

* Без субъектов малого предпринимательства.

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что численность работников, занятых неполный рабочий день (неделю) по инициативе администрации, с 1998 по 2000 г. уменьшилась. Однако количество времени, не отработанного в связи с вынужденной неполной занятостью, в расчете на одного работника в 1998 и 2000 гг. изменилось незначительно, составив соответственно 188,0 и 160,4 ч.

Фонд неотработанного рабочего времени из-за вынужденной неполной занятости в экономике России в 1996 г. составил 3 715,2 млн чел.-ч. Большие потери были связаны с административными отпусками, продолжительность которых в 1996 г. составила в среднем 318 ч, в 2000 г. — 217 ч. В среднем каждый работник из-за инициированной администрацией неполной занятости не отработал 78,1 ч.

В последующие годы масштабы вынужденной неполной занятости сокращались. В 2000 г. фонд неотработанного по этой причине рабочего времени составил 712,3 млн чел.-ч, в том числе в связи с занятостью неполный рабочий день (неделю) из-за административных отпусков. Потери в расчете на одного работника составили 17 ч.

Появление неполной занятости было обусловлено рядом причин. По некоторым данным, в советской экономике резерв избыточной рабочей силы достигал 15 %². Сокращение численности занятых в 1990-е гг. шло более медленными темпами, чем падение объемов производства. Так, в промышленности России в 1996 г. индекс промышленного производства составил 48 % от уровня 1990 г., а численность занятых сократилась только на 28 %. В 2000 г. индексы производства и численности занятых в промышленности составили соответственно 54 и 64 % от уровня 1990 г.³ (рис. 1).

В 2000 г. опережающие темпы роста численности работающих и объемов производства привели к существенному сокращению частичной занятости. Однако при условии сохранения производительности труда на уровне 1990 г. лишними оставались более 15 % работников.

Работодатели не сокращали работников пропорционально падению производства в надежде на скорое восстановление его объемов. Согласно данным одного из опросов руководителей предприятий, где останавливали производства, более 60 % работодателей

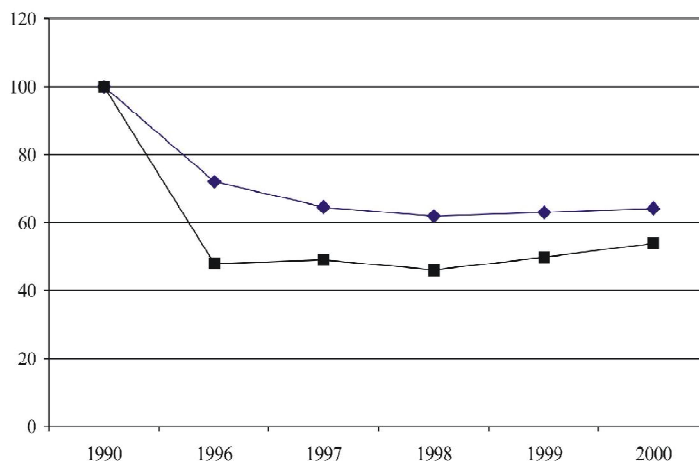

Рис. 1. Динамика объемов производства (■) и численности занятых (◆) в промышленности России, % к 1990 г.

считали, что на их предприятиях не было людей, которых невозможно было бы занять при экономическом подъеме. Большинство предприятий вынуждены были содержать лишних работников, так как не могли выплатить им социальные пособия в связи с их сокращением. 47 % работодателей сдерживающим фактором необходимых сокращений назвали невозможность последующего трудоустройства уволенных⁴.

В экономике Мордовии неполная занятость была распространена шире, чем в России. Это объяснялось существенным отставанием темпов сокращения числа занятых от темпов падения объемов производства. Так, в промышленности республики в 1996 г. по отношению к 1990 г. индекс производства составлял 29,2 %, индекс численности работников — 67,5 %. В 2000 г. эти показатели были равны соответственно 43,9 и 64,9 %⁵ (рис. 2).

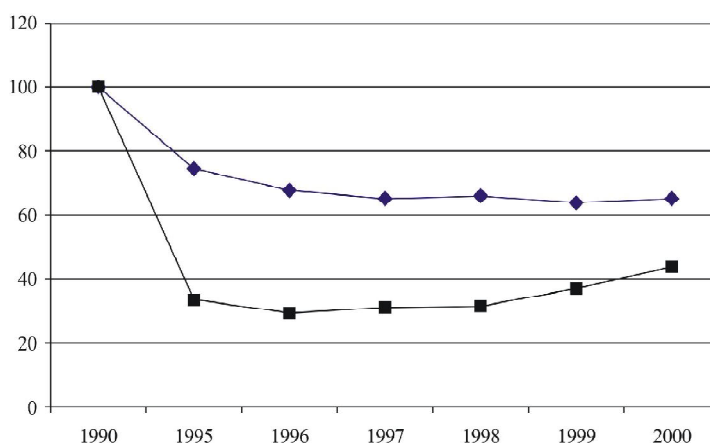

Рис. 2. Динамика объемов производства (■) и численности занятых (◆) в промышленности Мордовии, % к 1990 г.

В Мордовии неполная занятость начиная с 1999 г. стала заметно сокращаться (табл. 3).

Таблица 3

Неполная вынужденная занятость в экономике Мордовии в 1998 — 2000 гг.*

Показатель	1998	1999	2000
Численность работников, занятых неполное рабочее время, тыс. чел.	58,6	33,7	22,2
% от среднесписочной численности	18,7	10,9	7,3
Численность работников, которым были предоставлены административные отпуска, тыс. чел.	45,2	23,6	16,7
% от среднесписочной численности	14,4	7,7	5,5
Фонд неотработанного рабочего времени, тыс. чел.-ч	16 779	10 267	5 244
В том числе:			
из-за административных отпусков	8 516	5 198	3 051
в связи с занятостью неполный рабочий день (неделю)	8 263	5 069	2 193
в расчете на одного работника, ч	54	33	17

Составлена по: Труд и занятость в Мордовии : стат. сб. 1999. С. 38 — 39 ; 2000. С. 48 — 50 ; 2001. С. 51 — 53.

* Без субъектов малого предпринимательства.

По данным табл. 3, в 1990-е гг. в регионе потери рабочего времени, связанные с неполной занятостью, были соизмеримы. В 2000 г. эти потери уменьшились в более чем втрое, в том числе из-за административных отпусков и занятости неполный рабочий день (неделю).

Существенное распространение неполной занятости отмечалось в промышленности, строительстве, науке и научном обслуживании. Так, в 1998 г. на промышленных предприятиях более 61 % работников были заняты неполный рабочий день (неделю), почти 44 % — предоставлялись административные отпуска. В отдельных отраслях режим неполного рабочего времени распространялся практически на всех работающих. На предприятиях машиностроения и металлообработки 99 % занятых были вынуждены трудиться неполный рабочий день (неделю), 53 % — в течение года предоставлялись административные отпуска⁶.

В 2000 г. режим неполного рабочего дня (неделя) был наиболее распространен на предприятиях транспорта и промышленности, в научных и строительных организациях. Административные отпуска чаще предоставлялись на строительных и промышленных предприятиях, в научных учреждениях и в сфере научного обслуживания. В 1999 — 2000 гг. в отдельных отраслях экономики республики трудовой потенциал использовался еще более неэффективно (табл. 4).

Как показывают данные табл. 4, большие потери рабочего времени, вызванные вынужденными простоями, наблюдались в научных учреждениях и в сфере научного обслуживания. Например, в 2000 г. в среднем каждый занятый отсутствовал на рабочем месте по инициативе администрации 10 рабочих дней, несмотря на то что численность работающих в научных организациях в 1990-е гг. упала в более чем 2 раза.

Явление неполной занятости по-разному оценивается специалистами. Одни считают, что гибкие формы занятости — важное средство регулирования общего уровня

Таблица 4

Неотработанное по инициативе администрации рабочее время в расчете на одного работника в отраслях экономики Мордовии в 1998 — 2000 гг., ч

Отрасль	1998	1999	2000
Экономика в целом	54	33	17
Промышленность	161	78	37
Сельское хозяйство	7	3	5
Транспорт	11	46	24
Связь	50	56	37
Строительство	65	78	36
Торговля, общественное питание, МТС, сбыт, заготовки	19	8	36
Наука и научное обслуживание	128	127	78
Кредитование, финансы, страхование	21	22	21

Составлена по: Труд и занятость в Мордовии. 1999. С. 39 — 40; 2000. С. 50 — 51; 2001. С. 51 — 53.

занятости, неотъемлемый элемент современного рынка труда⁷. Другие рассматривают его как скрытую безработицу⁸.

Положительная сторона неполной занятости заключается в предотвращении массовых увольнений, сдерживании роста социальной напряженности, уменьшении отрицательного влияния экономических преобразований на рынок труда. Вместе с тем сохранение избыточной рабочей силы снижает эффективность производства, сдерживает рост заработной платы, нередко приводит к потере высококвалифицированных кадров, отрицательно влияет на трудовой потенциал коллектива.

Необходимо заметить, что неполная занятость достаточно широко была распространена в странах с развитой экономикой. В середине 1990-х гг. в ряде государств доля таких работников превышала четверть всех занятых: в Голландии — 32 %, Швейцарии — 29, Норвегии — 27, Швеции — 25 %⁹. В США по графику неполной рабочей недели (менее 35 ч) трудились 17 % занятых. Данная ситуация выгодна как для работодателей, так и для работников. Для первых это — экономия премиальных и социальных выплат, ставших обязательными для постоянных работников, а также другие издержки — использование помещений, расход электроэнергии и др. Людям такая форма занятости позволяет совмещать работу с семейными обязанностями (воспитание детей, уход за престарелыми и больными родственниками и т. п.), реализацией личных потребностей и интересов¹⁰.

В России в 1990-е гг. неполная занятость носила в основном вынужденный характер. Однако, согласно данным одного из обследований, почти в четверти всех случаев работники не увольнялись, потому что их устраивало сложившееся положение в связи с возможностями подработки, воспитания детей при сохранении стажа, наличием свободного времени и др.¹¹ Однако большинство работников, конечно, предпочли бы более доходную полную занятость.

Стремление людей увеличить доходы своих семей во многом определяло развитие вторичной занятости — формы использования рабочей силы уже вовлеченного в трудовую деятельность работника. Сокращенный рабочий день и соответственно уменьшившаяся заработная плата стимулировали человека к поиску дополнительной оплачиваемой работы, которая помогла бы его семье пережить трудные времена.

По данным Госкомстата России, во второй половине 1990-х гг. две работы и более имели немногим более 1 % занятого населения страны. Как подтверждают оценки налоговых органов, без официальной регистрации в России работали около 20 млн чел., еще приблизительно 20 млн чел. делали это в соответствии с действующими правилами. В итоге дополнительную работу имели 35 — 40 % взрослого населения страны¹². По сведениям Института сравнительных исследований трудовых отношений и Всероссийского центра изучения общественного мнения, вторую работу в те годы имели примерно 17,5 % населения в возрасте 15 — 72 лет. Ежемесячно дополнительно подрабатывали 7 — 10 % населения¹³.

В Мордовии в конце 1990-х гг. на крупных и средних предприятиях трудились 4,5 тыс. внешних совместителей (1 % занятого населения). Эта форма занятости особенно была распространена в таких отраслях, как образование (32 % общего числа внешних совместителей), здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение (15), культура и искусство (14), промышленность (11 %). По договорам гражданско-правового характера на крупных и средних предприятиях республики работали 6 тыс. чел. (1,5 % от занятого населения). Данная практика отмечалась в сферах здравоохранения, физической культуры, социального обеспечения (40 %), на предприятиях связи (10), промышленности (8), сельского хозяйства (7 %)¹⁴.

Смежная деятельность нередко трансформируется в основную. В этом случае она обеспечивает смену рабочего места без перерыва в трудовой деятельности, облегчает адаптацию в новой организации. Положительное значение вторичной занятости проявляется и в том, что благодаря ей многие работники могут более полно реализовать свои способности, развить профессиональные качества, расширить кругозор, улучшить адаптационные возможности организма, повысить свою конкурентоспособность на рынке труда и др.

Однако вторичная занятость имеет также негативные последствия. В первую очередь это интенсивность труда. Увеличение продолжительности рабочего времени приводит к тому, что человек не успевает восстановить силы к следующему рабочему дню, нарушается процесс воспроизводства рабочей силы, организм преждевременно изнашивается. Кроме того, мотивационные аспекты трудовой деятельности человека, вынужденного работать в нескольких местах, как правило, смещаются в материальную сторону, уровень профессионализма снижается.

В 1990-е гг. широкое распространение получила теньевая занятость. В соответствии с подходом, применяемым в системе национальных счетов ООН версии 1993 г., к теньевой экономике относятся следующие типы занятости:

- производство официально зарегистрированными предприятиями товаров и услуг, не фиксируемых в официальном учете и отчетности;
- легальные (не запрещенные законом) виды деятельности на не зарегистрированных в установленном порядке предприятиях, в том числе мелкая уличная торговля и другие виды не регистрируемой в установленном порядке индивидуальной предпринимательской деятельности;
- нелегальные виды деятельности (сбыт и производство наркотиков, проституция и др.)¹⁵.

Точные границы теньевой занятости установить невозможно. По данным Госкомстата СССР, в конце 1980-х гг. в теньевой экономике производилось 6 % ВВП, в середине 1990-х гг., по разным оценкам, — от 20 до 40 % ВВП¹⁶.

Согласно данным, опубликованным в федеральной программе в 1998 — 2000 гг., в неформальном секторе экономики России на регулярной и нерегулярной основах работали 7,5 млн чел., занятых в течение полного рабочего дня, что составило 11,6 % от общей занятости¹⁷. С одной стороны, рабочие места в неформальном секторе обеспечивают средствами к существованию значительное число людей, что важно, с другой — занятость в этом секторе нередко характеризуется низкой производительностью, плохими, порой основанными на эксплуатации, условиями труда, низкой заработной платой, слабой социальной защищенностью.

С распространением компьютеров, новых средств связи появилась такая форма занятости, как надомничество. Так, значительная часть сельского населения из-за отсутствия рабочих мест трудилась в личных подсобных хозяйствах, обеспечивая семьи средствами к существованию и помогая продуктами питания городским родственникам. Однако следует подчеркнуть, что в индивидуальном секторе, как правило, используются лишь элементарные средства труда и примитивные технологии. Такой труд по-прежнему остается тяжелым и малопродуктивным, не способствует развитию трудового потенциала человека.

Важная характеристика занятости — это условия труда. Численность (удельный вес) занятых в неблагоприятных условиях показывает, способности какого числа (какой части) работников реализуются не в полной мере, поскольку эти условия снижают работоспособность и производительность труда, отрицательно влияют на здоровье людей.

В России в конце 2000 г. в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам, трудились: в промышленности — 22 % работников, в строительстве — 10, на транспорте — 12, на предприятиях связи — 3 %. Тяжелый физический труд выполняли 3 % занятых в промышленности, 4 — в строительстве, 3 % — на транспорте. Многие были вынуждены работать на оборудовании, не отвечающем требованиям безопасности. В Мордовии во вредных и опасных условиях трудились 22,3 тыс. чел.: в промышленности — 21 %, в строительстве — 10, на транспорте — 4, на предприятиях связи — 3 %¹⁸.

В 1990-е гг. отмечалось почти повсеместное ухудшение условий труда. В России в 2000 г. доля работников, которые пользовались льготами и компенсациями за работу в неблагоприятных условиях, возросла¹⁹. В Мордовии в 1999 г. численность работников, выполнявших тяжелый физический труд, увеличилась на 58 %, занятых на оборудовании, не отвечающем требованиям безопасности, — в 14,2 раза. В 2000 г. число работавших в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам, увеличилось на 6 %.

Неблагоприятное состояние условий труда проявляется также в потерях рабочего времени, связанных с профессиональными заболеваниями и травмами на производстве. В 2000 г. в экономике России по причине нетрудоспособности пострадавших на производстве было потеряно 4,3 млн чел.-дн.²⁰ В Мордовии в 2000 г. по сравнению с 1999 г. потери возросли в большинстве отраслей экономики (табл. 5).

Ущерб, нанесенный трудовому потенциалу в процессе его использования, выражается числом пострадавших от профессиональных болезней и несчастных случаев на производстве с выделением числа погибших и получивших инвалидность. В России в 2000 г. от профессиональных заболеваний (отравлений) пострадали 9,3 тыс. чел., от несчастных случаев на производстве — 152 тыс., из них 4,4 тыс. чел. погибли²¹.

Таблица 5

**Потери рабочего времени, связанные с нетрудоспособностью
пострадавших на производстве в Мордовии в 1999 — 2000 гг., чел.-дн.**

Отрасль	1999	2000
Экономика в целом	32 594	37 685
Промышленность	13 962	16 137
Сельское хозяйство	13 372	14 442
Лесное хозяйство	25	10
Транспорт	1 874	969
Связь	121	559
Строительство	1 590	3 110
Оптовая торговля продукцией производственно-технического назначения	46	191
Жилищно-коммунальное хозяйство	758	1 882
Здравоохранение	516	385

Составлена по: Состояние условий труда в экономике Мордовии : стат. сб. Саранск, 2000. С. 20 ; 2001. С. 22.

В Мордовии в этом году 56 работникам впервые был установлен диагноз профессионального заболевания, число пострадавших от несчастных случаев на производстве составило 1 173 чел., из них 25 чел. погибли²².

Важнейшим показателем эффективности занятости населения является производительность труда. Долгое время этот показатель был необоснованно забыт, исчез из официальной статистики, анализ и планирование производительности труда не проводились. Широкое распространение получило мнение, что в условиях рыночных отношений отпала необходимость в исследовании производительности труда, ибо рынок сам все сбалансирует.

Оценка динамики производительности труда в промышленности России с помощью индексов, рассчитанных путем соотнесения индексов промышленного производства и численности занятых, отражена в табл. 6.

Таблица 6

**Индексы производительности труда
в промышленности России в 1992 — 2000 гг., % к 1990 г.**

Показатель	1992	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Индекс промышленного производства	75,0	51,0	50,0	48,0	49,0	46,0	50,0	54,0
Индекс числа занятых	93,5	81,4	75,2	71,8	65,3	62,1	62,7	63,8
Индекс производительности труда	80,2	62,7	66,5	66,9	75,0	74,1	79,7	84,6

Составлена по: Социальное положение и уровень жизни населения России. С. 70 ; Россия в цифрах. С. 79, 177.

Как показывают данные табл. 6, производительность труда в промышленности России снижалась до 1995 г. В последующие годы она возросла, что было связано

с более быстрым сокращением числа занятых по сравнению с падением объемов производства. В 1998 г. из-за существенного уменьшения объемов производства и не адекватного этому изменения численности занятых в нем производительность труда вновь снизилась. По некоторым данным, в российской промышленности в 1998 г. она составляла немного более 12 % от ее уровня в США. В 1999 — 2000 гг. данный показатель в стране возрос на 14 %²³.

Производительность труда на малых предприятиях, как правило, ниже, чем на крупных и средних. Это характерно практически для всех стран. Например, в Великобритании в середине 1990-х гг. на долю малых и средних предприятий приходилось 36 % рабочей силы страны и 21 % внутреннего товарооборота, что соответствует относительной производительности труда (соотношение производительности труда в данной сфере и средней в экономике) 58 %. В Японии этот показатель был равен 67 %, Италии — 78, в США — 92 %. В России в 1999 г. он составлял 54 %²⁴.

Исследователи отмечали рост относительной производительности труда на крупных и средних российских предприятиях в 1990-е гг. и ее уменьшение в сфере малого бизнеса (табл. 7).

Таблица 7

Относительная производительность труда в различных сегментах экономики России в 1991 — 1999 гг., % от среднероссийского уровня

Показатель	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Малые предприятия	156	146	127	108	108	89	68	58	54
Крупные и средние предприятия	96	95	96	99	99	101	104	105	105

Составлена по: Балацкий Е., Потапова А. Малый и крупный бизнес: тенденции становления и специфика функционирования // Экономист. 2001. № 4. С. 47.

Падение производительности труда в промышленности Мордовии было более существенным, чем в России. В 1996 г. по сравнению с 1990 г. объемы производства и производительность труда были низкими. С ростом объемов производства стала увеличиваться и производительность труда работников (табл. 8).

Таблица 8

Индексы производительности труда в промышленности Мордовии в 1996 — 2000 гг., % к 1990 г.

Показатель	1996	1997	1998	1999	2000
Индекс промышленного производства	29,2	31,0	31,7	36,9	43,9
Индекс численности занятых	67,5	65,3	65,9	63,8	64,9
Индекс производительности труда	43,3	47,5	48,1	57,8	67,6

Составлена по: Мордовия : юбилейн. стат. сб. Саранск, 1999. С. 37 ; Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2001. С. 91 ; Труд и занятость в Мордовии. 2001. С. 30.

В 1990-е гг. в России распространенным явлением было использование рабочей силы, не соответствующее возможностям людей. Многие профессионально подго-

товленные специалисты были вынуждены заниматься трудом, не требующим высокой квалификации (уличная торговля, посредническая и охранный деятельность и т. п.). Неэффективное использование части рабочей силы (особенно это касается женщин) свидетельствует о несоответствии образовательной структуры работников распределению занятых по видам труда.

Косвенное подтверждение невысокой эффективности занятости населения — интенсивное выбытие персонала. Наиболее интенсивное выбытие кадров отмечалось в строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, непроизводственных видах бытового обслуживания населения, оптовой и розничной торговле, общественном питании, лесном хозяйстве (табл. 9).

Таблица 9

**Движение работников в отраслях экономики России
в 1999 — 2000 гг., % от среднесписочной численности**

Отрасль	Принято работников в течение года		Выбыло работников в течение года	
	1999	2000	1999	2000
Экономика в целом	24,2	26,9	24,5	27,8
Промышленность	27,4	30,1	27,0	29,5
Сельское хозяйство	18,3	20,3	21,8	26,3
Лесное хозяйство	34,8	36,1	33,2	36,6
Строительство	40,3	47,7	42,8	48,8
Транспорт	21,3	24,2	22,5	26,0
Связь	27,0	31,0	28,6	31,3
Оптовая и розничная торговля, общественное питание	33,7	39,0	35,8	40,5
ЖКХ, непроизводственные виды бытового обслуживания населения	37,2	41,4	36,4	42,1
Здравоохранение, физическая культура, социальное обеспечение	19,5	20,8	19,1	22,0
Образование	16,0	16,6	15,4	17,9
Культура и искусство	25,2	24,5	20,3	22,8
Наука и научное обслуживание	14,2	17,0	15,6	17,1
Финансы, кредит, страхование	17,3	20,5	21,1	21,3
Управление	13,9	15,1	11,6	13,2

Составлена по: Россия в цифрах. С. 89 — 90.

Интенсивность выбытия работающих в Мордовии была ниже, чем в России. Следует заметить, что в 1998 — 2000 гг. коэффициент выбытия имел более высокие значения, чем в период массовых увольнений в связи с сокращением кадров, что не может быть свидетельством улучшения условий организации и оплаты труда работников.

В 2000 г. наибольший отток кадров наблюдался в таких отраслях, как строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, непроизводственные виды бытового обслуживания населения, торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение, сбыт, заготовки (табл. 10).

Положительное значение мобильности работающих проявляется в обновлении кадрового состава предприятий и организаций, открывающейся возможности

Таблица 10

**Выбытие работников в отраслях экономики
Мордовии в 1993 — 2000 гг., % от среднесписочной численности**

Отрасль	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Экономика в целом	16,7	18,4	16,8	18,0	17,8	19,7	19,6	21,0
Промышленность	19,8	23,1	19,3	21,9	18,7	22,5	22,5	21,5
Сельское хозяйство	6,3	9,7	13,3	12,7	16,4	14,5	13,0	14,3
Транспорт*	22,6	26,6	19,8	19,5	23,4	24,3	21,5	18,0
Связь*							33,9	30,7
Строительство	45,5	32,9	30,0	31,7	29,4	42,0	40,8	60,5
Торговля, общественное питание, МТС, сбыт, заготовки	22,2	31,2	27,0	22,4	25,6	25,3	27,1	38,4
ЖКХ, непроизводствен- ные виды бытового обслуживания населения	16,5	19,7	18,9	23,4	33,2	31,9	35,7	40,9
Здравоохранение, физи- ческая культура, социаль- ное обеспечение	13,9	13,3	14,1	21,4	15,6	15,2	14,1	16,0
Образование*							11,3	11,8
Культура и искусство*	7,6	9,2	8,5	9,0	8,0	11,9	18,0	13,2
Наука и научное обслуживание*							22,6	24,6
Кредитование, финансы, страхование	9,8	9,7	14,7	16,6	10,9	15,7	18,1	14,4
Управление	9,9	8,4	9,7	10,5	10,8	11,6	8,1	9,9

Составлена по: Мордовия : юбилейн. стат. сб. С. 42 ; Труд и занятость в Мордовии. 2000. С. 34 ; 2001. С. 48.

* В 1993 — 1998 гг. эти сферы составляли одну отрасль.

развития и более полного использования трудового потенциала работников и выбора места работы, укреплении адаптационных возможностей человека и др.

Вместе с тем повышенная подвижность рабочей силы ведет к прямым экономическим потерям, утрате некоторых профессиональных и нравственных качеств, негативно сказывается на трудовом потенциале предприятий и организаций, микроклимате в коллективах и др. Положение, когда с предприятий ежегодно увольняется более трети работников, является неблагоприятным.

Следующий важный показатель, характеризующий эффективность занятости населения, — степень удовлетворенности работников своим трудом. Об этом можно судить по результатам социологических исследований, статистическим данным о масштабах перемещений работников в отраслях, а также забастовочного движения и связанных с ним потерях.

В 1990-е гг. забастовки в России были привычным явлением. Их пик пришелся на 1996 — 1998 гг. (табл. 11).

Ученые отмечали серьезные изменения в отношении людей к своему труду в 1990-е гг. — он в то время не играл ключевой роли в их жизни. В системе жизненных ценностей человека труд, по разным оценкам, занимал 5 — 8-е места. Результаты

обследования НИИ труда показали, что больше половины опрошенных считали работу второстепенной, для большинства она не являлась самостоятельной ценностью. Труд для них был не более чем условие существования, одна из многих форм жизнедеятельности²⁵.

Таблица 11

**Численность работников, вовлеченных в забастовки,
и неотработанное ими время в России в 1992 — 2000 гг.**

Показатель	1992	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Число предприятий и организаций, на которых проходили забастовки	6 273	514	8 856	8 278	17 007	11 162	7 285	817
Численность работников, вовлеченных в забастовки, тыс. чел.	357,6	155,3	489,4	663,9	887,3	530,8	238,4	31,0
Количество времени, не отработанного вовлеченными в забастовки работниками, тыс. чел.-дн.	1 893	755	1 367	4 009	6 000	2 881	1 827	236
в среднем на одно предприятие, чел.-дн.	302	1 469	154	484	353	258	251	289
Число неотработанных дней в среднем на одного участника забастовки	5,3	4,9	2,8	6,0	6,8	5,4	7,7	7,6

Составлена по: Россия в цифрах. С. 91.

Подводя итог, отметим, что в 1990-е гг. в социально-трудовой сфере России, в том числе в Мордовии, произошли существенные изменения, не всегда носившие позитивный характер. Развивающаяся нетрадиционная занятость снижала напряженность на региональных рынках труда, обеспечивала жизненными средствами значительное число людей. Однако она, как правило, характеризовалась незащищенностью и нерегулярностью.

В этот период большое число людей трудились в неблагоприятных условиях, из них значительную часть составляли женщины. Частота профессиональной заболеваемости и производственного травматизма оставалась высокой. Количество несчастных случаев возросло. Эффективность занятости населения была низкой. Широкое распространение получила неполная вынужденная занятость. Высоким был удельный вес работавших во вредных и опасных условиях труда. Экономика несла существенные потери, связанные с профессиональными заболеваниями и травмами на производстве.

Производительность труда в промышленности находилась на низком уровне: в России в 2000 г. по сравнению с 1990 г. она составила 85 %, в Мордовии — 68 %. Активизировалось перераспределение рабочей силы. С предприятий ряда отраслей ежегодно увольнялись более трети работников. Трудовая деятельность нередко прерывалась забастовками. Отмечалось ухудшение отношения работников к своему труду.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Экономика переходного периода : Очерки экон. политики посткоммунист. России 1991 — 1997. М., 1998. С. 834 ; Рынок труда и доходы населения. М., 1999. С. 38.
- ² См.: **Миляева Л.** Экономические стороны «скрытой» безработицы // Экономист. 2001. № 7. С. 51.
- ³ См.: Социальное положение и уровень жизни населения России : стат. сб. М., 2001. С. 70 ; Россия в цифрах : крат. стат. сб. М., 2001. С. 177.
- ⁴ См.: Экономика переходного периода. С. 865 — 866.
- ⁵ См.: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2000. С. 95 ; 2001. С. 90 ; Труд и занятость в Мордовии : стат. сб. Саранск, 2000. С. 25 ; 2001. С. 29.
- ⁶ См.: Труд и занятость в Мордовии. 1999. С. 38 — 39 ; 2000. С. 48 — 50 ; 2001. С. 51 — 53.
- ⁷ См.: Занятость маргинальных слоев в индустриальных странах. М., 1996. С. 39 ; Государственная и корпоративная политика занятости. М., 1998. С. 42 — 43.
- ⁸ См.: **Миляева Л.** Скрытая безработица: феномен, анализ, последствия. М., 1998 ; Экономические стороны «скрытой» безработицы.
- ⁹ См.: Государственная и корпоративная политика занятости.
- ¹⁰ См.: **Суляян В.** Сфера труда в США: новые тенденции и вызовы XXI в. // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 3. С. 98 — 100.
- ¹¹ См.: Экономика переходного периода.
- ¹² См.: **Симагин Ю.** Об оценках масштабов дополнительной занятости населения // Вопр. экономики. 1998. № 1. С. 99.
- ¹³ См.: Материалы научно-практической конференции «Человек: социальная политика, социальное партнерство». М., 1997. С. 23.
- ¹⁴ Труд и занятость в Мордовии.
- ¹⁵ См.: **Пономаренко А.** Что означает статистический термин «теневая экономика» и как она отражается в национальных счетах // Вопр. статистики. 1995. № 6. С. 3 — 7.
- ¹⁶ См.: **Шмелев Н.** Неплатежи — проблема номер один российской экономики // Вопр. экономики. 1997. № 4. С. 29 ; **Яковлев А., Воронцова О.** Методические подходы к оценке величины неучтенного наличного оборота // Там же. № 9. С. 15.
- ¹⁷ См.: Федеральная целевая программа содействия занятости населения Российской Федерации на 1998 — 2000 гг. // Рос. газ. 1998. 12 сент.
- ¹⁸ См.: Труд и занятость в Мордовии.
- ¹⁹ См.: Россия в цифрах.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² См.: Труд и занятость в Мордовии.
- ²³ См.: **Кудров В.** Производительность труда в промышленности России, США, Германии, Франции и Великобритании // Вопр. экономики. 1999. № 8. С. 121.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: Рынок труда и доходы населения. С. 120.

Поступила 28.04.2011г.

УДК 94:332.8

И. Г. Кильдюшкина, В. А. Ломшин

I. G. Kildyushkina, V. A. Lomshin

РЕАЛИЗАЦИЯ НОВОЙ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг.

REALIZATION OF NEW HOUSING POLICY OF THE STATE AT THE REGIONAL LEVEL IN THE FIRST HALF OF THE 1990s

Ключевые слова: жилищная сфера, современная жилищная политика, решение жилищных вопросов, формирование жилищного рынка, специфика региональной жилищной экономики, формирование рынка доступного жилья, обеспечение комфортных условий проживания граждан.

В статье дается характеристика особенностей выбранной модели реформирования ЖКХ и ее осуществление в республике, предлагаются основные направления государственной жилищной политики на современном этапе с преломлением их на региональном уровне.

Key words: housing sphere, modern housing policy, resolution of housings, the formation of housing market, the specific character of regional housing economy, the formation of the market for accessible dwelling, providing with comfortable living conditions of citizens.

The characteristic features of the chosen model for reformation of housing and communal services and its implementation in the republic are given in the paper, the main tendencies of state housing policy at the modern stage with their interpretation to the regional level are proposed as well.

Специфика выбранной модели реформирования ЖКХ и ее реализация в Республике Мордовия

ЖКХ — это не только сложный производственный и технологический комплекс в экономике республики, но и один из основных показателей развития социальной сферы. Оценивая ЖКХ Мордовии в условиях реформирования во второй половине 1980-х — середине 1990-х гг., подчеркнем, что социальная сфера оказалась наиболее уязвимым звеном региональной экономики. Происходившие здесь трансформации, начавшиеся еще в советский период, болезненно сказались на жизни людей по причине коренного изменения качества их жизни. В социальной сфере россиян наиболее отчетливо проявилась цена реформ.

В то же время в этот период в республике наблюдались определенные тенденции развития отрасли. В ней была сосредоточена четвертая часть основных фондов региона, в том числе жилой фонд, энергетическое хозяйство, сети водоснабжения и т. д. В ее систему входили гостиницы, бани, прачечные, службы ритуальных услуг, предприятия по благоустройству и озеленению, дорожно-мостового обслуживания и санитарной очистки населенных пунктов¹. Ежегодно население Мордовии

получало в среднем 400 — 450 тыс. м² благоустроенного жилья (в 1940-е гг. столько составлял весь городской жилой фонд). Средняя обеспеченность общей площадью жилья на 1 чел. увеличилась с 5,0 (1945 г.) до 18,6 м² (середина 1990-х гг.)².

Массовая газификация объектов народного хозяйства и жилого фонда проходила в республике в 1984 — 1995 гг. и завершилась прокладкой газопроводов «Уренгой — Помары — Ужгород» и «Уренгой — Ямал — Центр», пролегающих по ее территории³.

В целом советский период развития регионального ЖКХ отличает тенденция к росту общей (полезной) площади жилищного фонда: в Мордовии в конце 1985 г. она составляла 14,6 млн м², в 1990 г. — 16,7 млн м². Соответственно увеличилась и средняя площадь жилья на 1 жителя республики: с 15,2 до 17,2 м²⁴. В 1985 г. было построено и введено в действие жилых домов общей площадью 456,7 тыс. м², в том числе государственными и кооперативными предприятиями и организациями — 335,4 тыс., колхозами — 80,4 тыс., населением за свой счет и с помощью государственного кредита — 40,9 тыс. м². Организации АПК построили и ввели в строй 185,8 тыс. м²⁵. Всего в 1985 г. было сдано в эксплуатацию 7 353 квартиры, в том числе государственными и кооперативными предприятиями и организациями — 5 685, колхозами — 1 068, индивидуально (работниками АПК) — 499 квартир⁶. В 1986 — 1990 гг. было введено в действие 2 459,1 тыс. м² жилых домов (при плане 2 372,2 тыс. м²), что составило 102 % к 1985 г.⁷

Однако на характер развития направлений в жилищном строительстве к 1991 г. (уменьшение объемов вводимого жилья на 23,5 %) существенное влияние оказало значительное снижение инвестиционной активности во всех сферах экономики региона. Впоследствии при резком сокращении финансовых возможностей инвесторов, нарастающей несбалансированности капитальных вложений с материально-техническими ресурсами в результате стремительного роста оптовых и договорных цен (и последующей их либерализации) на строительные материалы и оборудование это привело к поиску путей выхода из кризиса в капитальном строительстве посредством привлечения в него частного капитала и иностранных инвестиций.

Кроме того, в числе основных проблем в региональной жилищной политике и развитии общественной инфраструктуры в Мордовии также выделились снижение бюджетных ассигнований на содержание ЖКХ; износ жилищного фонда, жилищной инфраструктуры и основных фондов; низкие темпы строительства нового жилья. В дальнейшем их разрешение предпринималось, в том числе за счет развития ипотечного кредитования и реформирования ЖКХ.

Жилищный фонд Мордовии в конце 1990 г. составил 16 364,6 тыс. м², в том числе частный — 8 894,2 тыс. м² (из него в собственности граждан находилось 7 452,1 тыс. м²), государственный — 4 445,4 тыс., муниципальный — 3 022,9 тыс., общественный — 2,1 тыс. м². Коллективный жилищный фонд отсутствовал. В среднем на 1 жителя республики приходилось 16,9 м² (в том числе на проживающего в городской местности — 15,3 м² и в сельской — 19,2 м²). В 1994 г. в городской местности насчитывалось 8 462,9 тыс. м² жилищного фонда, в сельской — 7 901,7 тыс. м²⁸.

Тенденция медленного роста жилой площади (в 1993 г. по сравнению с 1992 г. на 1 % и с 1990 г. — на 4 %) одновременно сопровождалась структурными изменениями внутри различных собственников жилья. В 1993 г. увеличились только 2 сектора —

муниципальный (по сравнению с 1992 г. на 13,3 % и с 1990 г. — на 19,2 %) и индивидуальный (соответственно на 9,4 и 13,5 %)⁹.

Сектор общественного жилья после резкого увеличения в 1992 г. (по сравнению с 1990 г. на 375 %) вернулся к состоянию 1990 г., составив к предыдущему году 26,9 %. В 1993 г. по сравнению с 1992 г. колхозное жилье снизилось до 69,7 %, ведомственное — до 76,7 %. Государственное жилье в этом году по сравнению с аналогичными показателями 1992 г. составило 91,4 %, жилье жилищно-строительных кооперативов — 90,1 (его уменьшение составило 10 %). Все это было обусловлено происшедшими трансформациями в экономике, развитием рыночных условий хозяйствования, перераспределением собственности и т. д.¹⁰

Критическая ситуация в жилищном строительстве выделялась даже на фоне общего падения производства в экономике, увеличивая социальную напряженность. Развитие жилищного строительства в 1992 г. характеризовалось углублением общего спада объемов вводимого жилья. Падение инвестиционной активности привело к дальнейшему сокращению производства в промышленности строительных материалов. Необходимость решения данных проблем обусловила реальные предпосылки активизации инвестиционной деятельности в регионе. Стимулирование инвестиционных процессов в 1993 г. было связано с невключением в налогооблагаемую базу части прибыли организаций, направленной на развитие и модернизацию производства, а также на строительство и реконструкцию объектов социальной сферы. В результате с этого года начал отмечаться некоторый подъем активности в жилищно-гражданском строительстве, в частности в строительстве за счет личных средств населения. В связи с оживлением жилищного строительства в меньшей степени снизилось также производство материалов и изделий общестроительного применения.

Однако продолжившийся в 1994 г. общий производственный спад в региональной экономике сопровождался структурной переориентацией инвесторов, которые стали определять инвестиционную политику в пользу непромышленной сферы, и прежде всего жилищного строительства, где сроки окупаемости и оборачиваемости финансовых средств были значительно меньше, чем в производстве. Частный капитал постепенно начал формировать инвестиционный рынок не только в жилищном, но и в социально-культурном строительстве. Следует отметить, что в это время особенно интенсивно стала развиваться частнопредпринимательская деятельность в строительстве рекреационных объектов.

Строительный комплекс, находившийся в кризисном состоянии, требовал радикальных мер по его оздоровлению. Изменения были необходимы не только в системе и методах государственного регулирования развития строительной отрасли, но и в совершенствовании внутрифирменного управления.

ЖКХ, содержавшееся ранее в основном за счет государственных дотаций, в связи с их сокращением и либерализацией цен также оказалось в критическом положении. В результате конкретных мер, принимаемых Правительством Республики Мордовия в строительной отрасли, ставились задачи по обеспечению качественных сдвигов в улучшении уровня жизни населения. Одним из перспективных направлений деятельности строительного комплекса стало жилищное строительство. В условиях кризиса спрос на недвижимость при наличии государственных гарантий имел тенденцию к повышению.

Состояние жилищного фонда в Мордовии на конец 1994 г. характеризовалось следующими данными: общая площадь составляла 17 750,7 тыс. м² (без централизованных фондов, равных 250 тыс. м²), жилая — 12 434,0 тыс. м², количество проживающих — 962,7 тыс. чел. В частном секторе находилось 10 332,2 тыс. м², из него в собственности граждан — 8 446,6 тыс. м². Государственный жилой фонд составлял 2 280,9 тыс. м², муниципальный — 3 918,9 тыс., общественный — 11,4 тыс., коллективный — 1 007,6 тыс. м². На каждого человека приходилось в среднем 18,3 м² общей площади (в том числе на проживающего в городе — 16,7 м², в сельской местности — 20,5 м²), 12,9 м² — жилой¹¹.

На 1 января 1994 г. в республике находилось в эксплуатации 161,7 тыс. м² ветхого и аварийного жилья (1 % от всего жилого фонда), из него 110,7 тыс. м² (68 %) — в индивидуальном жилом фонде. На этой площади проживали 4 446 чел.¹²

Тенденции развития строительной индустрии в Мордовии в 1995 — 1996 гг. характеризуют следующие показатели: в 1995 г. насчитывалось 620 строительных организаций, в том числе с численностью работников до 100 чел. 414, в 1996 г. — соответственно 553 и 339; в 1995 г. инвестиции на развитие производственной базы строительных организаций составили 37,0 млн руб. (в фактически действовавших ценах, или 9,2 % от общего объема инвестиций производственного назначения), в 1996 г. — соответственно 78,9 и 11,9; в 1995 г. было построено 149,1 тыс. м² общей площади, в том числе 42,9 тыс. м² населением за свой счет и с помощью кредитов (или 28,8 % от общего ввода жилья), в 1996 г. — соответственно 162,6, 58,2 и 35,8¹³ (данный показатель в районах отражен в табл. 1).

Динамика ввода в строй действующих жилых домов индивидуального строительства в Мордовии представлена в табл. 2.

Активное вложение населением средств в жилищное строительство заключалось в том числе в повышении доли сбережений. Оно обуславливалось замедлением темпов инфляции, а также проведением комплекса мер по привлечению этих средств — повышением процентов по банковским вкладам, введением новых их видов. Однако сокращение государственных вложений в социально-гражданское строительство в целом не компенсировалось возрастающей инвестиционной активностью частного капитала и предприимчивостью индивидуальных застройщиков.

Таблица 1
Ввод в действие жилых домов в районах Мордовии и г. Саранске в 1996 — 1997 гг., м² общей площади

Район	1996	1997
Ардатовский	3 112	3 919
Атюрьевский	2 166	1 670
Атяшевский	1 516	4 615
Большеберезниковский	3 430	1 456
Большеигнатовский	2 500	2 650
Дубенский	4 180	4 310
Ельниковский	1 514	1 910
Зубово-Полянский	12 060	11 062
Инсарский	5 638	1 848
Ичалковский	2 406	2 686
Кадошкинский	1 668	796
Ковылкинский	9 347	10 343
Кочкуровский	4 620	2 559
Краснослободский	8 142	10 521
Лямбирский	4 791	8 533
Ромодановский	6 927	4 340
Рузаевский	11 979	15 159
Старошайговский	2 875	2 118
Темниковский	4 482	2 031
Теньгушевский	1 575	2 094
Торбеевский	2 974	7 636
Чамзинский	2 894	2 663
г. Саранск	61 850	62 940

Составлена по: Мордовия 1999 : стат. ежегодник. Саранск, 2000. С. 216 ; Архивы министерств экономики и жилищно-коммунального хозяйства Мордовии.

Местные органы власти и управления, объединяя усилия предприятий и организаций, фондов амортизационных отчислений, инвестиционных фондов, частных лиц, а также кредиты и рынок ценных бумаг, становились основными инвесторами на своей территории. Тем не менее из-за резкого сокращения объемов инвестиций в развитие производственной базы строительного комплекса замедлились структурные и технические преобразования действующих производств, обострилась проблема его технологической отсталости и конкурентоспособности продукции. Технический уровень развития промышленности строительных материалов и стройиндустрии значительно отставал от мирового. В общем объеме промышленной продукции по-прежнему большой удельный вес занимали традиционные строительные материалы и изделия. Эксплуатируемое оборудование и технологические линии характеризовались высокой металло- и энергоемкостью. Особенно тяжелое положение сложилось в производстве цемента, стеновых теплоизоляционных, кровельных и других строительных ресурсов. Отставание технического перевооружения синнергировалось низким качеством строительных материалов, их неконкурентоспособностью с импортируемым сырьем.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами императивом структурной перестройки производственной базы строительства в Мордовии на 2000-е гг. являлись: создание организационных, экономических и правовых предпосылок для последовательного изменения структуры строительных материалов и конструкций для жилищного строительства; расширение ассортимента эффективных и экологически чистых строительных материалов, изделий и конструкций; уменьшение материал-, энерго- и трудоемкости производимых строительных материалов, изделий и конструкций; сокращение сроков возведения зданий и снижение расходов, связанных с их эксплуатацией.

Во время реконструкции и технологического перевооружения предприятий полносборного домостроения их мощности намечалось перепрофилировать на

Таблица 2

Ввод в действие жилых домов индивидуальными застройщиками в районах Мордовии и г. Саранске в 1995 — 1997 гг., м² общей площади

Район	1995	1996	1997
Ардатовский	1 685	1 727	2 554
Атюрьевский	900	1 600	1 670
Атяшевский	4 181	1 063	2 801
Большеберезниковский	850	600	805
Большеегнатовский	1 180	1 110	2 100
Дубенский	2 654	4 100	3 790
Ельниковский	960	1 190	1 910
Зубово-Полянский	6 875	7 228	8 024
Инсарский	1 583	1 066	1 422
Ичалковский	1 567	2 306	1 503
Кадошкинский	344	502	560
Ковылкинский	1 600	2 398	2 469
Кочкуровский	661	3 305	1 418
Краснослободский	2 098	3 137	4 025
Лямбирский	3 023	3 656	5 162
Ромодановский	770	1 335	1 705
Рузаевский	2 659	3 192	3 049
Старошайговский	627	1 833	1 946
Темниковский	861	1 482	1 767
Теньгушевский	437	800	700
Торбеевский	1 728	2 649	2 818
Чамзинский	1 744	1 106	989
г. Саранск	3 961	10 856	17 083

Составлена по: Статистический ежегодник Республики Мордовия. Саранск, 1995. С. 155; Мордовия 1999; Архивы министерств экономики и жилищно-коммунального хозяйства Мордовии.

производство эффективных изделий для возведения домов по комбинированным (смешанным) системам, средне- и малоэтажных домов и коттеджей. Механизм реализации стоящих целей включал в себя финансовое и ресурсное обеспечение, организацию строительства объектов и производственных мощностей, проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Для реализации структурной перестройки производственной базы жилищного строительства, повышения ее эффективности требовалось прежде всего увеличение объемов инвестиций. Основными источниками финансирования строительства объектов, на которых создавались мощности по производству продукции, отвечающей целям и приоритетам структурных преобразований, выступали централизованные инвестиции на основе возвратных и платных принципов; амортизационные отчисления предприятий промстройматериалов и стройиндустрии; средства, полученные от продажи акций приватизированных предприятий; средства финансово-банковских структур и предприятий промстройматериалов, стройиндустрии и других отраслей при реализации финансового лизинга; средства финансово-промышленных групп.

На капитальное строительство, как и на другие отрасли, негативно влиял общий спад промышленного производства. Поэтому Правительством Республики Мордовия был сделан акцент на структурную перестройку отрасли, повышение эффективности капстроительства в новых экономических условиях. Инструментом ее осуществления были эффективные инвестиционные проекты и программы, исходящие из реальных возможностей как внутри республики, так и с учетом интеграции в рынок России. В плане действий правительства предусматривалась система мероприятий по наиболее важным тенденциям капитального строительства. В частности, в рамках программы «Жилище» были определены мероприятия, призванные выполнить цели и задачи развития жилищного строительства. При формировании комплекса действий эта проблема рассматривается в общей системе социально-экономического развития республики.

В Мордовии существует явное неудовлетворение потребности населения, состоящего на учете по улучшению жилищных условий. Так, в конце 1995 г. на учете по получению жилья состояло 56 619 семей, из них 2 720 семей получили жилье (4,7 % от общего числа нуждавшихся). На улучшение жилищных условий подали заявления 4 584 молодые семьи. Из них удовлетворено лишь 11,4 % заявлений, причем из 1 238 заявлений 9,5 % были от многодетных семей. Всего за период с 1992 по 1995 г. было введено в действие 864,8 тыс. м² общей жилой площади¹⁴.

Общие прогнозы строительства жилья исходили из достигнутого уровня и заданий (мероприятий) федеральной программы «Жилище» на 1993 — 1995 гг. и на период до 2000 г. В соответствии с ней государственная забота о переселенцах, беженцах, демобилизованных из армии, чернобыльцах и других группах населения, относившихся к категории нуждающихся в обеспечении жилья, проводилась с учетом количества этих лиц и расселения их по районам республики. Так, по программе «Обеспечение жильем военнослужащих, состоящих на военной службе и уволенных в запас или отставку, сотрудников органов внутренних дел, а также членов их семей (1993 — 1995-е гг.)» в 1993 г. было построено 1,2 тыс. м², 1994 г. — 8,7 тыс. и в 1995 г. — 20 тыс. м². Объемы финансирования в действовавших ценах соответствующего года составили: в 1993 г. — 2 116 млн руб., 1994 г. — 7 753 млн и в 1995 г. — 14 000 млн руб. Только в 1995 г. было запланировано обеспечить жильем

250 семей военнослужащих и 83 семьи участников афганской войны. В очереди на получение жилья в республике на 1 января 1995 г. состояло 500 семей уволенных в запас и 734 семьи участников афганской войны.

На 1 января 1995 г. в очереди на улучшение жилищных условий состояло 115 семей участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Большинство из них являлись инвалидами. Для обеспечения очередников необходимо было построить 7 тыс. м² жилья. Так, по федеральной программе «Жилье — ликвидаторам» в 1995 г. предусматривалось возвести 1,7 тыс. м² жилья для 28 семей, 1996 г. — 2,3 тыс. для 38 семей и в 1997 г. — 3 тыс. м² для 49 семей. Финансирование предполагалось произвести из федерального (40 %) и республиканского (60 %) бюджетов. Сумма финансирования в ценах 1996 г. составила 13 230 млн руб.

Кроме того, на начало 1995 г. в республике насчитывалось 2 975 беженцев и вынужденных переселенцев, из них 44 семьи были направлены для работы на сельскохозяйственные предприятия. Часть районов вследствие острого недостатка рабочей силы предусматривала прием указанной категории лиц с последующим возведением для них жилья. Так, в Краснослободском районе планировалось расселение 30 семей, на что требовалось 2,5 млрд руб. для строительства 30 квартир. В Кадошкинском районе для беженцев требовалось построить 30 домов (в селах Высокое, Картлей, Сиалеевский Майдан), Инсарском — 4 квартиры, Большеигнатовском — 25 квартир и в Старошайговском районе — 5 квартир.

С учетом объемов жилищного строительства, выполненных в 1992 — 1994 гг., прогнозировались показатели на период до 2000 г. по вводу в эксплуатацию жилых домов по видам стройматериалов и этажности, степени (доли) участия различных источников финансирования.

По мере проведения рыночных реформ происходило увеличение объемов жилищного строительства, осуществляемого организациями негосударственных форм собственности республики (табл. 3).

Таблица 3

Ввод в действие жилых домов в Мордовии в 1992 — 1996 гг., тыс. м² общей площади

Показатель	1992	1993	1994	1995	1996
Введено жилых домов, всего	238,2	288,0	189,5	149,1	162,4
В том числе:					
государственными предприятиями и организациями	146,3	72,3	33,8	24,2	44,9
негосударственными предприятиями и организациями	44,7	156,8	106,7	82,0	59,5
населением за свой счет и с помощью государственного кредита	47,2	58,9	49,0	42,9	58,0

Составлена по: Архивы министерств экономики и жилищно-коммунального хозяйства Мордовии.

Следовательно, существенно изменилась и структура жилищного фонда (табл. 4).

В Мордовии сохранялась довольно устойчивая тенденция увеличения строительства частного жилья населением за свой счет и с привлечением кредита. Если в 1992 г. доля ввода жилья за счет средств населения составила 19,8 % в общем объеме ввода жилой площади, то в 1997 г. — 41,9 %. При общей стабилизации макроэкономических процессов строительство жилья государственными предприятиями в 1997 г.

Таблица 4

Структура жилищного фонда в Мордовии в 1991 — 1995 гг., на конец года, тыс. м²

Показатель	1991	1992	1993	1994	1995
Жилищный фонд, всего	16 690,8	16 934,7	17 081,9	17 550,7	17 803,1
В том числе:					
частный	8 993,1	9 203,6	9 988,9	10 332,2	10 770,4
из него в собственности граждан	7 492,3	7 733,3	8 458,7	8 446,6	8 802,1
государственный	4 581,1	4 543,3	3 404,6	2 280,9	1 917,3
муниципальный	3 109,4	3 180,0	3 602,2	3 918,9	4 432,9
общественный	7,2	7,8	2,1	11,4	9,6
коллективный	—	—	85,0	1 007,3	672,9
В среднем на 1 жителя, м ²	17,3	17,6	17,8	18,3	18,6
Городской жилищный фонд, всего	8 701,5	8 938,9	9 034,7	9 344,8	9 539,0
В том числе:					
частный	2 393,8	2 599,9	3 142,9	3 387,8	3 799,3
из него в собственности граждан	1 628,3	1 820,8	2 367,9	2 284,5	2 572,5
государственный	3 318,8	3 280,6	2 418,7	1 319,6	1 000,7
муниципальный	2 981,7	3 050,6	3 413,5	3 688,0	4 118,5
общественный	7,2	7,8	2,1	10,1	9,6
коллективный	—	—	57,5	939,3	610,9
В среднем на 1 жителя, м ²	15,7	16,0	16,2	16,7	17,1
Сельский жилищный фонд, всего	7 989,3	7 995,9	8 047,2	8 205,9	8 264,1
В том числе:					
частный	6 599,4	6 603,7	6 845,1	6 944,4	6 971,1
из него в собственности граждан	5 864,0	5 912,5	6 090,8	6 162,1	6 229,6
государственный	1 262,3	1 262,8	985,9	961,3	916,6
муниципальный	127,6	129,4	188,7	230,9	314,4
общественный	—	—	—	1,3	—
коллективный	—	—	27,5	68,0	62,0
В среднем на 1 жителя, м ²	19,6	19,7	19,9	20,5	20,8

Составлена по: Архивы министерств экономики и жилищно-коммунального хозяйства Мордовии.

достигло критически низких величин. Доля жилья государственной формы собственности в общем объеме введенных в действие жилых домов в этом году составила 17,0 %, в 1992 г. — 61,4 %.

Немаловажными факторами снижения мотивации жителей к сбережению собственных денежных средств в организованной форме стали низкий уровень доходов основной части населения республики, сохранение высокой задолженности по выплате заработной платы и социальным трансфертам, снижение доверия населения к банковским и финансовым организациям. Несмотря на достаточно высокую склонность жителей к сбережению, оно осуществлялось в формах, не позволявших использовать сберегаемые средства для инвестиций. Ограниченность платежеспособного спроса привела к сокращению объема продаж готового жилья. Финансовое состояние строительных организаций также резко ухудшилось вследствие роста расходов на консервацию и содержание готовых объектов.

Обеспеченность жилищного фонда коммунальными удобствами на 1 января 1995 г. в городской и сельской местностях составила соответственно: водопроводом — 80,0 и 27,2 %; канализацией — 75,6 и 13,4; центральным отоплением —

84,9 и 11,3; ваннами (душем) — 70,5 и 7,9; газом (включая сжиженный) — 95,1 и 70,8; горячим водоснабжением — 58,6 и 3,4; напольными электрическими плитами — 2,8 и 0,2 %. Развитие коммунального строительства подтверждалось планомерным и целенаправленным благоустройством городов и сельских населенных пунктов. Все 7 городов республики были снабжены сетевым и сжиженным газом.

Оценивая состояние жилищной сферы республики в первой половине 1990-х гг., отметим спад в строительстве и инвестировании жилья, особенно характерный для периода до 1995 г. Динамика увеличения ввода жилья с 1996 г., в том числе индивидуальными застройщиками, содействовала развитию регионального рынка жилья и внедрению новых эффективных форм инвестирования в жилищное строительство.

В числе отрицательных факторов сферы жилищного финансирования в 1992 — 1993 гг., способствовавших принятию на федеральном и региональном уровнях новой стратегии в жилищной политике и позиционированию коммерческими банками их собственного места в данной сфере, выделим следующие: снижающиеся объемы бюджетных средств, направляемых в жилищный сектор и их крайне неэффективное использование; высокие и нестабильные темпы инфляции, а также рост процентных ставок по кредитам; высокий кредитный риск при долгосрочном жилищном кредитовании в связи с несовершенством законодательной базы (невозможность взыскания с заемщика и его выселения из заложенного жилья); неготовность банков к предоставлению долгосрочных жилищных кредитов под залог жилья; наличие различных квазиипотечных форм обеспечения жильем (аренда с правом последующего выкупа); низкая доступность жилья и отрицательные ставки процентов по депозитам, которые усложняют процедуру приобретения жилья за наличные средства или делают ее невозможной, а также накопление необходимых для этого средств группами населения со средними доходами.

Приоритетные направления политики Правительства Российской Федерации в сфере жилищного финансирования на региональном уровне

Обобщая факторы развития жилищной сферы и системы ЖКХ Мордовии в период их реформирования в первой половине 1990-х гг., можно констатировать неоднозначные тенденции, которые отражали как положительные, так и отрицательные явления. При этом основными, определяющими остроту жилищной проблемы в регионе, явились: *в инвестиционно-строительной сфере*: замедление темпов роста инвестиций в основной капитал и объемов подрядных работ; неэффективная технологическая структура инвестиций; *в сфере жилищного строительства*: значительные объемы незавершенного строительства (сопоставимые с показателями ввода жилой площади); низкое качество строительных работ, детерминированное дефицитом квалифицированных кадров и старением производственно-технической базы предприятий отрасли; высокая стоимость возводимого жилья, обусловленная низкой эффективностью функционирования строительного комплекса; *в отношении жилищного фонда*: недостаток жилых помещений для удовлетворения социальных потребностей населения (очередников); незначительный годовой

ввод жилья для обеспечения его воспроизводства в связи с износом; несоответствие структуры жилого фонда по типоразмерам квартир существующей структуре семей и их потребностям; низкий уровень качественных характеристик квартир (благоустроенность, площадь и т. д.); *в отношении денежных доходов населения*: низкий уровень среднедушевых доходов населения; высокая дифференциация населения по уровню доходов.

Перечисленные обстоятельства определили направления новой политики Правительства Российской Федерации в сфере жилищного финансирования на региональном уровне:

- разработка новой законодательной базы для развития долгосрочного жилищного кредитования;
- развитие рыночной системы финансирования строительства;
- привлечение средств частных инвесторов в жилищную сферу.

Среди комплекса задач, связанных с развитием ЖКХ, выделим 3 основных фактора, определивших постепенный подход к реформе в этой области.

Во-первых, принятие Верховным Советом Российской Федерации в конце 1991 г. Постановления «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» способствовало передаче государственного жилищного фонда с соответствующими объектами инженерной инфраструктуры, а также жилищно-эксплуатационных и ремонтно-строительных организаций в муниципальную собственность.

Впоследствии ряд нормативных актов закрепил передачу ведомственного жилищного фонда приватизированных предприятий в собственность муниципалитетов, который собственно и создал базу для сосредоточения решений, касающихся жилищного фонда, на местном уровне. В целом это привело к разрушению централизованной вертикали управления ЖКХ и появлению многообразных вариантов управленческих структур в этой сфере на местах. Типичной формой управления стали созданные крупные муниципальные предприятия по обслуживанию жилья (жилищные тресты), деятельность которых подвергалась относительно непритязательному контролю со стороны городской администрации. Фактически они совмещали функции заказчика и подрядчика по определению плана работ, сбору денег с населения и получению дотаций из местного бюджета. При этом такие предприятия не несли особой ответственности ни перед собственником жилищного фонда — муниципалитетом, ни перед непосредственными потребителями. Очень часто возникала иерархия подобных организаций с недостаточно ясным распределением на различных уровнях.

Для сферы коммунальных услуг было характерно образование муниципальных предприятий «Водоканал» и «Теплосеть», отвечающих за обеспечение потребителей водой и теплом и включающих в себя как местные мощности по производству данных услуг, так и распределительные сети. Подобная структура отличалась громоздкостью, многозвенностью, нерациональным распределением прав и обязанностей между различными органами и сохранением высокого уровня монополизации жилищно-коммунальной сферы. Отсюда вопросы управления и другие аспекты функциониро-

вания жилищного сектора во многом определялись на местах, хотя жилищная политика была сферой более высокого уровня (Федерации), чем муниципальный сектор. Однако поскольку не было найдено адекватных рычагов воздействия со стороны Федерации на решения муниципального уровня, жилищные реформы по темпам осуществления и выбору приоритетов носили существенный отпечаток местных особенностей.

Во-вторых, с 1 января 1992 г. при проведении масштабной либерализации цен было принято решение не затрагивать уровень тарифов на жилищно-коммунальные услуги для населения. Фактически они продолжали оставаться на уровне 1928 г., когда квартирная плата за 1 м² площади составляла 13,2 — 16,5 коп. в месяц. Это означало замедление формирования механизмов финансирования жилищных и коммунальных услуг за счет потребителей с целью создания у них мотивации для осуществления быстрых институциональных изменений в этой сфере. Кроме того, в период адаптации ценовых и финансовых пропорций к новым условиям в 1992 — 1993 гг. уровень покрытия затрат ЖКХ за счет населения резко снизился, упав почти до нуля.

В-третьих, радикальным преобразованиям в жилищной сфере препятствовал принятый порядок приватизации жилья. Законодательство России в этой области исходило из принципа фактически бесплатной приватизации на добровольных началах и с неограниченным сроком ее проведения. Собственники приватизированных квартир не обременялись обязательствами по управлению комплексом недвижимости (зданием), в котором находилась их квартира. В связи с этим темпы преобразований отношений собственности в жилищном фонде по механизмам управления и обслуживания жилья оказались в жесткой зависимости от желания владельцев приватизированных квартир образовывать товарищества собственников жилья (кондоминиумы) и принимать места общего пользования в общедолевую собственность. В противном случае здание сохранялось в муниципальной собственности даже при значительной части приватизированных квартир в нем. Любые другие варианты преобразования отношений собственности на существующие муниципальные здания блокировались бессрочным правом жильцов на приватизацию своих квартир.

Процесс приватизации затронул в основном формирование рынка жилья, коренным образом не влияя на организацию управления и обслуживания жилищного фонда. Поэтому механизмы предоставления жилищно-коммунальных услуг и их оплаты, а также роль жильцов при этом были абсолютно равными как в доме со 100 %-й приватизацией квартир, так и в доме, где данный процесс не коснулся квартиросъемщиков. Между тем основные подходы по реформе ЖКХ определились с декабря 1992 г., когда вступил в силу Закон Российской Федерации «Об основах федеральной жилищной политики» с его конкретизацией в ряде нормативных актов 1993 г. В их число вошли указы Президента Российской Федерации № 8 от 10 января 1993 г. «Об использовании объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения приватизируемых предприятий» и № 2275 от 23 сентября 1993 г. «О временном положении о кондоминиумах», Постановления Правительства Российской Федерации № 935 от 22 сентября 1993 г. «О переходе на новую систему оплаты жилья и коммунальных услуг и порядке предоставления гражданам компенсаций (субсидий) при оплате жилья и коммунальных услуг», № 1325 от 23 декабря 1993 г.

«О финансировании объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения, передаваемых в ведение местных органов исполнительной власти при приватизации предприятий» и № 1329 от 23 декабря 1993 г. «О дополнении к Постановлению Совета министров — Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 935» и др.

Заложенная в настоящих документах концепция реформирования ЖКХ впоследствии не пересматривалась, а новые решения в этой области лишь незначительно видоизменили исходные подходы (Постановление Правительства Российской Федерации № 235 от 7 марта 1995 г. «О порядке передачи объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения федеральной собственности в государственную собственность субъектов Российской Федерации и муниципальную собственность», Указ Президента Российской Федерации № 432 от 29 марта 1996 г. «О развитии конкуренции при предоставлении услуг по эксплуатации и ремонту государственного и муниципального жилищных фондов», Закон Российской Федерации № 72-ФЗ от 15 июня 1996 г. «О товариществах собственников жилья», Постановление Правительства Российской Федерации № 707 от 18 июня 1996 г. «Об упорядочении системы оплаты жилья и коммунальных услуг»). В частности, в области оплаты жилья и коммунальных услуг была принята стратегия ее постепенного повышения с созданием системы социальной поддержки малообеспеченных семей в городах, не способных по своему уровню дохода оплачивать установленную долю расходов на жилищно-коммунальные услуги. Механизм предоставления жилищных субсидий исходил из их добровольно-заявительного и адресного характера. Выдача субсидий предполагалась в случае, если расходы семьи на жилищно-коммунальные услуги превышали нормативно-установленную долю в семейном доходе и исходя из социальной нормы площади жилья, утвержденной в данном регионе.

В России с 1994 по 1998 г. намечалось первоначальное доведение уровня покрытия затрат за счет населения с 15 до 100 % в соответствии с Графиком перехода на новую систему оплаты жилья и коммунальных услуг населением в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 сентября 1993 г. Он отражал предельный уровень затрат на содержание жилья и коммунальные услуги, покрываемый платежами населения и максимально допустимой долей расходов на жилищно-коммунальные услуги в совокупном доходе семьи (10 — 20 %). В дальнейшем от такой жесткой схемы пришлось отказаться, оставив задачу перехода за 5 лет к бездотационному режиму функционирования ЖКХ*.

Вместе с тем концепция реформ ЖКХ ориентировала на осуществление институциональных преобразований, способствующих уменьшению затрат на предоставление услуг в данной сфере посредством упрощения структуры ее управления и повышению их качества, снижению его многозвенности и разделению функций заказчика и подрядчика. Ключевым элементом в данной структуре должна была стать Служба заказчика, создаваемая в форме муниципального учреждения/предприятия. В ее функции входило заключение договоров с различными предприятиями ЖКХ, контроль качества их работы и оплата предоставляемых ими услуг за

* В начале 1996 г. Государственная дума приняла решение о продлении этого срока с 5 до 10 лет, в результате чего достижение 100 %-го уровня покрытия затрат за счет населения было отодвинуто до 2003 г.

счет концентрации выделяемых на эти цели платежей населения и бюджетных дотаций. В условиях медленного преобразования реальных отношений собственности Служба заказчика выступала в качестве представителя жильцов муниципального жилищного фонда, действуя во взаимоотношениях с подрядчиками в интересах жителей. Так, в обслуживании жилья провозглашался принцип конкурсного отбора подрядчиков с целью снижения стоимости услуг и повышения их качества. Муниципальные и частные предприятия в принципе должны были иметь равные возможности участия в конкурсах.

Несмотря на финансовые трудности, Концепция реформы ЖКХ в Российской Федерации (одобрена Государственной думой 28 апреля 1997 г.) интенсивно осуществлялась в течение более чем трех лет в городах России с глубокой дифференциацией по темпам, направлениям и степени комплексности. Местные власти проявили достаточно высокую активность в приемке жилищного фонда, практически полностью принадлежавшего до начала реформ крупным предприятиям. В первую очередь это объяснялось стремлением городского руководства обрести действительную самостоятельность и получить реальный объект управления. Одновременно происходили затягивание данного процесса и повсеместное нарушение установленного в нормативных документах 6-месячного срока на передачу муниципалитету социальных активов приватизированных предприятий. Местные власти во многих случаях игнорировали данное обстоятельство и сохраняли систему организации ЖКХ в неизменном виде, что стимулировало формирование различных принципов и структур управления этой сферой в городах в противовес основополагающим принципам реформ.

Передача ведомственного жилого фонда местным муниципальным органам и их жилищным организациям в Мордовии началась в городах, райцентрах и сельской местности в конце 1991 г. Массовое индустриальное строительство жилья в свою очередь обусловило создание и развитие инженерных служб, предприятий теплоэнергетики, водо- и газоснабжения, благоустройство городского хозяйства, ремонт жилого фонда и других организаций социальной инфраструктуры. При этом в период структурной перестройки народного хозяйства России (с 1993 г.) предприятия по эксплуатации газового хозяйства и ремонта жилого фонда стали выделяться в самостоятельные подотрасли и вошли в его газовый и строительный комплексы.

Анализ источников показывает, что несмотря на отдельные позитивные тенденции в развитии ЖКХ и жилого фонда республики, в первой половине 1990-х гг. его деятельность отличали неудовлетворительное качество предоставления коммунальных услуг, неэффективное использование природных ресурсов, загрязнение окружающей среды вследствие высокого уровня износа коммунальной инфраструктуры (более 65 %), низкого коэффициента полезного действия мощностей и нерезультативности системы управления.

Библиографические ссылки

¹ См.: Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 53.

² Там же. С. 52 — 53.

³ Там же. С. 52.

⁴ См.: Народное хозяйство за годы двенадцатой пятилетки (1986 — 1990 гг.). Саранск, 1991. С. 6.

⁵ Там же. С. 97.

⁶ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР за 60 лет. Саранск, 1989. С. 43.

⁷ См.: Народное хозяйство за годы двенадцатой пятилетки... С. 98.

⁸ См.: Республика Мордовия в 1994 году : стат. сб. Саранск, 1995. С. 43.

⁹ См.: Саранск в цифрах : стат. сб. Саранск, 2002. С. 17 — 18.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Республика Мордовия в 1994 году. С. 43.

¹² Там же.

¹³ См.: Статистический ежегодник Республики Мордовия. Саранск, 1995. С. 108 ; Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2000. С. 216.

¹⁴ См.: Социальная сфера Республики Мордовия. Саранск, 2002. № 163. С. 38, 41.

Поступила 18.05.2011 г.

УДК 331.108:615

М. А. Цапкина

M. A. Tsapkina

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НА ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ РЫНКЕ

HUMAN RESOURCES IN THE PHARMACEUTICAL MARKET

Ключевые слова: кадровый потенциал, фармацевтический рынок, спрос, предложение, GMP, персонал, квалификация.

В статье рассматриваются проблемы дефицита кадров на фармацевтическом рынке, вопросы их подготовки для фармацевтического производства, анализируется кадровый потенциал этой отрасли в Республике Мордовия.

Key words: human resources, the pharmaceutical market, demand, supply, GMP, personnel, qualification.

The problems of personnel shortage in the pharmaceutical market are considered in the article, as well as the questions of their preparation for pharmaceutical production; human potential of this industry in the Republic of Mordovia is analyzed in it.

Развитие фармацевтической промышленности является одним из приоритетных направлений промышленной политики России. Фармацевтический рынок страны представляет собой один из наиболее динамичных и быстрорастущих мировых рынков. В утвержденной Минпромторгом России в 2009 г. Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 г. («Фарма — 2020») принят в качестве базовой основы инновационный сценарий развития. Он позволит инициировать разработку и производство высокотехнологичной фармацевтической продукции, повысить уровень отечественной фармацевтики до мирового, а также достичь конкурентоспособности российских производителей как на внутреннем, так и на мировом рынке¹.

Одной из задач, обозначенных в стратегии «Фарма — 2020», является «совершенствование системы подготовки специалистов для фармацевтической промышленности, в том числе создание новых программ обучения в соответствии с международными стандартами»².

Обстоятельное рассмотрение перспектив фармацевтической отрасли невозможно без анализа профессиональной подготовки тех, кто призван определять особенности ее развития в будущем. Среди факторов, которые в настоящее время обуславливают изменение ориентиров при подготовке специалистов в этой отрасли во всем мире, главными являются:

- быстрое увеличение количества лекарственных средств и интенсивный обмен ими в международных масштабах;
- существенные расходы на фармацевтические нужды (10 — 20 % от бюджета здравоохранения в странах Европы);
- изменение экономических условий, установление рыночных отношений, стоимость лекарств;
- смещение акцента в деятельности аптечной службы с приготовления лекарств на их приобретение, распределение и хранение, а также на пациента (информационно-консультативная работа);
- рациональное использование ЛС;
- интеграция деятельности больничных (клинических) провизоров в рамках системы медицинского обслуживания;
- возрастающая в международном масштабе доступность новых и сложных по действию лекарств, обуславливающая повышение требований к контролю качества³.

Положения надлежащей практики фармацевтического образования (FIP), разработанные ВОЗ и содержащие ряд характеристик, которым должен отвечать специалист отрасли, рассматриваются сегодня как обязательный минимум для выпускников фармацевтических вузов во всем мире (табл. 1).

Таблица 1

Универсальные требования к выпускникам фармацевтических вузов, выдвигаемые ВОЗ

Профессиональные функции	Оказание фармацевтической помощи — прямой (отпуск лекарств и т. п.) и непрямой (работа в сферах технологии, аналитики, законодательства и т. д.); управление предприятием, подразделениями (использование материальных и человеческих ресурсов); обучение штатных и медицинских работников
Общие качественные характеристики	Компетентность, умение анализировать ситуацию и принимать решения, коммуникабельность; способность быть лидером; способность к совершенствованию собственных профессиональных знаний и навыков
Нравственные качества	Корпоративная солидарность с коллегами по отрасли; профессиональная гордость в соответствии с высокими этическими принципами

Составлена по: Реформа фармобразования — это будущее фармынка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.remedium.ru> (дата обращения 10.04.2011).

Компании не выстраивают такую политику, которая была бы привлекательна для студентов. Однако важно не только обучить специалистов, но и заинтересовать их работой в отечественной фармацевтической промышленности.

В настоящее время во всем мире все большую поддержку получает идея интеграции науки, образования и производства. Известно, что биотехнологический кластер может успешно выполнять функцию обучения специалистов, в том числе их практической подготовки на опытной производственной линии. Российские вузы также ищут возможности кооперации с академическими институтами и производством⁴.

Активная работа по развитию фармацевтических кластеров идет в Санкт-Петербурге, Ярославской и Калужской областях. Все это маяки, которые позволят улучшить работу остальным фармацевтическим предприятиям. Поддержка необходима не только инновационным компаниям, но и производствам. Это позволило бы основной массе российских заводов провести модернизацию производств, выпускать новые продукты и участвовать в их разработке⁵.

Для того чтобы выпускники могли работать на предприятиях, в клиниках, биолaborаториях в соответствии со стандартами GMP, GLP или GCP, они должны узнать о них еще в вузе. Однако в этом отношении существуют проблемы. Интеграция программы по надлежащим практикам в систему вузовского образования требует создания новой специальности, например такой, как специалист по GMP, новых образовательных стандартов и их утверждения на уровне министерств, а курсы по данным практикам проводятся только в рамках постдипломного образования⁶.

В настоящий момент большой проблемой является также отсутствие возможности для практических занятий. «Легко описать в книге или на лекции, как правильно вести себя в стерильных помещениях, как переходить из одного в другое. Но чтобы это усвоить, нужно самому попробовать это сделать. А для этого нужен „учебный модуль“ чистых помещений, которого пока нет. Можно было бы создать один такой модуль при одном из ведущих профильных вузов и использовать его как центр коллективного пользования»⁷.

Фармацевтический рынок — это специфическая и сложная отрасль бизнеса, рынок труда которой никогда не был перенасыщен. Даже во время наиболее острого периода кризиса, когда многие компании в целях оптимизации расходов сокращали штат, профессионалов в этом бизнесе не хватало⁸.

Ведущие специалисты фармацевтической отрасли отмечают, что в основном в сфере разработок ощущается определенный дефицит специалистов. Они считают, что в дальнейшем, учитывая желание многих иностранных фармацевтических компаний локализовать производственные мощности в России, спрос на специалистов в данной отрасли вырастет во много раз. Следует отметить, что цикл подготовки квалифицированного сотрудника гораздо дольше, чем время, необходимое на строительство производственной площадки. Новый завод можно возвести за два с половиной года. Подготовка профессионала займет 5 лет. Это касается непосредственно обучения и последующей адаптации на современном фармацевтическом производстве. Надеемся, что создаваемые в рамках фармацевтических кластеров учебные центры будут способствовать увеличению количества профессионалов в отрасли⁹. Дефицит кадров ощущается также в исследовательской области, на производстве и в сфере обеспечения контроля качества.

Исследование еженедельника «Фармвестник» и HeadHunter показало, что спрос на специалистов фармацевтической отрасли в 2010 г. вырос в 2 раза, а количество вакансий на производстве увеличивается ежемесячно на 17 %. По оценкам экспертов, которые готовили стратегию «Фарма — 2020», в ближайшее время России потребуется

около 3 500 высококвалифицированных специалистов, подготовленных на международном уровне. Если учитывать и работников управления, то необходимо 5 000 специалистов¹⁰. Следовательно, спрос на данном рынке превышает предложение.

Напомним, что именно о борьбе за человеческий капитал как об одной из главных задач государства в ближайшие годы говорил Президент Российской Федерации Д. Медведев в Бюджетном послании: «Необходимо стремиться к росту научного потенциала нашей страны, накоплению объектов интеллектуальной собственности, обеспечению в этих целях преемственности поколений в сфере научных исследований и технологических разработок, привлечения и закрепления в ней молодежи»¹¹.

Одним из субъектов фармацевтического рынка Республики Мордовия является ОАО «Биохимик», которое выпускает более 100 наименований лекарственных препаратов. Среди них антибиотики, плазмозаменяющие растворы и средства для парентерального питания, противоопухолевые, диуретические, болеутоляющие и противовоспалительные средства, препараты, применяемые для анестезии, и сульфаниламидные, консерванты крови, мази, ГЛФ в ампулах.

Количественная и качественная характеристики потенциала предприятия отражены на рис. 1.

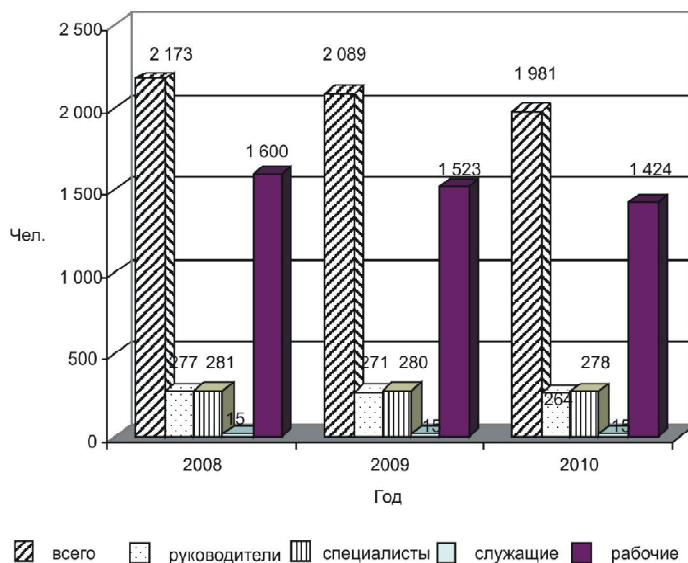

Рис. 1. Динамика численности персонала ОАО «Биохимик» и его структура

Данные рис. 1 свидетельствуют о том, что численность персонала предприятия сократилась с 2008 по 2010 г. на 192 чел. Это было связано в целом с кризисом в экономике страны, который также отразился на работе «Биохимика». Занятые на предприятии являлись выпускниками Мордовского государственного университета им Н. П. Огарева (по специальностям «Биотехнология», «Биология» и «Химия»), а также выпускниками ПУ № 19.

Динамику образовательной структуры персонала в ОАО «Биохимик» можно проследить на рис. 2.

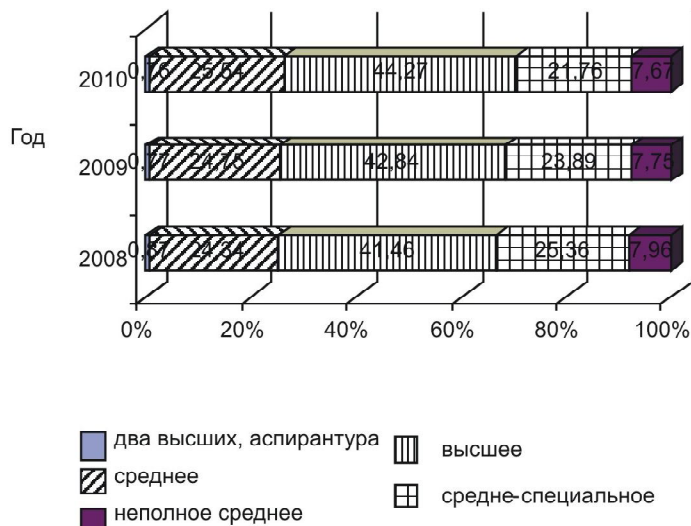

Рис. 2. Образовательная структура персонала ОАО «Биохимик»

Из рис. 2 видно, что в 2008 — 2010 гг. за последние три года образовательный уровень работников предприятия значительно повысился благодаря усиленной работе кадровой службы в обучении и повышении квалификации персонала.

В ОАО «Биохимик» значительный вес составляют лица старше 45 лет (рис. 3).

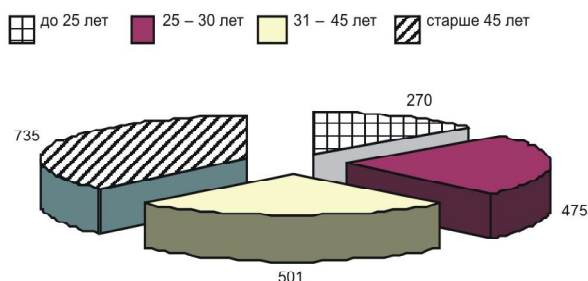

Рис. 3. Возрастной состав персонала ОАО «Биохимик» в 2010 г. (чел.)

Персонал в возрасте 45 — 55 лет представляет собой высокую степень консервативности, который дорожит своим рабочим местом и не стремится учить молодых, передавая опыт, понимает свое исключительное положение. Такие работники отличаются низкой мобильностью, сопротивлением большинства из них, а тем более проработавших на предприятии длительное время, к нововведениям. Такая ситуация обусловлена также усилиями администрации сохранить квалифицированных специалистов.

На данном предприятии в связи в первую очередь с низким уровнем заработной платы, компенсации и неудовлетворительными условиями труда число выпускников специальных и высших учебных заведений резко сократилось (табл. 2).

Таблица 2

**Прием и выбытие выпускников образовательных учреждений
профессионального образования очной формы обучения
в ОАО «Биохимик» в 2009 — 2010 гг., чел.**

Показатель	Выпускники 2009			Выпускники 2010	
	Приняты на работу		Уволены в 2009 — 2010	Приняты в 2010	Из них уволены
	в 2009	в 2010			
Всего выпускников	12	—	—	13	—
В том числе получивших профессиональное образование:					
начальное	2	—	—	4	2
среднее	3	—	1	—	—
высшее	7	—	2	9	—

Таким образом, важной проблемой кадрового потенциала фармацевтической отрасли Республики Мордовия остается дефицит высококвалифицированных работников на производстве. Фармацевтический рынок для некоторых выпускников биологического и химического факультетов университета является неперспективным, малооплачиваемым бизнесом, и они ищут работу в другой области. Следует сделать акцент на молодые кадры, которые могут быть эффективным инвестированием в будущее данной отрасли Мордовии. Для этого молодым специалистам необходимо создать такие условия труда, которые позволят им раскрыть потенциал и дадут возможность для самореализации, накопления знаний и карьерного роста.

Библиографические ссылки

¹ См.: Отчет о деятельности Министерства промышленности и торговли Российской Федерации в 2010 году и планы на 2011 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minpromtorg.gov.ru> (дата обращения 10.04.2011).

² Там же.

³ См.: Реформа фармообразования — это будущее фармынка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.remedium.ru> (дата обращения 10.04.2011).

⁴ Там же.

⁵ См.: Бизнес поднимет фармпромышленность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strf.ru> (дата обращения 15.04.2011).

⁶ См.: Кадровый голод фармы // Там же.

⁷ Там же.

⁸ См.: **Шишкина Я.** Учимся у лучших: кадровая политика фармотрасли // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2010. № 8. С. 20 — 24.

⁹ См.: Скромный потенциал науки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strf.ru> (дата обращения 15.04.2011).

¹⁰ См.: Проблема нехватки высококвалифицированных кадров в фармотрасли [Электронный ресурс]. URL: <http://www.labclinpharm.ru> (дата обращения 10.04.2011).

¹¹ Бюджетное послание Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2011–2013 годах [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения 10.04.2011).

Поступила 27.04.2011 г.

ИСТОРИЯ

УДК 311.313(470.345)

Т. М. Гусева

T. M. Guseva

ПЕРВАЯ ВСЕОБЩАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1897 г. В САРАНСКЕ И САРАНСКОМ УЕЗДЕ

THE FIRST CENSUS OF 1897 IN SARANSK AND IN THE SARANSK UYEZD

Ключевые слова: всеобщая перепись населения, уездная переписная комиссия, счетный участок, переписной лист.

В статье рассматриваются итоги переписи населения 1897 г. в Саранске и Саранском уезде. Основное внимание уделено ее организации и проведению.

Key words: the census, the uyezd census commission, counting station, the census form.

The results of the census of 1897 in Saransk and the Saransk Uyezd are considered in the article. The main attention is paid to its organization and carrying out.

Всеобщая перепись населения 1897 г. — это первая и единственная перепись всего населения Российской империи (кроме Финляндии). Она была осуществлена под руководством известного географа и статистика П. П. Семенова-Тян-Шанского путем непосредственного опроса всех жителей империи. Проект проведения переписи рассматривался с 1874 г. Циркуляром министра внутренних дел от 11 марта 1895 г. в ожидании предстоящей переписи было запрещено производить статистические работы, связанные с опросом населения. 5 июня 1895 г. этот проект был утвержден Николаем II и издан как Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи. Главные основания переписи заключались в следующем:

1) она имела цель выявить численность, состав и местное распределение населения империи;

2) переписи подлежали все жители империи обоюбого пола всех возрастов, состояния, вероисповедания, как русские подданные, так и иностранные;

3) перепись состояла в занесении в переписные листы всех необходимых о каждом лице сведений: а) имени, отчества и фамилии или прозвища, б) семейного положения (холост, женат, вдовый, разведен), в) отношения к хозяину (родственник, свойственник, приемыш или жилец, прислуга, работник и т. п.), а равно и взаимных семейных отношений лиц, не принадлежащих к семейству хозяина, г) пола, д) возраста,

е) состояния или сословия, ж) вероисповедания, з) места рождения, и) места постоянного жительства или места приписки, а для иностранцев, сверх того, и подданства, к) места постоянного пребывания, л) родного языка, м) грамотности, н) занятия, ремесла, промысла, о) важнейших физических недостатков (слепота, глухонмота, душевная болезнь)¹.

Позже были добавлены вопросы о воинской повинности. В вопрос о грамотности внесено уточнение для грамотных: где обучается, обучался или окончил курс образования; в вопросе о занятии, ремесле и пр. необходимо было выделить главное (т. е. то, что доставляло главные средства для существования) и вспомогательное. В переписные листы был введен также вопрос «об отсутствии» (по месту постоянного проживания). Учет проводился по трем категориям населения: наличному, постоянному (оседлому) и приписному.

Для производства переписи уезды и города разделялись в зависимости от местных условий на переписные участки, в каждом из которых назначался заведующий. При этом в соответствии с законом от 5 июня 1895 г. (ст. 27) определялось, что в местностях, где было введено Положение о земских участковых начальниках, заведование переписными участками возлагалось преимущественно на земских начальников, а туда, где не введено, приглашались с утверждения губернатора мировые посредники, чиновники по крестьянским делам, непрременные члены уездных по крестьянским делам присутствий, комиссары, земские заседатели, податные инспекторы и другие, знакомые с местными условиями, лица.

На основании указанного закона (ст. 42) ведомства и учреждения, а также частные лица были обязаны оказывать надлежащее содействие членам переписных комиссий, а также заведующим участками и счетчикам и безотлагательно исполнять их законные требования, относящиеся к переписи [ЦГА РМ, ф. 144, оп. 1, д. 2, л. 83 об.].

23 октября 1896 г. из Саранской уездной переписной комиссии сообщили в Пензенскую губернскую переписную комиссию, что в состав первой входят председатель, уездный предводитель дворянства коллежский асессор Г. И. Юрлов и члены: саранский уездный исправник коллежский советник П. К. Кантов, саранский уездный воинский начальник подполковник Г. А. Исаев, податной инспектор Саранского уезда П. И. Любимов и Саранский городской голова М. В. Сыромятников, а также, что делопроизводство возложено на члена комиссии П. И. Любимова [Там же, д. 1, л. 1].

На заседании Саранской комиссии 27 октября 1896 г. было принято решение разделить весь Саранский уезд на 6 переписных участков, приурочив их для удобства к участкам земских начальников и выделив Саранск в особый переписной участок [Там же, л. 3].

В ноябре 1896 г. заведующими переписными участками были назначены земские начальники: Д. А. Панов (1-м), М. К. Темерязев (2-м), П. А. Олферьев (3-м), С. Д. Внуков (4-м), А. А. Корольков (5-м), податной инспектор П. И. Любимов (городским), а также запасные: председатель Саранской уездной управы В. К. Лилленфельд, член Саранской городской управы Н. А. Сыромятников и земледелец В. И. Кочетов [Там же, д. 2, л. 15].

В 1-й переписной участок входили Ладская, Пушкинская, Трофимовщинская, Пятинская, Салминская, Ромодановская и Чуфаровская волости; во 2-й — Еремеевская,

Саловская, Кривозерьевская, Блохинская и Богородско-Голицынская; в 3-й — Саранская, кроме городских поселений, Атемарская, Макаровская, Зыковская и Архангельско-Голицынская; в 4-й — Булгаковская, Воеводская, Тепловская, Бело-Ключевская и Большевьясская; в 5-й — Большеремезенская, Протасовская, Мокшалайская, Воротниковская, Скрябинская, Кочкуровская и Нерлейская; в 6-й — поселения г. Саранска (к нему относились все поселения, находившиеся на городской земле, но лишь в том случае, если эта земля непрерывно соприкасалась с городской чертой) [Там же, д. 1, л. 3 об.].

Каждый переписной участок в свою очередь был разделен на счетные участки. Так, 1-й переписной участок состоял из 15 счетных участков, 2-й — 13, 3-й — 16, 4-й — 15, 5-й — 15 и 6-й — из 14 [Там же, л. 7 об.]. В переписи участвовали как чиновники МВД, так и должностные лица других ведомств, по соглашению с последними, а также не состоявшие на государственной службе. Главное требование, которое предъявлялось к кандидатам в счетчики, была грамотность, поскольку для того чтобы заполнять переписные листы, человек должен был уметь писать и считать. В Саранске счетчиками были П. М. Земсков* — учитель городского училища, Аристарх (Андрей?) И. Каллистов и А. И. Вертемягин — учителя школ, П. М. Прелатов — учитель церковно-приходской школы, И. В. Тихомиров* — губернский секретарь, И. З. Карачаровский* — надворный советник, инспектор городского училища. Среди переписчиков больше всего насчитывалось мещан. Вот некоторые из них: В. А. Баряев, И. Н. Просвирнин, Г. Н. Котлов. Один из переписчиков был крестьянин Саранска — П. А. Долгов. Активное участие в переписи приняли также псаломщики А. Д. Алферьев, А. Палладов, А. В. Палладов [Там же, д. 3, л. 136 — 138 об.], священнослужитель и законоучитель А. И. Любимов.

Главная переписная комиссия уведомляла о том, что в переписи также могут принять участие офицеры, давшие на это согласие. Принимая во внимание, что в значительной части народных училищ учителями являлись женщины, данная комиссия признала возможным вменить им, как и вообще лицам женского пола, обязанности счетчиков, в случае, если это будет мера, обеспечивающая успех переписи. Так, в 4-м сельском переписном участке принимали участие 2 учительницы земского училища. Кроме того, на этом участке переписчиками являлись земский врач, 3 учителя церковно-приходских школ, 2 священника, 1 псаломщик, 2 учителя земской школы и 3 писаря [Там же, д. 1, л. 132].

Счетчики могли работать как за вознаграждение (на участок выделялось 84 — 180 руб., примерно 14 руб. на каждого), так и бесплатно. В последнем случае они могли быть удостоены бронзовой медали на ленте государственных цветов, если на их участках, как в селениях, так и в городах, было не менее 500 чел. [Там же, д. 2, л. 70].

Заведующие переписными участками в своих донесениях сообщали, что на 1-м участке было 14 платных счетчиков, 2-м — 8, 3-м — 12, 4-м — 5, 5-м — 15 и на 6-м — 11 чел. [Там же, д. 1, л. 12]. Каждый счетчик получал свидетельство, удостоверяющее его личность. Однако в связи с возможными повреждениями свидетельств счетчикам вручали также нагрудные металлические значки. На значке

* Работал бесплатно.

был изображен герб Российской империи на фоне ее флага в серебряной овальной рамке, на которой имелась надпись «Счетчик всеобщей переписи». Рамка была выполнена в форме застегнутого ремня. На его «язычке» стоял год проведения переписи [Там же, д. 2, л. 80].

В январе 1897 г. счетчики начали работу в селах и деревнях Саранского уезда, включая дальние лесные кордоны, мельницы и тюремные замки, где проживали люди. В феврале в уездную переписную комиссию начали поступать первые данные. Кроме предварительного подсчета до своего официального закрытия комиссия выявляла также тех счетчиков, которые по результатам своей работы были достойны вознаграждения.

В Саранский уезд из кредита 1896 г. были направлены 410 руб., в том числе 5 заведующим переписными участками в уезде по 75 руб. каждому и 1 в Саранск — 35 руб. Сумма, выделенная на вознаграждение счетчикам, составила 278 руб. 50 коп. [Там же, л. 85].

Весной — летом 1897 г. уездная переписная комиссия занималась отправкой переписных листов и подсчетом расходов. 15 сентября этого года она закончила свою работу. Затем несколько лет в Петербурге шло подведение итогов переписи, которые были опубликованы в начале XX в.

По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., площадь Саранского уезда равнялась 2 947 квадратным верстам. На ней проживали 143 130 чел. В Саранске насчитывалось 14 584 жителя. Плотность населения составляла около 48,6 чел. на 1 квадратную версту (в среднем в Пензенской губернии — 43,1 чел.). Процент грамотных в уезде равнялся 14,4, в Саранске — 35,3².

В Саранске и уезде преобладали местные уроженцы. Доля выходцев из других уездов, губерний и стран составляла в уезде 4,8 %, в Саранске — 13,4 %. Большинство этого населения (49,9 % в уезде и 52,3 % в городе) были выходцами из других уездов Пензенской губернии [Первая Всеобщая перепись населения..., с. 2].

Большая часть населения прибыла в Саранский уезд из Симбирской (1 380 чел.), Нижегородской (736) и Московской (200 чел.) губерний [Там же, с. 45]. Доля отсутствовавших из числа приписного населения в уезде была одной из высоких среди уездов — 3,9 %, кроме Темниковского уезда — 4,3 % [Там же, с. 4 — 5]. В целом отток населения во многих поволжских губерниях был значительным.

В это время в уездах, территория которых вошла позднее в состав Мордовии, женское население преобладало над мужским и составляло 53 %. По данным переписи 1897 г., в среднем в этих уездах на 100 мужчин приходилось 106 женщин. Причем такое преобладание наблюдалось среди жителей как сельской, так и городской местности. Так, в Саранском уезде проживало 75 506 женщин и 67 624 мужчины, в Саранске — соответственно 7 510 и 7 074 [Там же, с. 1]. Данная ситуация объяснялась прежде всего патриархальностью уклада крестьянских семей, традиционно насчитывавших 3 и более детей, среди которых большинство были именно девочки.

В Саранском уезде 21,6 % населения составляли жители от 10 до 19 лет и 15,1 % — от 20 до 29 лет; в Саранске — соответственно 21,0 и 15,9 %. При этом необходимо подчеркнуть, что самой большой возрастной группой в уезде были дети от 1 до 9 лет (22,6 %). Возрастная категория «человек-работник» (от 20 до 60 лет) насчитывала в уезде 56 975 чел. (44,3 %), в Саранске — 6 793 чел. (46,6 %). Таким

образом, меньше половины жителей города и уезда можно было отнести к полноценным работникам. Прочее население составляло в городе 7 791 чел., а в уезде — 71 571 чел. [Там же, с. 10 — 11]. На долю работавших мужчин приходилось 43,2 %, женщин — 45,7 % [Там же].

Социальная структура населения мордовского края в целом и Саранского уезда, в частности, в пореформенный период отличалась значительной пестротой. Практически здесь были представлены все классы и сословия. Преобладающим социальным сословием края являлось крестьянство, составлявшее 95,5 % населения. В Саранском уезде на его долю приходилось 94,8 % всего населения. Вторым по численности сословием уезда были мещане (3,8 %), третьим — лица духовного звания (0,7 %). Такие сословия, как потомственные и личные дворяне, чиновники, почетные граждане и др., занимали в социальной структуре не более 0,2 % каждое. Купцы составляли лишь 0,08 % [Там же, с. 2].

В Саранске удельный вес крестьян составлял 67,3 %, в других городах края — 59,3 %. Доля мещан в Саранске была больше, чем в уезде. Однако по сравнению с другими городами края — на их долю приходилось 47,8 %, в Саранске она составляла 27,0 %. Третьим по численности сословием города являлись личные дворяне, чиновники не из дворян (1,3 %). Достаточно много было представителей духовенства (1,2 %). Это было связано прежде всего с тем, что здесь учитывались не только сами священники, но и члены их семей, а также послушники и монахи нескольких монастырей. Купечество и потомственные дворяне по численности занимали 5-е место (0,8 %) [Там же, с. 52 — 53].

Однако такое деление недостаточно отражало реальную обстановку. Например, в дореволюционной России мещане являлись частью податного сословия и включали в себя разные категории городских жителей (ремесленники, мелкие торговцы, мелкие домовладельцы). В отличие от гильдейских купцов мещане платили подушную подать и подлежали рекрутской повинности, были ограничены в свободе передвижения, до 1863 г. подвергались телесным наказаниям. Звание «мещанин» было наследственным. Разбогатевшие мещане могли свободно переходить в гильдейское купечество, а разорившиеся купцы попадали в разряд мещан. Это сословие пополнялось и за счет частновладельческих крестьян, выкупившихся или отпущенных помещиками на волю. Государственные крестьяне могли перейти в мещанское сословие с разрешения Сената. Остальным крестьянам до отмены крепостного права (1861) это было запрещено. После реформ 60 — 70-х гг. XIX в. мещане представляли собой мелкую буржуазию городов. Они получили широкий доступ к государственной службе с правом приобретения звания «личный дворянин». Многие выходцы из мещан становились лицами «свободных профессий». Состав мещан был неоднородным. Основную его часть составляли ремесленники, которые также подразделялись по роду занятий.

Сословие ремесленников представляло собой группы лиц, занимавшихся разными видами деятельности. Так, 51,1 % из них составляли плотники, кузнецы, кирпичники (каменщики), печники и столяры. Затем по численности шли портные и сапожники; мясники, калачники, хлебники и булочники. Среди других немаловажную роль играли извозчики, синильщики, коновалы, кровельщики и слесари.

Саранский уезд по национальному составу представлял собой полиэтничный регион (143 130 чел.) с преобладанием русского населения (106 045 чел. — 74 %).

Мордвы насчитывалось 25 677 чел. (17,9 %), татар — 11 269 (7,9), прочих — 223 чел. (0,2 %). В числе последних были люди, говорившие на еврейском (39 чел.), немецком (31), польском (23) и молдавском (21 чел.) языках.

Жители исследуемого края в основном являлись православными христианами и составляли 91,5 %. В Саранске проживали также 65 мусульман, в уезде они составляли 7, 9 % населения, т. е. их сосредоточение наблюдалось в основном в сельской местности. В уезде насчитывался 821 старообрядец (0,6 %). Католики и протестанты составляли в городе и уезде по 0,04 %. В Саранске среди представителей других религий были иудеи.

Таким образом, Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — единственный источник достаточно полной информации о ее дореволюционном населении. В ней представлен социально-демографический облик жителей Саранска и Саранского уезда: численность, плотность и грамотность населения; доля представителей разных сословий в общей численности; возрастной состав и другие показатели.

Библиографические ссылки

¹ ЦГА РМ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 83. Далее ссылки в тексте.

² См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи : в 119 т. 1897. Т. 30 : Пензенская губерния. СПб., 1903. С. 1. Далее ссылки в тексте.

Поступила 06.06.2011 г.

УДК 94:322.2.021.8(470.345)

Н. Н. Зоркова

N. N. Zorkova

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В МОРДОВСКОМ КРАЕ В ХОДЕ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

THE ACTIVITY OF COMMISSIONS ON LAND MANAGEMENT IN THE MORDOVIAN REGION DURING STOLYPIN'S AGRARIAN REFORM

Ключевые слова: аграрная реформа, землеустроительная комиссия, земский начальник, землеустройство, хутор, община.

В статье рассматриваются ход Столыпинской аграрной реформы и деятельность землеустроительных комиссий в мордовском крае в 1906 — 1911 гг. Большое внимание уделяется деятельности местных органов власти и проблемам, проявившимся в ходе землеустройства.

Key words: the agrarian reform, the commission on land management, chief of zemstvo, land management, a farmstead, a community.

The course of Stolypin's agrarian reform and activities of the commissions on land management in the Mordovian Region in 1906 — 1911 are considered in the article. Much attention is paid to the activity of local authorities as well as to the problems, revealed during land management.

В связи с Указом императора Николая II от 4 марта 1906 г. в России начали создаваться губернские и уездные комиссии, на которые возлагалась обязанность содействовать крестьянам в устранении недостатков существующего землевладения и землепользования. В губернских комиссиях председательствовал губернатор. Кроме других представителей, в комиссию входили 6 членов, избираемых губернским земским собранием, из которых трое были местными крестьянами, владеющими надельной землей. В уездных комиссиях председательствовал уездный предводитель дворянства. В комиссию входили 3 представителя от крестьян, которые назначались по жребию из числа кандидатов, избираемых волостными сходами уезда. В обязанность уездных землеустроительных комиссий входило выяснение положения крестьянского землевладения для содействия Крестьянскому поземельному банку в его операциях по данным уездам, а также: «а) выяснение местных потребностей в мерах правительственного содействия к переселению на казенные земли как в пределах одной губернии, так и из одной губернии в другую, а равно участие в выполнении этих мер; б) участие в делах о сдаче крестьянам в аренду казенных оброчных статей; в) содействие сельским обществам в улучшении условий землевладения и порядков землепользования и в установлении более совершенных способов ведения хозяйства на надельных землях; г) посредничество между крестьянами и частными землевладельцами для полнобювного разверстания чересполосных угодий, общих владений и сервитутов»¹.

Исследователь аграрной реформы в Симбирской губернии С. Б. Котляров писал: «Землеустроительные комиссии производили выдел отдельных домохозяев из общины, разверстывали общинные и подворно-наследственные земли на хутора и отруба. Землеустроительные работы проводились в сложных общинах, где необходимо было произвести раздел земли между селениями и их частями, выдел земли выселкам. Второй вид работ был необходимым шагом для создания впоследствии и на этих землях хуторских и отрубных хозяйств. Такое землеустройство было необходимо, так как оно сокращало дальнотемелье и чересполосицу в сложных общинах»². Исполнение землеустроительных дел возлагалось главным образом на непреходящих членов и землемеров уездных землеустроительных комиссий. При этом непреходящий член являлся главным ответственным лицом за правильную постановку дела и техническую сторону землеустройства³.

Пензенская губернская землеустроительная комиссия была открыта в 1906 г. В Саранском и Инсарском уездах комиссии начали действовать также в 1906 г., в Краснослободском, Наровчатском и Керенском уездах — в 1907 г. В марте 1908 г. в Пензенской губернии работали 25 землемеров. В 1910 г. межевую работу проводили 49 землемеров и 37 их помощников. Землеустроительные работы в полном масштабе в этой губернии начались в 1908 г. Как отметила Т. А. Дружинина, укрепление происходило в основном двумя путями: разверстыванием надельной земли всего населения между всеми хозяйствами и выделением участков для отдельных домохозяев при сохранении чересполосного землепользования у остального большинства⁴.

Вся землеустроительная работа «по внутринадельному землеустройству в 1908 году проводилась в 13 населенных пунктах для 163 дворов на площади 2 607 десятин. Из них в Краснослободском уезде — 47 дворов (596 дес.), в Инсарском — 12 дворов (127 дес.)»⁵.

Землеустроительные комиссии в Пензенской губернии до 1909 г. оказывали главным образом содействие Крестьянскому поземельному банку в ликвидации банковских имений. В губернии к началу этого года деятельность комиссий коснулась только 15 сельских обществ при 550 дворах. В начале 1910 г. наблюдалось некоторое развитие землеустройства, охватившее более 4 тыс. хозяйств. К 1911 г. число крестьянских владений, в которых были произведены землеустроительные работы, возросло до 20 576 дворов. При этом землеустроительные комиссии занимались как единоличным, так и групповым землеустройством. Итоги работ по единоличному землеустройству с полным устранением чересполосицы выразились в образовании в 1911 г. 7 107 хуторских и отрубных хозяйств⁶. Существенными темпами шло выделение участков из общинных земель в одном месте, более слабыми — распределение земель на хутора и отруба и еще меньшими — подворно-наследственных земель на хутора и отруба. Групповое землеустройство, или работы по уменьшению чересполосицы, коснулось более 13 тыс. дворов, выразившись в основном в разделе земель между селениями и между их частями.

В феврале 1910 г. пензенский губернский землемер сообщил в губернскую землеустроительную комиссию, что в 1907 г. «межевые работы по землеустройству заключались исключительно по обмежеванию крестьянских наделов и по разделу однопланых селений в Саранском и Инсарском уездах»⁷. Было составлено 12 планов и чертежей. В 1908 г. были исполнены работы по отводу в одном месте надельной земли для 172 единоличных владений и по разделу однопланых селений. В 1909 г. объем работ существенно увеличился: были произведены работы по образованию 2 198 единоличных хозяйств.

К 1911 г. единоличное землеустройство наиболее значительное развитие получило в Саранском и Инсарском уездах, групповое — в Чембарском и Краснослободском уездах, в несколько меньшей степени — в Саранском, Инсарском, Пензенском и Мокшанском⁸.

С начала 1909 г. по начало 1910 г. в Инсарском, Краснослободском, Наровчатском и Саранском уездах было осуществлено незначительное число дел, по которым были приняты постановления землеустроительных комиссий. Большое количество дел было рассмотрено по «улучшению условий крестьянского землевладения» (797), а также по переселению (118)⁹.

На основе статистических данных России исследователь аграрной реформы в Пензенской губернии А. М. Гребнев сделал вывод, что вся площадь земли, переданной в собственность, в 1909 г. в этой губернии «составляет только 0,8 % всей надельной земли в губернии; такой же процент и выделившихся домохозяев по отношению к общему числу их в губернии. Самый большой процент укрепления имели два уезда — Саранский и Инсарский — по 1,7 % и самый низкий процент — Нижне-Ломовский — 0,1 % и Краснослободский — 0,3 %. Если во многих центральных губерниях России укреплений в личную собственность к 1909 г. и особенно в 1910 г. было уже значительно, то в Пензенской губернии в этом году было лишь положено начало, а количество укреплений не достигло и 1 %»¹⁰.

С 1910 по 1912 г. в Пензенской губернии была проведена основная работа по выделению хуторов и отрубов на надельной земле. В Инсарском уезде показатель выделившихся дворов составил 5,3 % от всех дворов уезда, Краснослободском — 3,6, Наровчатском — 2,6 и в Саранском — 8,6 %¹¹.

Пензенский губернатор И. Ф. Кошко строго следил за исполнением правительственной аграрной политики. Так, деятельность неперменного члена Саранской уездной землеустроительной комиссии Н. П. Олферьева с его стороны подверглась строгой критике. Губернатор был крайне недоволен медленным течением дел по землеустройству. В своем обращении к Н. П. Олферьеву в сентябре 1909 г. он писал: «Высказывая сожаление по поводу такой малоуспешной работы в Саранском уезде и обращая Ваше внимание на то, что в этом отношении ваш уезд должен занять одно из последних мест в губернии, я предлагаю Вам употребить все средства и меры к тому, чтобы остающееся в настоящем полевом периоде рабочее время использовать для выполнения большего числа дел по переходу к единоличному владению, направив ради этого межевые работы самым ускоренным темпом»¹².

В Нижегородской губернии выборы от земства членов в уездные землеустроительные комиссии начались летом 1906 г. В Лукояновском уезде они прошли довольно спокойно, но в Сергачском уезде собрание отказалось избирать членов¹³. Для направления деятельности местных землеустроительных комиссий в данную губернию были направлены помощник статс-секретаря Государственного совета С. В. Безобразов и член совета Крестьянского поземельного банка Г. В. Калачев. В конце ноября 1906 г. они побывали в уездах, в том числе в Лукояновском и Сергачском, и отметили необходимость широкого информирования населения об указе от 9 ноября¹⁴.

В Сергачском уезде с 1906 по 1907 г. было подано 163 заявления на выход из общины. Нижегородский исследователь Т. Н. Ростовцева отметила: «Для земледельческого уезда это была очень маленькая цифра. Объяснить это можно опять же новизной дела, нежеланием крестьян пускаться в новое и неизведанное из-за риска самостоятельного хозяйствования на земле. С другой стороны, Сергачский уезд был очень густо заселен и свободных земель, предназначенных для выделяющихся из общины, было очень мало. Таким образом, укрепленную в личную собственность землю было просто некуда отводить»¹⁵. К 1908 г. в Лукояновском уезде было создано более 300 отрубных и хуторских хозяйств¹⁶.

Аграрное законодательство определило временные предельные нормы земли на один двор при ее покупке с содействия землеустроительных комиссий: «Количество продаваемой земли не должно превышать по расчету на одного домохозяина, вместе с его надельной и ранее купленной им землей, определенного размера, устанавливаемого для отдельных местностей Комитетом по землеустроительным делам, по представлениям уездных землеустроительных комиссий»¹⁷. В результате того, что Сергачский и Лукояновский земледельческие уезды имели ценные черноземные почвы, предельная норма здесь была самой маленькой во всей Нижегородской губернии — $9 \frac{3}{4}$ дес. на один двор. В этих уездах приходилось в среднем по 4 дес. на одного укрепившегося хозяина¹⁸. Однако богатые крестьяне обходили закон, покупая дополнительно землю. Т. Н. Ростовцева подчеркнула, что наибольшее число укрепительных удостоверений было выдано в Сергачском уезде благодаря большому количе-

ству мелких единоличных сделок в этом чисто сельскохозяйственном и густо населенном уезде. Затем следовали Лукояновский и Нижегородский уезды¹⁹.

В Симбирской губернии в начале 1909 г. деятельность землеустроительных комиссий коснулась только 29 дворов. К 1911 г. землеустройство охватило более 7 тыс. хозяйств. Работа комиссий направлялась как на единоличное, так и на групповое землеустройство²⁰.

Землеустроительные комиссии в Спасском и Темниковском уездах открылись после длительных споров с крестьянами. В Спасском уезде комиссия начала работать с 25 апреля 1907 г., в Темниковском — с 14 января 1909 г., причем самой последней в губернии²¹.

Наиболее существенное развитие единоличного землеустройства отмечалось в Сызранском уезде; потом следовали Алатырский, Ардатовский, Симбирский, Курмышский и Буинский и, наконец, Карсунский и Сенгилеевский. Буинский и Сызранский уезды отличались числом дел по групповому землеустройству²².

С. Б. Котляров указал, что «среди уездов Симбирской губернии земельная реформа более быстрыми темпами шла в тех уездах (Сызранский, Симбирский, Курмышский), где преобладало либо составляло значительный процент (Ардатовский) русское население. По сравнению с ними Алатырский, Буинский и Сенгилеевский уезды значительно отставали»²³. Это происходило несмотря на специально выпускавшуюся в них литературу агитационного характера на национальных языках.

По словам З. П. Есениной, исследователя Тамбовской губернии, в 1907 — 1909 гг. землеустроительные комиссии в губернии занимались не столько землеустройством на надельных землях, сколько содействием отделению Крестьянского поземельного банка в продаже крестьянам его земель и ликвидацией казенных оброчных статей. Как правило, землеустроительные комиссии продавали казенную землю лишь тем сельским обществам, крестьяне которых согласились разверстать свои земли на хутора и отруба²⁴. В начале 1911 г. деятельность землеустроительных комиссий в Тамбовской губернии коснулась более 9 тыс. дворов. Групповое землеустройство выразилось почти исключительно в разделе земель между селениями и их частями. Наиболее значительное развитие единоличного землеустройства наблюдалось в Козловском, Липецком, Усманском и Тамбовском уездах, группового — в Кирсановском и Усманском. Темниковский и Спасский уезды явно отставали от остальных в землеустройстве²⁵.

В первые годы реформы больше половины землеустроительных дел в поволжских губерниях выполнялось не столько землеустроительными комиссиями, сколько земскими начальниками. Они брали на себя основную заботу по предварительной подготовке выделов из общины и обеспечивали условия для работы землемеров. Кроме того, земские начальники контролировали юридическую сторону внутринадельного землеустройства. И. Ф. Кошко в своем циркуляре отметил: «...каким бы опытом и доверием у населения не пользовались непременно члены землеустроительных комиссий и землемеры [...] активное выступление земских начальников только облегчит и ускорит направление дел на правильный и твердый путь»²⁶.

В то же время пензенский губернатор А. П. фон Лилиенфельд-Тоаль, сменивший на этом посту И. Ф. Кошко, в одном из циркуляров 1911 г. писал: «На основании сведений, имеющихся в Губернской Землеустроительной комиссии, приходится констатировать, что целый ряд земских начальников по отношению землеустройства

заняли совершенно пассивное положение и не только до сего времени не создали ни одного серьезного землеустроительного дела, но даже не озаботились более или менее подробно ознакомить подведомственное им сельское население с сущностью закона 14 июня 1910 г. и с теми экономическими и хозяйственными выгодами, которые создаются переходом к единоличному землевладению»²⁷.

Несогласованность действий центральных и местных органов власти, отсутствие четкой нормативной базы привели к тому, что земские начальники в свою очередь пытались выйти из создавшегося положения и оказывали воздействие на волостных старшин и писарей, угрожая первым отставкой, а вторым — увольнением. Некоторые волостные писари в «своем вынужденном усердии» даже практиковали «заявление на прокат», т. е. упрашивали хорошо знакомых им крестьян подать заявление о выходе из общины, от которого те потом отказывались²⁸.

Пензенский исследователь В. Г. Гарбуз подчеркивал, что земские начальники были обременены и без того многочисленными обязанностями, поэтому не всегда могли найти время для производства землеустроительных работ. Это часто порождало бюрократический формализм. Некоторые землеустроительные дела, находившиеся в производстве земских начальников, многие годы не получали окончательного разрешения²⁹.

Губернаторы, чтобы снизить нагрузку на земских начальников и одновременно улучшить качество землеустроительных работ, начали активно привлекать к внутринадельному землеустройству неприменных членов уездных землеустроительных комиссий, ранее в основном занимавшихся ликвидацией банковских земель. Однако их работа вначале была малозаметной. По мере расширения землеустроительных мероприятий неспособность земских начальников справляться с возложенными задачами стала очевидной. На это обратило внимание правительство, поэтому в новых правилах по землеустройству от 19 июня 1910 г. основные функции по проведению землеустроительных работ в уезде были переданы неприменным членам. Между тем по закону от 14 июня 1910 г. на земских начальников были возложены новые обязанности — юридическое оформление крестьянских наделов в беспредельных общинах в личную собственность. Тенденции к уклонению земских начальников от выполнения землеустроительных мероприятий начинали все сильнее ощущаться в поволжских губерниях³⁰.

По мнению В. Г. Гарбуза, подходы местных властей к решению землеустроительных задач были практически одинаковыми. Разная результативность их деятельности определялась особенностями губерний. Объективные условия успешного проведения реформы наблюдались в Самарской губернии. В Пензенской и Симбирской губерниях темпы землеустройства были низкими. Существенная проблема заключалась также в отсутствии четкой нормативной базы землеустроительного процесса. Правила по проведению таких работ были опубликованы 15 октября 1908 г. После этого нормативные акты выходили очень много раз, и некоторые из них противоречили друг другу. Проведение реформы в регионе зависело и от профессионального уровня местных землеустроителей, который здесь был низким³¹.

Во время аграрной реформы у местных органов власти существовали проблемы, касавшиеся собственных чиновников. Так, конечный результат выделяемых на нее денег не всегда можно было проследить точно. В 1911 г. из Пензенской губернской землеустроительной комиссии неприменным членам уездных комиссий были

разосланы бумаги, в которых говорилось следующее: «Несмотря на многочисленное число удовлетворенных Губернской Комиссией ходатайств Уездных Комиссий об отпуске ссуд на перенесение усадебной оседлости крестьянам, переселяющимся на выделенные им участки, сведений о вновь возникающих поселениях почти не поступает. Из этого следует, что или ссуды назначаются без достаточной осмотрительности таким домохозяевам, которые только заявили о намерении выселиться на участки, но в действительности его не осуществляют, или же установленные циркуляром от 25 сентября 1910 г. за № 4659 карточки о состоявшихся переселениях доставляются неаккуратно»³².

Темпы землеустройства в уездах, которые вошли в современную Мордовию, достигнув пика в 1911 г., начинали снижаться. Кроме проблем административного характера, существовали и многие другие. Главной из них было нежелание крестьян «выделяться на хутора». Это было связано не столько с недоверчивостью и непонятливостью крестьян, сколько с серьезными неудобствами, которые приносило землеустройство. С. Б. Котляров полагал, что «выделы отрубов и хуторов вносили дезорганизацию в землепользование остающихся в общине, и, естественно, крестьяне резко выступали как против выделенцев, так и против насильственного вымежевания земли землеустроителями: отказывали в предоставлении подсобной рабочей силы, посторонних рабочих прогоняли, уничтожали межевые знаки, отбирали мерные ленты, били землемеров»³³.

Известно также, что экономическое положение отрубников и хуторян было различным. В то время как достаточно обеспеченные землей хозяйства с переходом на отруб могли воспользоваться всеми выгодами землеустройства, малоземельные хозяйства только ухудшали свое положение. Многие из них в дальнейшем были вынуждены продавать свои земельные участки, чтобы расплатиться с долгами. В ходе землеустройства серьезной проблемой стала спекуляция землей. Ее сосредоточение в руках кулаков порождало недовольство. Правительство пыталось ограничить массовую распродажу укрепленных земель, и 18 мая 1911 г. был принят закон, устанавливавший опеку над крестьянами, продававшими наделные земли вследствие бедственного положения. Нахождение земель в руках зажиточного слоя крестьян влияло на ход землеустройства и в мордовской деревне.

И. И. Фирстов пришел к следующему выводу: «Несмотря на то что в общей сложности мордовское крестьянство было несколько лучше обеспечено землей и лошадьми, но действительное положение его было гораздо хуже, ибо в мордовской деревне было больше крепостных остатков, и к этому еще добавлялся жестокий национальный гнет. Следует также отметить, что в мордовской деревне был сильнее гнет кулачества, которое сосредоточило в свои руки большинство земли, лошадей и коров. Оно было сильнее экономически кулачества татарского и русского»³⁴. В ходе реформы бедные крестьяне почти не могли улучшить своего положения. Известно высказывание В. И. Ленина о таких «хуторянах»: «Преобладает, и преобладает в громадных размерах, другой разряд хуторян — нищие, разоренные крестьяне, которые пошли на хутора от нужды, ибо им некуда деться. „Некуда, так хоть на хутора“ — вот так говорят эти крестьяне. Голодая и мучаясь на нищенском хозяйстве, они уцепились за последнюю соломинку ради пособия на переселение, ради ссуды на устройство. Они бьются на хуторах, как рыба об лед; они продают весь хлеб на то, чтобы собрать взнос в банк; они вечно в долгу; бедствуют отчаянно;

живут как нищие; их прогоняют с хуторов за невзнос платы, и они превращаются окончательно в бездомных бродяг»³⁵.

Хутора и отруба на надельных землях часто по величине были различными. Иногда встречались участки в полдесятины. Среди недовольных выходом на отруба крестьян основной причиной называлось стесненное, скудное пастбище. Например, крестьянин А. Е. Анисимов из Ардатовского уезда по этому поводу сказал: «В нашем обществе вся надельная разбита на отруба. Прежде, когда было общее пользование землей, было у нас 3 поля, выгон и выпуск для скота. Скот тогда можно было выгонять куда угодно; а по новому порядку теперь и курицу нельзя выпустить, потому что у каждого стал свой участок и каждый вправе пасти только на своем участке. У кого большие души — 5, 3 или 4 — тем еще есть возможность иметь выпуск, так как им нарезаны порядочные участки, так десятин 10 — 15; а у кого меньше душ — те, что будут делать?»³⁶. Многие крестьяне просто не могли себе позволить выйти на хутор, так как у них не было для этого ни земли, ни средств. Так, один из крестьян Саранского уезда писал: «Выход из общин с переносом построек при настоящем положении невозможен, так как по случаю малоземелья от 2 до 6 десятин на дом, при таком плохом культурном развитии населения, вести трехполье при таких мелких клоках становится для крестьян вопрос этот неосуществимым... выход из общины у нас вовсе прекращен, потому у нас нечего отчуждать, хутор не поставишь, всего с 5 сажень останется на душу...»³⁷.

Выход закона о землеустройстве от 29 мая 1911 г. существенно изменил состав землеустроительных комиссий от земств и волостей. В связи с новым положением выбранные лица стали больше влиять на землеустроительный процесс. В обращении пензенского губернатора к уездным предводителям дворянства по этому поводу отмечалось: «...представляется необходимым обеспечить избрание наиболее желательного, с точки зрения землеустроительных интересов, выборного состава Комиссий, посему представлялось бы весьма полезным, если бы... объяснили участникам Съездов выдающееся значение для всей местной хозяйственной жизни Издания Положений о Землеустройстве... а также обратили внимание выборщиков на приостающую отсюда необходимость избрания в члены Комиссии лиц, правильно понимающих задачи землеустройства...»³⁸.

Таким образом, деятельность землеустроительных комиссий в мордовском крае, целью которых являлось насаждение хуторов и отрубов, была не совсем успешной. Это обуславливалось следующими причинами. Во-первых, данные комиссии начали свою работу довольно поздно, и большая часть чиновников слабо разбиралась в запутанном аграрном законодательстве, а также значительная часть данной работы выполнялась земскими начальниками, которые и без того были загружены делами. Во-вторых, практически сразу возникли проблемы, связанные с тем, что положение вещей вынуждало землеустроителей заниматься размежеванием земель между селениями и в общине, но не единоличными выделами. К тому же мордовские общины отличались стойкостью патриархальных традиций, и земельные отношения здесь были крайне непонятными. В-третьих, значительную роль сыграли недовольство большинства крестьян новым землеустройством, отрицательные приговоры сходов, бюрократия и формализм в ведении землеустроительных дел и недостаток опытных кадров.

Библиографические ссылки

- ¹ Столыпин П. А. Программа реформ : док. и материалы : в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 373.
- ² Котляров С. Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии (1906 — 1917) : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2005. С. 90.
- ³ ГА ПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 187. Л. 8 об.
- ⁴ См.: Дружинина Т. А. К вопросу об укреплении земли в личную собственность крестьянства в условиях Столыпинской аграрной реформы (по материалам Пензенской губернии) // Ист. зап. : межвуз. сб. науч. тр. Пенза, 2004. Вып. 8. С. 177 — 178.
- ⁵ Пенз. губерн. ведомости. 1914. 20 марта. С. 2.
- ⁶ См.: Материалы. IV : Справоч. сведения о ходе землеустройства и развитии агроном. помощи единолич. владельцам. СПб., 1911. С. 2.
- ⁷ ГА ПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 73. Л. 201.
- ⁸ См.: Материалы. С. 2.
- ⁹ ГА ПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 73. Л. 209 — 212.
- ¹⁰ Гребнев А. М. Аграрная реформа Столыпина в Пензенской губернии : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1956. С. 155.
- ¹¹ Там же. С. 160.
- ¹² ГА ПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 92. Л. 8.
- ¹³ См.: Шульпин П. И. Нижегородское крестьянство в борьбе с царизмом и помещиками (1900 — 1917). Горький, 1968. С. 88.
- ¹⁴ См.: Ростовцева Т. Н. Столыпинская аграрная реформа в Нижегородской губернии : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Н. Новгород, 2002. С. 85.
- ¹⁵ Там же. С. 102.
- ¹⁶ См.: Доклад неперменного члена уездной землеустроительной комиссии С. А. Бронского // Журнальные постановления Лукояновского уездного земского собрания 19, 20, 21 сентября 1908 г. Алатырь, 1909. С. 89.
- ¹⁷ Столыпин П. А. Указ. соч. С. 375.
- ¹⁸ ГА НО. Ф. 404. Оп. 306. Д. 3048. Л. 245 — 245 об.
- ¹⁹ См.: Ростовцева Т. Н. Указ. соч. С. 198.
- ²⁰ См.: Материалы. С. 4.
- ²¹ См.: Есенина З. П. Столыпинская аграрная реформа и крестьянское движение в годы ее проведения в Тамбовской губернии (1907 — 1914) : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1954. С. 130.
- ²² См.: Материалы. С. 5.
- ²³ Котляров С. Б. Указ. соч. С. 95.
- ²⁴ См.: Есенина З. П. Указ. соч. С. 144 — 145.
- ²⁵ См.: Материалы. С. 5.
- ²⁶ Гарбуз В. Г. Институт земских начальников и реализация Столыпинской аграрной реформы в Поволжье // Ист. зап. 2009. Вып. 13. С. 13.
- ²⁷ ГА ПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 187. Л. 8.
- ²⁸ См.: Фирстов И. И. Аграрные отношения в Мордовии в годы Столыпинской реакции и нового революционного подъема : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1951. С. 141.
- ²⁹ Там же. С. 148.
- ³⁰ См.: Гарбуз В. Г. Институт земских начальников... С. 14.
- ³¹ См.: Гарбуз В. Г. Проблемы взаимодействия органов центрального и местного управления в процессе осуществления Столыпинской аграрной реформы в Поволжье // Ист. зап. 2004. Вып. 8. С. 77 — 80.
- ³² ГА ПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 187. Л. 54.
- ³³ Котляров С. Б. Указ. соч. С. 89.
- ³⁴ Фирстов И. И. Указ. соч. С. 257 — 258.

³⁵ Ленин В. И. К вопросу об аграрной политике современного правительства // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 270.

³⁶ Статистический ежегодник Симбирской губернии за 1910 г. Симбирск, 1912. С. 78.

³⁷ Чернышев И. В. Община после 9 ноября 1906 г. Пг., 1917. С. 60.

³⁸ ГА ПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 187. Л. 39.

Поступила 31.05.2011 г.

УДК 371-051:336.563(470.4)

Г. А. Куршева, В. Н. Варламенков

G. A. Kursheva, V. N. Varlamenkov

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ В ПОВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ В 1920-е гг.*

FINANCIAL PROVISION OF TEACHING STAFF IN THE VOLGA REGION IN THE 1920s

Ключевые слова: учительство, заработная плата, прожиточный минимум, учебное заведение, Поволжский регион.

В статье дается характеристика финансового обеспечения учителей Поволжского региона в начале 20-х гг. XX в.

Key words: teaching staff, wages, the living minimum, educational institution, the Volga Region.

The characteristic of the financial support of teachers of the Volga Region in the early 20s of the XX century is given in the article.

В начале 1920-х гг. оплата труда работников образования в Поволжском регионе осуществлялась по двухуровневой системе. Расстроенное денежное хозяйство, массовая бедность и повседневная неустроенность учителей заставляли власть использовать все возможности для поддержания их минимального жизненного уровня.

Придя к власти в октябре 1917 г., большевики установили для членов ВЦИК прожиточный минимум 400 руб. в месяц¹. Пытаясь привлечь работников просвещения на свою сторону, в ноябре — декабре 1917 г. они повысили заработную плату учителям начальной школы до 1 500 руб. в год, или до 125 руб. в месяц². Это было в 3,2 раза меньше прожиточного минимума, который власть установила для себя. Однако данная мера не дала ощутимых результатов и не подтолкнула учительство к солидарным действиям в поддержку большевиков.

С января 1919 г. по январь 1921 г. прожиточный минимум в Самаре повысился в 345 раз, а заработная плата лишь на 338 %. Еще рельефнее ничтожность заработной

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-11-13012 а/В.

платы выступала по сравнению с прожиточным минимумом в их процентном соотношении. Если в январе 1919 г. минимальная ставка составляла 85,2 % от общей стоимости прожиточной нормы, то в 1920 г. — 7,7, а в 1921 г. — 0,8 %³. Как видно, в 1921 г. заработная плата сводилась почти к нулю. На «худеющий» рубль рабочими и учителями приобреталось все меньше продуктов. В январе 1919 г. энергетическая ценность продуктов, которые можно было купить на рубль, составила 445 кал., 1920 г. — 22, в 1921 г. — 1 кал.⁴ Это была уже не катастрофа для многих учителей, детей и их родителей, а коллапс, — невозможность жить в отдельных районах Поволжского региона. В среднем заработная плата рабочего равнялась 1 545 руб. в месяц. Следовательно, она только в 2,1 раза была больше минимальной тарифной ставки. Прожиточную норму составляли продукты с энергетической ценностью 2 700 кал. Из них на продукты, получаемые по карточке, приходилось 832 кал., а на покупаемые на рынке — 1 868 кал.⁵ Если учесть, что денег было мало, то ни рабочий, ни учитель не имели достаточного количества продуктов питания для восполнения энергии, затраченной на рабочем месте, при передвижении на работу и обратно. Повышение тарифных ставок не успевало за безостановочным ростом цен на продукты и предметы первой необходимости.

Положение на местах было весьма критическим. Учителя начальной школы Симбирской губернии получали 47 руб. в месяц. Такая ситуация приводила к неблагоприятному климату в семье. Кроме того, жалование не платили по несколько месяцев. Картину усугубляли свирепствовавшие в губернии голодный тиф и цинга. Уездные комиссариаты извещали, что учителя покидают школы, стремясь найти более оплачиваемую работу. В целях улучшения их положения на местах был проведен в жизнь декрет центра, увеличивший заработную плату учителям до 100 руб. в месяц. Для смягчения учительской оппозиции перед открытием Учредительского собрания Наркомпрос продублировал решение СНК РСФСР от 2 января 1918 г. о единовременном пособии учителям (100 руб.) в ноябре — декабре 1917 г. и в январе — марте 1918 г. В последующие месяцы 1918 г. жалование учителям городских начальных школ было доведено до 300 руб. в месяц, а сельским — до 240 руб. Эти суммы были внесены в смету на 1918 г.⁶

С 1 февраля 1919 г. ВЦСПС и Наркомтруд предлагали руководствоваться исходными ориентирами ставок. Начинаящие работники просвещения Единой школы 1-й и 2-й ступеней получали согласно своим категориям 1 590 руб. в год, с 5-летним стажем — 1 750 руб., дошкольные, внешкольные и школьные инструктора по просвещению — 2 100 руб., преподаватели средних технических и педагогических институтов и курсов — 2 200 руб.⁷

Для удовлетворения насущных материальных и финансовых потребностей власть использовала доступные на тот момент денежные и натуральные ресурсы. В апреле 1920 г. на просьбу А. В. Луначарского распределить деньги, выделяемые губерниям, в том числе учителям, пропорционально между всеми ведомствами, В. И. Ленин ответил так: «В Малый Совет: прошу провести это. Даже больше: надо дать предпочтение учителям»⁸.

Работник образования получал по 25-му разряду в январе 1922 г. 1 422 760 руб.; по 12-му разряду в феврале — 2 696 000 руб., в марте — 6 692 000 руб., а также в январе — 20 фунтов муки, феврале — 15 фунтов гороха, 1 фунт соли, марте — по 15 фунтов пшена и гороха, 1 фунт соли и в апреле — 10 фунтов гречневой крупы,

5 фунтов гороха, 20 фунтов муки, 3 фунта мяса, 1 фунт сахара, 4 фунта соли. При этом в 1921 — 1922 гг. пайками было обеспечено только 25 % работников просвещения⁹. Декрет СНК от 23 июня 1918 г. устранял разрыв, существовавший между заработной платой учителей привилегированных учебных заведений (гимназий, реальных и коммерческих училищ, духовных семинарий и т. п.) и учителей начальных классов. При этом продолжительность рабочего дня составляла 4 учебных часа, или 24 часа в неделю¹⁰.

Несогласованность финансовых обязательств органов власти (губисполкома, губоно), непонимание социально-политической и культурной значимости учительского сообщества, его ненадлежащее денежное обеспечение (интересы учителей отстаивала профессионально-общественная организация Всеработпрос) консервировали бедность учителей и неуважение к ним. Такое отношение к педагогам обедняло поле восприимчивости власти к запросам работников просвещения, снижало их социальную и профессиональную активность, мотивировало переход учителей в другие отрасли экономики. Выживать учительскому корпусу в начале 1922 г. было очень сложно.

В Пензенской губернии заработная плата учителей вместе с пайком составляла 3,33 руб. Однако ввиду крайнего недостатка финансовых средств им было выплачено за январь 1922 г. только 25 % от их содержания. В дальнейшем меры по улучшению положения работников просвещения были связаны, с одной стороны, с сокращением школьной сети, с другой — с увеличением нормы оплаты труда. В марте оплата повысилась до 50 %, апреле — до 70, в июле — до 100 % от установленной нормы. Труд учителей школ 1-й ступени составлял от 3 до 8 пуд. зерна в месяц, 2-й — от 5 до 14 пуд.¹¹ Однако оплата труда работников просвещения по сравнению с другими категориями работников была значительно ниже.

Кроме бедственного материального положения педагоги Симбирской губернии ощущали и правовую незащищенность. Сельские учителя, например, находились в полной зависимости от должностных лиц села и волости. Крайнюю бедность, которую они испытывали, трудно было сравнить даже с нуждой в крестьянских семьях. В некоторых школах Сенгилеевского уезда месячный оклад учителя (без продуктового пайка) составлял, как и в Пензенской губернии, 3,33 руб. К тому же кадры были малочисленными и малограмотными¹².

Учительский корпус в полной мере разделял тяготы и страдания вместе с широкими слоями крестьян, рабочих и служащих. Согласно данным расценочно-контрольной комиссии, ответственные работники губоно могли позволить себе на свою заработную плату более широкий набор товаров. В октябре 1922 г. их ставки были следующими: по 10-му разряду они получали 12 тыс. руб., 11-му — 12,8 тыс., 12-му — 14 тыс., 13-му — 14,8 тыс., 14-му — 16 тыс., 15-му — 17,2 тыс., 16-му — 18,4 тыс. и по 17-му разряду — 20 тыс. руб. Ставка заведующего этим отделом соответствовала 17-му разряду¹³.

Местные чиновники не разделяли лишения населения. Так, ревизия РКИ по Пензенской губернии в августе 1922 г. отметила настойчивое стремление губоно обеспечить служащих своего управленческого аппарата содержанием, которое превышало заработную плату работников других учреждений. Губоно установил для своей коллегии «перегрузку» в работе, следствием которой явилось удвоение ее содержания: заведующий данным отделом в июле вместо 9 тыс. руб. получил 18 тыс. руб., а

члены коллегии вместо 8,4 тыс. руб. — 16,8 тыс. руб. Средства, израсходованные на эту оплату, составили в августе 85 тыс. 500 руб. При обычном для школьных работников окладе (2 тыс. 400 руб.) на эту сумму можно было содержать в течение месяца почти 2 школы 2-й ступени и 9 школ 1-й ступени¹⁴.

В итоге выяснилось, что для ответственных работников, которые во внеслужебное время по характеру занимаемой должности выполняли различные работы, не поддающиеся учету, установили дополнительную надбавку до 50 %, а для учителей, которые во внеучебное время по характеру занимаемой должности выполняли различные виды работ, вполне поддававшиеся материальному учету (например, создание карт, схем, рисунков, моделей, иллюстраций и подготовка проверочных заданий, текстов и т. д.), подобные надбавки не предусматривались. После того как ревизия РКИ охладила стремления чиновников к привилегиям, государственные служащие находчиво искали любые пути, чтобы поправить свое благосостояние.

Руководящему органу учреждения предоставлялось право повышать или понижать процентную надбавку отдельным работникам в зависимости от их загруженности и характера работ, но это вознаграждение не должно было превышать 50 % его основной ставки¹⁵. Однако подобные надбавки не были предусмотрены для учителей. Не имея прямой финансовой возможности в полной мере помогать образованию выполнять свои просветительские функции, власть усиливала координацию подчинявшихся ей структур через создание новых органов управления. В частности, в целях объединения и укрепления хозяйственной деятельности местных экономических органов согласования, привлечения их к выполнению своих обязанностей как на местах, так и в масштабах государства при губисполкомах на правах их комиссий Постановлением ВЦИК от 1 июля 1921 г. были образованы губернские экономические совещания (губэконосо)¹⁶. В обязанности губисполкомов входило то или иное предварительное установление наиболее приемлемых для определенной местности правил с обязательным расширением самостоятельности ее структур, и особенно низших ячеек¹⁷. Среди позиций, которые находились в поле зрения и ответственности губисполкома и губэконосо, в частности, были количество высших и низших учебных заведений, их социальный состав, число студентов, обеспеченность учебных заведений пособиями и другими учебными материалами, продовольствием, количество пайков, выдаваемых учащимся, их положение, меры, принятые для его улучшения, формы проявления самодеятельности населения в деревне, в том числе касавшиеся помощи учащимся и школе¹⁸.

Школа могла поддерживать себя при содействии местных властей. Вопрос о наделении учебных заведений и детских учреждений земельными участками реализовался через инструкции Наркомпроса совместно с Наркомземом¹⁹, решения уездных органов власти об условиях их обработки общественными силами. Однако камертоном, который задавал нужное гуманитарное направление, являлись декреты и постановления СНК. В связи с декретом СНК от 22 июля 1921 г.²⁰ Наркомпросу и отделам народного образования предоставлялось право организовывать собственные производственные предприятия, пошивочные и починочные мастерские и сельскохозяйственные фермы. Их работа проводилась как силами самих учащихся, так и совместно с кооперативами, артелями и частными лицами на договорных началах²¹. Осуществляя посевную кампанию ресурсами уоно, власти получали обнадеживающие результаты. Так, в Самарской губернии собрали 1 269 пуд.

ржи, 1 206 пуд. пшеницы, 1 645 пуд. проса, 395 пуд. овса, 3 462 пуд. картофеля, свыше 1 000 пуд. овощей. Было скошено 10 тыс. пуд. сена. Вновь засеяно 48 дес., вспахано 85 дес.²²

В Пугачевском уезде Самарской губернии 115 школ были обеспечены земельными участками, в среднем на одну школу приходилось по 5 дес. Обычная отдаленность земельного участка не превышала 2 — 3 версты. Семена для засева школьных участков отпускались из общего семенного фонда волости с расчетом 6 пуд. пшеницы на десятину. Население к созданию таких участков относилось сочувственно. Волостной и уездный исполкомы оказывали содействие в проведении в жизнь вопроса об отводе и засевах школьных участков²³. Если по какой-то причине не удавалось их вспахать и засеять, то волысполкомы и сельсоветы по постановлению уисполкома обязаны были выделять из будущего урожая фонд, равный среднему сбору с 5 дес.²⁴ В целях равной социальной защиты работников просвещения города и села губоно отдавал распоряжение всем уоно об обязательном включении в договоры с сельскими обществами пункта об их отчислениях на социальное страхование. За выполнением этого пункта должны были наблюдать уездные отделения²⁵. В последующие годы по мере укрепления крестьянского хозяйства, дававшего через самообложение, договорные школы, средства Комитета крестьянской взаимопомощи и другие формы содержания школы часть школьного бюджета, и особенно после X съезда РКП(б) (март 1921 г.), X Самарского губернского съезда Советов (10 — 14 декабря 1922 г.)²⁶ и X Всероссийского съезда Советов (декабрь 1922 г.), отношение власти к учительству изменилось. Оно формировалось с учетом тех политических, экономических и социально-культурных перспектив определения подобающего места учительского сообщества в структурной системе «власть — общество — образование». Так, в резолюции X губернского съезда Советов по докладу «О народном просвещении» было отмечено, что для усиления материальной базы просвещения необходимо использовать следующие формы материальной помощи: прикрепление учебных заведений к советским хозяйственным и профессиональным учреждениям и организациям, шефство над ними, процентное отчисление им от доходов хозяйственных органов. Говорилось также о необходимости создания в уездах местных фондов, направленных на пополнение средств народного образования путем общественных запасок, обязав уисполкомы, волысполкомы и сельсоветы с весны 1923 г. произвести общественный посев на создание указанного фонда. Расходование средств на другие цели запрещалось²⁷.

Успешное осуществление процесса обучения обуславливалось достаточным жизненным уровнем работников просвещения. В рассматриваемый период наблюдалось несоответствие их квалификации заработной плате, которую они получали. Если за единицу измерения жалованья принять 100 %, то оно составляло в начале 1923 г. у деревообделочников 81,0 %, строителей — 76,3, бумажников — 68,7, а у работников просвещения — 12,9 %²⁸. С переводом почти всей школьной сети 1-й и 2-й ступеней на содержание местных бюджетов с 1 января 1923 г. (согласно постановлению ВЦИК от 11 января 1922 г.) материальное положение учительства лишь усугубилось. Минимальные ставки, которые удовлетворяли лишь 12 % прожиточного уровня учителей, были недостаточны для их нормальной жизни. В связи с этим губуправление работников просвещения настаивало на увеличении заработной платы учитель-

скому корпусу по 1-му разряду до 2,5 товарного рубля, грозя в противном случае объявить себя по отношению к губоно в состоянии конфликта. Губоно в свою очередь обратило внимание губисполком на то, что запрашиваемая минимальная сумма могла покрыть лишь 15 % годовой сметы²⁹. Такое финансовое обеспечение могло привести к полному разрушению сети культурно-просветительских учреждений. К тому же Пензенский уоно считал, что хлебный фонд, полученный им на нужды школ в результате самообложения населения, должен был целиком поступать в его распоряжение как специальный фонд учебных заведений и никакому отчислению из него в уездное экономическое совещание не подлежал (основание — постановление СНК от 6 марта 1923 г.). Однако уездные власти считали, что этим фондом можно было воспользоваться³⁰.

Меры улучшения финансового положения учителей были заложены немного раньше декретом СНК РСФСР от 6 марта 1923 г. «Об образовании при учебных заведениях специального денежного фонда»³¹. И так, денежные средства, позволявшие осуществлять образовательную политику в стране, формировались в условиях пересекавшихся векторов ответственности власти при вынужденном сдержанном участии государства и посильной солидарности населения, которое определяло степень своего участия в образовательных процессах исходя из реальных потребностей, целесообразности и скромных возможностей. Эта *мигрирующая ответственность* то включала элементы системы в структуру, то исключала их, увеличивая объемы одних и уменьшая участие других, что в итоге приводило к дисбалансу, сбою системы. Это рождало в людях неуверенность в завтрашнем дне, недовольство результатами политики государства, сомнения в правильности выбранной властью политики. Неустойчивое финансирование государством образовательной сферы заставляло власть перекладывать на школы часть финансового обеспечения и ответственность. 26 марта 1924 г. Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей Наркомпроса выпустило циркуляр № 24 «Об отчетности школ перед населением»³². Таким образом, школа выступала буфером между народом и властью, принимая одобрение и недовольство населения образовательной практикой, с одной стороны, и являлась рупором идей государства — с другой.

16 мая 1924 г. СНК РСФСР постановил направить местным исполкомам 3 млн 700 тыс. руб. в целях повышения заработной платы учителей³³. На практике это выглядело так: в 1-м тарифном поясе она составляла 22 руб. 25 коп., во 2-м — 18 руб. 80 коп., в 3-м — 15 руб. 70 коп.³⁴ Вторая сессия ВЦИК (октябрь 1924 г.) подтвердила, что средняя заработная плата учителя в школе 1-й ступени должна быть не ниже 25 руб. в месяц. Для того чтобы это постановление было проведено в жизнь, правительство дважды выделяло из госбюджета субвенцию: сначала 14 млн руб., а затем 5 млн руб. Это дало возможность повысить заработную плату еще на несколько рублей³⁵.

Промежуточное взаимодействие власти, общества и образования показывает, что вмешательство в общий программный ход событий локальных программ Гражданской войны, голода, болезней и, как следствие, недостаток финансовых средств принуждали власть к переводу школ 1-й и 2-й ступеней на баланс местных бюджетов, а также к частичному вложению средств населением. Такой поворот событий приводил к нелинейному результату, т. е. влекущему непредсказуемые последствия,

изменению соотношения правовой и материальной мигрирующей ответственности и солидарности. Для того чтобы вернуть процессы взаимодействия власти, общества и образования в линейное русло, требовалось разумное вмешательство власти в создание адекватных условий, обеспечивающих поиск и формирование системного стандарта нормы. Человек всегда должен знать, ради чего и кого он живет, на какую поддержку государства он может рассчитывать. Только тогда возможно проживание своей жизни в полной мере своих дарований, требующих достойного материального и духовного обеспечения. В рассматриваемый период недостаток материальных средств ощущался повсюду. Это следует из данных различных источников, которые с небольшими отклонениями дают сравнительный обзор денежного вознаграждения преподавательского и учительского труда.

Управление местными финансами Наркомфина разъяснило, что Закон от 2 августа 1926 г. «О минимальных ставках зарплаты для некоторых групп работников, состоящих на местном бюджете»³⁶ касался только работников, проживавших в сельской местности и городах с населением до 15 тыс. жителей, т. е. тех категорий работников, в выплате заработной платы которых в 1926/27 учебном году доленое участие принимало государство. Однако управление полагало, что установление обязательных минимальных ставок в таких городах было вызвано тем, что учителя других городов, экономически более сильных, в особом нормировании ставки якобы не нуждались. Тем не менее практика 1925/26 учебного года давала все основания полагать, что и в 1926/27 учебном году на местах не должны возникать сомнения в том, что следовало бы установить одинаковые ставки для однородных групп работников, и это должно быть основано не столько на требованиях закона о доленом участии государства в расходах на местах, сколько на соображениях целесообразности и справедливости³⁷.

Таким образом, материальное и правовое обеспечение работников образования Поволжского региона Советской России в 1920-х гг. осуществлялось без учета объективных законов истории, системного стандарта взаимодействия власти, общества и образования, что отражалось на ненадлежащем проявлении солидарности и ответственности всех участников исторического процесса и неподобающем качестве принимаемых решений в интересах общества и образования. Это приводило к неустойчивому, нерегулярному и несбалансированному снабжению учительского корпуса денежным довольствием, материальными благами и продовольственными товарами. Особые условия оплаты труда, пенсионного обеспечения, продовольственного и материального снабжения властных структур приводили систему в напряженное состояние, к неравноправному стратегическому сосуществованию ее элементов, сокращению предсказуемости общественных инициатив и позитивного ответа на вызовы времени.

Библиографические ссылки

¹ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 38.

² См.: **Королев Ф. Ф.** Очерки по истории советской школы и педагогики (1917 — 1920). М., 1958. С. 144.

³ См.: **Третьяков А.** Стоимость прожиточного минимума одинокого рабочего за три последних года // Вестн. Самар. губерн. стат. бюро. 1921. № 2. С. 25.

⁴ Там же. С. 26.

- ⁵ См.: **Баскин Г.** Прожиточный минимум // Там же. № 1. С. 42.
- ⁶ См.: Нар. просвещение. 1919. № 11 — 12. С. 123.
- ⁷ Там же. № 35 — 36. С. 15.
- ⁸ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 51. С. 181.
- ⁹ См.: **Равкин З. И.** Советская школа в период восстановления народного хозяйства (1921 — 1925 гг.). М., 1959. С. 240.
- ¹⁰ См.: **Королев В. В.** Указ. соч. С. 145.
- ¹¹ ЦГА СО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 785. Л. 40 об.
- ¹² См.: Край Ильича за 50 советских лет. Ульяновск, 1967. С. 236.
- ¹³ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 885. Л. 10.
- ¹⁴ ЦГА СО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 1239. Л. 104 об.
- ¹⁵ Там же. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 172. Л. 66.
- ¹⁶ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1921. № 44. Ст. 223. С. 255.
- ¹⁷ Там же. С. 260.
- ¹⁸ Там же. С. 288.
- ¹⁹ ГА ПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1116. Л. 76.
- ²⁰ См.: Собрание узаконений... № 57. Ст. 358. С. 287.
- ²¹ СУ РСФСР. М., 1921. № 64. Ст. 482. С. 587 — 588.
- ²² См.: Нар. просвещение. 1923. № 4. С. 225.
- ²³ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1114. Л. 9.
- ²⁴ Там же. Л. 15.
- ²⁵ Там же. Ф. 9467. Оп. 1. Д. 20. Л. 84 об.
- ²⁶ ЦГА СО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.
- ²⁷ См.: На фронте просвещения : сб. ст. и резолюций по нар. образованию. Самара, 1923. С. 20 — 21.
- ²⁸ См.: Нар. просвещение. 1923. № 2. С. 4.
- ²⁹ ГА ПО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 964. Л. 6.
- ³⁰ Там же. Л. 62.
- ³¹ См.: СУ РСФСР. М., 1923. № 18. Ст. 231. С. 163.
- ³² См.: Власть Советов. 1924. № 5. С. 231; Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1924. № 13.
- ³³ См.: Власть Советов. № 3 — 4. С. 168.
- ³⁴ См.: Нар. просвещение. 1924. № 9 — 10. С. 13.
- ³⁵ Там же. 1925. № 1. С. 10.
- ³⁶ См.: Изв. ЦИК СССР. 1926. № 190.
- ³⁷ ГА ПО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 1801. Л. 7.

Поступила 27.05.2011 г.

УДК 342.534

И. Ю. Асабин

I. Yu. Asabin

**СОВЕТЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ В СЕРЕДИНЕ 1960-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.**

**THE SOVIETS OF PEOPLE'S DEPUTIES
AS THE REPRESENTATIVE ORGANS OF STATE POWER
IN THE MIDDLE OF 1960s — THE FIRST HALF OF 1980s**

Ключевые слова: Советы народных депутатов, представительные органы власти, брежневский период, эволюция местных органов власти, полномочия Советов народных депутатов, состав депутатов местных Советов.

В статье рассматриваются проблемы развития Советов народных депутатов в МАССР в середине 1960-х — первой половине 1980-х гг. Особое внимание уделяется составу депутатского корпуса, динамике полномочий Советов. Анализируются попытки их реформ в доперестроечное время.

Key words: the Soviets of People's Deputies, the representative organs of power, the Brezhnev era, the evolution of local authorities, power of the Soviets of People's Deputies, the structure of deputies of the local Soviets.

The problems of development of the Soviet People's Deputies in the Mordovian ASSR in the middle of 1960s — the first half of 1980s are considered in the article. Particular attention is paid to the structure of the deputy corps, the dynamics of power of the Soviets. The attempts to reform them in the pre-perestroika times are analyzed as well.

Руководство КПСС по-своему видело пути развития демократии, противопоставляя ее цивилизованному общемировому пониманию как особую научно-практическую доктрину общенародного государства в форме Советов депутатов трудящихся. В Программе КПСС подчеркивалось: «В ходе коммунистического строительства будет повышаться роль Советов, которые являются всеохватывающей организацией народа, воплощением его единства. Сочетая в себе черты государственной и общественной организации, Советы все более выступают как общественные организации при широком и непосредственном участии масс в их деятельности»¹. Советы предлагалось рассматривать как форму непосредственного народного самоуправления. Однако в этом смысле они не смогли выступить в качестве субъекта реализации исторической необходимости в управлении страной и ее регионами. Поэтому ясно выявилась старая практика российского общества осуществлять государственное строительство сверху². В условиях середины — второй половины 1960-х гг., когда страна устала от реформирования, данная тенденция проявилась достаточно четко.

Во второй половине 1960-х гг. в Советском Союзе были предприняты шаги по укреплению вертикали власти, существенно расшатанной экономическими и политическими экспериментами предыдущего этапа развития. В Мордовии был восстановлен территориальный принцип построения советских органов, частично разукруп-

нены районы и проведены другие мероприятия, способствовавшие укреплению Советов. Кроме того, тенденция укрепления властной вертикали проявлялась в расширении компетенции Советов депутатов трудящихся, тщательной регламентации и законодательном закреплении полномочий депутатов, в строгой иерархичности Советов, что способствовало усилению влияния советских органов на развитие подведомственной территории.

В середине 1960-х гг. система Советов депутатов трудящихся Мордовии включала в себя 439 местных Советов, в том числе 21 районный, 3 городских (республиканского подчинения), 4 городских (районного подчинения), 394 сельских и 17 поселковых. В них работали около 13 400 депутатов, вокруг которых объединялось более 110 тыс. активистов³. Как отмечалось, «Советы стали глубже вникать в организацию производства, конкретнее заниматься вопросами культурного обслуживания населения»⁴.

В 1970-е гг. ситуация практически не изменилась, лишь незначительно увеличилось число депутатов. Достаточно типичную для тех лет картину позволяют представить результаты выборов 1973 г. Так, было избрано 14 102 депутата, из них 3 094 (21,9 %) рабочих, 6 135 (43,5) колхозников и 4 873 (34,6 %) служащих. Среди них 6 641 (47,0 %) депутат был коммунистом, 2 194 (15,5) — членами ВЛКСМ и 7 461 (37,5 %) беспартийным. 2 487 чел. (17,6 %) имели высшее образование, 6 008 (42,6) — среднее, 4 099 (29,0) — неполное среднее, 1 508 чел. (10,8 %) — начальное. Национальный состав депутатов отражал специфику республики: представителей мордвы насчитывалось 5 343 чел. (37,8 %), русских — 8 049 (57,0), татар — 580 (4,1) и других национальностей — 130 чел. (1,1 %). В Верховный Совет СССР от Мордовии было избрано 15 депутатов, Верховный Совет РСФСР — 7 и в Верховный Совет МАССР — 146 депутатов⁵.

Особое место в системе Советов Мордовии занимал Верховный Совет МАССР, который являлся высшим органом государственной власти республики. В его функции входили: принятие Конституции МАССР, внесение в нее изменений; принятие законов МАССР; утверждение государственных планов экономического и социального развития МАССР; утверждение Государственного бюджета МАССР и отчетов об их исполнении; образование Совета министров МАССР и иных подотчетных органов; решение о признании полномочий депутатов, а в случае нарушения законодательства о выборах — о признании выборов отдельных депутатов недействительными⁶.

Верховный Совет МАССР избирал президиум — постоянно действующий орган Верховного Совета МАССР, который назначал выборы в Верховный Совет МАССР и местные Советы, созывал сессии Верховного Совета МАССР, координировал деятельность его постоянных комиссий, контролировал соблюдение Конституции МАССР, давал толкование законов МАССР, осуществлял руководство деятельностью местных Советов. В полномочия президиума входили образование городов районного подчинения, районов в городах, их наименование и переименование, образование и упразднение сельсоветов, а также решение иных вопросов административно-территориального устройства республики в соответствии с законодательством РСФСР. Верховный Совет МАССР мог отменять постановления и распоряжения Совета министров МАССР, решения районных и городских (городов республиканского подчинения) Советов народных депутатов в случае их несоответствия закону⁷.

Анализ половозрастного и национального состава Верховного Совета МАССР различных созывов показал, что средний возраст депутатов 6-го созыва составил 42,2 года, 7-го — 42,0, 8-го — 40,3, 9-го — 41,2 и 10-го созыва — 41,7 года⁸. В депутатском корпусе преобладали мужчины. Так, среди депутатов 6-го созыва их насчитывалось 66 %, 7-го — 67, 8-го — 60, 9-го — 60 и 10-го созыва — 61 %. Женщины составили соответственно 34, 33, 40, 40 и 39 %⁹.

Говоря о национальном составе депутатов, следует отметить, что здесь наблюдалось преобладание русских: в 6-м созыве — 55,5 %, 7-м — 52,3, 8-м — 50,3, 9-м — 54,0 и в 10-м созыве — 58,9 %. Мордва составила соответственно 41,4; 40,4; 44,8; 42,7 и 36,0 %. Среди депутатов всех созывов татар насчитывалось менее 1 %¹⁰.

Что касается образовательного уровня депутатов, то в 1963 — 1984 гг. отмечался его некоторый рост. Так, увеличилось число лиц с высшим и неоконченным высшим, со средним и неоконченным средним образованием (таблица).

Таблица

**Уровень образования депутатов Верховного Совета МАССР
в 1963 — 1984 гг., чел. (%)**

Образование	1963 — 1967	1967 — 1970	1971 — 1974	1975 — 1979	1980 — 1984
Высшее	65 (50,8)	79 (57,8)	75 (51,7)	82 (54,7)	87 (49,7)
Неоконченное высшее	12 (9,4)	1 (0,7)	1 (0,7)	2 (1,3)	1 (0,6)
Среднее специальное	—	—	7 4,8	—	—
Среднее	11 8,6	13 10	29 20	36 24	72 41,1
Неоконченное среднее	36 28,1	— 0	31 21,4	30 20	14 8
Начальное	— 0	— 0	2 1,4	— 0	— 0
Неизвестно	4 3,1	45 32,6	— 0	— 0	1 0,6
Всего	128 100,0	138 100,0	145 100,0	150 100,0	175 100,0

Составлена по: Депутаты Верховного Совета Мордовской АССР. Шестой созыв. Саранск, 1963 ; Депутаты Верховного Совета МАССР. Седьмой созыв. Саранск, 1967 ; Депутаты Верховного Совета МАССР. Восьмой созыв. Саранск, 1971 ; Депутаты Верховного Совета МАССР. Девятый созыв. Саранск, 1976 ; Депутаты Верховного Совета МАССР. Десятый созыв. Саранск, 1980.

В деятельности Верховного Совета МАССР всех созывов непосредственно участвовали в основном работники сельского хозяйства и промышленности, партийных и советских органов. Преобладание в депутатском корпусе представителей сельского хозяйства было обусловлено их наибольшей численностью в экономике республики. В итоге среди депутатов 6-го созыва они составили 38 %, 8-го — 35, 9-го — 37 и 10-го созыва — 33 %, работники промышленности — соответственно 10, 21, 20 и 24 %, что объяснялось набравшим темпы индустриальным развитием республи-

ки. Партийные работники среди депутатов 6-го созыва составили 20 %, 8-го — 18, 9-го — 21 и 10-го созыва — 19 %¹¹. Особо следует сказать о численности депутатов, работавших в органах государственной власти. Р. С. Ермаков и В. В. Щербаков, рисуя «коллективный портрет» депутатского корпуса, выделили две категории работников, связанных с этой сферой, — работников органов государственной власти и Советов. Р. С. Ермаков и В. В. Щербаков писали: «Представители органов государственной власти на протяжении всей деятельности ВС МАССР — РМ занимали стабильно около 13 % депутатских мест... Примерно такая же ситуация складывалась и с представителями районных Советов народных депутатов, в среднем во всех созывах их насчитывалось 9,6 %»¹². Мы считаем подобный подход ошибочным, поскольку Советы были составной частью системы органов государственной власти.

Неотъемлемой чертой жизни регионального социума тех лет являлось воздействие КПСС на деятельность органов государственной власти. Поэтому среди депутатов Верховного Совета МАССР 6-го созыва 70 % были коммунистами, 8-го — 61, 9-го — 60 и 10-го созыва — 60 %. Попутно подчеркнем роль коммунистов в работе советских органов, что достаточно ярко прослеживалось в деятельности первичных партийных организаций исполкомов. Однако при этом не стоит представлять деятельность партийных организаций в Советах как определяющее явление, в ней было много формализма, видимости успешной работы¹³.

Одной из черт депутатского корпуса Верховного Совета МАССР являлась ротация. В Конституции Мордовии не было ограничений для повторных избраний в его состав. Однако показатель обновляемости системы характеризовал степень динамики ее развития. В Верховный Совет МАССР 6-го созыва повторно было избрано 32,0 % депутатов, 8-го — 28,3, 9-го — 26,7 и 10-го созыва — 28,0 %. В этом аспекте Верховный Совет МАССР можно квалифицировать как достаточно устойчивую систему¹⁴.

Во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. предпринимались серьезные попытки модернизировать систему Советов, сделать ее отвечающей потребностям времени. Одним из первых шагов в этом направлении стал Закон СССР о статусе народных депутатов, принятый Верховным Советом СССР 20 сентября 1972 г. Он закрепил многочисленные, в сущности, достаточно разумные и демократически обоснованные права депутатов. Например, депутат имел право на безотлагательный прием должностными лицами соответствующих государственных и общественных органов, предприятий, учреждений и организаций, на требование устранить нарушения законности и т. д.¹⁵ Однако на практике он не всегда мог в полной мере воспользоваться своими правами. Так, депутатская территориальная группа № 8, которую возглавлял Р. П. Громков, не сумела решить вопрос о санитарном состоянии ведомственного жилого фонда в поселке ТЭЦ-2, хотя депутаты неоднократно обращались к руководству инструментального и консервного заводов, треста «Мордовспецстрой», Мордовского территориального управления строительства¹⁶. Распространенность подобных примеров позволяет говорить о том, что контроль со стороны депутатов за деятельностью хозяйственных и государственных лиц был достаточно слабым и неэффективным.

Следует отметить, что депутаты Советов могли применять к нарушителям законодательства различные санкции: потребовать от руководства конкретного учреждения либо предприятия устранить имеющиеся недостатки в работе с кадрами;

строго предупредить за допущенные небрежности в работе; просто предупредить. Однако применение дисциплинарных мер воздействия, особенно связанных с увольнением, было возможно только после негласного одобрения соответствующим партийным комитетом. Последний в данном случае выступал неофициальным куратором соответствующего Совета, что ограничивало правоспособность Советов народных депутатов.

Арсенал средств воздействия советских органов в значительной мере пополнился в 1970-х — первой половине 1980-х гг. Однако законодательное оформление данных прав без четко прописанной юридической процедуры реализации делало их формальными. Кроме того, мощное ведомственное лобби, усилившееся в конце 1970-х — первой половине 1980-х гг., в большинстве случаев полностью блокировало исполнение санкций в отношении руководителей подведомственных им предприятий. Советы народных депутатов со своим более чем скромным финансированием не могли противостоять ведомственным интересам, что приводило к непропорциональному развитию производственной сферы в ущерб социальной инфраструктуре. В этих условиях руководство республики стало уделять больше внимания наращиванию материально-финансовой базы Советов, полагая, что финансовая самостоятельность приведет к улучшению их работы. Особое значение для развития экономической базы Советов имел Закон Мордовской АССР от 28 декабря 1971 г. «О районном Совете народных депутатов Мордовской АССР». В результате в 1971 — 1977 гг. отмечалось увеличение финансовых средств, аккумулирующихся в бюджетах местных Советов народных депутатов: бюджеты районных Советов увеличились в среднем на 19 — 22 %, городских — на 56 — 67, Саранского городского Совета народных депутатов — на 74 %¹⁷.

Нормативная деятельность руководства страны в первой половине 1970-х гг. коснулась прежде всего усиления финансовой независимости городских и районных Советов народных депутатов. Именно данная категория Советов получила возможность увеличить свой бюджет за счет финансовых средств, отчисляемых предприятиями с подведомственной им территории. Однако законодатели были непоследовательны в стремлении улучшить работу Советов, так как законы коснулись только предприятий республиканского подчинения. Предприятия союзного подчинения остались, по существу, «отдельными государствами в государстве». Поэтому проблема с ассигнованиями по-прежнему была достаточно серьезной. Более того, по законам положение в сельских Советах не изменилось. Они, как городские и районные Советы, страдали от недостатка средств на осуществление социально-экономической политики.

Особой вехой на пути повышения роли местных Советов депутатов трудящихся в развитии подведомственной им территории стала Конституция СССР, принятая на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР 9-го созыва 7 октября 1977 г. Она внесла существенные изменения в положение Советов, которые стали называться Советами народных депутатов. Разработчики Конституции более четко определили их место в системе государственной власти. Советы народных депутатов являлись государственными органами, составляющими политическую основу СССР. Все другие государственные органы были подконтрольны и подотчетны Советам. Если ранее бытовала их трактовка как полуофициальных, полугосударственных организаций, то с принятием Конституции 1977 г. подобное противоречие исчез-

ло. С учетом основных положений Конституции СССР 30 мая 1978 г. на внеочередной сессии Верховного Совета МАССР была принята Конституция МАССР. В ней подчеркивалось: «Вся власть в Мордовской АССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу Мордовской АССР»¹⁸.

В 1979 г. Верховный Совет МАССР принял закон о поселковом и сельском Советах народных депутатов, уточняющий принципы образования и деятельности соответствующих Советов. В нем подчеркивалась обязанность Советов заниматься сбором статистической информации, осуществлять контроль над природопользованием на подведомственной им территории, а также целый комплекс других мероприятий в сфере торговли, быта, здравоохранения и образования. Однако не были уточнены дополнительные источники пополнения бюджетов Советов, что создавало значительные трудности для выполнения ими своих функций. Без финансирования сельсоветы были не в состоянии решать жизненно важные вопросы сельского благоустройства. Так, Кочелаевский, Новопшеневский и Токмовский сельсоветы, расположенные на территории колхоза «Россия» Ковылкинского района, не могли построить самостоятельно даже мост через ручей, а мизерных поступлений от самообложения едва хватало на оплату уличного освещения, покраски памятников¹⁹.

Как показывает опыт 1970-х гг., принятые в этот период законодательные и иные меры по обеспечению более эффективного руководства Советами комплексным развитием территории оказались недостаточными. Нарращивание материально-финансовой базы Советов и переход в их ведение хозяйственных объектов местного значения шли медленно. Не были разработаны действенные гарантии осуществления Советами координационно-контрольных функций в отношении предприятий и объединений вышестоящего подчинения, расположенных на их территории. Поэтому Советы не в полной мере использовали предоставленные им права в обеспечении комплексного развития хозяйства на подведомственной территории, реализации имеющихся возможностей для увеличения товаров народного потребления.

В 1980-е гг. тенденция, направленная на укрепление самостоятельности Советов, в целом сохранялась. Согласно постановлению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета министров СССР от 19 марта 1981 г. «О дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве» были расширены координационные и контрольные функции местных Советов, усилено их влияние на повышение эффективности работы объединений и предприятий. Местные Советы народных депутатов, в частности, наделялись рядом бюджетно-финансовых прав: они могли оказывать единовременную денежную помощь гражданам, пострадавшим от стихийных бедствий, понижать ставки местных налогов и сборов, предоставлять дополнительные льготы отдельным гражданам в случаях, предусмотренных законодательством. Новые права нашли яркое проявление в деятельности Саранского городского Совета народных депутатов, исполком которого с начала 1980-х гг. выдал денежные ссуды на индивидуальное строительство и ремонт домов более чем 20 гражданам и 10 организациям. В 1982 г. общая сумма денежных ссуд, выданных на индивидуальное строительство и ремонт домов, достигла 30 тыс. руб., 1985 г. — 72 тыс. и в 1986 г. — 69 тыс. руб. Правом понижать ставки местных налогов и сборов и устанавливать льготы на них активно пользовались райсоветы городов. Так, руководствуясь решением от 22 января 1982 г.

«О проведении в 1982 г. сельскохозяйственного налога в населенных пунктах Горяйновского и Напольно-Тавлинского сельских Советов Ленинского района города Саранска», исполком Ленинского райсовета рассмотрел вопрос о понижении ставок местных налогов²⁰.

Однако данные нормативные документы реальной финансовой и управленческой независимости местным Советам не предоставили. В связи с этим интересно мнение депутата Токмовского сельсовета В. Медянкиной: «Никакой властью Советы не располагают, разве что номинальной. Это сбор самообложения, сельскохозяйственного налога, выдача всевозможных справок, определение бюджета, которым распоряжаются руководители организаций, предприятий, колхозов и совхозов. Советы без финансирования из Госбюджета, без дотаций, без финансовой помощи колхозов и совхозов существовать не могут. А это значит, что местные Советы живут на иждивении тех, кто имеет средства»²¹. Подобным образом рассуждал председатель исполкома Саранского горсовета М. Ф. Ковшов: «Многие наши права лишь на бумаге. Например, выпуск товаров народного потребления как планировали раньше министерства, так и продолжают планировать, а мы — в стороне. К нашему голосу порой просто не прислушиваются. И согласование проектов планов проходит мимо нас»²².

С одной стороны, расширение компетенции местных Советов представляло собой объективный процесс, способствовавший усилению их влияния на экономические и социальные процессы на подведомственной им территории, с другой — происходило резкое повышение роли исполкома, который в условиях непродолжительной сессионной деятельности Совета становился практически неподконтрольным ему. В результате снижалась роль депутатов как выборных представителей, отмечались попытки командовать ими со стороны работников аппарата исполкома Советов²³. Работа сессий Советов становилась более формальной, на обсуждение выносились второстепенные или заранее предreshенные вопросы.

Другими немаловажными обстоятельствами, оказывавшими отрицательное воздействие на работу Советов, были экономическая безграмотность работников местных советских органов, значительная роль министерств и ведомств в решении отдельных вопросов экономического развития местного хозяйства, неизменная опека со стороны соответствующего партийного комитета. Данные моменты не позволяли Советам в полной мере способствовать пропорциональному развитию местного хозяйства, его производственной и социальной сфер. Во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. достаточно типичным было явление, когда «министерства и ведомства, наращивая производственные мощности, всячески избегали затрат на развитие социальной инфраструктуры»²⁴. Например, зоной интенсивного строительства в эти годы был рабочий поселок Торбеево. Союзные и федеративные министерства в развитие своих предприятий вкладывали огромные средства, но при этом на строительство объектов социально-бытового назначения их не находилось. В полной мере это относилось и к Чамзинскому району. Население рабочего поселка Комсомольский плохо обеспечивалось водой, а в рабочем поселке Чамзинка не велось строительство канализации и очистных сооружений. Подобные недостатки имелись также в Zubovo-Полянском, Инсарском и некоторых других районах. Эти примеры еще раз подтверждают, что Советы были слабым звеном в советской политической системе и «явно уступали в экономической мощи отраслевым министерствам»²⁵.

В 1970-х — середине 1980-х гг. происходила существенная перестройка правового положения Советов. Принятые законодательные акты позволили заметно усилить их влияние на все сферы общественной жизни. Если в 1972 — 1977 гг. состоялось 17 сессий Верховного Совета МАССР, то за три с половиной года (с июня 1977 г. по декабрь 1980 г.) — 15. О повышении роли местных Советов в руководстве хозяйственной и социально-культурной жизнью Мордовии говорило и то, что в 1979 г. вопросы развития промышленности, строительства, транспорта и связи поднимались на сессиях 80 раз, а в 1983 г. — 141. Количество вопросов, касавшихся проблем сельского хозяйства, увеличилось на 29 %²⁶. Вместе с тем происходило постепенное ущемление роли выборных органов по сравнению с исполнительными — власть партийного комитета заменялась властью исполкома, в котором на тот период оставались в большинстве своем члены КПСС. Очевидно, что излишняя концентрация власти в руках данного органа была скорее тормозящим фактором, чем успешной попыткой сменить диктат партийного комитета на самостоятельную работу Совета. Частичная децентрализация в сложных политических и экономических условиях неслала в себе положительный момент, но так и не была реализована.

Таким образом, во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. произошли определенные количественные и качественные изменения в составе Советов. Например, произошло увеличение депутатского корпуса и числа постоянных комиссий. Одновременно улучшился образовательный уровень депутатов: количество депутатов с начальным и неполным средним образованием уменьшилось, а с высшим и неполным высшим — увеличилось. При стабильно высокой доле колхозников и интеллигенции число депутатов-рабочих подвергалось некоторым колебаниям. Благодаря активной законодательной деятельности государства статус Советов был в значительной степени повышен, расширены их финансово-бюджетные и контрольно-распорядительные права, а также заметно укрепилась экономическая база. Принятые законодательные акты позволили заметно усилить влияние Советов на все сферы общественной жизни, а разнообразный качественный и социальный состав сделал их достаточно эффективной частью государственного механизма. Однако деятельность Советов на всех уровнях власти дублировалась, подменялась работой партийных органов, что порождало определенную двойственность политической системы Мордовии. Система местных Советов не была системой местного самоуправления в ее классическом виде: органы советской власти находились в жестком иерархическом соподчинении, помноженном на подчиненность структурам КПСС. Из их компетенции фактически исключался огромный сектор предприятий различных министерств и ведомств, отмечалась значительная скованность хозяйственной инициативы, отсутствовала возможность реально изменить положение с насыщением подведомственной территории необходимыми для населения товарами и сферой услуг. В то же время позитивный опыт, и в первую очередь общественного участия граждан в деятельности органов власти, часто неоправданно заслонялся издержками советской эпохи.

Советы народных депутатов во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. воплотили в себе достаточно противоречивые тенденции. С одной стороны, они выступали как форма организации государственной власти, сложившаяся в прошлые годы, с другой — в условиях расширения полномочий и вовлечения в деятельность Советов как можно большего количества людей посредством постоянных комиссий, активно вобрали в себя элементы гражданского общества.

Библиографические ссылки

- ¹ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 397.
- ² См.: Социокультурные основания и смысл большевизма / А. С. Ахиезер [и др.]. Новосибирск, 2002. С. 91 — 92.
- ³ См.: Под звездой Октября : Мордов. АССР за 50 лет Совет. власти. Саранск, 1967. С. 70 ; Советская Мордовия. Саранск, 1971. С. 59.
- ⁴ Под звездой Октября.
- ⁵ См.: Курсом, начертанным партией : Мордовия между XXI — XXII обл. парт. конф. Саранск, 1974. С. 92.
- ⁶ См.: Собрание действующего законодательства Мордовской АССР. Саранск, 1985. Т. 2, ч. 3. С. 20 — 21.
- ⁷ Там же. С. 22.
- ⁸ См.: **Ермаков Р. С., Щербаков В. В.** «Коллективный портрет» депутата Верховных Советов Мордовской АССР — Республики Мордовия // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 86. (Тр. / НИИГН ; т. 1 (118)).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 87.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 88 — 89.
- ¹³ См.: **Русев Е. В.** Власть и общество : Мордовия в условиях реформ сер. 1950-х — первой половины 1960-х гг. : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2004. С. 99 — 100.
- ¹⁴ Там же. С. 100 — 101.
- ¹⁵ См.: Законодательные акты по вопросам депутатской деятельности : В помощь депутатам Советов нар. депутатов Мордов. АССР. Саранск, 1985. С. 152.
- ¹⁶ Совет. Мордовия. 1986. 15 нояб.
- ¹⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-14. Оп. 2. Д. 271. Л. 41 ; Д. 620. Л. 12 ; Ф. Р-1421. Оп. 1. Д. 326. Л. 43 — 74 ; Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 11. Л. 14 — 82.
- ¹⁸ Собрание действующего законодательства Мордовской АССР. С. 6.
- ¹⁹ См.: Как живешь Мордовия? : Проблемы. Поиски, решения. Экономика, экология, культура. Саранск, 1989. С. 180.
- ²⁰ См.: **Агишев Р. Р.** Власть и общество Мордовии в 1970-х — начале 1980-х гг. : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2006. С. 67.
- ²¹ Совет. Мордовия. 1986. 21 дек.
- ²² Там же.
- ²³ См.: Советы народных депутатов и органы государственного управления. М., 1987. С. 54.
- ²⁴ Совет. Мордовия. 1986. 15 нояб.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См.: **Сурков В. М.** К вопросу о деятельности местных Советов Мордовской АССР по культурному обслуживанию населения (1971 — 1978 гг.) // Вопросы истории Мордовской АССР. Саранск, 1982. С. 127. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 66).

Поступила 14.03.2011 г.

УДК 338.124.4:316.342.6(470.345-25)

Е. Н. Бикейкин

E. N. Bickeykin

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ г. САРАНСКА
В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ
В ЭКОНОМИКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.**

**SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF SARANSK
UNDER CONDITIONS OF INTENSIFICATION OF THE CRISIS
IN THE ECONOMY IN THE FIRST HALF OF 1980s**

Ключевые слова: кризисное явление, экономика, промышленность, строительство, материально-техническая база, инфраструктура.

В статье рассматривается социально-экономическая динамика г. Саранска в первой половине 1980-х гг. Особое внимание уделяется проявлениям кризисных явлений в экономике города.

Key words: crisis, economy, industry, construction, material and technical base, infrastructure.

The article deals with social and economic dynamics of Saransk in the first half of 1980s. Particular attention is paid to manifestations of crisis events in the economy of the town.

К концу 1970-х — началу 1980-х гг. в социально-экономическом развитии страны с нарастающей силой стали проявляться кризисные тенденции, требовавшие адекватного ответа. Очевидность проведения реформ практически не вызывала сомнений. Основные идеи намеченной хозяйственной реформы были сопряжены с попытками использования достижений НТР, широким применением новых технологий и материалов, изыскиванием новых видов энергии и т. п. В развитии Саранска начинался новый этап.

Принципы хозяйственного реформирования и некоторые изменения в системе управления промышленностью были учтены при составлении плана развития народного хозяйства Мордовской АССР на 1981 — 1985 гг. На новый, более высокий технический уровень предусматривалось поднять производство силовой полупроводниковой и преобразовательной техники, светотехнического оборудования и источников света, автосамосвалов, кузнечно-прессовых машин, приборов средств автоматизации и медицинского оборудования.

В первой половине 1980-х гг. логическое завершение в промышленности Мордовии получил процесс концентрации производства. За счет укрепления производственных объединений в начале 1980-х гг. в промышленности Саранска шло в основном расширение производственных мощностей. Это произошло, например, в СПО «Светотехника», на заводах «Электровыпрямитель», экскаваторном, «Резинотехника» и «Центролит». На предприятиях города основные производственные фонды возросли на более чем 75 %, а в отраслях машиностроения, металлообработки, химической и в промышленности строительных материалов — почти в 2 раза¹.

В первой половине 1980-х гг. отраслевая структура промышленного производства не претерпела существенных изменений. Ведущими отраслями продолжали оставаться машиностроение и металлообработка. Они выпускали 62 % всей валовой промышленной продукции, причем 34 % приходилось на электротехническую промышленность. Среди других отраслей была заметна доля химической и нефтехимической (8,5 % от общего производства продукции), пищевой (7,1), медицинской (7,1), электроэнергетической (6,9) и легкой (4,4 %) промышленности².

Стоит отметить, что машиностроение и металлообработка в первой половине 1980-х гг. в республике развивались в достаточно сложных условиях. Это было связано с возникновением проблем на ряде производств. Импульс, возникший в результате претворения в жизнь основных положений хозяйственной реформы второй половины 1960-х гг., почти исчез, и во второй половине 1970-х гг. наметилось падение темпов роста этих отраслей. В совокупности данные процессы обусловили появление многочисленных проблем.

В ряде случаев определенную негативную роль сыграли недочеты в системе управления. Это отмечалось, например, на Саранском электроламповом заводе, директор которого В. Л. Мизонов вспоминал: «Электроламповый завод до 81-го г. был — и это не только мое мнение — бесхозным. Когда администрация объединения покинула его, то здесь оставались из руководства только Николай Александрович Козлов да заместитель главного инженера. Жизнь подсказала генеральному директору „Светотехники“ В. А. Левакину, что заводу для поддержания в нужном состоянии нужно руководство. Первое, что я начал, придя на электроламповый завод в качестве директора, — это ремонт цехов, производственных помещений. Всей своей командой, при поддержке руководства объединения. Самый большой вопрос — энергетическое хозяйство, оно было в запущенном состоянии. Вплотную занялись и вопросами экологии, в то время ламповый завод из-за превышения вредных выбросов был в центре внимания всего города. ПДК по ртути превышала в 3 — 5 раз. Была проведена реконструкция всего 8-го цеха, полностью заменили полы, привели в нормальное состояние стены, обработав специальными красками, не позволяющими проникать парам ртути вглубь. Навели порядок с раздевалками, санпропускниками, душевыми — по тем временам громадная работа...»³.

Отдельные предприятия отрасли не справлялись с плановыми заданиями. Так, на саранских заводах инструментальном и автосамосвалов уменьшились объемы производства продукции высшей категории качества⁴. На ряде предприятий был допущен серьезный перерасход ресурсов и времени. Например, на заводе автосамосвалов только за 9 месяцев 1984 г. перерасход проката черных металлов составил 430 т, а на заводах «Центролит» и «Электровыпрямитель» был допущен перерасход тепловой энергии⁵. Тем не менее общий объем продукции машиностроения и металлообработки в 1985 г. составил 143 % к уровню 1980 г., а выработка валовой продукции на одного работающего — 136 %⁶. Эти показатели были достигнуты в значительной степени за счет модернизации производственного оборудования.

Подобный уровень позволил предприятиям отрасли не только преодолеть трудности, но и достаточно успешно осваивать принципиально новые виды оборудования, техники и т. п. Типичным примером этого является объединение «Светотехника», бывший главный конструктор которого В. И. Уваров отметил: «В мае 1983 г. вышел приказ министра электротехнической промышленности СССР А. К. Анто-

нова о создании отечественного оборудования для сборки кольцевых люминесцентных ламп. К тому времени единственным предприятием страны, которое их выпускало, было объединение „Светотехника“, а в нем — люминесцентный цех № 8. Этот коллектив изготавливал в год до 300 тысяч кольцевых ламп, но этого явно было мало: народному хозяйству страны, другим потребителям требовалось больше. Приказ министра возлагал полную ответственность на мордовских светотехников. Да и сроки разработки установили жесткие. А само изготовление оборудования намечалось на Фрунзенском опытном заводе электровакуумного машиностроения. И мы начали работать... Надо отметить, что разработка и изготовление этого оборудования шли не совсем обычно. Разработка документации у нас еще не была закончена, а мы уже послали во Фрунзе чертежи на корпусные детали и крупногабаритное литье, и фрунзенцы изучали эти чертежи параллельно с продолжением нами работ... Сжатые сроки изготовления машины не позволили во Фрунзе провести подготовку производства в полном объеме, и чертежи передали в производство без проверки технологии. Мы с тревогой и волнением ждали результатов нашей многомесячной и многосложной работы... Но все получилось хорошо: ошибок в расчетах не было»⁷.

К 1985 г. по инициативе городского комитета партии была разработана комплексная программа «НТП-90», на реализацию которой были нацелены все промышленные предприятия Саранска. В итоге за одиннадцатую пятилетку на предприятиях внедрено более 1 500 мероприятий по передовой технологии, прогрессивных стандартов и технических условий⁸. Экономический эффект мероприятий был налицо. Например, внедрение комплексной системы управления качеством продукции на многих предприятиях города позволило за годы десятой пятилетки увеличить объем производства изделий с Государственным знаком качества в 1,6 раза и довести его почти до 24 % от общего объема валовой продукции. Если в 1975 г. в промышленности республики выпускалось 175 изделий с таким знаком, то в 1984 г. в Саранске — свыше 230 видов⁹.

В условиях нарастания кризисных явлений в экономике Мордовии относительная стабильность наблюдалась на тех предприятиях, которые гибко реагировали на достижения НТП и своевременно внедряли их в производство. В этом плане был показателен опыт работы Всесоюзного научно-исследовательского института источников света им. А. Н. Лодыгина. Приоритетным направлением деятельности института являлось внедрение его разработок в производство. В результате 32,6 % источников света, разработанные институтом в одиннадцатой пятилетке, были внедрены в производство, в том числе около 20 % на заводах Саранска [ЦГА РМ, ф. 333-П, оп. 49, д. 217, л. 6].

Большой опыт по эффективному использованию трудовых и материальных ресурсов на основе внедрения науки и техники в производство был накоплен на Саранском приборостроительном заводе. Так, за годы пятилетки на предприятии улучшилась структура станочного парка, внедрено в производство 60 единиц высокопроизводительного оборудования, 72 единицы модернизированы. В производство с вредными для здоровья условиями труда были внедрены роботы-манипуляторы. Всего в одиннадцатой пятилетке их было внедрено 40 единиц. Это позволило сократить количество рабочих, занятых ручным трудом, до 15 % против 25 % в 1980 г. [Там же, л. 6 — 7].

Опыт работы коллектива завода «Центролит» также заслуживал внимания. На этом предприятии в течение 5 лет осуществлялся комплекс мер по проведению аттестации и рационализации рабочих мест. В итоге в 1986 г. на заводе действовали 5 комплексно-механизированных литейных цехов, 18 механизированных поточных линий, 5 автоматических формовочных линий, более 30 единиц автоматического и полуавтоматического оборудования, не встроеного в линии [Там же, л. 7].

Одно из ведущих мест среди промышленных предприятий Саранска и республики в вопросах повышения качества производимой продукции по праву занимал завод «Сарансккабель». Начав производство с выпуска простейших проводов, предприятие стало ведущим в кабельной промышленности. Здесь изготавливались кабели связи, сигнализации и блокировки железных дорог, осветительные шнуры, различные провода. Объем выпуска сигнально-блокировочных, телефонных станционных и телефонных шахтных кабелей составлял 60 — 75 % от общесоюзного производства. Кроме того, эффективно действовала комплексная система управления качеством продукции. В 1984 г. с Государственным знаком качества было изготовлено 74 % продукции. В этом году не было предъявлено ни одной рекламации на качество изделий, почти вдвое снижены потери от брака. Объем производства 18 видов продукции со знаком качества превысил 93 % от общего объема продукции, подлежавшей аттестации. В течение многих лет «Сарансккабель» являлся победителем социалистического соревнования среди предприятий Министерства электротехнической промышленности, с 1975 г. ему ежегодно присваивалось звание «Предприятие высокой культуры Мордовской АССР»¹⁰.

На заводе «Электровыпрямитель» вопросам повышения качества, эффективности и надежности продукции уделялось первостепенное внимание. В 1984 г. 29 изделий, или более 50 % от общего объема товарной продукции, выпускалось с Государственным знаком качества. Об эффективности выпускаемой продукции свидетельствуют следующие данные: каждый рубль, затраченный на разработку и производство преобразовательной техники, приносил народному хозяйству страны 8 руб. прибыли¹¹.

Промышленность Саранска активно участвовала не только во всесоюзном, но и в международном разделении труда. Продукция предприятий города была известна в более чем 60 зарубежных странах, в том числе в странах социалистического содружества, развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, а также в развитых капиталистических государствах — США, ФРГ, Италии, Японии и др. Такой широкий выход продукции на общесоюзный и мировой рынки свидетельствовал не только о новизне многих ее видов, но и о высоком качестве, надежности, а следовательно, высокой конкурентоспособности.

По выпуску отдельных видов промышленной продукции Саранск занимал видное место в общем объеме их производства в Советском Союзе. Здесь изготавливалось свыше 20 % нормально-осветительных и около 30 % люминесцентных ламп от общесоюзного производства, полностью — многие виды специальных ламп каждый пятый одноковшовый экскаватор, более 30 % преобразовательной техники. Была заметна также доля в общесоюзном производстве полупроводниковых приборов, тракторных прицепов, автосамосвалов, резинотехнических изделий и медикаментов¹².

Таким образом, к середине 1980-х гг. Саранск превратился в развитый промышленный узел. В нем были созданы комплексы предприятий, связанных друг с другом в технико-экономическом и технологическом отношении (особенно в машинострои-

тельной и электротехнической отраслях), общими вспомогательной и научно-технической базами, инженерными коммуникациями и единой системой обслуживания работавших.

В первой половине 1980-х гг., когда прекратилось размещение промышленных объектов в Мордовии, окончательно определилась территориальная организация промышленного производства республики, наметилась специализация отдельных районов региона на производстве того или иного вида продукции. К середине 1980-х гг. окончательно сформировался Саранско-Рузаевский промышленный узел, который оформился вокруг Саранска и включил в свой состав Рузаевку и прилегающие сельские поселения. Здесь было сосредоточено более 72 % основных фондов промышленности, он же вырабатывал почти 70 % объема промышленной продукции¹³.

В начале 1980-х гг. в стране достаточно острой была проблема дефицита товаров народного потребления. Такая ситуация сложилась и в Саранске. Одним из методов устранения данных проблем стала организация производства товаров народного потребления на промышленных предприятиях, для которых они являлись непрофильной продукцией. Так, завод «Электровыпрямитель» выпускал стабилизаторы напряжения для телевизоров, выпрямительные зарядные агрегаты для автомобильных аккумуляторов, электрокамины, ультрафиолетовые облучатели и ряд других изделий. В 1984 г. общий объем производства этих товаров составил более 7 млн руб. За годы десятой пятилетки в объединении «Светотехника» было разработано 154 вида бытовой электроосветительной аппаратуры с хрустальными элементами: светильники «Топаз», «Алмаз», «Ореол», «Свет», «Сияжар», электрогирлянды. При объединении действовало специальное бюро по товарам народного потребления, которое изучало спрос населения, готовило предложения по производству новых изделий. В результате удельный вес этих товаров в общем объеме продукции составил почти 20 %. Доля подобной продукции на механическом заводе составила 13 % от общего объема производства. Свыше 20 наименований различных товаров народного потребления выпускалось на заводе «Саранскабель». Объем их производства здесь ежегодно возрастал на 8 — 10 %¹⁴.

Несмотря на все принятые меры, рыночная потребность республики покрывалась за счет ввоза 79 % швейных изделий, 46 — бельевого трикотажа, 99 — кожаной обуви, 96 — чулочно-носочных изделий и 48 % — кондитерских изделий. Стоит отметить, что многие предприятия неохотно шли на выпуск непрофильной продукции. Так, на заводе «Центролит» производство потребительских товаров составляло менее 1 % от годового фонда заработной платы работавших, на заводах тепло-возоремонтном, медицинского оборудования, автосамосвалов и «Резинотехника» — от 1 до 5 %¹⁵.

В первой половине 1980-х гг. в промышленности Саранска произошло обострение ряда проблем, которые не были решены в предыдущее десятилетие. Первоочередными из них стали вопросы экологии и охраны здоровья занятых на производстве. Особо сложное положение отмечалось на Саранском электроламповом заводе, в цехе, где при изготовлении люминесцентных ламп применялась ртуть¹⁶.

Показательная ситуация сложилась также на саранских заводах автосамосвалов и технологического оборудования, в районе которых в 1982 г. было принято решение возобновить работы по строительству очистных сооружений, которые были прекращены в 1985 г. [ЦГА РМ, ф. 333-П, оп. 49, д. 209, л. 4].

Однако власти города не оставляли попытки решить данную проблему. В 1985 — 1986 гг. санэпидемстанция провела серию проверок очистных сооружений и лабораторные исследования качества сбрасываемых сточных вод на заводах автосамосвалов, экскаваторном и тепловозоремонтном. Предприятия обязали провести мероприятия по устранению выявленных недостатков. 15 сентября 1986 г. они отчитались о проделанной работе. Надо сказать, список проведенных работ был весьма внушительным. Кроме того, были наказаны должностные лица этих заводов. 14 сентября санэпидемстанция провела еще одну проверку. Вывод был неутешительным: она «показала, что работы на локальных очистных заводах автосамосвалов, экскаваторном, тепловозоремонтном не велись» [Там же]. В результате был поставлен вопрос о дальнейшей эксплуатации некоторых цехов указанных предприятий, но проблема так и не была решена.

В рассматриваемый период промышленные предприятия Мордовии столкнулись также с проблемой текучести кадров, которая стала серьезным тормозом в укомплектовании производства рабочей силой. Руководство предприятий предпринимало серьезные шаги по ее предотвращению. В объединении «Светотехника», например, ежегодно сдавали в эксплуатацию 18 — 22 тыс. м² жилья¹⁷. На заводе «Центролит» с целью поощрения рабочих и предотвращения текучести кадров была разработана гибкая система премирования¹⁸. Однако этой проблемы в промышленном производстве Саранска не удалось избежать.

Одним из способов решения кадрового вопроса и проблемы интенсификации социально-экономического развития Саранска стало активное привлечение в различные сферы хозяйственной жизни молодежи, и в первую очередь комсомольцев. Так, на промышленных предприятиях города было сформировано более 100 сельскохозяйственных отрядов (численностью около 4 тыс. чел.) и 16 — строительных (195 чел.), которые состояли из комсомольцев и молодежи. Весомый вклад в развитие народного хозяйства внесли 128 студенческих строительных отрядов учебных заведений Саранска. Только в 1985 г. ими планировалось выполнить объем работ на сумму 6 млн руб. В целях трудового воспитания школьников и учащихся ПТУ был сформирован городской комсомольско-молодежный отряд строителей, куда входили старшеклассники. В 1985 г. в совхозе «Свердловский» началось строительство нового городского лагеря труда и отдыха на 500 мест. По месту жительства было создано 28 подростковых клубов. В летний период 6 тыс. учащихся школ должны были пройти трудовую закалку в пригородных хозяйствах и на предприятиях города [ЦГА РМ, ф. 333-П, оп. 49, д. 217, л. 2].

Экономический задел 1960 — 70-х гг., несмотря на рост кризисных проявлений в начале 1980-х гг., все еще способствовал достижению определенных успехов в области капитального строительства. Так, за 3 года одиннадцатой пятилетки всеми источниками финансирования освоено 330 млн руб. капитальных вложений, что было на 25 млн руб. больше, чем за соответствующий период десятой пятилетки. Введение основных фондов составило свыше 300 млн руб. План по товарной строительной продукции был выполнен на 103 %. Строительные организации Саранска освоили по генподряду 244 млн руб. В 1981 — 1983 гг. в городе было построено более 8 тыс. благоустроенных квартир общей площадью свыше 450 тыс. м², в которые вселились около 30 тыс. его жителей [Там же, д. 94, л. 17]. В значительной части жилого фонда улучшились коммунальные удобства. Только за первые два года одиннадцатой

пятiletки введено в эксплуатацию 150 км водопроводных, канализационных, тепловых и газовых сетей [Там же, д. 67, л. 19].

Массовое городское строительство жилья в 1980-е гг. переместилось в жилой район «Заречный». Впервые данный топоним в Саранске появился в конце 1970-х гг., когда в результате подведения итогов конкурса на название микрорайонов города решением Саранского горисполкома от 27 июля 1977 г. северо-восточному жилому микрорайону было присвоено это наименование. В 1984 г. здесь началась сборка первого 9-этажного дома 90-й серии с квартирами улучшенной планировки. Серию освоил Саранский домостроительный комбинат. В Заречном осуществлялось комплексное строительство микрорайонов, разработанных архитекторами и проектировщиками института «Мордовскгражданпроект»¹⁹.

Выполняя программу развития Нечерноземья, городские власти уделяли внимание строительству в пригородных хозяйствах. В частности, в 1981 — 1983 гг. было построено 32 тыс. м² жилья, клуб на 400 мест, сданы в эксплуатацию вторая очередь тепличного комбината площадью 6 га, холодильники и фруктохранилища на 5,8 т и ряд других объектов [ЦГА РМ, ф. 333-П, оп. 49, д. 94, л. 17 — 18].

Вместе с тем в области капитального строительства имелись существенные упущения, свидетельствовавшие о нарастающих кризисных тенденциях. Эффективному использованию капитальных вложений продолжало мешать распыление сил и средств по многочисленным объектам. По этой причине затягивался ввод в строй действующих народно-хозяйственных объектов, медленно сокращалось незавершенное строительство. Многие строительные организации, особенно Мордовского территориального управления, работали неритмично, не обеспечивали выполнения плановых заданий. Годовые планы разрабатывались порой так, что сдача объектов до 50 % отодвигалась на IV квартал. Все это приводило к штурмовщине и низкому качеству работ. В 1981 — 1983 гг. в целом в Саранске была сорвана сдача в эксплуатацию 23 объектов промышленного и жилищно-гражданского строительства. План по вводу основных фондов был выполнен на 90 %. Не полностью освоенными оставались 14 млн руб. капитальных вложений. Так, по вине «Саранскжилтреста» затянулось строительство крытого рынка, типографии, водогрязелечебницы, кирпичного завода и ряда других объектов. Одними из основных причин этого указывались низкая организация труда, неоправданные потери рабочего времени, слабая трудовая и производственная дисциплина [Там же, л. 18 — 19].

В начале 1984 г. постоянная комиссия по строительству Саранского горсовета подготовила заключение по плану экономико-социального развития и бюджета Саранска на 1984 г., в котором отмечались недостаточное количество капитальных вложений и их несбалансированность по отраслям. Особо подчеркивалось, что для того чтобы достигнуть нормальной обеспеченности жильем городского населения в целом, в городе требуется построить 664 тыс. м² общей площади. Кроме того, отставала от норматива обеспеченность школами (70 %), детскими дошкольными учреждениями (69), объектами торговли (75), общественного питания (47), больницами (73), поликлиниками (76), банями и прачечными (30) и кинотеатрами (62 %) ²⁰.

В первой половине 1980-х гг. продолжало развиваться коммунальное хозяйство, несколько улучшились бытовое обслуживание населения и благоустройство города. В 1981 — 1982 гг. в Саранске было введено в эксплуатацию 12,8 км троллейбусных линий, 29,0 км городских дорог с твердым покрытием, были открыты 48 новых

магазинов на 13 800 м² торговой площади, комплексные приемные пункты и другие предприятия бытового обслуживания на 11,9 тыс. м². Начала работу АТС на 10 тыс. номеров [ЦГА РМ, ф. 333-П, оп. 49, д. 67, л. 19].

Однако в связи с быстрым развитием промышленности и ростом городского населения (на 1 января 1986 г. оно составило 315 тыс. чел.²¹) в Саранске продолжали углубляться диспропорции в развитии городского хозяйства. Так, несмотря на определенные положительные сдвиги, тяжелая ситуация сложилась в области водо- и энергоснабжения, пассажирского транспорта и благоустройства [ЦГА РМ, ф. 333-П, оп. 49, д. 67, л. 19]. Например, всеми источниками финансирования на развитие городского коммунального хозяйства и благоустройство в 1976 — 1982 гг. было выделено 26,4 млн руб. капитальных вложений. Фактически за этот период было освоено 25,7 млн руб. С 1984 г. выделение средств на благоустройство города сократилось почти на треть (в 1983 г. — 6,85 млн руб., а в 1984 г. — 4,4 млн руб.). Потребность воды на хозяйственно-бытовые цели составляла 240 тыс. м³ в сутки. Фактический отбор воды в 1982 г. составил 196 тыс. м³, или дефицит воды — 48 тыс. м³ в сутки [Там же, ф. 333-П, оп. 49, д. 67, л. 20 ; ф. Р-14, оп. 2, д. 140, л. 18 — 19].

Аналогичная ситуация сложилась в Саранске с тепло- и электроснабжением. Схемы тепло- и электроснабжения города до 1990 г., разработанные институтами «НИИэнергопром» и «Гипрокоммунэнерго», предусматривали следующее: расширение и реконструкцию ТЭЦ-2 с доведением электрической мощности до 550 кВт·ч и тепловой — до 1 600 Гкал/ч, строительство водогрейной юго-западной котельной мощностью 200 Гкал/ч и магистральных тепловых сетей общей протяженностью 43 км. Проанализировав выполнение данных мероприятий, Саранский горком КПСС направил в Мордовский обком КПСС записку о состоянии и мерах улучшения работы коммунального хозяйства города. В ней констатировалось неудовлетворительное выполнение взятых обязательств [Там же, ф. 333-П, оп. 49, д. 67, л. 21].

Серьезную озабоченность городских властей вызывала работа предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания. В 1985 г. в Саранске не хватало более 30 тыс. м² торговых площадей, 10 тыс. посадочных мест общественного питания. Особенно плохая ситуация сложилась в Заречном и северо-западном районах города. Здесь обеспеченность торговыми площадями составляла соответственно 44 и 34 % [Там же, д. 217, л. 9].

В начале 1980-х гг. в Саранске отмечалась крайне тяжелая ситуация с перевозкой пассажиров. Остро эта проблема стояла при следовании в жилые районы «Заречный», «Светотехстрой» и промышленную зону в центральной части города. В 1982 г. общая протяженность городских маршрутов составляла 187 км, троллейбусных — 120 км. Согласно нормам Саранску необходимо было иметь 350 автобусов и 240 троллейбусов. На автотранспортном предприятии (АТП) № 1 для обеспечения внутригородских перевозок числилось 280 автобусов. Выход на городские маршруты составлял фактически 110 — 120 единиц. В троллейбусном управлении на балансе находилось 146 троллейбусов. Фактический выход на маршруты составлял 85 — 95 единиц. Низкий коэффициент выхода на линию был связан со слабой материально-технической базой транспортных предприятий, текучестью кадров, недокомплектом водителей (в АТП № 1 — 23 чел., троллейбусном управлении — 151 чел.) и работников ремонтных служб (соответственно 21 и 52 чел.) [Там же, д. 67, л. 21 — 22].

Попытки исправить ситуацию предпринимались, однако реализация намеченных мероприятий оставляла желать лучшего. В частности, Совет министров МАССР принял постановление от 5 июня 1981 г., в связи с которым Министерство коммунального хозяйства республики обязывалось в 1981 — 1983 гг. обновить парк новыми троллейбусами типа ЗМУ-9 в количестве 75 единиц. Фактически в 1981 — 1982 гг. поступило только 37 троллейбусов [Там же, л. 22].

Работа транспорта во многом зависит от состояния городских дорог. В 1983 г. количество дорог и тротуаров с твердым покрытием в Саранске составляло 3,5 млн м². Согласно нормативам того времени на строительство, ремонт и содержание дорог и тротуаров было необходимо 742,5 тыс. м³ щебня (фактически выделено 187,3 тыс. м³, или 25,2 %), 148,8 тыс. м³ битума (фактически выделено 22,7 тыс. м³, или 9,1 %) [Там же]. Примечательно, что, несмотря на отсутствие материалов, систематически из года в год рапортовалось о перевыполнении объемов капитального и текущего ремонта дорог. Это отразилось на качестве выполняемых работ.

В первой половине 1980-х гг. с нарастанием негативных тенденций в социально-экономической жизни Саранска увеличилось число приписок о выполнении государственных планов, хищений и других экономических преступлений и проступков. Они стали своеобразным индикатором надвигающегося кризиса. В результате проводившихся в 1984 — 1985 гг. прокуратурами районов и Саранска проверок был установлен ряд подобных фактов. Например, по данным Мордовской республиканской конторы стройбанка, при производстве всех видов контрольных обмеров в подрядных строительных организациях, расположенных в Саранске, в 1984 г. было установлено прямых приписок объемов работ на 833 тыс. руб. Во время сплошной проверки незавершенного производства на сумму 4,1 млн руб. в Саранском ПМК-330 треста «Мордовсельстрой» на 12 объектах были вскрыты приписки на 690 тыс. руб., совершенные в одностороннем порядке с целью выполнения плана и получения в банке непричитавшейся заработной платы. В этом же году проверка, проведенная в ПО «Сельхозхимия», установила приписки по отделочным работам и незаконной выплаты заработной платы в сумме 1 634 руб. В 1985 г. прокуратурой Пролетарского района было расследовано дело по припискам во время строительства детского сада № 59 на сумму 30 840 руб. Об их масштабах свидетельствует, например, расследованное в 1985 г. городской прокуратурой дело в отношении начальника ПМК-330 треста «Мордовсельстрой» за приписку в государственной отчетности фиктивно сданного в эксплуатацию общежития на 100 мест в с. Сивинь Краснослободского района [Там же, д. 219, л. 1 — 3].

В конце 1970-х гг. в Саранске наблюдалась ситуация, весьма сходная с положением, отмечавшимся в начале 1970-х гг., когда существенное расширение городского хозяйства, увеличение площади и населения города привели к сложностям, отрицательно повлиявшим на эффективность его управления. В связи с этим в 1980 г. в ЦК КПСС было направлено письмо за подписью А. И. Березина с просьбой разрешить образовать в Саранске третий городской район и создать в нем третий райком КПСС [Там же, д. 140, л. 27 — 28]. Данную просьбу удовлетворили только в 1985 г., когда был образован Октябрьский район.

Подводя итог, отметим, что в 1960 — 80-е гг. в Саранске было сделано многое. Этот период по праву можно назвать золотым веком города. Так, значительно увеличился его производственный, социально-экономический и культурный потенциал.

Саранск середины 1980-х гг. представлял собой крупный город, центр светотехнической промышленности страны. Однако кризисные явления в отраслях промышленного производства, многие социальные проблемы, медленный темп экономических преобразований, проблемы в управлении промышленностью и целый ряд других нерешенных вопросов в стране, в том числе в Мордовии, требовали принципиально новой экономической реформы.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Жочкин Н. М.** Саранск индустриальный // Дружбой сильны. Саранск, 1985. С. 97.
- ² См.: Саранск : ист.-экон. очерк. Саранск, 1985. С. 126.
- ³ Цит. по: **Цыганов С. П.** «Лисма»: Саранский электроламповый завод — история, люди, дела. Саранск, 1999. С. 200 — 201.
- ⁴ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Вторая сессия. 20 декабря 1985 г. : стеногр. отчет. Саранск, 1986. С. 8.
- ⁵ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР десятого созыва. Девятая сессия. 13 декабря 1984 г. : стеногр. отчет. Саранск, 1985. С. 8.
- ⁶ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР за годы одиннадцатой пятилетки. 1981 — 1985 гг. : стат. сб. Саранск, 1986. С. 31.
- ⁷ Цит. по: **Цыганов С. П.** Указ. соч. С. 106 — 107.
- ⁸ ЦГА РМ. Ф. 333-П. Оп. 49. Д. 217. Л. 7. Далее ссылки в тексте.
- ⁹ См.: Саранск. С. 128.
- ¹⁰ Там же. С. 133 — 134.
- ¹¹ Там же. С. 130.
- ¹² Там же. С. 127.
- ¹³ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР... С. 45 — 46 ; **Моисеев Е. В.** Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития (исторический аспект) : дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Саранск, 2004. С. 283 — 284.
- ¹⁴ См.: Саранск. С. 138 — 139.
- ¹⁵ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР десятого созыва. Пятая сессия. 28 мая 1982 г. : стеногр. отчет. Саранск, 1983. С. 7, 9.
- ¹⁶ См.: **Цыганов С. П.** Указ. соч. С. 200.
- ¹⁷ Там же. С. 192.
- ¹⁸ См.: **Василенко В. П.** Организация повышения стимулирующей роли заработной платы на Саранском литейном заводе «Центролит» имени 50-летия ВЛКСМ // Социально-экономические факторы повышения эффективности труда в промышленности Мордовской АССР. Саранск, 1985. С. 103 — 104. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 73).
- ¹⁹ См.: **Куклин В. Н.** Биографии саранских улиц. Саранск, 1990. С. 66, 69.
- ²⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-14. Оп. 2. Д. 140. Л. 8. Далее ссылки в тексте.
- ²¹ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. : стат. сб. М., 1986. С. 11.

Поступила 01.03.2011 г.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39(=511.152)

Т. А. Чужайкина
T. A. Chuzhaykina

«МОРДОВСКАЯ ТЕМА» В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ В. Н. МАЙНОВА

«MORDOVIAN THEME» IN SCIENTIFIC HERITAGE OF V. N. MAYNOV

Ключевые слова: В. Н. Майнов, этнография, мордва, традиционный быт мордвы, обряд.

В статье освещается научное наследие В. Н. Майнова, которое широко и многопланово раскрывает оригинальную культуру мордовского народа, став фактически отправной точкой для дальнейших исследований.

Key words: V. N. Maynov, ethnography, the Mordvins, the traditional way of life of the Mordvins, a rite.

The article covers the scientific heritage of V. N. Maynov, which reveals widely the original culture of the Mordovian people and has become in fact the starting point for further researches.

В. Н. Майнов — выдающийся ученый, этнограф и публицист — сыграл особую роль в становлении и развитии российской этнографии. Он является также одним из основоположников отечественной финно-угристики, фактически открывшим для научной общественности самобытную культуру мордовского этноса.

Первые сведения российских исследователей о других народах, которые можно расценивать как этнографические, относятся к XVII в., а складывание этнографии как «народоописания» в России — к XVIII в.¹ Вплоть до 40-х гг. XIX в. критерии характеристики народов оставались на уровне описания петербургского академика И. Г. Георги (1776 — 1777 гг.), который представлял, например, лопарей следующим образом: «...росту они среднего... от суровой своей жизни бывают они сложением крепки, проворны и улыбчивы, но при том и лености подвержены. Разум у них обыкновенный простонародный. Впрочем, они миролюбивы, начальникам своим подобострастны, к воровству не склонны, постоянны, в обхождении веселы...»².

В 1845 г. в России было создано Русское географическое общество (РГО). Одним из его структурных подразделений стало отделение этнографии. В числе приоритетных задач общества было «собрание и распространение как в России, так и за пределами оной возможно полных и достоверных сведений о нашем отечестве»³ географического, статистического и этнографического характера. Необходимость этнографического изучения малых народов (и прежде всего их описания) была

обусловлена следующими причинами: исчезновением традиционного уклада ряда народностей, важностью этнографических знаний «для антрополога и историка» и недостаточной изученностью многочисленных народов Российской империи⁴.

В 1877 г. В. Н. Майнов, будучи ученым секретарем отделения этнографии, предложил снарядить экспедицию с целью исследования антропологии и этнографии мордовского народа. С этого момента «мордовская тема» стала центральной в его творчестве. К разработке данной проблемы В. Н. Майнов готовился основательно: в течение 1877 г. он изучал мокшанский и эрзянский языки, просматривал соответствующую литературу. Результатом первоначального знакомства с мордовской тематикой стал историографический очерк, содержащий обзор всех имевшихся на тот момент данных о мордве⁵. Впоследствии итогом сбора и осмысления огромного фактического материала по антропологии, этнографии, религии, языку и психологии мордовского народа Пензенской, Симбирской, Тамбовской, Нижегородской, Казанской и Самарской губерний стали монографические работы, не потерявшие своего значения до настоящего времени.

Центральное место в научном наследии В. Н. Майнова занимают «Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи» (1883 (эта работа удостоена золотой медали РГО)) и «Очерк юридического быта мордвы» (1885), вобравшие в себя его концептуальные положения, методологию и методический инструментарий. В них ученый первым предпринял попытку системно описать традиционный быт мордвы, ее жизнеустройство.

Приступая к работе над первым исследованием, В. Н. Майнов предварительно обработал материал, имевшийся по антропологии солдат из мордвы. В ходе экспедиции он «... в особенности основывался на том, что та или другая группа находится у меня по „дороге“, и ехал туда, где по карте значилась или вовсе нетронутая сплошная мордва, или же, напротив того, мордва, перемешанная с русскими»⁶. В. Н. Майнов изучал антропологию мордвы-эрзи Нижегородского, Княгининского, Арзамасского и Ардатовского уездов Нижегородской губернии, Саранского и Городищенского — Пензенской, Ардатовского и Карсунского — Симбирской, Самарского и Ставропольского уездов Самарской губернии. Он произвел антропометрические измерения 255 чел. (168 мужчин и 87 женщин). В их основу была положена программа Ж. Катрафажа и П. Брока. Сам исследователь отмечал ее недостатки и позднее корректировал на основе рекомендаций Московского общества любителей естествознания, выработанных в результате экспедиций 1877 — 1878 гг.

Антропологические наблюдения В. Н. Майнова вызвали пристальный интерес у современников. Например, его замечание относительно цвета кожи мордвы-эрзи развеяло некоторые мифы, бытовавшие даже в научной среде. Он писал: «Эрзя по окраске кожи вовсе не отличается от европейских народов и даже по белизне ее превосходит весьма многие более южные племена, на окраску кожи которых влияла в течение долгих веков окружающая их среда»⁷. Эта работа передает ощущение человека, впервые столкнувшегося с иной жизнью, иной реальностью. Она полна бытовых зарисовок, наблюдений, достойных художественного осмысления.

Одновременно с анализом антропологических данных мордвы-эрзи В. Н. Майнов предпринял попытку обобщения аналогичного материала о мордве-мокше. Ученый написал монографию «Антропологические исследования мордвы-мокши», однако до настоящего времени она не опубликована.

Следует отметить, что работы В. Н. Майнова по антропологии эрзи и мокши не получили должной оценки. Одним из первых попытался их осмыслить Д. А. Золотарев, который писал: «Очень большую работу (559 страниц) В. Н. Майнова „Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи“ (1883) следует выделить как единственную, дающую богатый материал о 255 взрослых эрзянах обоего пола Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Самарской губ., исследованных по очень обширной программе. К сожалению, работа сильно устарела и очень бедна выводами, имеющими общее значение»⁸. Позднее подобные суждения почти дословно повторила К. Ю. Марк⁹, а со ссылкой на нее и Н. Ф. Мокшин¹⁰. Противоположную точку зрения на это высказал В. А. Юрченков¹¹, который обстоятельно и аргументированно, основываясь на конкретных примерах, сформировал иной взгляд на антропологические исследования ученого.

Наиболее значительный труд В. Н. Майнова, представляющий глубокий научный интерес до сегодняшнего времени, — это «Очерк юридического быта мордвы». В нем исследователь одним из первых российских этнографов раскрыл во всей полноте и многообразии обрядовую сферу мордовского народа. Уже при жизни ученого очерк получил признание специалистов, став «первым опытом систематического описания мордвы»¹².

В основу работы В. Н. Майнова над данной тематикой легла программа для собирания народных юридических обычаев, изданная в 1877 г. РГО. При сборе материала исследователь строго придерживался правила, чтобы каждый обычай был подтвержден сохранившейся у народа пословицей или поговоркой, которых в очерке приведено достаточно много. От этого его научная аргументация становилась более весомой и убедительной.

Профессор П. А. Соколовский, современник В. Н. Майнова, дал весьма высокую оценку очерка: «Исследование г. Майнова вносит в литературу множество новых сведений относительно важных сторон быта мордвы, до сих пор недостаточно изученного, несмотря на то что племя это по своей численности и по культуре занимает одно из первых мест не только между финскими племенами, но и вообще между инородцами России»¹³.

В «Очерке юридического быта» В. Н. Майнову удалось раскрыть внутрисемейные бытовые взаимоотношения патриархальной общины. Структурно монография подчинена решению этой задачи и состоит из следующих глав: «Родственный союз по понятиям мордвы», «Брак», «Семья как союз родителей и детей», «Семья в широком значении слова», «Опека и попечительство», «Разделы и наследство», «Вещное право», «Договоры». Благодаря такой организации материала ничто не ускользнуло из поля зрения ученого. Он впервые исследовал нормы обычного права, семейные отношения, пережитки родового строя, имущественные и земельные установления мордвы, выявил самобытные и заимствованные черты в ее традиционном быте, рассмотрел религиозные верования, мифологию, некоторые элементы устного народного творчества мордовского народа, бытовавшие в семье.

Наибольшее внимание в очерке В. Н. Майнов уделил свадебным обрядам, «большая часть которых или не имела никогда, или уже потеряла прежнее юридическое значение»¹⁴. Свадебный обряд предстает как самое значительное событие в жизни крестьянской семьи. Ученый описал его во всей пестроте многочисленных языческих суеверий. Прodelав огромную работу (опросы респондентов проходили

в 22 местах), он привел примеры и сравнил свадебные обряды разных регионов, обрядность мокши и эрзи, восходящую к древности, отметил изменения, произошедшие в брачной церемонии.

В. Н. Майнов, считая свой труд по юридическому быту мордвы одним из первых шагов в исследовании мордовского народа, отмечал его неполноту и несовершенство: «Да не будет нам поставлено в вину, если картина эта не полна — мы сделали все от нас зависящее, чтобы дать, по крайней мере, хотя бы этот скромный труд по юридическому быту миллионного народа, для того чтобы возможны были дальнейшие исследования в этом направлении. Мы будем вполне счастливы, если эта во многих отношениях неполная и несовершенная работа вызовет подобные же исследования среди остальных приволжских финских народов»¹⁵. Это в первую очередь относится к попыткам анализа ученым дохристианских верований мордвы, которые позднее исследователь развил в своей посмертной монографии «Остатки мордовской мифологии».

В настоящее время неослабевающее внимание к научному наследию В. Н. Майнова находит продолжение в полемике современных историков, этнографов, антропологов и всех интересующихся «мордовской темой».

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Токарев В. А.** История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966.
- ² **Георги И. Г.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1776. Ч. 4. С. 2.
- ³ **Берг Л. С.** Всесоюзное географическое общество за 100 лет. М. ; Л., 1946. С. 33.
- ⁴ Там же. С. 98.
- ⁵ См.: **Майнов В. Н.** Предварительный очерк имеющихся в литературе сведений о мордве. СПб., 1877.
- ⁶ **Майнов В. Н.** Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи. СПб., 1883. С. 84.
- ⁷ Там же. С. 98.
- ⁸ **Золотарев Д. А.** Обзор русских антропологических работ по финно-угорскому населению СССР // Финно-угорский сборник. Л., 1928. С. 9.
- ⁹ См.: **Марк К. Ю.** Этническая антропология мордвы // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. Вып. 1. С. 119.
- ¹⁰ См.: **Мокшин Н. Ф.** Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. С. 103.
- ¹¹ См.: **Юрченков В. А.** Вклад В. Н. Майнова в исследование истории и культуры мордовского этноса // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре. Саранск, 2005. С. 17 — 34. (Тр. / НИИГН ; т. 4 (121)).
- ¹² **Мокшин Н. Ф.** Указ. соч.
- ¹³ **Соколовский П. А.** Предисловие // Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885. С. 3.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ **Майнов В. Н.** Очерк юридического быта мордвы. С. 267.

Поступила 26.04.2011 г.

УДК 398.34

М. Н. Романова

M. N. Romanova

ЖИЛИЩЕ КАК АТРИБУТ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСОВ: К ТЕОРИИ ВОПРОСА

DWELLING AS AN ATTRIBUTE OF THE CULTURE OF THE ETHNOSES: TO THE THEORY OF THE PROBLEM

Ключевые слова: этнос, культура, жилище, мордва, традиции, теория.

В статье раскрываются понятия «культура», «этническая культура» и «этнос»; рассматривается жилище как один из основных признаков этнической культуры.

Key words: ethnos, culture, dwelling, the Mordvins, tradition, theory.

The article describes the concepts of «culture», «ethnic culture» and «ethnos», dwelling is considered as one of the main features of ethnic culture in it as well.

В настоящее время ученые насчитывают более 500 определений культуры. Они разбили их на 3 группы. В первую вошли описательные определения. Например, культура — это сумма всех видов деятельности, обычаев и верований. Вторая объединяет определения, которые связывают культуру с традициями или социальным наследием общества. Например, культура — это социально унаследованный комплекс практики и верований, определяющий основы жизни. В третьей группе подчеркивается значение культурных правил, организующих человеческое поведение. Иными словами, культура включает все, что создано человеческим разумом и руками, а также все, что делает человек как разумное существо (манеру одеваться, передвигаться, трудиться, отдыхать и т. д.). Всякая классификация отражает конкретный временный уровень знаний о культуре. Однако необходимо подчеркнуть главное — носителем культуры является народ (этнос), поэтому часто утверждают: один народ — одна культура. Этноты формируются на определенной территории, а позднее могут освоить новые территории, сформировав общий язык и культуру. Народы существуют как устойчивые межпоколенные общности людей. Люди естественным путем объединяются в этноты по самым разным причинам, в том числе на основе общности исторической судьбы, общих традиций, особенностей быта и пр. Однако самыми важными из них являются общность территории и языка. Культурное своеобразие может проявляться в самых разных сторонах человеческой жизнедеятельности: в удовлетворении биологических потребностей, естественных привычках поведения, типах одежды и жилищ, видах орудий труда, способах трудовых операций и т. д.¹

Этнос — это социокультурная общность людей. Этническая культура есть совокупность черт культуры, касающихся преимущественно обыденной жизни, бытовой культуры. Она имеет ядро и периферию; включает орудия труда, нравы, обычаи, нормы обычного права, ценности, постройки, одежду, пищу, средства передвижения, жилища, знания, верования, виды народного искусства². Таким образом, вся

история общества, материальной и духовной культуры человека представляет собой процесс развертывания, реализации творческого отношения человека к окружающему его миру, которое выражается в построении новых способов и программ деятельности.

В этнической культуре специалисты различают 2 слоя: исторически ранний (нижний), образованный унаследованными из прошлого культурными элементами, и исторически поздний (верхний), состоящий из новообразований, современных культурных явлений. Нижний слой включает наиболее устойчивые элементы, закрепленные многовековой традицией, поэтому считается, что они составляют каркас этнической культуры. При таком подходе этническая культура предстает как единство преемственности и обновления. Обновление культуры может быть экзогенным (заимствованным) и эндогенным (возникшим внутри культуры без влияния извне). Преемственность, устойчивость этнической культуры держится на двух типах механизмов передачи традиций: внутр поколенных традициях, действующих на протяжении нескольких лет или десятилетий и охватывающих лишь часть этноса (смежные возрастные группы), и межпоколенных традициях, существующих на протяжении исторически длительного времени и выступающих механизмом передачи ценностей из поколения в поколение³.

Все, что нас окружает, вся внешняя среда, в которой мы живем, делится на естественную (природную), возникшую задолго до появления людей на земле, и искусственную (культурную), образовавшуюся в результате их деятельности⁴. Мы исходим из того, что частью культуры каждого человеческого коллектива является и его быт. Под бытом принято понимать специфические формы поведения людей в их повседневной жизни, а также взаимоотношения, складывающиеся при этом между ними, способы использования людьми предметов, служащих для удовлетворения их материальных и духовных потребностей и входящих в систему их жизнеобеспечения. В культуре, непосредственно связанной с бытом, обнаруживается этническая специфика, заметны ее устойчивые повторяющиеся компоненты, т. е. традиционная часть, которую принято называть традиционно-бытовой культурой. В том, как люди работают, какими орудиями пользуются или какие строят жилища, хозяйственные постройки и т. д., проявляются их традиции и культурное своеобразие⁵.

Наиболее приемлемым для этнографического исследования определением культуры, на наш взгляд, является ее понимание как внебиологически выработанного и передаваемого способа человеческой деятельности⁶. «Человеческая деятельность, — писал Э. С. Маркарян, — есть социально направленная активность людей, культура же — это способ ее осуществления»⁷. Культура включает в себя и результаты (продукты) деятельности⁸.

Культура состоит из материальных и нематериальных элементов. Материальная культура включает физические объекты, созданные руками человека (дом, храм и т. д.). Они имеют определенное символическое значение, выполняют определенную функцию и представляют известную ценность для группы или общества. Нематериальную (духовную) культуру образуют нормы, правила, модели, законы, ценности, церемонии, ритуалы, символы, мифы, знания, идеи, обычаи, традиции, язык. Они — тоже результаты деятельности людей, но сотворены не руками, а скорее разумом. В свою очередь каждая культура выполняет определенные функции. Первой универсальной функцией принято считать защитную. Она состоит в том, что при

помощи искусственно созданных орудий и приспособлений (орудия труда, лекарства, оружие и пр.) человек неимоверно увеличил свои возможности приспособления к окружающему миру, подчинения себе силы природы. Вторая фундаментальная функция культуры — креативная. Третья — коммуникативная. Она включает передачу информации в любом виде: устное и письменное сообщение, общение людей, групп, народов и т. п. С коммуникативной функцией тесно связана сигнификативная функция культуры (в пер. с англ. — знак), буквально — функция приписывания значений и ценностей. Не менее важную роль выполняет нормативная функция культуры. Она проявляется в том, что именно культура ответственна за нормы, стандарты, правила и рецепты поведения людей, которые выражаются в обычаях и традициях, приказах, постановлениях, распоряжениях, законах, манерах, нравах. Следующая функция культуры — релаксационная (в пер. с лат. — ослабление), заключающаяся в искусстве физического и психического расслабления, разрядки (смех, плач, исповедь и т. д.)⁹.

Главной задачей системы жизнеобеспечения любой общности людей, в том числе этнической, является создание благоприятных условий жизни для каждого человека. Это достигается выбором удобного места жительства, рациональным использованием пищевых ресурсов и т. д. Ввиду того что градация культуры на материальную и духовную общеизвестна, среди ученых сложилось мнение о первоочередности исследования материальной основы жизни общества. Среди составных частей материальной культуры поселения, жилища, одежда и пища являются в равной мере насущными для всех без исключения членов общества, и в них наиболее непосредственно отражаются происходящие в культуре данного этноса процессы. Указанные три компонента, обуславливающие физическое существование человека, составляют комплекс систем его жизнеобеспечения. В связи с этим при рассмотрении этнической культуры их необходимо изучать в первую очередь¹⁰. По определению В. И. Козлова, «жизнеобеспечение — это процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида или группы путем адаптации к природной и социально-культурной среде обитания, обеспечения воспроизводства людей и их сообществ (в данном случае — этнических групп)»¹¹. Основным механизмом хозяйственной и культурной адаптации является трудовая деятельность человека и соответственно связанные с ней виды материальной культуры (жилище, одежда, пища и др.)¹². Учитывая деление культуры на материальную и духовную, можно сказать, что материальная культура — это сложившийся на определенных естественных и исторических основаниях способ развития сущностных сил человека, его физических способностей и дарований, ставших его неорганическим телом¹³. Практическое выражение материальная культура народа находит в технологии возведения жилищ и других построек, в орудиях труда, способах трудовой деятельности, характере бытового уклада, специфике питания, одежды и т. д.

Материальная культура каждого народа отражает все основные черты его жизнедеятельности и национальной специфики, обусловленные историческими, социально-экономическими и природно-географическими факторами. Социально-экономическое развитие общества, процессы урбанизации и перестройки быта, влияние смешанного расселения наций приводят к существенной стандартизации и унификации материальной культуры, стиранию этнической специфики¹⁴. Сравнительно

отчетливо ее можно выявить в настоящее время лишь в некоторых областях, направленных на непосредственное удовлетворение витальных потребностей человека, его жизнеобеспечение¹⁵. Поэтому мы подробнее остановимся на одной из материальных сфер культуры — жилище.

Жилище является сложным элементом материальной культуры, сформировавшимся в процессе адаптации этноса к окружающей среде через систему хозяйственных занятий. В связи с тем что хозяйственное освоение территории этноса шло параллельно с образным освоением мира каждым из народов, в жилище, как и во всем комплексе материальной культуры, отразились мировосприятие народа, основы его мировоззрения, что отложилось в художественных традициях этноса. Вместе с тем разнообразие ландшафта, различные социальные, экономические и исторические условия развития отдельных районов и различных групп населения способствовали созданию разных типов жилища, закрепленных определенной этнической традицией на той или иной территории. В большей степени традиционность прослеживается в строениях, сооруженных в первой половине XX в., но частично, передаваясь от поколения к поколению, она в той или иной степени проявляется (нередко в трансформированном виде) в постройках, возводившихся в послевоенное время¹⁶.

Накопление культурных ценностей идет как бы по двум направлениям: вертикали и горизонтали. Первое направление представляет собой накопление культурных ценностей, связанное с их передачей от одного поколения к другому, т. е. это есть преемственность в культуре. Наиболее устойчивая сторона культуры — культурные традиции, элементы социального и культурного наследия, которые не только передаются от поколения к поколению, но и сохраняются в течение длительного времени, на протяжении жизни многих поколений. Многие традиции, привычные для нас, пришли к нам из разных эпох и цивилизаций. Традиции подразумевают, что и как наследовать. Традиционными могут быть идеи, обычаи, обряды и многое другое. Традиции как способ сохранения культуры показывают, что культура не столько результат человеческой деятельности, сколько ее способ, способ человеческой жизни в целом. Второе направление проявляется во взаимодействии и взаимообогащении культур. Формирование культуры подразумевает сохранение лучших элементов старого, а также создание нового. Поэтому общество в целом и объединяющую его культуру характеризует не только традиция, но и новация как способ обновления знания. В культуре всегда всеобщее органически слито с уникальным, традиционное с новым, современным. Следовательно, культура живет мудростью прошлых поколений и движением вперед, новыми открытиями и ценностями¹⁷.

Традиционно жилище изучается в рамках материальной культуры. Однако жилище — это не только материальный объект, но и один из ключевых символов культуры, типы и формы которого находятся в прямой зависимости от социально-экономических и природно-географических условий¹⁸. В этом случае главным объектом исследования будут обряды, поскольку в традиционной культуре именно они являлись основным средством передачи культурных образцов, социального опыта во времени. В интересующем нас вопросе в роли главных средств передачи традиционных схем освоения мира выступали обряды, сопровождавшие строительство жилища и его обживание. Это не означает, что «строительные традиции» передавались исклю-

чительно с помощью обрядов. Механизм традиции обязан своей «помехоустойчивостью» во времени тому, что одна и та же информация передавалась сразу по нескольким каналам. В связи с этим существенное значение для нас имеют также данные языка, фольклора, мифологии и изобразительного искусства¹⁹. Из постановки вопроса ясно, что нас будет интересовать в первую очередь образ жилища в традиционной картине мира, его выражение в обрядах, поверьях, фольклорных, мифологических и других текстах, зарегистрированных преимущественно во второй половине XIX — XX в.

«Двойная природа» вещей — хорошо известная особенность оперирования вещами в обществе. Речь идет о том, что любую вещь можно использовать и как собственно вещь, и как знак, символ. Причем вторая, символическая ипостась может пониматься различным образом. В культуре традиционного типа «о каждом предмете, помимо ограниченных сведений, касающихся его физической природы, существовало еще и иное знание: знание его символического смысла»²⁰. Восстановление этого смысла (частично утерянного, частично дошедшего до нас в трансформированном виде) — одна из основных задач историка культуры. Кроме того, символический характер вещей может пониматься и как объективное свойство вещей, дающее возможность использовать их в качестве исторического источника. Ю. М. Лотман в связи с этим писал: «Следует напомнить, что памятники материальной культуры, орудия производства в создающем и использующем их обществе играют двоякую роль: с одной стороны, они служат практическим целям, с другой — концентрируя в себе опыт предшествующей трудовой деятельности, выступают как средство хранения и передачи информации. Для современника, имеющего возможность получить эту информацию по многочисленным более прямым каналам, в качестве основной выступает первая функция. Но для потомка, например археолога или историка, она полностью вытесняется второй. При этом, поскольку культура представляет собой структуру, исследователь может извлечь из орудий труда не только информацию о процессе производства, но и сведения о структуре семьи и иных форм организации коллектива»²¹. П. Г. Богатырев отметил: «Деревенские постройки, наряду с практическими функциями, которыми обладает деревенский дом и его детали, мы обнаружим здесь и ряд других функций — эстетическую, магическую, функцию региональной и сословной принадлежности и другие. Крестьянский дом является не только вещью, но и знаком. В некоторых областях уже издали, только на основании внешнего вида дома, мы можем определить национальность его владельца, его экономическое и социальное положение и т. д.»²². Таким образом, любая искусственно созданная вещь обладает утилитарными и символическими свойствами (вещностью и знаковостью), т. е. потенциально может быть использована и как вещь, и как знак. С этой точки зрения история вещей может быть представлена и как движение по шкале семиотичности. Другими словами, в каждом отдельно взятом моменте своего существования вещь обладает тем или иным семиотическим статусом, который определяется конкретным соотношением знаковости и вещности. При этом семиотический статус прямо пропорционален знаковости и обратно пропорционален вещности. В частности, по отношению к жилищу есть основания утверждать, что на ранних этапах его семиотический статус был существенно выше. Если учесть результаты тех многочисленных исследований, которые позволяют делать выводы не только о

материальной, но и о духовной стороне жилища в архаическом обществе, и обобщить имеющийся в нашем распоряжении материал, то в самом общем виде можно получить приблизительно следующую картину.

С появлением жилища мир приобрел те черты пространственной организации, которые на бытовом уровне остаются актуальными и сегодня. Прежде всего появилась универсальная точка отсчета в пространстве. При это важно подчеркнуть, что пространство вне дома стало оцениваться как упорядоченное (по другим правилам) именно благодаря существованию жилища. Иными словами, дом придал миру пространственный смысл, укрепив тем самым свой статус наиболее организованной его части.

Другой важной содержательной доминантой дома является его связь с социальной организацией. В этом направлении основное внимание, как правило, уделяется различного рода отражениям структуры семьи в организации домашнего пространства. Уже в самых ранних археологических памятниках прослеживаются следы выделения в жилище мужской и женской части, места хозяина, а иногда и возрастных групп. Подобное разделение пространства носит условный характер и коррелирует с принципами организации сакрального пространства (место в центре обладает наибольшей сакральной ценностью, у выхода — наименьшей; левая сторона считается женской, а правая — мужской, но возможны и инверсии). Иерархия мест и половозрастная иерархия при этом совпадают.

Наконец, с точки зрения собственно информационной характеристики дома он выступал как один из основных источников и трансляторов информации. Дом являлся своего рода книгой и вместе с тем активно содействовал формированию представлений об эталонных связях в системе «мир — человек». Причем речь идет не только о визуальном образе жилища, который сейчас пытается расшифровать археолог или этнограф, но и о передаче информации по другим каналам, как дублировавшим, так и дополнявшим друг друга (рассказы о «виденных» домовых или о возможности их увидеть). Вербальным путем передавалась своеобразная «домашняя» мифология. Существенная часть обязательного корпуса текстов усваивалась и воспроизводилась исключительно во время так называемых домашних работ. С домашним пространством было связано выполнение ряда периодических и окказиональных ритуалов, включавших наиболее ценные в ритуальном отношении тексты. С помощью технологического кода передавалась не менее важная часть жизненно необходимых знаний, навыков, опыта как во время выполнения домашних работ, связанных с приготовлением пищи, изготовлением орудий труда, утвари и т. п., так и во время строительства жилища²³.

Вычленение из синкретической системы различных видов деятельности, их специализация сопровождалась уменьшением роли сакральных представлений и соответственно увеличением удельного веса производственных, инструментальных аспектов этой деятельности, что повлекло за собой существенные изменения в структуре семиотических систем, используемых в обществе. Семиотический статус вещей в настоящее время довольно резко снизился.

Постепенная утрата символического подтекста традиционного жилища привела к тому, что ко времени появления этнографических классификаций жилище было отнесено к сфере материальной культуры. Это обстоятельство можно было проигнорировать, если бы оно не вызвало существенных диспропорций в изучении

дома, как, впрочем, и других объектов, знаковый характер которых не вполне очевиден. Как отметил С. А. Токарев в работах, посвященных материальной культуре, разрабатывается устойчивый круг сюжетов, затрагивающих в основном те аспекты жилища, которые соотносены с его материальной сущностью. При этом игнорируется не менее важная «идеология» жилища. Между тем, по-видимому, именно сбалансированность утилитарных и символических функций определила ту исключительную роль, которая дает возможность говорить о жилище как о феномене культуры²⁴.

В традиционном обществе жилище является одним из ключевых символов культуры, типы и формы которого находятся в прямой зависимости от социально-экономических и природно-географических условий. Обычаи и обряды, связанные с жилищем, составляют неотъемлемую часть народной культуры. Они во многом зависят от социально-экономических условий жизни общества. Однако в силу традиции обрядность хранит в себе черты, присущие этапам общественного развития. Прослеживая изменения и инновации, происходившие в ней в различные исторические периоды, в разной социальной среде и в зависимости от общественно-экономического развития, можно получить наиболее правильное и глубокое представление о культуре и этнической истории народа.

Жилище представляет собой сложный культурный комплекс, выполняющий не только хозяйственно-бытовые, но и эстетические, религиозные, обрядовые и символические функции. Таким образом, оно тесно связано и с материальной, и с духовной жизнью народа, является отражением его исторического пути. Дом — один из наиболее существенных элементов культуры, служит удовлетворению самых необходимых потребностей человека. Он защищает людей от природных факторов (дождь, ветер, холод, жара), отрицательно влияющих на них. По этой причине его как в отношении материалов для постройки, так и в отношении устройства всегда старались приспособлять, с одной стороны, к условиям климата, с другой — к требованиям, предъявляемым ему современной культурой²⁵. В границах жилища образуется пространство психологического комфорта, которое необходимо для развития нормальной личности. Следовательно, его стараются сделать более благоустроенным и удобным для проживания. Под воздействием культуры других народов, населяющих Республику Мордовия, изменялся его как внешний вид, так и внутренний.

Таким образом, жилище формируется в определенной исторической обстановке под воздействием окружающей естественно-географической среды и социально-экономических условий жизни. Культура как совокупность материальных и духовных ценностей выражает достигнутый человечеством уровень исторического развития, а культурный процесс включает в себя способы и методы создания орудий труда, предметов и вещей, необходимых человеку. Жилище исторически создал сам человек для укрытия от непогоды, работы и отдыха, принятия пищи, воспроизводства семьи и т. п. Материальная культура, куда входят жилище, предметы быта и т. п., охватывает всю сферу материальной деятельности человека и ее результаты, совокупность материальных благ, созданных людьми. Она характеризует преобразующую деятельность человека с точки зрения ее влияния на развитие личности, раскрывая, в какой мере деятельность способствует применению способностей, творческих возможностей человека.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П.** Основы межкультурной коммуникации. М., 2003. С. 22.
- ² См.: **Кравченко А. И.** Культурология. М., 2002. С. 87 — 88.
- ³ См.: **Аванесова Г. А., Бабакова В. Г., Быкова Э. В.** Морфология культуры: структура и динамика. М., 1994. С. 352 — 353.
- ⁴ См.: **Мартынова М. Ю.** Мир традиций и межкультурное общение. М., 2004. С. 10.
- ⁵ Там же. С. 13.
- ⁶ См.: **Маркарян Э. С.** Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983. С. 60.
- ⁷ **Маркарян Э. С.** Очерки теории культуры. Ереван, 1969. С. 37.
- ⁸ См.: Вопросы системного исследования общества. М., 1972. С. 56 — 57.
- ⁹ См.: **Кравченко А. И.** Указ. соч. С. 18 — 26.
- ¹⁰ См.: **Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И.** Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 20.
- ¹¹ **Козлов В. И.** Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М., 1994. С. 93.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: **Шелегина О. Н.** Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1992. С. 3.
- ¹⁴ См.: **Арутюнов С. А.** Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 161; **Его же.** К проблемам этничности и интерэтничности культуры // Совет. этнография. 1980. № 3. С. 63.
- ¹⁵ См.: **Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И.** Указ. соч. С. 19.
- ¹⁶ См.: **Чернышов С. В.** Декор крестьянского жилища Брянской области : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2000. С. 3 — 4.
- ¹⁷ См.: **Мартынова М. Ю.** Указ. соч. С. 17.
- ¹⁸ См.: **Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.** Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. С. 34 — 64.
- ¹⁹ См.: **Байбуриин А. К.** Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 3, 10 — 11.
- ²⁰ Там же. С. 15.
- ²¹ Там же. С. 16.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 17 — 19.
- ²⁴ Там же. С. 20 — 21.
- ²⁵ См.: **Назаркин Н. Я.** Народонаселение и охрана здоровья в Мордовии. Саранск, 1973. С. 104.

Поступила 04.03.2011 г.

УДК 39(=511.152)

И. А. Кандрина

I. A. Kandrina

ПЕЧЬ В БЫТУ И ОБРЯДАХ МОРДВЫ

OVEN IN LIFE AND CEREMONIES OF THE MORDVINS

Ключевые слова: мордва, печь, очаг, дом, быт, обряд, пища, лечение, мытье, парение, утварь.

В статье рассматриваются устройство, инвентарь, а также функциональное, в том числе обрядовое, использование печи мордвой.

Key words: the Mordvins, oven, hearth, home, life, ceremony, food, medical treatment, washing, sweating out, utensils.

The article deals with the construction, inventory, as well as with functional, including ritual, use of an oven by the Mordvins.

Печь (м. пianaкуд, э. каштом) в жилище мордвы всегда занимала основное место. Для мордовского традиционного жилища были характерны определенные виды ее планировки. Так, у мордвы-мокши преобладал западный подтип южнорусской планировки. При этом печь стояла в дальнем углу избы, а ее устье было обращено к окну боковой стены. Красный угол находился справа или слева от двери. Среди мордвы-эрзи была распространена среднерусская планировка. В данном случае печь находилась в одном из углов при входе, а ее устье было обращено к окнам передней стены, выходящей на улицу. Красный угол располагался напротив двери. Общей чертой таких планировок являлось нахождение переднего угла по диагонали от печи. Это связано с особым значением печи и переднего угла как ритуальных центров жилища, причем печь была более древним, дохристианским центром¹. Примером среднерусской планировки могут служить печи в домах Е. Ф. Надькиной, проживающей в с. Отрадном Чамзинского района Республики Мордовия, и Н. П. Глухова из с. Симкина Большеберезниковского района.

Для сооружения печи в одном из углов у входа строили дощатый каркас четырехугольной формы и набивали его глиной. Глину утрамбовывали специальным деревянным молотком, представлявшим собой обрубок дерева диаметром 25 — 30 см. Один конец молотка имел плоский срез, другой — заостренный. Глину сначала уплотняли плоским концом, а когда она затвердевала, били по ней заостренным концом. Затем молоток переворачивали и вновь трамбовали плоским концом до тех пор, пока масса не становилась достаточно уплотненной. После этого насыпали следующий слой глины, повторяя процесс ее утрамбовки. Так, слой за слоем глиняная масса связывалась в прочное основание печи. На уровне пода устанавливали каркас для образования чела печи. В противопожарных целях каркас ставили на расстоянии 30 — 35 см от стены. Данный промежуток тоже набивали глиной до определенного уровня. В этом месте получалась лежанка. Раньше, при топке по-черному, над устьем печи устанавливали кожух из прутьев, обмазанных глиной. С переходом к топке по-белому его заменила кирпичная труба. Трубу сооружали из самодельного кирпича.

Его применяли и для кладки шестка, а также для голландки (м., э. голландкась). Глинобитная печь была прочная и длительное время сохраняла тепло.

Впоследствии печь изготавливали из самодельного необожженного кирпича. На ее строительство затрачивалось меньше времени, и она была менее долговечной. Кирпичные русскую печь и голландку клали обычным способом. В восточной части Мордовии принято было соединять голландку с печью аркообразной кирпичной трубой, которая опиралась на специально сложенную кирпичную колонку в свободном углу печи, гармонировавшую по форме с голландкой. Арка (длиной более 1 м) своеобразно оформляла вход в кухню-чулан². Основным топливом для печей, кроме дров, были кизяки. В современной практике для строительства печи используются кирпичи, изготовленные промышленным способом. Сегодня во многих сельских домах печи заменены голландками с газовым отоплением.

Печь не только обогревала жилище, но и имела множество других функций, что прослеживается в повседневном укладе жизни деревенского жителя. Так, в ней готовили еду, пекли хлеб, обжигали глиняную посуду. На печи спали в холодное время. Горячие кирпичи были незаменимым средством при лечении простудных заболеваний [ПМА: Аниченкова, Рыжов]. Следует отметить, что в печи в прошлом также парились. Эти печи имели широкое устье и высокий (до 1 м) свод. Такая печь сохранилась в с. Воеводском Кочкуровского района. Зафиксированы сведения о том, как парились в печах: «Печки делали огромные, в пол-избы. В них мылись. Для этого печку топили жарко, выгребали угли, выметали и устилали под (внутреннее пространство печи) соломой. Парились все по очереди. Кипятком заваривали веник, брали ковшик с водой, залезали в устье печи обязательно вперед ногами, закрывали заслонку, затем брызгали водой на свод. Печка отдавала жар. Как правило, из печи вылезали все в саже, но распаренные. Зимой мылись в корыте, которое стояло у печи, а летом — во дворе. Иногда внутрь печи ставили свечки. Если же в печи и мылись, то вовнутрь ее ставили деревянное корыто, в которое стекала вода» [ПМА: Тюрина]. Конечно, париться в бане намного удобнее, но в отличие от бани, которую необходимо готовить для этого специально, печь топили ежедневно.

Кроме того, на печи и в печурках сушили одежду, обувь и др. Под печью зимой держали кур или складывали туда кухонную утварь. Чело закрывали металлической или деревянной заслонкой, подпечек, как и лежанку, завешивали пестрой ситцевой занавеской. Часть избы перед печью традиционно считалась женским углом, она противопоставлялась красному углу, связываемому с мужской частью избы.

В каждой мордовской семье имелся печной инвентарь: чугуны (м. цюгун, э. чугун) разных объемов, сковороды (м. пачкалга, э. пачалго), ухваты (м. фатун, э. ухват) для подхватывания горшков (м. сяканя, э. чакш) и чугунов, каток, деревянная лопата (м. кшинь каяма кайме, э. кши койме), помело (м. помала, э. помела), кочерга (м. коцькарга, э. коцькерган). Для захватывания сковород и противней пользовались сковородником (м. пешефта, э. песчувто), который представлял собой укрепленную на рукояти железную лопатку с крюком. Кочерга предназначалась для выгребания из печи углей и золы. Она состояла из деревянной ручки и надетого на нее железного крюка. Для вынимания из печи тяжелых чугунов применялось специальное приспособление — каток, представлявший собой деревянный цилиндр длиной 15 — 20 см и диаметром около 10 см, суженный в середине для черенка. Каток лежал обычно на шестке или под печью. Хлеб в печь сажали специальной лопатой. Угли выгребали

кочергой в совок, затем остатки подметали веником и все клали в самодельное металлическое ведро. В этих целях использовали также крылья домашних уток и гусей. В настоящее время хлеб пекут в круглых или четырехугольных формах или на сковородах, пироги и лепешки — на жестяных листах. Для приготовления в печи первых блюд использовали чугунную посуду различной величины, вторых — небольшие чугуны или глиняные горшки.

С печью было связано множество обрядов жизненного цикла. Домашний очаг считался в старину священным. О том, что печь отображала образ семейного очага, говорят мокшанские поговорки: «Аф эсь пянакуд лангса бокцень аф эждьсак» («На чужой печи бок не согреешь»), «Пянакудсь фкя, а кшитне аф фкат; тядятне-алятне фрат, а иттне аф фкат» («Печка одна, да неодинаковы караваи; родители одни, да неодинаковы дети»). Огонь в печи являлся символом благополучия. Плюнуть в очаг считалось большим грехом. По огню определяли и погоду: красный огонь — к морозу, белый — к оттепели [ПМА: Дергунова]. Говорили также, что если дым из трубы идет вверх, то будет ясная погода [ПМА: Володина].

С домашним очагом связывались дохристианские верования мордвы в особое божество домашнего очага (печи). У эрзян это была Каштомава, у мокшан — Пянакудава (каштом, пянакуд — печь, ава — женщина, мать). Когда вынимали пироги из печи, стряпухи пели: «Каштом-ава, матушка! Каштомонь кирди, сияка! Пасиба тенть, пасиба, пасиба парсте пидемест, пасиба парсте панимест, вельть вадрясто тон пидить, вельть мазыстэ тон панинь: эзить пулта сынст лангост, эзить чентя сынст алкост» («Богиня печи, матушка! Владыка печи, серебряная! Спасибо тебе, спасибо, спасибо, что хорошо испекла, спасибо, что хорошо сготовила, очень хорошо их испекла, очень красиво их сделала: не сожгла их верха, не обуглила их низа»)³. Все, что связано с печью, очагом и огнем, сакрализовано, наделено магическими способностями очищения и защиты, помогающими в борьбе со злыми духами. Поэтому возле печи не случайно локализация мордовской богини, покровительницы дома (кудо, куд) — Кудавы, которая вместе с мужем — Кудатей (позднее Юрхтава и Юрхтата — м., Юртава и Юртата — э.) обитала под печкой, в подполе, под порогом, в Красном углу. Переходу в новый дом предшествовало «переселение» Юртавы и перенос очага (или в крайнем случае огня из старого очага). Во вновь отстроенном доме (чаще всего под печью) для Юртавы ставили угощение. Обращались к ней, как правило, с такими словами:

Хранительница дома, Кудо Юртава, матушка...
Утоли свой голод, успокой свое сердце,
Затем пойдем в новый дом, на новое место,
Новое жильё обживать, новый дом оберегать⁴.

Некоторые обычаи, связанные с печью, прослеживались в свадебном обряде мордвы. Перед сватовством в доме жениха устраивали моление вышнему и домашнему богам, а также предкам. Во время него на стол, покрытый белой скатертью, ставили хлеб-соль, а перед иконами зажигали свечи. Для того чтобы задуманному не помешала нечистая сила, закрывали все окна, двери и даже печную трубу⁵. Накануне дня свадьбы в домах жениха и невесты шли последние приготовления. В тех местах, где свадебный поезд отправлялся за невестой к вечеру, пироги пекли утром. Там, где за невестой ездили утром, пироги пекли накануне. Печению

хлеба придавали особое значение. Оно сопровождалось различными магическими действиями. Так, прежде чем поставить тесто, внутри квашни обводили зажженной лучиной, затем 3 раза обходили ее. При этом впереди шла стряпуха с зажженной лучиной, а за ней — все остальные. Они стремились изгнать очистительным огнем нечистую силу. Перед тем как посадить пироги в печь, стряпухи просили богиню печи испечь их покрасивее:

Богиня печи, матушка!
 Владыка печи, серебряная!
 Испеки пироги красивыми,
 Сделай их приятными.
 Не обожги их верха,
 Не сожги их низа.
 На далекое место они должны быть взяты,
 С человеческой головой спорить,
 С человеческой головой тягаться⁶.

Особо сосредотачивались на вынимании пирогов. В данном случае к концу лопаты привязывали несколько колокольчиков или бубенчиков, и все стряпухи брались за нее и с пением вынимали пироги. Потом они благодарили богиню печи за то, что она испекла их красивыми. Над готовыми пирогами устраивали моление. Около них ставили горшок каши, соль, пиво и вино. Перед иконами зажигали свечу, и одна из пожилых женщин молилась о благополучном окончании свадьбы, о том, чтобы «не испортили» жениха, а у молодых было столько счастья, сколько крупинок в горшке с кашей. Затем пироги относили в амбар и складывали на то место, где готовили постель для молодых⁷.

У мордвы Кочкуровского и Рузаевского районов сохранился обычай знакомить молодую с печью. Когда невесту заводили в дом, она должна была показать свекрови, как может вытаскивать чугуны и сковороды [ПМА: Ерочкина, Таурина]. У мордвы на второй день свадьбы совершался также специфичный, свойственный только ей обряд наречения молодой невесткой, смыслом которого было ее причисление к новому семейству и определение положения в нем. В некоторых местах новое имя давала свекровь, в других — дружка. При этом ее подводили к челу печи и ударяли по голове ковригой. Вероятно, вначале обряд осмысливался как представление нового члена семьи божеству очага и был связан с очистительной силой огня. Можно предположить, что в прошлом это был один из основных обрядов мордовской свадьбы⁸. Такая пространственная организация двух указанных ритуалов около печи могла означать и «знакомство с предками», символизировавшее благословление молодых, и своеобразное очищение вновь прибывавшего человека (невестки) в дом. Свадебные обряды возле печи являются отголоском древних верований, связанных с культом огня.

Местом родов у мордвы были не только баня, хлев и сарай, но и печь. В течение трех дней после родов бабка-повитуха парила роженицу и ребенка в бане или печи, поила различными лекарственными травами и правила опустившийся после родов живот [ПМА: Ситкина].

В мордовской семье после обряда крещения ребенка, проходившего в церкви, совершался языческий обряд его приобщения к семейному очагу. Младенца клали на печь, которая считалась жильем домового — хозяина дома, или около ее чела, и обращались к нему с просьбой принять новорожденного в дом: «Родной, приходи,

дите прими, в домовине укрепи! Господи, благослови новое чадо в доме видать. Во имя Святой Троицы и Миколы Угодника и всех святых. Аминь» [ПМА: Гущина].

Мордва лечила и лечит разные болезни золой и углями из печи. Так, в с. Петровка Дубенского района знахарки клали угли в воду, шептали молитву и этой водой лечили заболевших [ПМА: Кузенькова]. В целях предохранения новорожденного ребенка от сглаза выходили на перекресток и перебрасывали угли через себя. С печными углями и сейчас связан обычай предохранения от сглаза. Информаторы из Краснослободского района рассказали, что до сих пор подошвы и локти младенцев натирают углями от дурного глаза [ПМА: Пшеничникова]. Золой раньше присыпали раны. Ее используют также для уничтожения мышей (подкладывая под стога), червей и насекомых — вредителей капусты [ПМА: Скопина]. В с. Сивинь Краснослободского района золой посыпают пол в курятнике, считая, что от этого куры будут нестись лучше [ПМА: Лисина].

Мордва в печи не только парилась, но и лечилась. Болезни детей изгоняли путем их «запекания»: заболевшего ребенка на лопате сажали в теплую печь. Данным способом лечили также детей, отстававших в развитии. Вот как лечили худосочие («собачья старость») у детей в Большеберезниковском районе: «Для этого ребенка сажали на деревянную лопату и совали в печь, как только из нее вынут хлеб. Одна женщина с улицы спрашивала в окно ту, которая держала лопату: „Что перепекаешь?“. — „Собачью старость“. — „Перепекай лучше, чтобы ее не было!“. Разговор повторялся три раза, и три раза сажали ребенка в печь» [ПМА: Ифутина].

В печи лечились и взрослые. Для этого в ней пропаривались (прогревались), сидя или лежа на соломе [ПМА: Крайнова]. Влажность воздуха в печи регулировали, брызгая водой на горячий свод. Парились вениками, как в бане. Это было средством излечения от многих болезней, особенно когда для образования пара использовались отвары и настои из трав. После парения больному давали чай или отвар из трав, при простудных и ревматических заболеваниях укутывали для дальнейшего прогревания на печи [ПМА: Борисова]. Подобным образом лечили заболевания верхних дыхательных путей, уха, горла и носа, которым больше подвержены дети, а также ревматизм и артрит, в основном наблюдающиеся у пожилых людей. Тепло проникало глубоко в организм, расширяло сосуды, усиливало кровообращение, оказывая противовоспалительное и смягчающее действие. Кроме того, особо влияло на организм тепловое излучение от печной глины. В этом случае эрзяне говорили: «Каштом лангсо сыре атыськак герой» («На печке и дед герой»).

Таким образом, печь выступала как один из наиболее значимых элементов жилища. К ней всегда сохраняли особое отношение, что обуславливалось ее многофункциональностью. Печь считали основой семейного очага. В ней готовили пищу. Она обогревала жилище. С ее помощью лечили разные болезни. В ней парились и мылись. Печь ежедневно благотворно воздействовала на здоровье людей, создавая атмосферу уюта, надежности, защищенности и тепла. Все это в комплексе оказывало на человека положительное психотерапевтическое влияние.

Библиографические ссылки

¹ См.: Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 1983. С. 130, 160.

² См.: Макушин Н. П. Современное эрзянское жилище на территории Мордовской АССР // Исследования по материальной культуре мордовского народа. М., 1963. С. 203 — 204.

³ **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5. С. 92.

⁴ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1981. Т. 7. С. 195.

⁵ См.: **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968. С. 130 — 133 ; **Федянович Т. П.** Свадебные обряды русских и мордвы Мордовской АССР (сравнительная характеристика). Саранск, 1974. С. 120 — 121. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 45).

⁶ **Евсевьев М. Е.** Указ. соч. С. 91.

⁷ Там же. С. 94.

⁸ См.: **Федянович Т. П.** Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века — 1980-е годы). М., 1997. С. 38 — 39.

Полевой материал автора

Аниченкова Мария Серафимовна, 1928 года рождения, с. Токмово Ковылкинского района, запись 2006 г.

Борисова Александра Ивановна, 1943 года рождения, пгт Ромоданово Ромодановского района, запись 2007 г.

Володина Анастасия Григорьевна, 1925 года рождения, с. Тетюши Атяшевского района, запись 2008 г.

Глухов Николай Павлович, 1956 года рождения, с. Симкино Большеберезниковского района, запись 2008 г.

Гушина Надежда Ивановна, 1955 года рождения, с. Алексеевка Чамзинского района, запись 2008 г.

Дергунова Наталья Сергеевна, 1928 года рождения, с. Урей 3-й Темниковского района, запись 2007 г.

Ерочкина Людмила Ильинична, 1954 года рождения, с. Воеводское Кочкуровского района, запись 2008 г.

Ифутина Н. П., 1935 года рождения, с. Большие Березники Большеберезниковского района, запись 2007 г.

Крайнова Вера Ивановна, 1939 года рождения, с. Судосево Большеберезниковского района, запись 2010 г.

Кузенькова Александра Тимофеевна, 1932 года рождения, с. Петровка Дубенского района, запись 2008 г.

Лисина Антонина Николаевна, 1934 года рождения, с. Сивинь Краснослободского района, запись 2005 г.

Надькина Евдокия Федоровна, 1925 года рождения, с. Отрадное Чамзинского района, запись 2008 г.

Пшеничникова Мария Ивановна, 1939 года рождения, с. Сивинь Краснослободского района, запись 2005 г.

Рыжов Иван Васильевич, 1920 года рождения, с. Константиновка Ромодановского района, запись 2008 г.

Ситкина Любовь Ивановна, 1942 года рождения, с. Судосево Большеберезниковского района, запись 2010 г.

Скопина Александра Федоровна, 1932 года рождения, д. Шимаревка Торбеевского района, запись 2006 г.

Таурина Лидия Ивановна, 1936 года рождения, с. Архангельское Голицыно Рузаевского района, запись 2008 г.

Тюрина Лидия Ивановна, 1932 года рождения, с. Маколово Чамзинского района, запись 2008 г.

Поступила 23.06.2011 г.

УДК 392.51(=35)(470.345)

Л. И. Никонова, А. А. Шевцова

L. I. Nikonova, A. A. Shevtsova

**ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЕЗИДСКОЙ СВАДЬБЫ
(На примере езидов — мигрантов из Закавказья
в Республике Мордовия)**

**PECULIARITIES OF MODERN YAZIDI WEDDING
(By the example of the Yazidis — migrants from Transcaucasia
in the Republic of Mordovia)**

Ключевые слова: гендер, семья, этнокультурная адаптация мигрантов, свадьба, свадебные подарки, трансформация обрядности, потенциал сохранения традиции, езиды Закавказья.

В статье рассматривается современная свадебная церемония как фактор сохранения и репрезентации этнической идентичности езидов в условиях инокультурного окружения.

Key words: gender, family, ethnic and cultural adaptation of migrants, wedding, wedding gifts, transformation of rituals, the potential for preservation of tradition, the Yezidis of Transcaucasia.

The modern wedding ceremony as a factor of preservation and representation of ethnic identity of the Yazidis under conditions of other cultural environment is considered in the article.

В результате интенсивной миграции в Российскую Федерацию населения из районов нагорно-карабахского конфликта, Армении и Азербайджана в настоящее время в стране сформировались крупнейшие в мире и достаточно хорошо изученные армянская и азербайджанская диаспоры¹. Менее известны и практически не представлены в этнографической литературе переселенцы из Закавказья нетитульных национальностей, приехавшие в Россию примерно в одно время с армянами и азербайджанцами и живущие в регионах.

По переписи 2002 г., в России проживают 31,3 тыс. езидов и 19,6 тыс. курдов-мусульман. На курдских языках (преимущественно курманджи — северный диалект курдского языка) говорят в общей сложности более 36 тыс. чел.² Общая численность данных этнических групп в России, по оценкам самих курдов и езидов, составляет около 450 тыс. чел.³ Заметим, что закавказские езиды на юге России (Краснодарский край, Ставрополье) и в Нижегородской области известны этнологам, в то время как сведения о езидях из Закавказья в Республике Мордовия лишь начинают вводиться в научный оборот. Интересные в этнографическом отношении компактные поселения езидов в Ромодановском и Ичалковском районах начал изучать отдел археологии и этнографии НИИГН.

Переселение представителей данной этнической общности в Мордовию произошло в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Например, родиной большой езидской семьи Гутеян-Раджоян, ныне живущей в Ичалковском районе, является с. Акко Талинского района Армении, традиционно заселенного преимущественно закавказскими курдами. Оттуда они переехали сначала в Тбилиси, а в конце 1980-х гг. — в Мордовию [ПМА: Гутеян В. И., Гутеян И. Х., Гутеян Л. Г., Гутеян М. И., Гутеян М. М., Гутеян Х. Б.,

Раджоян Л. М., Раджоян М. М., Раджоян Х. С.]. Семья Шабоян, проживающая в с. Пушкино и Константиновка Ромодановского района, прибыла из Армении в начале 1990-х гг. [ПМА: Шабоян Х. А., Шабоян Х. В., Шабоян Э. С.].

Следует подчеркнуть, что многие езиды-информанты считают родным языком армянский, некоторые владеют также грузинским и курманджи. Внуки на армянском и курманджи говорят реже. Большинство переселенцев свободно говорят на русском языке. Информанты четко осознают свое этническое происхождение и подчеркивают этноконфессиональную специфику, что отражено в этнониме «езиды» («йезиды, язиды, эзд»)⁴. Курды-мусульмане же ассоциируются езидами с исламом. Езиды — часть курдской этнической общности (это обусловлено, как было отмечено, диалектом курманджи), а начало осознания себя отдельным народом связано с преследованиями неисламского населения Османской империи в начале XX в.⁵ Этнодифференцирующим признаком езидов стала именно их религиозная принадлежность.

Этнорелигиоведы отмечают, что у «езидов, живущих в России на протяжении нескольких поколений, часто формируется двойственная и тройственная этническая идентичность: они могут называть себя и езидами, и курдами, и русскими»⁶. В нашем случае возможна их внешняя этническая идентификация с армянами. Так, односельчане (мордва и русские) информантов называют езидов армянами, объясняя это их «армянскими» фамилиями на -ян, особенностями антропологического облика, манерой поведения, организацией хозяйственной деятельности, жилых и хозяйственных построек, языка. Определенную роль сыграло и то, что в пгт Кемля, с. Пушкино и Константиновка достаточно много армянских мигрантов, чей этнокультурный облик резко контрастирует с местным населением в отличие от езидов, с которыми их объединяет немало внешних этнокультурных маркеров.

Последнее обстоятельство объясняется мощным и длительным (в течение нескольких поколений) этнокультурным воздействием сельского армянского населения на езидов, которые были расселены в горных районах Армении⁷. Это нашло отражение в их традиционной обрядности, хозяйственной деятельности, системе питания при сохранении ряда самобытных черт. Например, традиционные блюда езидов Закавказья указывают на их как курдские, так и армянские корни. Например, езиды из Константиновки пьют любимый армянами кофе [ПМА: Шабоян Х. В.], в то время как еще несколько десятилетий назад курды Закавказья, даже живущие в Армении, его не употребляли⁸. Гостям же предлагают особым образом приготовленный чай [ПМА: Гутеян Л. Г., Гутеян М. И., Раджоян Х. С.]. Езиды из Кемли любят готовить блинчики с мясом. Причем люди среднего возраста и молодежь употребляют в пищу свинину (например, хоровец — свиной шашлык). Однако свинина ни в каком виде не может присутствовать на поминальном столе, что характерно также для армянских информантов [ПМА: Саргсян Л. Г., Саргсян Т. А.]. Запрет на употребление «нечистого» свиного мяса езиды объясняют положениями религии: «Мы не христиане и не мусульмане, а солнцепоклонники» [ПМА: Раджоян Х. С.]. Подчеркнем, что ограничения и запреты на употребление того или иного вида продуктов — один из этнических маркеров, как и приверженность национальной пище⁹.

Конфессиональная самоидентификация «солнцепоклонники» является объяснением главного положения консолидирующего этнос религиозного течения — езидизма. Эта синкретическая национальная религия возникла, «вероятно, на основе древних курдских верований, вобрав в себя черты зороастризма, гностицизма, ислама»¹⁰.

Крупнейшим религиозным авторитетом езидизма принято считать суфийского проповедника шейха Ади (Шихади), а главной и единственной в мире езидской святыней — храмовый комплекс Лалиш в провинции Иракский Курдистан на севере Ирака¹¹. Особую роль в езидизме играет культ солнца и связанное с ним почитание ангела-павлина (Малик Таус, Мелек-Тавус, Малак-Товуз), олицетворяющего солнечный круг и символизирующего жизнь¹². Известная езидская поговорка гласит: «Езидами не становятся, езидами рождаются»¹³. Причем езидом мог считаться лишь человек, у которого и мать, и отец — езиды. Однако в современном глобализирующемся мире в инокультурном окружении и под воздействием межэтнических браков этноконфессиональная общность езидов размывается. Некоторые информанты признались, что тяготеют к православию, крестятся, ходят в православный храм, держат в доме кресты, иконы. Запрет на ношение одежды синего цвета (сакрального атрибута Мелек-Тавуса) в мордовской общине езидов забыт, но память об обращении молитв к солнцу как воплощению Единого Бога и о ряде других религиозных обрядов и запретов все еще жива.

Свадебный обряд езидов Мордовии во многом близок к традиционной армянской сельской свадьбе. Так, общими чертами являются обязательная свадебная процессия с танцами, народной музыкой и подарками в доме родителей невесты, смотрины и фиксация приданого и свадебных подарков, застолье в домах родителей жениха и невесты (двойная свадьба), присутствие тамады, наличие отдельных столов для приглашенных мужчин и женщин и т. п.

Кроме того, существует немало своеобразных, этномаркирующих традиций, таких как обильное одаривание невесты родней жениха золотыми украшениями после обручения, но до свадьбы, исполнение на ней 4 видов своеобразных курдских танцев, любимых и молодежью, а также предпочтительность заключения браков внутри родственной группы (допускается женитьба на двоюродных и троюродных сестрах). Последнее обстоятельство (эндогамия) резко отличает курдов-езидов от армян, традиционные нормы которых запрещают браки между родственниками до седьмого колена. Респонденты старшего возраста объяснили это соображениями хозяйственно-экономического порядка: «Не дробить хозяйство, не разделять имущество рода» и сохранения этнической общности: «Нас мало, мы должны держаться своих, жениться на своих» [ПМА: Гутеян Х. Б., Раджоян Х. С., Шабоян Х. А.]. Отметим, что информанты исключительное значение придают нравственным устоям семьи, поэтому стараются, чтобы их сыновья заключали браки с «проверенными» девушками, «которые росли на глазах», чье поведение и хозяйственные навыки безупречны. Народные курдские пословицы («Стыдливая женщина стоит целого города», «Жена — стун (опора) дома», «Гляди не на женщину, а на ее родню»¹⁴) свидетельствуют о том, что традиционные семейные ценности по-прежнему в почете. Сохраняется также представление о патрилокальности.

Свадьбе обычно предшествовали 5 этапов: длительные переговоры семей жениха и невесты (созстандэн); их первое свидание, когда нарядная невеста в своем доме подавала жениху стакан воды в присутствии родственников; обручение (нишан керэн), во время которого молодые обменивались кольцами, велись переговоры о свадебных дарах (хэлатах) и шейх оглашал сообщение о свадьбе в доме невесты (наках), длительное, порой в несколько месяцев, затворничество невесты в родном доме или в доме дяди (малдархастэн), пока не приходили родственники жениха

«открыть ей дорогу», поцеловав невесте голову, и пятый этап «сартэдан», когда женщины из родни жениха шли с подарками в дом невесты, чтобы договориться с ее отцом о взаимных уступках в одаривании молодых¹⁵. Предсвадебный цикл — от сговора до свадьбы — занимал от года до трех лет¹⁶. Регистрация в ЗАГСе (сельсовете) происходила обычно после традиционной свадьбы спустя несколько дней, недель или даже после рождения первого ребенка.

Сегодня традиционный свадебный цикл российских езидов стал меньше, входящие в него обряды редуцируются и смещаются во времени. Например, одаривание невесты, наках и обмен кольцами происходят на самой свадьбе (дават), до свадебного пира. Таким образом, собственно свадьба обычно занимает 2 — 3 дня, хотя подготовка к ней, в том числе финансовая (например, взятие банковского кредита на покрытие свадебных расходов), идет заранее, минимум за несколько месяцев [ПМА: Гутеян Х. Б., Шабоян Э. С.]. Уже в 1950 — 60-е гг. в среде курдов-езидов Закавказья было принято справлять свадьбу в каком-нибудь большом здании (сельском клубе), куда приглашали всю общественность селения, гостей из других сел и городов¹⁷. В Мордовии езиды обычно арендуют для этой цели сельские клубы, столовые, иногда — актовые или даже спортивные залы в школах, где устанавливают столы для гостей [ПМА: Гутеян В. И., Гутеян Л. Г., Гутеян М. И., Гутеян М. М.].

В Мордовии информаторы, которые присутствовали на современной езидской сельской свадьбе в качестве гостей, оценивали ее как «правильную», «настоящую», где «все как положено». Так, свадебный цикл Савдина и Марины, зафиксированный на видеопленку оператором профессиональной видеостудии «Саранск» 29 — 30 сентября 2007 г. в с. Константиновка, на первом этапе включал показ детских фотографий жениха и невесты, их родителей и других членов семей, сопровождавшийся романтической музыкой.

В настоящее время фото- и видеофиксация свадьбы стали неотъемлемой частью этого ритуала¹⁸. Кроме профессиональных фотографа и видеооператора, чьи услуги обычно заказывают заранее, ключевые моменты свадебного действия снимают на фото- и видеокамеры и даже мобильные телефоны гости и родственники молодых.

Итак, первый этап свадьбы в с. Константиновка проходил утром в пятницу (реже — в субботу) во дворе дома жениха, где под национальную музыку женщины исполняли вначале танец «лачи бэнэ», а потом — «говэндн»*. На все происходящее с любопытством смотрели красиво одетые дети¹⁹. Свадебную церемонию сопровождали 2 музыканта: ударник, игравший на дафе — большом и высоком барабане, и духовик, игравший на бэлуре — деревянной свирели. Мужчины — родственники жениха, обнимались, поздравляли друг друга и готовились к забою скота, мясо которого является главным свадебным угощением.

Танцы тем временем продолжались. Затем следовал танец «джангуле нэри». У первого танцора (сарговэнд) в свободной руке был красный платок, последний — держал руку за спиной. Сарговэнд указывал платком на порядок исполнения танца, задавал ритм и направление движения.

* Эти курдские народные танцы самобытны, динамичны, насыщены своеобразным народным колоритом и чрезвычайно любимы народом по настоящее время. Они признаны этнографами и искусствоведами блестящим образцом народного творчества.

Прямо за танцующими мужчины-резчики забивали телят, поочередно 5 небольших баранов, быстро и без суеты перерезали им горло, оставив кровь стекать на землю. Танцоры в это время сменяли друг друга, ряд женщин включал теперь и мужчин. Мужчины разделяли тушки, подвешенные на крюках. Им охотно помогали мальчишки-подростки. Мужчины резали мясо профессионально, на крупные порционные куски, отделяя кости и жир, непринужденно переговаривались, точили ножи. На месте забоя животных смывали кровь. Верхний слой почвы, впитавший ее, убирали. Дальнейшей обработкой мяса занимались женщины.

Во второй половине этого дня в сельском клубе собирались гости. Перед сценой накрывали столы. Справа — «мужской», за которым сидели мужчины и мальчишки, слева — «женский». Женщины располагались за столом только через 30 — 40 мин. после мужчин. На оба стола угощение подавали женщины, приготовившие его.

После праздничного стола следовало несколько национальных танцев, в том числе «яллы» и «кочари». Первыми танцевали те, кто забивал скот и готовил. Затем к ним присоединялись другие участники свадьбы, выстроившись в длинную вереницу и сцепившись мизинцами («сакмэ», «джангуле нэри», «шорор»). Они обходили столы по периметру клуба. В тот же ряд одними из последних вставали дети, которые учились ритму движений танца. Вел танец сарговэнд с расшитым монетами красным платком в руке. В данном случае в его роли выступал руви (буквальный перевод с курманджи — лиса) — дружка жениха. Ритм танцев постепенно ускорялся, поэтому танцевали одни мужчины. Звучали популярные свадебные песни «Майраме», «Романи», «Калашо-Нобдаро» и исторические, которые традиционно исполняют на свадьбах. Например, любимой у езидов из Армении является песня «Факи Усуб»²⁰.

За «мужским» столом произносили тосты за молодых, их родителей, всех родственников и членов их семей. Гостям желали счастья, здоровья, процветания. Отдельный тост посвящали молодежи, которой желали уважать традиции своего народа, служить ему. Кроме того, отмечали тех, кто готовил столы, присутствовал на торжестве, чествовали именитых гостей. В связи с тем, что на свадьбе присутствовали не только езиды, но и армяне, русские, мордва, татары и представители других национальностей, часть тостов провозглашалась на русском или армянском языках. Тосты произносили стоя.

Свадебное действие продолжалось. Весьма активно под дудку и барабан танцевали сверстники, молодые родственники и друзья жениха. Особенно отличился руви. Кроме танцев «кочари» и «яллы», исполняли «адлэ». Армянские гости предложили свой национальный танец «в подарок».

Утром на второй день свадьбы (обычно это суббота, реже — воскресенье) во дворе дома жениха формировали свадебный поезд, украшая машины лентами и воздушными шарами. Предпочтение отдавали белой машине, предназначенной для жениха и невесты.

Жених в это время одевался в своей комнате. Ему помогал руви, которому в свою очередь — младший брат жениха. Костюм, рубашка и ремень жениха должны быть белыми и обязательно новыми. Его одевание происходило в присутствии родни, матери и друзей. Здесь же стояли красивые корзины и подносы — свадебные подарки невесте. Вздвинутого жениха поздравляла вся его родня. Затем жениха и дружек проводили во двор, где все сели в машины, чтобы ехать в сельский клуб, где веселье было в разгаре и подавали горячие блюда.

Приехав туда, жених и дружки приняли участие в танцах. Каждому из них женщины подарили украшенные люрексом и обшитые монетами красные и оранжевые шелковые и газовые платочки. Выходя из клуба, жених выкупил у девочки широкую зеленую ленту и накинул ее на плечо под пиджак. Все присутствовавшие опять поздравляли жениха.

После этого свадебный поезд, включавший 7 машин, которые громко сигналили, оповещая о радостном событии, отправился за невестой. Большинство гостей направились к месту праздничного события пешком, так как оно было рядом. Однако жених должен был обязательно приехать на машине, даже если невеста жила в соседнем доме.

Затем наступило время обряда «сартэдан»: огромное число гостей во главе с женихом и его дружкой вошли во двор дома невесты. Женщины и мужчины высоко над головой несли свадебные подарки невесте, чтобы все гости могли их видеть. Звучала музыка, танцы продолжались. Жених «выкупил» очередную ленту, теперь красную, набросил ее на другое плечо. Красная и зеленая ленты пересекали друг друга крест-накрест, что символизирует связь двух родов. Потом снова следовали поздравления. Около 40 гостей исполнили круговой танец с довольно сложным ритмом и рисунком («лаци бэнэ»). Здесь же накрыли небольшой стол с вином, фруктами и сладостями для мужчин. Отец и дядя жениха передали отцу невесты выкуп (калан).

Следующим этапом (показом подарков от родных жениха) руководила его мать. Ей помогал громко и остроумно говоривший мужчина — близкий родственник жениха, который мог быть дядей жениха по материнской линии [ПМА: Гутеян Х. Б., Шабоян Х. А.]. Он демонстрировал собравшимся подарки, громко объявляя их стоимость и называя конкретного дарителя (обряд «сачу»): «Золотые с бриллиантами серьги — от дяди Шамо, прекрасной работы вещь, сам бы носил!» и т. д.

Это действие происходило во дворе за специальным столом, покрытым красной тканью. Все гости (мужчины, женщины и дети) с удовольствием рассматривали подарки и весело комментировали происходившее. Значительную часть подарков составляли золотые ювелирные украшения, обязательно с ценниками. Наибольший восторг собравшихся вызывали украшения с бриллиантами.

Среди других подарков были верхняя одежда, несколько пар обуви, нижнее белье, различные платья, домашние халаты, корзины с косметикой, наборы столовых приборов, полотенце и многое другое. Одежду демонстрировали на специально натянутой веревке. Кроме того, были выставлены скатерти, пледы и покрывала, постельное белье, подушки, одеяла. Далее следовали более существенные подарки: комплект мягкой мебели, бытовая техника, миксер, стиральная машина, холодильник (часто вместо громоздких предметов показывали их фотографии) и т. д. Сегодня подаренное на свадьбу считается также собственностью жениха, а не только невесты, как было раньше²¹. Показ подарков со стороны жениха занимал около часа.

Невеста тем временем одевалась. Наконец 2 женщины под звуки дудки и барабана вывели ее под руки к гостям. Сейчас платья предпочитают открытые, европейского фасона, кринолинные юбки, корсеты с большим декольте, перчатки. Волосы девушки были уложены в высокую прическу, украшены диадемой в форме павлина и фатой. В окружении гостей жених и его мать надевали смущенной девушке перстни, кольца, браслеты, цепочки, дорогие серьги. (Иногда на каждый палец приходилось по несколько колец, и тогда невеста даже не могла сжать ладонь). Позже часть украше-

ний сняли, оставив лишь некоторые. Затем невесту поздравляли ее родственницы, а также мать жениха — будущая свекровь. Окруженная подругами, невеста оплакивала разлуку с домом, а те пытались увлечь ее в общий танец.

Далее следовало небольшое застолье. Жених с невестой раздавали детям заранее приготовленные и красиво упакованные маленькие подарки (свертки с конфетами, игрушками). Мама невесты осыпала молодых конфетами. Здесь же висел ковер с амулетами от сглаза.

После этого гости направились в местную школу, где был арендован спортзал. Здесь молодых встречали танцами. Столы к тому времени уже были накрыты («Надо, чтобы они ломались, тогда жить хорошо будут, богато») [ПМА: Шабоян Х. А.]. На них — обилие всевозможных закусок, фруктов, в том числе виноград, гранаты, бананы, ананасы. К отцу жениха подходили гости с денежными подарками. Их фамилии и суммы записывались в особую тетрадь.

Кульминацией свадьбы стал общий танец «сакмэ», включавший также детей и стариков. Все его участники несколько раз обходили столы. Далее следовало еще несколько коллективных танцев, а потом — танец невесты с подаренными купюрами.

На улице проводился обряд завязывания белого пояса невесте. Это должен был делать женатый мужчина, «чтобы были дети поскорей у молодых, чтобы легко разрешилась первенцем» [ПМА: Раджоян Х. С.]. Потом жених с невестой наконец ехали в ЗАГС. Обряд раздавливания невестой деревянной ложки на пороге дома жениха практически забыт. Мы не зафиксировали в Мордовии обряд бросания женихом яблока в голову невесты²², хотя московские езиды помнят об этом архаическом обычае [ПМА: Слоян].

Далее молодожены отправлялись в сельский клуб, где родственники и гости встречали их танцами. Первой в зал входила свекровь, за ней — танцующие молодые. Причем невеста обязана была делать это до тех пор, пока ее одаривали деньгами. Для невесты и свидетелей готовился особый стол с фруктами, напитками, тортом. Однако молодожены в течение всей завершающей свадебной церемонии не должны были прикасаться к еде, хотя им доверяли разрезать свадебный торт. После этого праздник продолжался.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Гаврилов В., Шепова Н.** Нетрадиционные войны на постсоветском пространстве. Южный Кавказ. М., 2009. С. 404.

² См.: Народы России : Атлас культур и религий. М., 2008. С. 74 — 75.

³ См.: **Османов М. Ч.** Роль партии в курдском движении. М., 2009. С. 164.

⁴ Об этом подробнее см.: **Аристова Т. Ф.** Курды Закавказья : (ист.-этногр. очерк). М., 1966. С. 15 — 21, 42 — 45.

⁵ См.: Народы России. С. 75.

⁶ Там же.

⁷ См.: **Аристова Т. Ф.** Указ. соч. С. 16 — 21.

⁸ Там же. С. 136.

⁹ См.: **Григулевич Н. И.** Этническая экология питания : Традиц. пища рус. старожилов и народов Закавказья. М., 1996. С. 33.

¹⁰ Народы России. С. 75.

¹¹ См.: **Дасни Ю. Р.** Путешествие из Москвы в Курдистан. М., 2010. С. 77 — 84.

¹² Там же. С. 85.

¹³ Там же. С. 82.

¹⁴ Аристова Т. Ф. Указ. соч. С. 192.

¹⁵ Там же. С. 149 — 153.

¹⁶ Там же. С. 151.

¹⁷ Там же. С. 151 — 152.

¹⁸ См.: Бойцова О. Ю. «Не смотри их, они плохие»: фотографии похорон в русской культуре // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 327 — 352.

¹⁹ Аристова Т. Ф. Указ. соч. С. 198 — 199.

²⁰ См.: Джалилов О. Дж. Исторические песни курдов // Кунсткамера : этногр. тетр. СПб., 1997. Вып. 11. С. 82 — 84.

²¹ См.: Аристова Т. Ф. Указ. соч. С. 154.

²² Там же. С. 156.

Полевой материал автора

Гутеян Ангелина Вячеславовна, 2004 года рождения, пгт Кемля Ичалковского района, запись 2009 г.

Гутеян Вячеслав Искович, 1983 года рождения, пгт Кемля Ичалковского района, запись 2009 г.

Гутеян Георгий Вячеславович, 2003 года рождения, пгт Кемля Ичалковского района, запись 2009 г.

Гутеян Иско Халифович, 1965 года рождения, пгт Кемля Ичалковского района, запись 2009 г.

Гутеян Лейла Георгиевна, 1967 года рождения, пгт Кемля Ичалковского района, запись 2009 г.

Гутеян Марина Исковна, 1986 года рождения, пгт Кемля Ичалковского района, запись 2009 г.

Гутеян Марина Москововна, 1985 года рождения, пгт Кемля Ичалковского района, запись 2009 г.

Гутеян Халифа Багирович, 1942 года рождения, пгт Кемля Ичалковского района, запись 2009 г.

Раджоян Зураб Маджрумович, 2005 года рождения, пгт Кемля Ичалковского района, запись 2009 г.

Раджоян Маджрум Мелозимович, 1979 года рождения, пгт Кемля Ичалковского района, запись 2009 г.

Раджоян Любовь Маджрумовна, 2004 года рождения, пгт Кемля Ичалковского района, запись 2009 г.

Раджоян Хаимзар Суковна, 1946 года рождения, пгт Кемля Ичалковского района, запись 2009 г.

Саргсян Левон Гарникович, 1964 года рождения, г. Саранск, запись 2010 г.

Саргсян Тамара Ашотовна, 1966 года рождения, г. Саранск, запись 2010 г.

Слоян Гурам Тигранович, 1980 года рождения, г. Москва, запись 2010 г.

Шабоян Маринэ Тосуновна, 1962 года рождения, с. Константиновка Ромодановского района, запись 2008 г.

Шабоян Хазал Алиевна, 1938 года рождения, с. Пушкино Ромодановского района, запись 2008 г.

Шабоян Хазал Вазировна, 1961 года рождения, с. Константиновка Ромодановского района, запись 2008 г.

Шабоян Эдик Севдинович, 1963 года рождения, с. Константиновка Ромодановского района, запись 2008 г.

Поступила 15.03.2011 г.

УДК 314.13:314.42

*Д. С. Блинов, А. П. Цыбусов, О. П. Балыкова,
К. А. Майорова, О. А. Смирнова
D. S. Blinov, A. P. Tsybusov, O. P. Balykova,
K. A. Mayorova, O. A. Smirnova*

СМЕРТНОСТЬ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ И КОРРИГИРУЕМЫЙ ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА

MORTALITY AS THE DETERMINING AND CORRECTED FACTOR OF THE DEMOGRAPHIC CRISIS

Ключевые слова: общественное здоровье, смертность, демографический кризис, факторы риска.

В статье приводятся данные о путях снижения уровня смертности как определяющего элемента демографического кризиса в России. Демонстрируется обусловленность высокой смертности в стране в первую очередь факторами риска для здоровья и жизни, генез которых связан с повседневным поведением человека. Рассматривается возможность ее снижения в современных условиях главным образом через формирование здорового образа жизни.

Key words: public health, mortality, demographic crisis, the risk factors.

The data about the ways of reduction of mortality rate as the determining element of the demographic crisis in Russia are given in the article. It is demonstrated that high mortality rate in the country is caused first of all with the factors of risk for health and life, the genesis of which is connected with the everyday behavior of a human being. The possibility of its decrease under the present-day conditions mainly through the promotion of healthy lifestyles is considered as well.

Демографические процессы в России начиная с 1990-х гг. сохраняют кризисный характер. Если рассматривать понятие «кризис» как поворот (греч. *krisis* — поворотный пункт) с позиций состояния и динамики общественного здоровья, то страна за этот период из развивающейся превратилась в вымирающую.

Ликвидация негативных явлений в общественном здоровье возможна лишь через изменение рождаемости и смертности. Рождаемость в России и в ее регионах характеризуется как низкая и очень низкая. Ее стимулирование в современных условиях, как свидетельствует мировой опыт, связано с серьезными трудностями и редко в короткие сроки приносит успех. Исключением в отечественной истории является период административного ограничения потребления алкогольных напитков в 1980-е гг., когда в течение 1 — 2 лет уровень рождаемости повысился до 10 %.

В России некоторое увеличение рождаемости отмечалось в 1999 — 2000 гг. Одним из факторов положительной динамики является использование экономических стимулов.

Иначе обстоит дело со смертностью, которая выступает основной причиной депопуляции в России¹.

Смертность — один из двух главных процессов воспроизводства населения, зависит от многочисленных биологических и социальных факторов. С точки зрения

демографического анализа важно их деление на две большие группы: эндогенные и экзогенные². Высокая смертность россиян обусловлена экзогенными факторами социального характера (рис. 1).

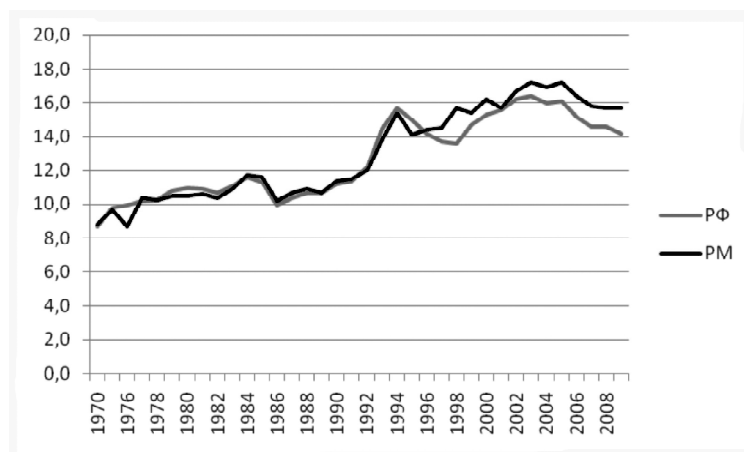

Рис. 1. Динамика смертности в Российской Федерации и Республике Мордовия в 1970 — 2009 гг., %*

* Данные Ежегодных статистических материалов Министерства здравоохранения Республики Мордовия, 1970 — 2009 гг.

По данным рис. 1, показатель общей смертности в Мордовии с 1970 по 1984 г. возрос. В дальнейшем он снизился (1986 г.). Отмеченное снижение (на более чем 14 %) сегодня связывают, как и повышение рождаемости, с административными мерами 1980-х гг.

В 1991 — 1992 гг. смертность достигла уровня 1970 г. Это было обусловлено перестроечным процессом и сменой экономических отношений, которые привели к изменению государственной политики. В дальнейшем данный показатель неуклонно увеличивался. В целом с 1970 по 2005 г. уровень смертности в Мордовии возрос практически в 2 раза. Наиболее высокие темпы роста смертности наблюдались в первой половине 1990-х гг., когда в стране осуществлялись радикальные экономические реформы.

В Российской Федерации, как и в Республике Мордовия, в 1970 — 2009 гг. показатель смертности имел однотипную негативную динамику (см. рис. 1).

В настоящее время в России уровень смертности выше, чем в европейских странах. Более того, в 2006 г. этот показатель был выше, чем в Экваториальной Гвинее, Мали, Уганде. Вместе с тем в России число умерших детей первого года жизни на протяжении XX и начала XXI в. неуклонно снижалось. Показатель младенческой смертности, как известно, является традиционным индикатором социально-экономического развития государства и состояния медицинского обслуживания в нем³. Однако в России уровень смертности не был обусловлен этими факторами.

Так, смертность в России с 1913 (23,9 ‰) до 1960 г. (7,4 ‰) снижалась. С 1960 по 2003 г. в условиях непрерывного улучшения системы медицинского обслуживания и социального благополучия населения этот показатель в стране увеличился в более чем 2 раза⁴. Некоторое снижение смертности в 2004 — 2007 гг. сменилось ее ростом в 2008 г., что свидетельствовало о нестабильности положительных тенденций.

Сравнение России с европейскими и названными африканскими странами не позволяет объяснить создавшееся положение уровнем их экономического развития. Таким образом, с одной стороны, социально-экономические перемены не могут быть причиной быстрого роста смертности, с другой — если не выявлены причины кризисных явлений, то невозможно планировать и предпринимать какие-то конкретные меры по улучшению общественного здоровья.

Как известно, смертность снижалась во всех цивилизованных странах в соответствии с этапами развития общественных отношений по разным причинам. Первоначально это было связано с созданием элементарных жилищно-коммунальных условий. Впоследствии высокий уровень смертности определялся широким распространением инфекционных заболеваний. Затем только освоение санитарно-гигиенической культуры, достижений медицины (антибиотики, иммунопрофилактика) и организация эффективного медицинского обслуживания в XX в. привели к следующему этапу снижения смертности.

В России, в том числе в Мордовии, причиной смерти в более чем 50 случаях являются сердечно-сосудистые заболевания (рис. 2). Как видно из рис. 2, кривые общей смертности и смертности от сердечно-сосудистых заболеваний имеют однотипный характер, что свидетельствует об определяющем влиянии этой причины смерти на общий показатель. Насколько велики потери от данной группы болезней, говорит тот факт, что в 1960 — 1965 гг. в Мордовии и в России в целом от всех причин умирало меньше жителей (7,4 — 7,6 ‰), чем после 2000 г. ежегодно умирает от сердечно-сосудистых заболеваний (свыше 8,0 ‰)⁵.

В условиях непрерывного улучшения отечественной кардиологической

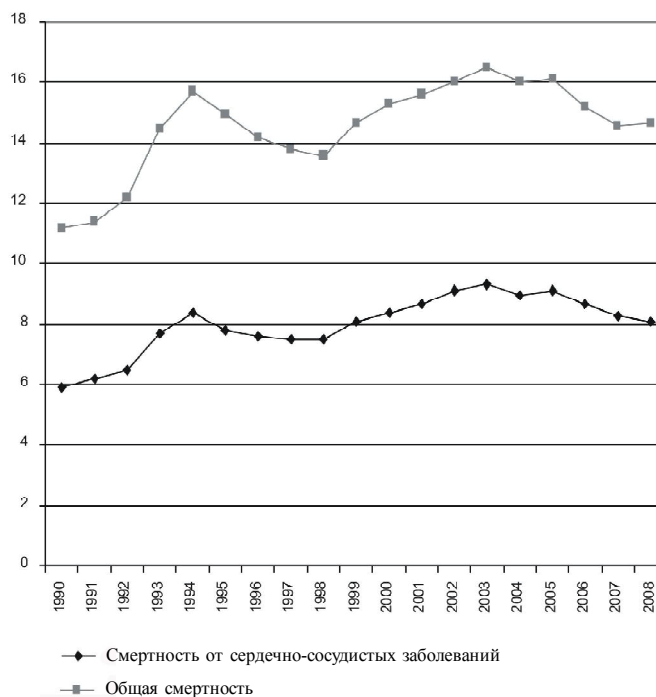

Рис. 2. Смертность (общая и от сердечно-сосудистых заболеваний) в России в 1990 — 2008 гг., ‰

службы в России в последние десятилетия смертность от болезней системы кровообращения (ишемическая болезнь сердца, сосудистые поражения мозга, сердечная недостаточность) в 3 — 5 раз выше, чем в некоторых европейских странах. Смертность среди российских мужчин трудоспособного возраста в 7 раз выше средневропейского показателя, женщин — в 4 раза⁶.

Возникновение, течение и исход сердечно-сосудистых заболеваний связаны с рядом факторов риска, к которым относятся курение, характер питания, низкий уровень физической активности, избыточный вес, артериальная гипертензия, повышенный уровень холестерина, сахарный диабет второго типа. Эти факторы сопровождают повседневное поведение человека, т. е. будучи экзогенными, они провоцируют возникновение и неблагоприятный исход от эндогенных, в том числе сердечно-сосудистых, дегенеративных заболеваний. Для отдельных граждан это факторы риска тех или иных хронических неизлечимых деструктивных заболеваний, но при анализе состояния здоровья населения, названные факторы выступают как причины высокой смертности.

Каждый седьмой житель Мордовии уходит из жизни в связи с онкологическими заболеваниями (в основном рак легких, желудка, молочной железы и кожи). Такую негативную динамику объяснить экологической обстановкой и состоянием медицинского обслуживания невозможно. В целом в России второй причиной смерти являются опухолевые заболевания.

К внешним факторам возникновения и развития онкологических заболеваний относятся курение, алкоголь, характер питания, малоподвижный образ жизни, ожирение, для некоторых форм злокачественных новообразований — отсутствие родов, аборт.

По данным статистики Мордовии и России, третьей причиной смерти являются несчастные случаи, травмы и отравления. Смертельные исходы здесь связаны с крайне пренебрежительным отношением граждан к элементарным правилам безопасности, частотой и объемом потребляемых алкогольных напитков, социальной обстановкой в обществе.

Все основные причины смерти россиян, в том числе жителей Мордовии, обусловлены практически одними и теми же факторами риска, связанными с питанием, физической активностью, избыточным весом, употреблением алкогольных напитков, курением, пренебрежительным отношением к правилам безопасности, социальной обстановкой в стране. Для их коррекции не требуется медицинская помощь или обращение к другим системам социальной защиты⁷.

Курение и употребление алкогольных напитков сегодня относят к вредным привычкам. Однако по фармакологическим свойствам это наркотические средства. В России данные психоактивные вещества не относят к наркотическим, в том числе в связи с отсутствием по этому поводу законодательной базы. В ООН исследования по вопросам табакокурения курирует комитет по наркомании.

В Мордовии, как и во всей России, начинают курить в возрасте 8 — 12 лет. Курят до 60 % мужчин и 30 % женщин. В год от этого умирают 600 — 700 тыс. чел. По данным собственных социологических исследований, в Мордовии около 40 % жителей употребляют алкогольные напитки не реже одного раза в неделю. В России около трети всех смертей составляют прямые и не прямые потери, связанные с их употреблением⁸.

Мировой опыт свидетельствует о том, что уровень потребления алкоголя и распространенность табакокурения поддаются коррекции и ограничению. В странах, где это удастся сделать, уровень смертности снижается.

Характер питания обусловлен пищевыми привычками, ассортиментом потребляемых продуктов и т. д. Кроме того, существует целый ряд специфических проблем питания. Например, широкое распространение недостатка йода в пищевых продуктах способствует возникновению и развитию многих заболеваний, в том числе сердечно-сосудистых. Это в конечном счете приводит также к высокой смертности. Однако россияне игнорируют оздоровительные рекомендации по вопросам профилактики витаминной и минеральной недостаточности, дефицита других биологически значимых элементов питания, необходимых для сохранения здоровья человека.

Пищевые привычки и низкая физическая активность создают условия для возникновения избыточного веса. Согласно исследованиям специалистов Института питания РАМН, более половины россиян страдают избыточным весом, а масса среднестатистического жителя страны неумолимо увеличивается. За последние годы житель России стал тяжелее на 2 кг. Особенно остро эта проблема касается людей молодого возраста. Практически каждый второй россиянин имеет избыточный вес (49,1 %).

С избыточным весом связаны появление атеросклероза, артериальной гипертензии, гиперхолестеринемии, сахарного диабета второго типа.

Несчастные случаи, травмы и отравления — третья причина высокой смертности. Это дорожно-транспортные происшествия, убийства, самоубийства, отравления алкоголем и другие случайные отравления, ожоги, утопления, электротравмы и т. п. В годы проведения административных мероприятий по ограничению потребления алкогольных напитков (1985 — 1987 гг.) смертность от несчастных случаев, травм и отравлений в России снизилась на 35 — 47 %. Это указывает на тесную связь уровня смертности россиян с их повседневным поведением, в том числе с потреблением алкогольных напитков.

Лечебные учреждения настойчиво и неэффективно лечат россиян, которым невозможно поправить здоровье в силу наличия у них поведенческих факторов риска преждевременной смерти. По авторским данным, лишь 4 — 5 % больных в поликлиниках и стационарах могут рассчитывать на эффективное лечение. Все другие не выполняют назначений и рекомендаций врача, занимаются самолечением и не отказываются от поведенческих факторов, которые провоцируют возникновение и развитие патологических процессов.

Таким образом, основными причинами высокой смертности россиян, в том числе жителей Мордовии, являются употребление алкогольных напитков, курение, характер и режим питания, низкий уровень физической активности, избыточный вес, артериальная гипертензия, крайне пренебрежительное отношение к элементарным правилам безопасности в повседневной жизни, неэффективное взаимодействие с системой медицинской помощи.

Кроме того, в России нет реальных юридических или иных механизмов, понуждающих россиян беречь свое здоровье. Для большинства жителей страны здоровье и жизнь не являются ценностью, о чем свидетельствует широкое распространение факторов риска, с которыми связаны 3 основные причины смерти.

Как показывают отечественный (1980-е гг.) и мировой опыт, поведенческие факторы высокой смертности успешно корректируются, что приводит к снижению уровня смертности. В связи с этим неотложной задачей отечественного здравоохранения является поиск и внедрение эффективных программ коррекции образа жизни россиян и формирование у них здоровьесохраняющего и жизнеспасающего поведения. Обязательным элементом таких мероприятий является пропаганда здорового образа жизни.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Комаров Ю. М.** Чрезмерно высокая смертность как основная причина депопуляции в России. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nemchenko.ru/prnt.php?prnt=1&ID=434494> (дата обращения 02.04.2011).

² См.: **Вишневский А. Г.** Смертность // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 75 ; **Данишевский К. Д.** Динамика смертности в России в конце XX века: взгляд изнутри и из-за рубежа // Междунар. журн. мед. практики. 2005. № 1. С. 50 — 53.

³ См.: **Кваша Е. А.** Младенческая смертность в России в 20 веке // Социол. исслед. 2003. № 6. С. 47 — 55.

⁴ См.: Демографическая ситуация в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 02.04.2011).

⁵ См.: **Землянова Е. В., Семенова В. Г.** Анализ динамики смертности населения в России и странах Европы с использованием сведений из Европейской базы данных «Здоровье для всех» // Информац.-аналит. вестн. 2007. № 2. С. 15 — 19.

⁶ Там же.

⁷ См.: **Цыбусов А. П., Зуева О. А., Бородкина Ю. А.** Проблема необходимости формирования у россиян здоровьесохраняющего поведения // Регионология. 2007. № 4. С. 233 — 237.

⁸ См.: **Немцов А. В.** Алкогольная смертность в России. 1980 — 90-е годы. М., 2001 ; **Халтурина Д. А., Коротаев А. В.** Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. М., 2006. С. 128.

Поступила 28.04.2011 г.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.511.152'3367.625

С. И. Москина
S. I. Moskina

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ДЕЙСТВИЯ В МОКШАНСКОМ И ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

WORD-BUILDING AND SEMANTIC FEATURES OF THE VERBS OF ACTION IN THE MOKSHA AND ERZYA LANGUAGES

Ключевые слова: семантика, производный, веерная парадигма, сема, словообразовательное отношение.

В статье выявлены сходства и различия в семантике глаголов действия и их словообразовательных возможностях в мокшанском и эрзянском языках.

Key words: semantics, derived, the fan paradigm, seme, word-building relation.

The similarities and differences in the semantics of the verbs of action and their word-building potential in the Moksha and Erzya languages are disclosed in the article.

В словарях мокшанского¹ и эрзянского² языков представлено большое количество глаголов действия. Для сравнения рассмотрим некоторые из них.

М., э. **каямс**. Лексическое значение данного глагола в МРС отмечено восьмью семами: 1) налить; 2) насыпать; 3) снять (обувь, одежду); 4) выкинуть, скинуть; 5) ударить; 6) (ткац.) расшить; 7) (перен.) одарить; 8) (уст.) уплатить (с. 241); в ЭРС — двадцатью двумя: 1) насыпать, засыпать; 2) подбросить, добавить; 3) перекинуть, перебросить; 4) бросить; 5) метать (стог); 6) (перен.) свалить вину на кого-л.; 7) (перен.) заронить; 8) разостлать, застлать; 9) накинуть; 10) дать (подать) есть; 11) свергнуть; 12) исключить; 13) (перен.) выпить (что-л. спиртное); 14) забросить (удочку); 15) положить; 16) сбросить (листву); 17) бросить жребий; 18) уплатить, заплатить; 19) снять (груз); 20) выбросить; 21) налить; 22) дымить (при плохой тяге) (с. 243).

Данные глаголы имеют различия и в словообразовании. В мокшанском языке основа данного глагола входит в структуру трех производных, образуя веерную парадигму: **кая-фт-о-мс** «(попросить) налить», **кая-в-о-мс** «(попросить) налить», **кай-с-е-мс** «наливать». В образовании данной парадигмы принимают участие глагольные

суффиксы **-фт**, **-в**, **-с**. В эрзянском языке веерная парадигма с данной основой представлена следующими образованиями: **кая-вт-о-мс** «(попросить) насыпать», **кай-с-е-мс** «сыпать (например, зерно)», **кая-кшн-о-мс** «(много раз) сыпать». В эрзянских веерных образованиях отсутствует суффикс **-в**, в мокшанских — **-кшн**.

М. **кеподемс**, э. **кепедемс**. Лексическое значение этого глагола в МРС отмечено пятнадцатью семами: 1) поднять; 2) подняться; 3) поднять, взвалить; 4) поднять, восстановить, возродить; 5) налететь, подняться; 6) подойти, подняться (о тесте); 7) поднять, освоить (землю); 8) поднять, повесить, увеличить; 9) поднять, привести в боевую готовность; 10) поднять с постели, разбудить; 11) поднять — справиться о ком-чем-л. в официальных источниках; 12) начаться; 13) строиться, подниматься, расти; 14) (перен.) повесить (в должности); 15) занять, взять займы (с. 249); в ЭРС — девятью: 1) поднять; 2) поставить (сруб, дом); 3) поднять, разбудить; 4) приподнять (что-л. опущенное); 5) (перен.) поднять, начать, возбудить (какое-л. дело); 6) (перен.) поднять (настроение); 7) взойти (о небесных светилах); 8) поднять, побудить (к какому-л. действию); 9) поднять, повесить, увеличить (с. 254).

Словообразовательные возможности глагольных основ **кеподе-** / **кепеде-** в обоих языках одинаковые. Основы данных глаголов входят в структуру четырех производных, образуя веерную парадигму: м. **кепоть-кшн-е-мс** «поднимать», **кепоть-фт-е-мс** «поднять», **кеп-с-е-мс** «(часто) поднимать», **кеподе-в-о-мс** «подняться»; э. **кепете-кшн-е-мс** «поднимать», **кепеде-вт-е-мс** «поднять», **кеп-с-е-мс** «поднимать», **кепеде-в-е-мс** «подняться, встать».

М. **керомс**, э. **керямс**. Лексическое значение данного глагола в МРС представлено пятнадцатью семами: 1) отрезать, резать; 2) порезать; 3) разрезать; 4) вырезать; 5) нарезать; 6) распилить, пилить; 7) вырубить, срубить, рубить; 8) разъединить, отрезать; 9) перейти, пересечь; 10) (перен.) обессилить, измотать; 11) (перен.) причинять резкую боль; 12) (перен.) бить, хлестать (о дожде); 13) есть, резать, щипать (о глазах); 14) (перен.) ударить; 15) (перен.) бежать (с. 251); в ЭРС — восьмью: 1) рубить, срубить, разрубить; 2) резать, отрезать; 3) прорубить, прорезать; 4) отрезать (например, землю); 5) сечь, высечь (розгами, кнутом); 6) хлестать (о дожде); 7) есть, изъесть (о моли); 8) (перен.) бежать (с. 257).

В каждом из языков словообразовательные возможности основ **коро-** / **керы-** различны. В мокшанском языке основа данного глагола входит в структуру трех производных, образуя веерную парадигму: **коро-с-е-мс** «резать», **коро-в-о-мс** «порезаться», **коро-фт-о-мс** «(попросить) отрезать». Данная парадигма включает в себя разные глагольные суффиксы: **-с**, **-в**, **-фт**. В эрзянском языке веерная парадигма с основой **керы-** представлена следующими образованиями: **коро-с-е-мс** «(много раз) рубить», **керы-в-о-мс** «порезаться», **керы-вт-о-мс** «(попросить) порезать», **керы-кшн-о-мс** «(неоднократно) рубить». В мокшанском языке, в отличие от эрзянского, отсутствует глагольное образование с суффиксом **-кшн**.

М., э. **нардамс**. Лексическое значение этого глагола в МРС представлено шестью семами: 1) стереть, вытереть; 2) вычеркнуть, зачеркнуть; 3) исключить; 4) содрать, слупить (о деньгах); 5) (перен.) сожрать, слопать; 6) (перен.) забыть, вычеркнуть из памяти (с. 405); в ЭРС — четырьмя: 1) вытереть (слезы, пот); 2) (перен.) исключить (например, из списка); 3) (перен.) полинять, слинять; 4) грести (с. 400).

В мокшанском языке от основы **нарда-** образуется следующая веерная парадигма: **нарда-в-о-мс** «(в состоянии) стереть», **нарда-фт-о-мс** «(попросить) вытереть»,

нар-н-е-мс «вытирать». В ее образовании принимают участие глагольные суффиксы **-в, -фт, -н**. В эрзянском языке веерная парадигма с основой **нарда-** представлена следующими образованиями: **нарда-в-о-мс** «(мочь) вытереть», **нарда-вт-о-мс** «(попросить) вытереть», **нарда-кшн-о-мс** «вытирать». В эрзянском языке суффиксом многократности выступает **-кшн**, в мокшанском — **-н**.

М., э. **нолдамс**. Лексическое значение данного глагола в МРС отмечено восемнадцатью семами: 1) выпустить; 2) пустить — разрешить что-л. делать; 3) опустить, спустить; 4) пропустить, прогулять, не пойти; 5) пропустить, посторониться; 6) пропустить — обработать при помощи какой-л. машины, устройства; 7) сбавить цену, уступить; 8) запустить, привести в действие; 9) отпустить — выдать купленное; 10) отпустить — позволить уйти; 11) отпустить — выпустить на волю; 12) пропустить, не заметить; 13) курить (смолу и т. п.); 14) бросить, пулнуть, закинуть; 15) издать, выпустить в свет; 16) выпустить (из учебного заведения); 17) включить; 18) подпустить — дать подойти к кому-л. (с. 417); в ЭРС — двадцатью двумя: 1) отпустить; 2) пригнать (скот); 3) выгнать (на пастбище); 4) выпустить (например, жидкость, дым, пар); 5) перестать держать, выпустить из рук; 6) освободить, выпустить на свободу; 7) выписать (из больницы); 8) спустить на воду (судно); 9) выпустить, пропустить вперед; 10) пропустить (вперед); 11) свесить (опустить) ноги; 12) выпустить (из учебного заведения); 13) выпустить (продукцию); 14) (разг.) отпустить что-л. кому-л. (по документу); 15) опустить, погрузить (например, в воду, жидкость); 16) завести, запустить, привести в действие что-л.; 17) опустить (в могилу); 18) пустить (корни — о растении); 19) включить (например, радио, магнитофон); 20) распространить (например, слухи, запах); 21) отрастить, отпустить (например, волосы, бороду); 22) издать (с. 415).

Производная основа данного глагола в мокшанском языке отмечается в пяти образованиях, являющихся компонентами веерной парадигмы: **нолда-в-о-мс** «(мочь) отпустить», **ноля-в-о-мс** «(в состоянии) отпускать», **нолда-фт-о-мс** «(попросить) отпустить», **нол-н-е-мс** «отпускать», **ноля-мс** «отпускать». Данная парадигма включает в себя суффиксы **-в, -фт, -н**. В эрзянском языке веерная парадигма с основой **нолда-** представлена следующими образованиями: **нолда-в-о-мс** «(в состоянии) отпустить», **нолда-вт-о-мс** «(попросить) отпустить», **нолда-т-о-мс** «опуститься (вниз)», **нолда-кшн-о-мс** «отпускать», **нолт-н-е-мс** «выпускать». В эрзянских веерных образованиях присутствуют глагольные образования с суффиксами **-т, -кшн**, в мокшанских — отсутствуют.

М. **панжемс**, э. **панжомс**. Лексическое значение данного глагола в МРС представлено двенадцатью семами: 1) открыть; 2) открыть — основать; 3) открыть — начать; 4) открыть — раскрыть; 5) открыть — сделать свободным; 6) открыть — пустить, ввести в действие; 7) открыть — сделать известным ранее неизвестное; 8) открыть — установить наличие, существование чего-л.; 9) цвести; 10) развиваться, процветать; 11) цвести — покрыться ряской, тиной (о водоеме); 12) (перен.) покрываться сыпью, прыщами (с. 461); в ЭРС — восьмью: 1) открыть; 2) открыть (сделать доступным, свободным для чего-л.); 3) открыть, обнажить; 4) открыть (положить начало каким-л. действиям, какой-л. деятельности); 5) зацвести, расцвести; 6) распечатать, вскрыть; 7) открыть (установить существование чего-л.); 8) отпереть (открыть запертое) (с. 455).

В мокшанском языке от основы **панже-** образуется следующая веерная парадигма: **панже-в-о-мс** «открыться», **панч-фт-о-мс** «(попросить) открыть», **панч-**

с-е-мс «(часто) открывать». В ее образовании принимают участие суффиксы **-в**, **-фт**, **-с**. В эрзянском языке веерная парадигма с данной основой также включает три образования: **панжо-в-о-мс** «открыться», **панжо-вт-о-мс** «(попросить) открыть», **панжо-кшн-о-мс** «(часто) открывать». В эрзянском языке вместо мокшанского многократного суффикса **-с** выступает — **-кшн**.

М., э. **покамс**. Лексическое значение этого глагола в МРС отмечено четырьмя семами: 1) работать, трудиться; 2) стучать каблуками, отплясывать; 3) (перен.) бить челом — коснуться лбом земли; 4) веять зерно (в сите, в решете) (с. 504); в ЭРС — одной — затупить (нож) (с. 492).

Словообразовательные возможности глагольной основы **пока-** в каждом из языков имеют различия. В мокшанском языке она отмечается в структуре трех производных, образуя при этом веерную парадигму: **пок-ие-мс** «долго работать», **покод-е-мс** «работать, трудиться», **пока-фт-о-мс** «заставить работать». Данная парадигма включает в себя глагольные суффиксы **-ие**, **-д**, **-фт**. В эрзянском языке с данной глагольной основой существует одно образование: **пока-кшн-о-мс** «сделать тупым (о ноже)» и, следовательно, веерной парадигмы нет.

М., э. **сёрмадомс**. Лексическое значение данного глагола отмечено семью семами: 1) писать, написать; 2) списать; 3) выписать; 4) изложить, передать; 5) заполнить (анкету); 6) вышить, вышивать; 7) ввести, внести, заключить (с. 624); в ЭРС — девятью: 1) писать; 2) писать (составлять какой-л. текст); 3) писать куда-л., кому-л.; 4) писать, написать (сообщить о ком-чем-л.); 5) записать (для памяти); 6) взять чью-л. фамилию, быть зарегистрированным (записанным) на чью-л. фамилию; 7) приписать, дополнить; 8) записаться (внести себя в какой-л. список); 9) подписать (с. 584).

В мокшанском языке с основой **сёрмадо-** при помощи суффиксов **-в**, **-кшн**, **-фт** образуется следующая веерная парадигма: **сёрмадо-в-о-мс** «(в состоянии) писать», **сёрмат-кшн-е-мс** «(много раз) писать», **сёрмат-фт-о-мс** «подписаться»; в эрзянском — **сёрмадо-в-о-мс** «(в состоянии) писать», **сёрмадо-кшн-о-мс** «(много раз) писать», **сёрмадо-вт-о-мс** «(попросить) писать», **сёрма-цт-о-мс** «подписаться (на газеты и журналы)».

В эрзянских веерных образованиях кроме тех суффиксов, которые имеются в мокшанском языке, появляется морфема **-цт** в значении **-вт**.

М. **сяземс**, э. **сеземс**. Лексическое значение этого глагола в МРС представлено семью семами: 1) прорвать, разорвать; 2) оторвать; 3) сорвать; 4) взорвать; 5) прорвать; 6) (перен.) нарушить, прервать; 7) порвать (взаимоотношения и т. п.) (с. 693); в ЭРС — одиннадцатью: 1) сорвать; 2) разорвать; 3) оторвать; 4) прервать (например, беседу, разговор, мысли); 5) нарушить (например, тишину, спокойствие); 6) оборвать чью-л. жизнь, прекратить чье-л. существование; 7) сорвать (какое-л. мероприятие); 8) взорвать; 9) прорвать (плотину); 10) (перен.) выпросить; 11) уйти (с. 575).

С основой **сязе-** при помощи суффиксов **-в**, **-нд**, **-фт** в мокшанском языке образуется следующая веерная парадигма: **сязе-в-о-мс** «порваться», **сязе-нд-е-мс** «(часто) рвать», **сязь-фт-е-мс** «порвать»; в эрзянском — **сезе-в-е-мс** «порваться», **сезе-кшн-е-мс** «(часто) рвать», **сезе-вт-е-мс** «порвать», **сез-н-е-мс** «отрывать». В эрзянских веерных образованиях суффиксами многократности выступают **-кшн** и **-н**, в мокшанских — **-нд**.

М., э. **тапамс**. Лексическое значение данного глагола в МРС представлено тринадцатью семами: 1) топтать, вытоптать, растоптать; 2) дробить, раздробить, мель-

чить, измельчить; 3) задавить; 4) (перен.) быть целый день на ногах; 5) ушибить, поранить, разбить; 6) рубить, нарубить; 7) сломать; 8) побить морозом; 9) разбить, уничтожить (врага и т. п.); 10) мять, помять; 11) (диал.) разбить, перебить; 12) стоптать; 13) (перен.) ухлестывать (с. 705); в ЭРС — девятью: 1) спутать, запутать (например, нитки); 2) разбить, поломать; 3) разгромить (например, войско); 4) протоптать, проложить (например, дорожку, тропинку); 5) измельчить, нарубить, нашинковать; 6) растоптать, затоптать, истоптать (например, посеы, траву); 7) раздавить, задавить; 8) топтаться на одном месте; 9) (перен.) биться (о сердце) (с. 645).

В мокшанском языке основа данного глагола входит в структуру четырех производных, образуя веерную парадигму: **тапа-в-о-мс** «(мочь) помять», **тапа-фт-о-мс** «(попросить) помять», **тап-с-е-мс** «(много раз) мять», **тапа-кс-а-мс** «топтаться». В ее образовании принимают участие такие суффиксы, как **-в**, **-фт**, **-с**, **-кс**. В эрзянском языке веерная парадигма от основы **тапа-** представлена следующими образованиями: **тапа-в-о-мс** «разбиться», **тапа-вт-о-мс** «разбить», **тап-с-е-мс** «(неоднократно) топтать», **тапа-кшн-о-мс** «(много раз) топтать». В мокшанских веерных образованиях присутствует суффикс **-кс**, в эрзянских — суффикс многократности **-кшн**.

М. **тиемс**, э. **теемс**. Лексическое значение глагола **тиемс** в МРС отмечено шестью семами: 1) сделать, создать, соорудить, изготовить, произвести; 2) создать, сочинить, написать; 3) сделать, совершить, выполнить, исполнить; 4) поступить, вести себя; 5) сделать, привести в какое-л. состояние, положение; 6) вышить (с. 720); в ЭРС — двенадцатью: 1) делать (заниматься чем-л.); 2) строить; 3) сделать, изготавливать, производить; 4) делать, поступать; 5) деть, девать; 6) воспитать; 7) притвориться, сделать вид; 8) заменить; 9) делать, образовывать; 10) сделать, совершить; 11) сделать кем-л., каким-л.; 12) слепить (с. 652).

В мокшанском языке основа **тие-** входит в структуру трех производных, образуя веерную парадигму: **тие-нд-е-мс** «(часто) делать», **тие-в-о-мс** «(в состоянии) делать», **ти-фт-е-мс** «(попросить) сделать». В образовании данной парадигмы принимают участие глагольные суффиксы **-нд**, **-в**, **-фт**. В эрзянском языке веерная парадигма с данной основой представлена четырьмя образованиями: **тей-н-е-мс** «(неоднократно) делать», **тее-в-е-мс** «образоваться», **теев-кшн-е-мс** «образовываться», **тее-вт-е-мс** «заказать (например, костюм)». В эрзянских веерных образованиях в отличие от мокшанских есть суффикс **-кшн**.

М. **тяемс**, э. **тенсемс**. Лексическое значение данного глагола в МРС отмечено тремя семами: 1) мести, подмести, вымести, смести; 2) (перен.) ударить; 3) (перен.) побежать, убежать, сбежать (с. 763); в ЭРС — пятью: 1) подметать, подмести; 2) (перен.) сдвигать, сдуть; 3) (перен.) уйти, убежать; 4) (перен.) выгнать; 5) (перен.) уничтожить, вымести (с. 655).

В мокшанском языке основа данного глагола входит в структуру трех производных, образуя веерную парадигму: **тяе-нд-е-мс** «подметать», **тяй-с-е-мс** «(неоднократно) мести», **тяе-в-о-мс** «суметь подмести». В образовании данной веерной парадигмы участвуют глагольные суффиксы **-нд**, **-с**, **-в**. В эрзянском языке веерная парадигма от основы **тенсе-** представлена следующими образованиями: **тенсе-кшн-е-мс** «(много раз) мести», **тенсе-в-е-мс** «суметь подмести», **тенсе-вт-е-мс** «(попросить) подмести». В эрзянских веерных образованиях суффиксом многократности выступает **-кшн**, в мокшанских — **-нд**, **-с**. В эрзянском языке от данной основы возможно образование при помощи суффикса **-вт**, в мокшанском — нет.

М., э. **уемс**. Лексическое значение данного глагола в МРС отмечено шестью семами: 1) плыть, плавать; 2) плавать; 3) плавать — плавно, медленно передвигаться в воздухе; 4) переплыть — вплавь или плывя на чем-л., переправиться через что-л., на другую сторону чего-л.; 5) проплыть — плывя, продвинуться; 6) доплыть — плывя, достичь какого-л. места (с. 774); в ЭРС — восьмью: 1) плыть; 2) плыть (ехать); 3) плыть (о каких-л. предметах); 4) (перен.) плыть (плавно двигаться, перемещаться); 5) ползти (например, о человеке, змее); 6) распространяться (например, о запахе); 7) (перен.) бежать, быстро проходить (о времени); 8) (перен.) плыть (плавно идти, двигаться) (с. 691).

В мокшанском языке основа данного глагола входит в структуру двух производных, образуя веерную парадигму: **уе-нд-е-мс** «(часто) плавать», **уй-фт-е-мс** «заставить переплыть (например, реку)». При образовании данной парадигмы принимают участие глагольные суффиксы **-нд**, **-фт**. В эрзянском языке веерная парадигма от основы **уе-** включает четыре образования: **уй-н-е-мс** «плавать», **уе-вт-е-мс** «(попросить) плыть», **уе-кшн-е-мс** «плавать», **уе-зев-е-мс** «поплыть». В эрзянских веерных образованиях участвуют суффиксы **-кшн**, **-зев**, которых нет в мокшанском языке.

М. **шовамс**, э. **човамс**. Лексическое значение данного глагола в МРС отмечено семью семами: 1) тереть, потереть; 2) точить, наточить (нож и т. п.); 3) (прост.) отираться — быть, находиться подле кого-чего-л.; 4) натереть чем; 5) натереть, растереть; 6) стирать, постирать; 7) (перен.) испачкать обо что-л. (с. 872); в ЭРС — четырьмя: 1) точить, отточить; 2) растереть, измельчить; 3) тереть на терке (например, картошку, морковь); 4) растворить (с. 752). В мокшанском языке основа **шова-** входит в структуру трех производных, образуя веерную парадигму: **шова-в-о-мс** «натереться», **шова-фт-о-мс** «(попросить) натереть», **шов-с-е-мс** «точить». Данная парадигма включает в себя глагольные суффиксы **-в**, **-фт**, **-с**. В эрзянском языке веерная парадигма с основой **чова-** представлена следующими образованиями: **чова-в-о-мс** «отточиться», **чова-вт-о-мс** «(попросить) отточить», **чова-кшн-о-мс** «оттачивать». В эрзянских веерных образованиях суффиксом многократности выступает **-кшн**, в мокшанских — **-с**.

Итак, сравнительный анализ некоторых глаголов действия показал, что в семантическом и словообразовательном отношении данные глаголы в мокшанском и эрзянском языках имеют не только сходства, но и значительные расхождения, особенно в словообразовательном отношении.

Библиографические ссылки

¹ См.: Мокшень-рузонь валкс = Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. М. : Рус. яз. : Дигора, 1998. 920 с. Далее ссылки в тексте: МРС.

² См.: Эрзянь-рузонь валкс = Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. М. : Рус. яз. : Дигора, 1993. 804 с. Далее ссылки в тексте: ЭРС.

Поступила 15.02.2011 г.

УДК 811.511.152.2'42

И. П. Соколова

I. P. Sokorova

ТЕКСТОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ ВЫВОДА-ОБОСНОВАНИЯ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ

THE TEXT CONSTRUCTIONS OF CONCLUSION- SUBSTANTIATION IN THE MOKSHA LANGUAGE

Ключевые слова: конструкции вывода-обоснования, логическое обоснование, каузальная связь, пропозиция.

В данной статье рассматриваются особенности конструкций вывода-обоснования как единицы текста.

Key words: constructions of conclusion-substantiation, logical substantiation, causal relationship, a proposition.

The features of constructions of conclusion-substantiation as the units of text are considered in this article.

Конструкции вывода-обоснования (КВО) могут выступать в трех синтаксических формах: 1) в форме сложноподчиненного предложения (СПП); 2) бессоюзного сложного предложения (БСП); 3) текстового соединения предложений.

В мокшанской художественной литературе чаще всего встречается третий тип конструкций, представляющий собой причинно-следственный блок¹, где компоненты **вывод** и **обоснование** дистанцируются точкой, вопросительным или восклицательным знаком: *А мадяфть ранендазь, улема, вракне. Копорьстонза муме кафта немецкай автоматнай пулят*² («А косолапого ранили, видно, враги. На спине у него мы нашли две немецкие автоматные пули»); *Пади, тутама тяста, а? Няк, ортанзавок селкфт, кенкишеца*³... («Может, уйдем отсюда, а? Видишь, у него и ворота закрыты, и дверь...»); *Да, Мария Федоровна, Дроздовсь тейть мирденди аф ладяй! Пяк ни ёмляня сон кода ломань*⁴ («Да, Мария Федоровна, Дроздов Вам в мужья не годится! Уж очень маленький он, как человек»).

Исследуя конструкции вывода-обоснования в русском языке, Е. С. Ярыгина пришла к выводу, что, несмотря на предложенческое оформление КВО, сущность смысловых отношений вывода-обоснования принадлежит уровню текста. В КВО каждая из пропозициональных единиц, по ее мнению, оформляется «своей» модусной рамкой, способной иметь собственного субъекта модуса, либо обе модусные рамки относятся к одному субъекту. Изменение модуса означает переключение точки зрения и модификацию коммуникативной интенции. То и другое относится к уровню текста и обусловлено речевой тактикой автора, говорящего. Исследователь указывает, что знак *точка* выполняет в данном случае лишь функцию экспликации границы между *выводом* и *обоснованием*, которую также выполняет двоеточие (как в БСП) или запятая перед причинным союзом (как в СПП)⁵.

В данной статье, опираясь на методику Ю. Б. Григорьевой⁶, мы определяем структурно-семантическую и коммуникативную характеристики КВО как текстовых единиц по следующим параметрам: тип мотивируемого компонента (обоснование действия, оценки или побуждения); наличие модусной пропозиции мотивируемого компонента, а также характеристика диктумной части мотивируемого компонента для единиц со значением логического обоснования действия (модальная/немодальная интерпретация действия говорящим); тип каузальной связи (эксплицитность, направленность, дистантность, мобильность, тип синтаксической связи).

КВО со значением логического обоснования реального действия. Денотатом языковых единиц со значением логического обоснования, отражающих акт внутренней интеллектуальной деятельности, являются утверждение нового знания в следственном (мотивируемом) компоненте и его аргументация — в причинном. Общая смысловая структура КВО логического обоснования действия включает в себя: модальную пропозицию, характеризующую позицию говорящего по отношению к содержанию высказывания и не составляющую содержательное ядро высказывания, констативную мотивируемую пропозицию, содержащую модальную/немодальную интерпретацию действия, и пропозицию, мотивирующую содержание первых двух (сообщает информацию об объективной причине, детерминирующей действие). В КВО с эксплицитной модусной пропозицией ситуация обоснования создается при активном участии субъекта речи, причинно-следственные отношения окрашены модальным отношением познающего субъекта, который осознает событие-причину и делает на основании чего-то вывод-следствие, однако чаще всего модусная пропозиция эксплицируется частично или совсем отсутствует⁷. Обратимся к примерам: — *Кда нинге весть тяфта тият, сотнефтте цинзерс <...> Улема, шарьхкодемась (тинесь). Оду ськамонза больницяв изь сашенда*⁸ (« — Если еще раз так сделаешь, посажу на цепь <...> Наверное, (пес) понял меня. Больше один в больницу не приходил»). Данный пример иллюстрирует модальную интерпретацию реального действия. На основе того, что *пес* в больницу больше один не приходил, говорящий делает предположение, что тот его понял. Свое мнение автор аргументирует перцептивным обоснованием. Пространственно-временная локализация компонентов КВО по отношению друг к другу следующая: субъект-инстант в *выводе* сочетается с эпизодическим предикатом в перфектном значении; в *обосновании* — субъект-инстант и эпизодический предикат со значением прошедшего времени несовершенного вида. Каузальная связь проспективная, контактная, имплицитная, цепная; *Тяни, кажись, эсь паньфкять инкса аф кунцетяда. Тяни, няк, сядя оцю тефт тейнтъ якафтомат*⁹ («Теперь, кажется, за самогончку не ловите. Теперь, видишь, вам нужно заниматься более важными делами»). Конструкция представляет собой перцептивное обоснование вывода (на что указывает вводное слово *няк* «видишь, вон»). Когезию КВО поддерживает лексический повтор *тяни — тяни* «теперь — теперь». Каузальная связь проспективная, имплицитная, контактная, жесткая, цепная; *Пожалай, тумстонк асайдавок мархтонк сявома, — арьсезевсь Женя омбоце стопкать симомста. — Масторлангсонга эрявихть озафтомс тяфтама цебярь касыкст*¹⁰ («Пожалуй, когда будем уходить, и асайду нужно взять с собой, — задумался Женя, когда пил второй стакан. — На земле тоже нужно посадить такие хорошие растения»). В данном случае мы наблюдаем частно-информативное обоснование мнения говорящего о необходимо-

сти совершения действия. Модусный компонент находится в составе диктальной части, каузальная связь контактная, цепная.

КВО со значением логического обоснования оценки. Мотивирующий компонент ситуации данной семантической разновидности содержит в себе обоснование, позволяющее говорящему соответствующим образом оценить лицо, явление или событие мотивируемого компонента. Последний сообщает вывод говорящего о предмете в виде соответствующей оценки. Полная смысловая структура КВО со значением логического обоснования оценки должна включать: модальную пропозицию с эксплицитно выраженным субъектом оценки, диктумно-оценочную пропозицию, вводящую объект оценки и саму оценку качества действия или предмета, и, наконец, мотивирующую пропозицию¹¹. Например: *Иванонь, конешна, видец, кьда арьсемс лац-ряц. Мъзяра вайме юмси-арси винада симондемаць сюнеда!*¹² («Иван, конечно, прав, если подумать хорошенько. Сколько душ пропадает по причине распития спиртного!»). Модусный компонент в *выводе* эксплицирован вводным словом *конешна* «конечно». Обоснование представляет собой общеинформативное суждение. Каузальная связь контактная, жесткая, ретроспективная, цепная; *Ох, да тя дярйя аф ёфкс! Вьдь Инь оцю постонь шитнень няемс тяфтама ярхцямбяль — онц-тотка кати сави, кати аф* [Девин, с. 348] («Ох, да разве это не сказка! Ведь в дни Великого поста увидеть такую еду — даже во сне то ли придется, то ли нет»). Компонент *вывод* представляет собой экспрессивную оценку говорящего. Когезия осуществляется лексемой *вьдь* «ведь», выполняющей союзную функцию. Данная лексема в силу своей специфики предполагает жесткую проспективную связь: она всегда маркирует причинный компонент. Каузальная связь контактная, ретроспективная, жесткая, цепная; *Ластятне няезь тарадста тарадс комотни урть. Улема, сон нинге одоль. Сире звернясь козовок кяшель и ащель* [Пинясов, с. 264] («Конные увидели прыгающую с ветки на ветку белку. Наверное, она была еще молодой. Старый зверек куда-нибудь спрятался бы и сидел»). Данный пример демонстрирует вывод субъекта о молодости, следовательно, неопытности белки, аргументированный общеинформативным обоснованием. Каузальная связь имплицитная, ретроспективная, цепная, контактная, жесткая.

КВО со значением логического обоснования побуждения к действию. Ситуация логического обоснования побуждения к действию состоит из двух компонентов: побуждение к действию, обычно выражаемое повелительным наклоением (мотивируемое), и его обоснование (мотивирующее). Эксплицитная модальная пропозиция (каузирующая ситуация) КВО данной семантической разновидности должна включать каузатора — говорящего, его речь, представленную каузативными глаголами побуждения и адресата каузации. Диктальная пропозиция может иначе называться каузируемой ситуацией¹³. Эксплицитный модус в КВО логического обоснования побуждения встречается редко: *Да, пади, афкукс сяволесть Лиза бабазень больницяв. Тоса, шять, сяда куроқта пьчкаль*¹⁴ («Да, наверное, на самом деле взяли бы бабушку Лизу в больницу. Там, может быть, быстрее поправится»). Когезия в данном примере создается повтором имени существительного *больницяв* «в больницу» наречием места *тоса* «там». Каузальная связь имплицитная, проспективная, жесткая, контактная, цепная; *Пади, мокишень мора гайняфттама? А? А то тутама и мезевок мокишенне Акша Тяштть лангс афи каттама, бта ашелеме тясовок*¹⁵ («Может, мокшанскую песню споем? А? А то уедем и ничего

мокшанского не оставим на Белой Звезде, как будто и не было нас здесь»). Когезия обеспечивается союзом *a to*, который эксплицирует контактную, проспективную, цепную каузальную связь; *Тон вов мезе, — лоткась порог ланг Архип. — Сёлго-лить никсамацень, да адью тьяста. Аф кельгса назем шинеть*¹⁶ («Ты вот что, — остановился на пороге Архип. — Закрыв бы рот, да адью отсюда. Не люблю запах навоза»). Перед нами причинно-следственный блок, в составе которого находится текстовый КВО. В первом предложении есть адресат каузации *тон* «ты» и каузатор (*Архип*). Далее следует императивная речь Архипа, которая является компонентом *вывод* с модусом воли. *Вывод* представлен двумя предикатами, один из которых выражает некатегориальную (косвенную) императивность, а второй — категориальную. Модусный компонент выражен сослагательным наклонением. Компонент *обоснование* является частноинформативным и представляет собой по сути оценку, которую косвенно дает говорящий адресату каузации, которого он сравнивает с навозом. Каузальная связь имплицитная, проспективная, цепная.

Таким образом, анализ иллюстративного материала показал, что вывод с обоснованием в текстовых КВО соединяются чаще всего имплицитной, ретроспективной / перспективной и цепной каузальной связью.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Григорьева Ю. Б. Текстовые единицы логического обоснования и их роль в информационной структуре английского нарративного дискурса XVIII века // Грамматические средства выражения когнитивно-функциональной семантики. М., 2001. С.165 — 181.
- ² Радин В. Н. Минь — мирнеряйхтяма. Саранск, 1986. С. 228.
- ³ Тяпаев А. П. Куднармоть : ёфкст // Мокша. 2004. № 3. С. 35.
- ⁴ Виард В. И. Кочкаф сочиненият : кафта томса. Васенце томсь : азкст. Саранск, 1992. С. 68.
- ⁵ См.: Ярыгина Е. С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка. М., 2002. 245 с.
- ⁶ См.: Григорьева Ю. Б. Указ. соч. С. 165 — 181.
- ⁷ Там же. С. 168.
- ⁸ Пинясов Г. И. Вирявань руця : ёфкст, азкст, повестть. Саранск, 2004. С. 103. Далее ссылки в тексте: [Пинясов, с.].
- ⁹ Тяпаев А. П. Седть лангса тол. Саранск, 1991. С. 183.
- ¹⁰ Тяпаев А. П. Тяште лангонь алашат : повестть, азкст. Саранск, 1991. С. 136.
- ¹¹ См.: Григорьева Ю. Б. Указ. соч. С. 169.
- ¹² Девин И. М. Кочкаф произведеният : колма томса. 3-це томсь : повесть, азкст, лятфнемат, очеркт, пеетькст. Саранск, 2002. С. 15. Далее ссылки в тексте: [Девин, с.].
- ¹³ См.: Григорьева Ю. Б. Указ. соч. С. 173.
- ¹⁴ Вешкин И. Каскадёр : пеетькст // Мокша. 2004. № 9. С. 131.
- ¹⁵ Пинясов Г. И. Акша тяште : повесть // Там же. № 2. С. 22.
- ¹⁶ Макулов Л. Ф. Мокшень стирь. Кранч : повестть. Саранск, 1997. С. 289.

Поступила 01.02.2011 г.

УДК 811.511.152.1'37'367/335

О. Ю. Цыплякова
O. Yu. Tsyplyakova

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ АТРИБУТИВНЫМИ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

SEMANTICS AND STRUCTURE OF COMPOUND SENTENCES WITH SUBORDINATE CLAUSES OF ATTRIBUTE IN THE ERZYA LANGUAGE

Ключевые слова: эрзя-мордовский язык, синтаксис, сложноподчиненное предложение, структура, семантика, союзное слово, союз, придаточные атрибутивные.

В статье рассматриваются сложноподчиненные предложения с придаточными атрибутивными в эрзянском языке, их семантико-структурные особенности.

Key words: the Erzya-Mordovian language, syntax, compound sentence, structure, semantics, union word, conjunction, subordinate clauses of attribute.

The compound sentences with subordinate clauses of attribute in the Erzya language, their semantic and structural features are considered in the article.

Типовое значение сложноподчиненных предложений (СПП) с придаточными атрибутивными заключается в том, что придаточная часть содержит атрибутивную характеристику контактного слова в главной части. Главная часть обладает структурной полнотой — в ней замещены позиции всех членов предложения.

Всем придаточным компонентам атрибутивных СПП с точки зрения их синтаксической характеристики свойственно постпозитивное употребление по отношению к определяемому слову главного компонента, поэтому они могут располагаться внутри главного или после него: *Нинзэ талантось, конань Силантий Митрич васняяк эзь нее-редя, пек лездась тензэ рамсемань-микинемань ветямосонтъ*¹ («Талант жены, который Силантий Дмитриевич сначала не замечал, очень помог ему при ведении купли-продажи»); *Филянть мельс тусь весела, кругловой чама, мако цецянь кондямо турвине, кортакшов тейтересь, кона карми тонавтнемемартонзо училищасо*² («Филе понравилась веселая, круглолицая, с губами, как маков цвет, разговорчивая девушка, которая будет учиться с ним в училище»). Препозитивное употребление придаточной части невозможно.

По характеру контактного слова различаются присубстантивные и приместойменные атрибутивные СПП.

1. **Присубстантивно-атрибутивные СПП** — это такие синтаксические конструкции, в которых придаточная часть содержит атрибутивную характеристику предмета, названного контактным словом (существительным). Компоненты данного типа СПП связываются союзными словами **кие** «кто», **мезе** «что», **кона** «который», **косо** «где», **косто** «откуда», **ков** «куда», **кува**, **куваня** «где», **козо** «куда», **зярдо** «когда», **зырс** «пока», **кода** «как», «когда», **кодамо** «какой» и, реже, союзами **штобу** «чтобы»,

буто «будто», **што** «что»: *Тосо, васоло, васоло, ули Буян усия — остров, кона весе сьрнень кевстэ вачказь* [Доронин, 2001, с. 323] («Там, далеко, далеко, есть остров Буян, который сложен из золотых камней»); *Эрсить шкат, зярдод ломантнень вечкемань садонтень кельме вармат каявкишныть*³ («Бывают времена, когда в сад любви молодых людей проникают холодные ветра»); *Арась, ломанентень куломазонзо ломанекс эряви кадовомс, а стувтнемс эсь пизэнзэ, косо сон кассь, пухиясь — толгиясь, сёлмт эстензэ кастась*⁴ («Нет, человеку до смерти надо оставаться человеком, не забывать свое гнездо, где он рос, оперился, крылья себе вырастил»); *Отрядось лоткась оймсеме се вирентень, косто кись уш маласоль*⁵ («Отряд остановился на отдых в том лесу, откуда дорога уже была близка»).

В присубстантивно-атрибутивных СПП придаточные компоненты всегда выполняют только определительную функцию, раскрывая своим значением лексически неполноценное для данного контекста имя существительное, или же содержат новое сообщение: *Меельце шкастонть, зярдотонь пельде сьрматне лоткасть сакиномдо, сынь вейсэ учость*⁶ («В последнее время, когда от тебя перестали приходиться письма, они вместе ждали»); *Лысковань вирьсэнть, косо эсь оянзо марто Окся таргась торф Грузинский князентень, цветясть пизёлкст, чувтнэ пижелдт мерсть* [Доронин, 2001, с. 13] («В Лысковском лесу, где Аксинья со своими подругами добывала князю Грузинскому торф, цвела рябина, зеленели деревья»). В данных примерах придаточные компоненты относятся к контактными словам главных компонентов (в первом — **шкастонть** «время», во втором **вирьсэнть** «в лесу»), выполняющих функции обстоятельств (в первом — времени, во втором — места). Функциональным значением контактных слов в значительной мере предопределен выбор союзных слов в придаточных компонентах. Поскольку в первом примере придаточный компонент поясняет в главном слово, обозначающее временное понятие, то придаточный присоединен темпоральным (временным) союзным словом **зярдо** «когда». Во втором примере придаточный компонент раскрывает содержание обстоятельства места главного компонента, поэтому присоединено локальным (места) союзным словом **косо** «где».

Союзные слова в рассматриваемых структурах выступают как анафорические элементы с замещающим значением, иными словами, они семантически соотношены с отдельными существительными в главной части, переносят их смысл в содержание придаточной части и выступают в последней как их «заместители»⁷: *Ломанесь — нармунь, кона эсь мельтнесэ ливтни менельга, сонсь яки мода ланга* [Доронин, 2001, с. 179] («Человек — птица, которая в своих мечтах летает в облаках, сам ходит по земле»); *Видьстэ меремс, миненек эрявить истят нить-полат, конат маштыть кувать учомо* [Калинкин, с. 105] («Говоря прямо, нам нужны такие жены, которые умеют долго ждать»).

При определяемом существительном могут находиться указательные местоимения (лексические конкретизаторы — ЛК) **тона** «тот», **не, неть** «эти», **истямо** «такой», **се** «тот, та, то», **секе** «тот же, этот же»: *Парсейкин ледстнесь се чинть-как, зярдотонь Нина марто якасть загсов мирдекс ды никс улемадо яволявтомань каямо* [Там же, с. 142] («Парсейкин вспоминал тот день, когда они с Ниной ходили в загс подавать заявление о вступлении в брак»); *Таня варитась вишнянь тона куротнень лангс, конат чиремсть вальматнес, мизолгадсь тенст*⁸ («Таня посмотрела на те вишневые кусты, которые прислонились к окнам, улыбнулась им»);

*Разиндэ башка, сыненст кияк а лезды ёртомс инязоронь бояртнэнь ды неть воеводатнень, конат састь тей ды теевсть азорокс сынст модаст, вирест лангсо*⁹ («Кроме Разина, им никто не поможет изгнать царских бояр и тех воевод, которые пришли сюда и стали хозяевами над их землями, лесами»). ЛК **се** «тот, та, то», **те** «этот», **тона** «тот», **не, неть** «эти», **секе** «тот же, этот же» выделяют предмет, названный опорным словом в главном компоненте из ряда однородных; придаточный предикативный компонент содержит информацию об отличительном признаке этого предмета. ЛК **истямо** «такой» подчеркивает значение сходства или соответствия, типизирует субстантив в главной части, характеризуя его как обозначающее класс однотипных предметов.

В отличие от указательных местоимений, употребляемых в составе местоименно-атрибутивных предложений, вышеуказанные ЛК в присубстантивных структурах непосредственно не связаны с придаточной частью. Они относятся к субстантивной группе и получают значение частиц, выражающих выделительный (**се** «тот, та, то», **те** «этот», **тона** «тот», **не, неть** «эти», **секе** «тот же, этот же») и качественно-характеристический (**истямо** «такой») смысл, а также сообщают это значение тому наименованию предмета, которое дается всей субстантивной группе: *Аволь эрьвась чарькодъсы се сырнеть, конат путозь эйзэст [книгатнес]*¹⁰ («Не каждый поймет то богатство [золото], которое вложено в них [книги]»); *Рая вишкинестэ саезь уш вечксь ловномо истят книгат, косо сёрмадозель од цёрань ды тейтерень ютксо пек паро ояксчиде* [Брыжинский, с. 21] («Рая с малых лет любила читать такие книги, где было написано о крепкой дружбе между молодыми парнями и девушками»).

Исходя из этого, по характеру семантико-функционального признака все присубстантивно-атрибутивные предложения можно разделить на следующие группы: атрибутивно-выделительные, атрибутивно-качественные и атрибутивно-распространительные.

Значение **атрибутивно-выделительных СПП** — придаточная часть сообщает об отличительном признаке предмета (контактного существительного), выделяя его из ряда ему подобных. Перед контактным существительным имеется позиция для ЛК **се** «тот, та, то», **те** «этот», **тона** «тот», **не, неть** «эти», **секе** «тот же, этот же», которая может быть замещенной и незамещенной. Основное средство связи — местоимение **кона** «который». Стандартный квалификатор атрибутивно-выделительного значения — коррелятивная пара **се** — **кона** «тот — который»: *Се калесь, конадонть ледстясь Вера, алкужскак, свал съкамнензэ*¹¹ («Та ива, о которой вспомнила Вера, действительно, всегда одна»); *Малав эрьва шоферэсь эрямонзо перть вансты мельсэнзэ се васенце ломанень, кона тонавтызе ялга ютксо эрямо...* [Калинкин, с. 117] («Почти каждый шофер всю жизнь хранит в памяти того первого человека, который научил его жить среди друзей...»).

Средством связи в придаточной части могут быть и другие вышеуказанные союзные слова, при наличии которых кроме атрибутивно-выделительных оттенков содержатся дополнительные — атрибутивно-дополнительный (**кие** «кто», **мезе** «что»), темпоральной локализации (**зярдо** «когда», **зярс** «пока»), пространственной локализации (**косо** «где», **косто** «откуда», **ков** «куда» (по направлению), **кува, кувания** «где» (по какому месту), **козо** «куда» (в какое место)) и т. д.: *Вай, кода а морамс те масторсонть, / Косо кеняркс эрьванть мештьсэнзэ...*¹² («Ой, как не петть на этой

земле, / Где радость у каждого в груди...») — атрибутивно-выделительный + пространственной локализации; *Ледстнематне ушодовсть се умонь шкадонть, зярдю кискась ульнесь левксэкс* [Калинкин, с. 180] («Воспоминания начались о том давнем времени, когда собака была щенком») — атрибутивно-выделительный + темпоральной локализации.

Значение **атрибутивно-качественных СПП** — придаточная часть называет отличительный качественный признак предмета как представителя целого класса, объединенного этим признаком. Главный структурный признак — наличие перед контактными существительными позиции для ЛК **истямо** «такой». Стандартные квалификаторы атрибутивно-качественного значения — коррелятивные пары **истямо** — **кодамо** «такой — какой», **истямо** — **кона** «такой — который», причем эти ЛК репрезентируют разные качественные признаки предмета, названного контактными существительными.

В предложениях с коррелятами **истямо** — **кодамо** «такой — какой» признак представлен как одна из частных качественных характеристик предмета: *Ушодовсь истямо чадыведь, кодат Новгородонь эрицятне пингест перть этъ некшне*¹³ («Началось такое половодье, какого жители Новгорода за всю жизнь не видели»); с коррелятами **истямо** — **кона** «такой — который» признак представлен характерным для данного класса предметов: *Церькованть кепедемга сон [Никон] снартнесь сыржавтомс истямо тев, кона весе Московонть ды инязоронь раськенть сорновтовлизе* [Доронин, 1996, с. 44] («При закладке церкви он [Никон] пытался начать такое дело, которое бы всю Москву и царских родственников заставило дрожать»).

Кроме местоимений **кодамо** «какой» и **кона** «который» в придаточной части в качестве средства связи могут выступать союзные слова **зярдо** «когда», **косо** «где», **косто** «откуда», **ков** «куда», при этом в предложениях наличествуют дополнительные семантические оттенки.

Значение **атрибутивно-распространительных СПП** — придаточная часть сообщает о признаке предмета, названного контактными существительными, который служит добавочной, распространительной характеристикой данного предмета.

Главная часть в таких предложениях обладает не только структурной, но и информативной завершенностью, поэтому атрибутивно-распространительное СПП легко трансформируется в два простых. Ср.: *Мон весе седейсэ бажан улемс те чистэнтъ чачома велесэнь, кудосонок, косо ютась сехте кенярксов ды уцяскав шкам — эйкакичим*¹⁴ («Я всем сердцем стремлюсь быть в этот день в родном селе, в нашем доме, где прошло мое самое радостное и счастливое время — детство»); *Мон весе седейсэ бажан улемс те чистэнтъ чачома велесэнь, кудосонок. Тосо ютась сехте кенярксов ды уцяскав шкам — эйкакичим* («Я всем сердцем стремлюсь быть в этот день в родном селе, в нашем доме. Там прошло мое самое радостное и счастливое время — детство»). В таких предложениях перед контактными существительными нет позиции для ЛК **се**, **тона** «тот», **истямо** «такой».

Признак расчлененности / нерасчлененности у атрибутивно-распространительных СПП ослаблен, в отличие от атрибутивно-выделительных и атрибутивно-качественных предложений, которые являются отчетливо расчлененными.

Во всех типах присубстантивно-атрибутивных СПП придаточная часть, как правило, располагается сразу после контактного слова: *Пизёлкось, конань Листар*

марто [Окся] ускизь се тундостонть ды озавтызь эсест вальмалов, човинька тарадсо каштордсь [Доронин, 2001, с. 13] («Рябина, которую с Листаром [Аксинья] привезли в ту весну и посадили у себя под окном, шелестела тоненькими ветками»). Этот порядок чаще всего нарушается в поэтической речи: *Ломань эзь чачо валдо чинть алов, / Конань сатоволь каршон виезэ*¹⁵ («Не родился тот человек под светлым солнцем, / У которого хватило бы сил против меня»).

Как было уже отмечено выше, компоненты присубстантивно-атрибутивных СПП связываются союзными словами и союзами. Рассмотрим их функции подробнее. Союзные слова **кие** «кто», **мезе** «что» в придаточных компонентах присубстантивно-атрибутивных СПП выполняют функции подлежащего и дополнения. В роли подлежащего данные союзные слова всегда стоят в форме именительного падежа: *Сех паро прятокс карми улеме тенк се ломанесь, кие чачсь ды кассь эсенк велесэ, эсенк ошсо*¹⁶ («Самым хорошим главой вам будет тот человек, кто родился и вырос в своем селе, в своем городе»); в роли дополнения — в форме косвенных падежей без послелогов и с послелогам: *Стувтызе Миколь тувталонтькак, мезень кис сакшиносъ Явлеев*¹⁷ («Забыл Николай и повод, зачем приезжал в Явлей»); *Ансяк Машутка, кинь лангс купчихась урьвакстыксэлизе ды мекс-бути мекев валтнэнь саинзе, мельганзо кустембес салава лиснесъ* [Доронин, 2001, с. 131] («Только Машутка, на ком купчиха хотела его женить и почему-то взяла слова обратно, за ним тихонько выходила на крыльцо»).

Союзное слово **кодамо** «какой» в придаточных компонентах с атрибутивным значением употребляется в том случае, если «в определительное значение требуется внести дополнительный оттенок уподобления»¹⁸. Форма указанного союзного слова зависит от выполняемых им синтаксических функций в составе придаточного компонента: *Ушодовсь истямо чадыведь, кодат Новгородонь эрицянтне пингест перть эзь некине* [Доронин, 1996, с. 38] («Началось такое половодье, какого жители Новгорода за всю жизнь не видели»); *Мейле тейтересь ёматы ашо сувс, кодамо эрси лёмзёронь цветямо ланга* [Калинкин, 2000, с. 14] («Потом девушка скроется в белую пелену, какая бывает во время цветения черемухи»). Данное союзное слово, что подтверждено примерами, употребляется как в именительном, так и в косвенных падежах. Определяемое (контактное) слово главного компонента не оказывает никакого влияния на форму союзных слов: *Анатолень мельс пек туить истят ломантне, кодамокс невтизе прянзо Пиляй Миколь* [Абрамов, 1961, с. 43] («Анатолию очень нравятся такие люди, каким показал себя Николай Пиляев»). В приведенном примере форма числа союзного слова **кодамокс** «каким» зависит от сказуемого придаточного компонента, а не от определяемого слова главного компонента. Определяемое слово **ломантне** «люди» стоит в форме множественного числа, а союзное слово — в форме единственного числа.

Таким образом, форма союзного слова **кодамо** «какой» в эрзянском языке полностью зависит от той синтаксической роли, которую она выполняет в составе придаточного компонента.

Союзное слово **кона** «который» чаще всех других средств связи присоединяет к главным компонентам присубстантивно-атрибутивные придаточные. Оно вносит в содержание придаточного компонента наиболее общее значение определительности. Как известно, в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках определения располагаются перед определяемыми словами и не согласуются с ними ни в падеже, ни в

числе. Поскольку придаточные компоненты, выражающие атрибутивные отношения, всегда находятся после определяемого слова (существительного) главного компонента, то союзное слово **кона** «который» согласуется с определяемым словом в числе. Падежная форма союзного слова зависит от того, каким членом придаточного компонента оно является, т. е. может употребляться как в именительном, так и в косвенных падежах: *Лембе чистэ эрзясь пүтннн прязонзо олгонь эли коцтонь кепече, **кона** верде алов мазылгавтневи лентасо* [Доронин, 2001, с. 187] («В теплый день эрзянин надевает на голову соломенную или холщовую шляпу, которая сверху вниз украшается лентами»); *Седязельть лия пластинкаткак, **конатнесэ** жойнесть эрзянь, мокшонь ды рузонь умонь морот* [Калинкин, с. 128] («Были проиграны и другие пластинки, в которых звенели старые эрзянские, мокшанские и русские песни»); *Ульнесть латксонть зардо-бути лисьмапряткак, **конатнесэ** чудсь сиянь кондямо ванькс ведь* [Ведяшкин, с. 26] («Были когда-то в овраге родники, из которых текла чистая, как серебро, вода»); *Сон [Софья Ивановна] Иван Арсентьевич марто вейсэ тейсть план, **конань** коряс эрзясь нельгемс Полянь пакшатненъ Окся бабань кедь-коморсто* [Брыжинский, с. 15] («Она [Софья Ивановна] вместе с Иваном Арсентьевичем придумали план, по которому надо было освободить ребяташек Полины из-под опеки бабушки Аксины»); *Те тантей коштось сы пурназь ды соказь паксятнесэ, **конатненъ** чирева сэрейстэ стякинность олгонь омет* [Калинкин, с. 7] («Этот аромат шел от убранных и вспаханных полей, вдоль которых высоко поднимались соломенные стога»); *Обран ды рузось, **кона** якась князень ломантненъ марто кортамо, сыргасть венчень аштема таркантень* [Абрамов, с. 18] («Обран и русский, который ходил на переговоры с людьми князя, пошли к причалу (букв. к месту, где стояли лодки)»). Во всех приведенных примерах придаточные компоненты, выражающие атрибутивные отношения, стоят после определяемого слова главного компонента. Союзное слово **кона** «который» во всех предложениях согласуется с определяемым словом в числе: в первом, четвертом, шестом примерах союзное и определяемое слова стоят в форме единственного числа, а в остальных примерах — в форме множественного. В составе придаточных компонентов союзное слово **кона** «который» выполняет только функции подлежащего и дополнения. В первом и шестом примерах оно является подлежащим в форме номинатива. В остальных примерах союзное слово выполняет функцию дополнения, поэтому его падежная форма устанавливается глаголом-сказуемым придаточного компонента.

Значительное место в системе средств связи присубстантивно-атрибутивного СПП в эрзянском языке занимают союзные слова с пространственным значением: **косо** «где», **косто** «откуда», **ков** «куда» (по направлению), **кува**, **куваня** «где» (по какому месту), **козо** «куда» (в какое место). И. С. Бузаков считал, что «... в древнемордовском языке эти местоимения изменялись по падежам. Об этом свидетельствует тот факт, что в обоих мордовских языках местоименные наречия э. **косто**, м. **коста** „откуда“, э. **козо**, м. **коза** „куда, в какое место“ представляют собой формы исходного и вносительного падежей. Эти формы, в свою очередь, с помощью **нь**-ового суффикса образуют относительные прилагательные **костонь** „из какого места“, **козонь** „в какое место“ по типу **вирень** „лесной“, **паксянь** „полевой“ и т. д.»¹⁹.

Союзное слово **косо** «где» указывает на связь придаточного компонента с определяемым членом главного компонента и является показателем атрибутивного

отношения с оттенком пространственного значения. Придаточные компоненты с этим союзным словом определяют член главного компонента, обозначающий место действия: *Палсь чувтонь кувака кардось, косо кирдевьсть мелят рамазь паро племань лишметне* [Доронин, 1993, с. 6] («Горела длинная деревянная конюшня, где находились купленные в прошлом году племенные лошади»); *Курок кудонтень, косо ульнесь штабост, мотоцикласо ардсь немецень солдат полицай марто*²⁰ («Вскоре к дому, где был их штаб, на мотоцикле приехал немецкий солдат с полицаем»).

Придаточные компоненты, присоединяемые к главным с помощью союзного слова **косто** «откуда», определяют член главного компонента, обозначающий исходный пункт движения: *Чаво кудынетнес, косто оргодсть мекшитне, ленгень кептернесэ Миколь кандтнесь од ройтнень* [Доронин, 2001, с. 194] («В пустые домики, откуда улетели пчелы, лыковым кузовком Николай носил новый рой»); *Мон содан вирь потмаксонь истят пизэть, косто тенст минь а муевтяно* [Там же, с. 209] («Я знаю в глубине леса такие места (букв. гнезда), откуда им нас не найти»).

Придаточные компоненты с атрибутивным значением с союзным словом **ков** «куда» обычно определяют член главного компонента, обозначающий направление движения, конечный пункт: *Вирь кудынетнень, ков лоткась купецесь, Гара пачкодсь чопоньбелев* [Там же, с. 132] («В лесную избушку, куда остановился купец, Гара добрался вечером»); *Кудо потмось, ков минь совсинек, ваньксстэ урядазь* [Баргова, с. 16] («Дом, куда мы заходили, чисто прибран»).

Придаточные компоненты с союзными словами **кува**, **куваня** «где», «по какому месту» определяют член главного компонента, обозначающего поверхность, пространство, где совершается действие: *Вармаськин сыргась се киванть, кува ютазь вене колмонест якасть паксясто олгонь ускомо* [Доронин, 1993, с. 73] («Вармаськин пошел по той дороге, по которой прошлой ночью втроем ходили возить с поля солому»); *Вана тезэнь, чилисмав, керясынек се кенкшенть, кува Пазонок валги* [Доронин, 2001, с. 181] («Вот сюда, к восходу, прорубим ту дверь, где Бог спустится»).

В присубстантивно-атрибутивных СПП придаточные компоненты с союзным словом **козо** «куда», «до какого места», «в какое место» определяют член главного компонента, обозначающего конечный пункт движения: *Самай те велесэнь, козо зярд-бути якасть Кандрань Олдань чиямо, пелевень атякшитнень морамсто Лавгинов Петраень козейкась чачтызе вечкевикс цёранзо — Яхимень* [Коломазов, с. 4] («В том самом селе, куда когда-то ходили сватать Кондратову Евдокию, во время полуночного пения петухов жена Лавгинова Петра родила своего любимого сына — Ефима»).

Придаточные компоненты с союзным словом **зярдо** «когда», выражающие атрибутивные отношения, всегда относятся к опорным словам главного компонента, обозначающим временные понятия (год, месяц, неделя, пора, время и т. д.): *Ульнесь, марят, пек умонь шкат, зярдо Вармазейканть таркасо аштесь тусто вирть* [Доронин, 1993, с. 50] («Были, слышишь, очень давние времена, когда вместо Вармазейки стояли густые леса»).

Со стороны главного компонента в оформлении связи может также принимать участие местоимение **се** «тот» и реже — **истямо** «такой», акцентирующие присубстантивную позицию придаточного компонента: *Сась се чиськак, зярдо Анкань нолдызь кудов*²¹ («Пришел и тот день, когда Анну отпустили домой»); *Скотинатнень*

*туртов сась истямо шка, зярдю стадаткак ещѣ эзь пансе, коромгак эзь кадновкино*²² («Для скотины настало такое время, когда еще не выгоняли стада, и корма не оставалось»).

Среди существительных с временным значением, которые могут употребляться как опорные, следует выделить слова, называющие время и меру времени (**шка** «время»), времена года, месяцы, дни недели, части суток (**кизэ** «лето», **сѣксъ** «осень», **теле** «зима», **тундо** «весна», **ие** «год», **валске** «утро», **чокшне** «вечер» и т. д.): *Ютасть сеть иетне, зярдю Керязь Пуло [верьгиз] почаксылизе олгонь вельтявксонть — таргсек реветнень, ансяк иля нузялдо* [Доронин, 1993, с. 59] («Прошли те годы, когда Керязь Пуло [волк] ворошил соломенное покрытие — вытаскивай овец, только не ленись»); *Ды сон [Окся] весе седей ёжосонзо маризе: сась се шикась, зярдю алкукс кунды нарьгицятнень каршо тюреме* [Ведяшкин, с. 22] («И она [Аксинья] всем сердцем почувствовала: пришла та пора, когда действительно встанет на борьбу с врагами»).

Союзное слово **кода** «как», будучи местоименным наречием, характеризуется морфологически полной неизменяемостью. В составе придаточных компонентов оно всегда, независимо от того, какие отношения выражают придаточные, выполняет функции обстоятельства образа действия. Иногда в разговорной речи и в художественной литературе вместо формы **кода** «как» употребляется форма **коданя** «как» в ласкательном значении. Придаточные компоненты с союзным словом **кода** «как» могут определять член главного предложения, обозначающий временное понятие (**шка** «время», **сѣксъ** «осень» и др.). В этом случае значение союзного слова **кода** «как» соответствует значению союзного слова **зярдю** «когда» и придаточный компонент осложняется оттенком временного значения: *Секе сѣксестэнтъ, кода Яхимень топодсть кемгавксово иензэ, Настанъ ладизь урьваке* [Коломасов, с. 8] («В ту осень, как Ефиму исполнилось восемнадцать лет, Настю сосватали»). Если же атрибутивные придаточные компоненты поясняют предметный член главного компонента, не обозначающий временное понятие, то они могут иметь различные оттенки значения: сравнения, образа действия и др.

В качестве средств связи в присубстантивно-атрибутивных СПП могут выступать союзы:

— придаточные компоненты с союзом **штобу** «чтобы» определяют предметные члены главного компонента, содержание которых представляется говорящему желательным и возможным. Придаточный компонент осложняется оттенком целевого значения: *Гриша максъ авантэнь превть, штобу тона миевлize велесэ кудонзо ды молевель ошов эрямо* [Брыжинский, с. 82] («Гриша дал матери совет, чтобы та продала дом в деревне и переехала жить в город»);

— придаточные компоненты с союзом **буто** «будто» вносят в содержание атрибутивных придаточных компонентов оттенки сомнения, неуверенности, недоверности: *Вестъ пачкодсь куля, буто од авань тейтертнень сыть ладямо од цѣрат* [Там же, с. 29] («Однажды дошел слух, будто молодые парни придут сватать дочерей моей мачехи»);

— придаточные компоненты с союзом **што** «что» в основном свидетельствуют о реальных, действительных фактах: *Значит, прязост иляст сакшино истят мельть, што сон [Наста] тесэ тонтеметь мезеяк тосо истямо...* [Коломасов, с. 12] («Зна-

чит, пусть в голову не приходят такие мысли, что она [Настя] здесь без тебя там что-то такое...»).

2. **Приместоименно-атрибутивные СПП** — это такие синтаксические конструкции, в которых придаточная часть вещественно конкретизирует признак, указанный контактными местоимением в главной части. Контактным словом в данных конструкциях являются местоимения **тона** «тот», **не, неть** «эти», **истямо** «такой», **се** «тот, та, то», которые в главной части выполняют функцию именной части сказуемого. Средствами связи в придаточной части служат союзные слова **кодамо** «какой», **кона** «который» и союзы **што** «что», **буто** «будто». Квалификаторами типового значения являются коррелятивные пары **тона** — **кона** «тот — который», **истямо** — **кодамо** «такой — какой», **истямо** — **што** «такой — что» и т. д.

По способу связи различаются местоименно-соотносительные атрибутивные СПП: *Тимофеень ловодо истямокс, кодамокс сон икеленк ашти* [Доронин, 2001, с. 266] («Тимофея считайте таким, каким он стоит перед вами») и местоименно-союзные: *Ещё куля ютась истямо, буто удалов кадновицятнень занятиядо мейле тренировамо кармить*²³ («Еще слух прошел такой, будто отстающих после занятий тренировать будут»).

Систему СПП с придаточными атрибутивными можно представить в виде следующей схемы:

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют, что придаточные компоненты, выражающие атрибутивные отношения, выполняют в составе СПП только определительную функцию, раскрывая своим значением лексически неполноценное для данного контекста имя существительное или местоимение.

В целом атрибутивные предложения употребительны в эрзянском литературном языке (особенно присубстантивно-атрибутивные СПП). Эти конструкции чаще используются в публицистическом и художественном стилях, причем преобладают конструкции, в которых при существительном (опорном слове) имеется указательное местоимение.

Библиографические ссылки

¹ Доронин А. Кузьма Алексеев : роман. Саранск, 2001. С. 243. Далее ссылки в тексте: [Доронин, 2001, с.].

² Брыжинский А. Сув : повесть. Саранск, 1982. С. 20. Далее ссылки в тексте: [Брыжинский, с.].

³ Калинин И. Васоло ки лангсо : повесть. Саранск, 2000. С. 30. Далее ссылки в тексте: [Калинин, с.].

⁴ Брыжинский И. Моронть полатксозо : ёвтнемат ды повесть. Саранск, 1968. С. 81.

- ⁵ **Ведяшкин И.** Цёков Окся : исторической повесть. Саранск, 1978. С. 73. Далее ссылки в тексте: [Ведяшкин, с.].
- ⁶ **Коломасов В.** Лавгинов : роман. Саранск, 1996. С. 186. Далее ссылки в тексте: [Коломасов, с.].
- ⁷ Современный русский язык. М., 1989. С. 737.
- ⁸ **Мартынов А.** Розень кши : роман. Саранск, 1977. С. 18.
- ⁹ **Абрамов К.** Олячинть кисэ : роман. Саранск, 1989. С. 60.
- ¹⁰ **Абрамов К.** Пургаз : роман. Саранск, 1988. С. 203.
- ¹¹ **Доронин А.** Кочкодыкесь – пакся нармунь : роман. Саранск, 1993. С. 17. Далее ссылки в тексте: [Доронин, 1993, с.].
- ¹² **Люлякина С.** Моронь гайть : стихть, сказт, морот. Саранск, 1982. С. 30.
- ¹³ **Доронин А.** Баягань сулейть : роман. Саранск, 1996. С. 38. Далее ссылки в тексте: [Доронин, 1996, с.].
- ¹⁴ **Баргова Т.** Мон ды монь ялган : ёвнемат. Саранск, 2004. С. 52. Далее ссылки в тексте: [Баргова, с.].
- ¹⁵ **Радаев В.** Сияжар : поэма. Саранск, 1958. С. 30.
- ¹⁶ **Журавлев Ч.** Арсемат ды ёжот : валмеревкст, стихть. Саранск, 1999. С. 94.
- ¹⁷ **Абрамов К.** Ломантне теевь малацекс : роман. Саранск, 1961. С. 224. Далее ссылки в тексте: [Абрамов, 1961, с.].
- ¹⁸ Грамматика русского языка. Синтаксис. М., 1960. Т. 2. С. 271.
- ¹⁹ **Бузаков И. С.** Сложное предложение в мордовских языках. Саранск, 1973. С. 76. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 46).
- ²⁰ **Алгышкин В.** Кстыить : ёвнемат. Саранск, 1995. С. 9.
- ²¹ **Эркай Н.** Килей ведь : повесть. Саранск, 1969. С. 122.
- ²² **Мартынов А.** Тетятнень киява : повесть. Саранск, 1967. С. 42.
- ²³ **Антонов И.** Вейсэнъ семиясо : роман. Саранск, 1956. С. 113.

Поступила 28.03.2011 г.

УДК 81'25:791.221/.228

Н. А. Ручина
N. A. Ruchina

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДВУХ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА «SEX AND THE CITY»

COMPARATIVE ANALYSIS OF TWO RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE FEATURE FILM «SEX AND THE CITY»

Ключевые слова: переводческий анализ, лингвистические принципы, переводческая вариативность, лингвистические ошибки.

В статье рассматривается сопоставительный переводческий анализ двух русских переводов художественного фильма «Sex and the city» («Секс в большом городе»), прокатного варианта перевода фильма компании «Universal Pictures Rus» («Юниверсал пикчерс рус») и перевод неизвестного автора из интернет-источника.

Key words: translation analysis, linguistic principles, translation variety, linguistic mistakes.

The article deals with the comparative analysis of two Russian translations of the feature film «Sex and the City»: the translation of the distribution version of the film of the company «Universal Pictures Rus» and the translation of the unknown author from the Internet source.

Особенностью перевода художественного текста является потенциальная неоднозначность интерпретации содержания, что находит выражение в допустимой вариативности переводов, выполненных различными авторами. Языку свойственна принципиальная вариативность средств выражения, и основными лингвистическими причинами переводческой вариативности являются многозначность слова, внутриязыковая синонимия, отсутствие изоморфизма между языком оригинала и перевода. В основе переводческого анализа лежит классификация нарушений адекватности при переводе текстов Д. М. Бузаджи, В. В. Гусева, В. К. Ланчикова и Д. В. Псурцева¹. Данная классификация построена на лингвистических принципах и содержит четыре категории ошибок (нарушений), которые в свою очередь подразделяются на несколько групп и подгрупп. В статье они будут рассмотрены на примере русских переводов художественного фильма «Sex and the city» («Секс в большом городе»).

В качестве практического материала нами используются **оригинальные субтитры** фильма, *прокатный вариант его перевода компании «Universal Pictures Rus» («Юниверсал пикчерс рус»)* (1) и *перевод неизвестного автора из интернет-источника* (2). Несколько примеров приводятся дважды, так как иногда разные варианты перевода содержат разные виды переводческих ошибок.

I. Нарушения, связанные с денотативным содержанием текста

I.1. Искажение смыслового содержания оригинала

I.1.1. Опускание смысловой информации, входящей в смысловый инвариант текста:

It took four friends three days to put 20 years into 38 boxes.

1. *Понадобилось четыре подруги и три дня, чтобы уложить двадцать лет в тридцать восемь коробок.*

2. *Я прожила здесь 20 лет и вывезла 38 коробок.*

В варианте (2) потеряна часть фразы, вариант (1) считаем адекватным и способным передать зевгму оригинального предложения;

And soon, it was the night before the big day.

1. *И вскоре наступил канун великого дня.*

2. *И наконец, наступил последний вечер.*

В варианте (2) опущена часть смысла, **the night before the big day** следует перевести как «*последний вечер перед свадьбой*» или «*предсвадебный ужин*»;

I can't go in without you.

1. *Я так больше не могу.*

2. *Я не могу туда войти.*

Вариант (1) неверно передает смысл фразы (см. п. I.1.3), в варианте (2) потеряна часть смысла. Мы предлагаем вариант: «*Я не могу войти туда без тебя*»;

Big has been weird about marriage for years.

1. У Престона давно странное отношение к женитьбе.
2. Он странно вел себя и раньше.

Вариант (2) неадекватен, так как не передает весь объем значения фразы. Вариант (1) кажется нам приемлемым;

Hey, let's go down to the hotel for dinner tonight.

1. Давайте поужинаем сегодня в ресторане.
2. Давайте сегодня поужинаем в городе.

В обоих вариантах опущена часть смысла. Фраза непроста для перевода, однако большинство знакомы с тем фактом, что рестораны в отелях обычно располагаются на первом этаже. По этой причине предлагаем такой вариант: «*Давайте поужинаем сегодня в ресторане отеля*»;

Fun thought up by a group of non-working mothers with nothing else to do all day.

1. Шутку придумала группа неработающих мамаш, которым нечем заняться.
2. Это весело. Для домохозяек, которым нечем заняться.

Think up — американизм со значением «*придумывать, выдумывать*». В варианте (2) этот фразовый глагол не переведен, часть смысла утеряна, адекватным считаем вариант (1).

I.1.2. Добавление смысловой информации, противоречащей смысловому инварианту текста:

The behind-my-back part, the violation of the trust. That's what's killing me.

1. Злоупотребление доверием. Вот, что меня убивает.
2. Не измену, а ложь я не могу простить.

Вариант (2) неадекватен, переводчик «домыслил» фразу, а вариант (1) передает не весь объем значения фразы (см. п. I. 2.1). Мы предлагаем следующий перевод: «*Он предал мое доверие, действовал за моей спиной. Вот, что меня убивает*».

I.1.3. Замена смысловой информации, входящей в смысловый инвариант текста, информацией, противоречащей смысловому инварианту текста:

Turns out, a knockoff is not as easy to spot when it comes to love.

1. Оказывается, подделку нелегко заметить, когда речь о любви.
2. Оказывается, не так легко испачкать платье, которое тебе нравится.

Если английское предложение перевести как «*Оказывается, подделку нелегко испачкать, когда речь о любви*», то перевод будет буквальным, так как он будет выполнен на уровне слов, в то время как для правильной передачи смысла при соблюдении норм русского языка необходим перевод всего предложения. Вариант (2) нельзя назвать правильным, так как слова **a knockoff** и **to spot** в данном случае используются скорее в переносном значении, в связи с этим смысл предложения передан неверно. В этом случае адекватным можно считать вариант (1);

Аналогичную ошибку мы наблюдаем и в следующем примере:

That is why you need help to spot them.

1. Вот поэтому вам нужна помощь, чтобы увидеть подделку.

2. *Вот поэтому вам нужна помощь, чтобы их испачкать.*

Адекватным переводом в этом примере также может считаться вариант (1);

— **How is this place even available?**

— **Nasty divorce.**

1. — *Почему продается?*

— *Просто хозяева развелись.*

2. — *Как это может кому-то не понравиться?*

— *Хозяева развелись.*

В данном случае вариант (2) признан неадекватным, так как смысл первого предложения передан неверно. По нашему мнению, второе предложение может быть переведено как «*Тяжелый развод*», однако и вариант «*Хозяева развелись*» достаточно верно передает смысл предложения;

If you live here, what is there to fight about?

1. *Как можно отсюда куда-то стремиться?*

2. *Я бы эту спальню ни на что не променяла.*

По нашему мнению, оба варианта перевода неприемлемы, смысл оригинала утерян. В данном случае адекватным будет буквальный перевод: «*Если вы живете в таком месте, о чем тут можно спорить?*»;

— **Our wedding's on Page Six.**

— **Who would put that in there?**

1. — *Наша свадьба на шестой странице.*

— *Как она там оказалась?*

2. — *Наша свадьба на второй полосе.*

— *А кто на первой?*

В данном случае, вариант (2) можно назвать неадекватным по причине неверной передачи смысла фразы, однако вариант (1) мы признаем буквальным. Ошибка в переводе появилась из-за незнания иностранных реалий. Дело в том, что под **Page Six** подразумевается «раздел в журнале со слухами о знаменитостях», поэтому мы предлагаем такой вариант перевода:

«— *Наша свадьба в разделе сплетен.*

— *Как она могла там оказаться?»;*

Now I believe this is all really happening.

1. *Теперь я верю, что все это наяву.*

2. *Я просто не могу поверить.*

Вариант (2) противоречит смыслу оригинальной фразы. Вариант (1) следует признать адекватным переводом;

This is my third marriage. How do you think that makes me look?

1. *Это мой третий брак. Как мне к этому относиться?*

2. *Я женюсь в третий раз. Подумай, кем ты меня выставляешь.*

Вариант (1) неверно передает смысл этой фразы. Вариант (2) адекватен;

I can't go in without you.

1. *Я так больше не могу.*

2. *Я не могу туда войти.*

Вариант (1) противоречит смыслу оригинального предложения. Адекватным считаем вариант: «*Я не могу войти туда без тебя*»;

I think it is so great that you're redoing your entire apartment.

1. *Мне кажется, это так здорово, что ты полностью переделала квартиру.*
2. *Я думаю, это здорово, что ты решила сделать перестановку.*

Redoing your entire apartment нельзя перевести как «перестановка». Вариант (1) считаем приемлемым;

There is no right time to tell me that you ruined my marriage.

1. *Давно уже могла сказать, что ты расстроила мою свадьбу.*
2. *Нет подходящего момента, чтобы сообщить, что ты сорвала мою свадьбу.*

Фраза **there is no right time** в варианте (1) переведена неверно, вариант (2) адекватен;

And by spring, I looked like my old self in my new apartment, just in time for the baby shower.

1. *И к весне я снова была сама собой, в своей новой квартире, как раз к рождению ребенка.*
2. *К весне я стала прежней Кэрри, в новой квартире, как раз к появлению ребенка Шарлот.*

Переводчиков подвело незнание американских реалий. В США под **baby shower** чаще всего понимается вечеринка перед рождением ребенка, которая организуется дома у одной из подруг будущей матери. На ней будущей маме дарят подарки для малыша. Справедливость такого заключения подтверждается кадрами из фильма. Игру слов **old — new** невозможно точно передать на русский язык, так как прилагательное «старый» редко воспринимается как «прежний». Предлагаем следующий вариант: «К весне я снова была сама собой, в обновленной квартире, как раз к вечеринке в честь будущего ребенка Шарлот».

I.2. Снижение точности передачи смыслового содержания текста (смысловые неточности)

I.2.1. Опушения смысловой информации, входящей в смысловый инвариант текста, но не приводящие к неверному восприятию основных параметров описываемой ситуации:

The behind-my-back part, the violation of the trust. That's what's killing me.

1. *Злоупотребление доверием. Вот, что меня убивает.*
2. *Не измену, а ложь я не могу простить.*

Вариант (1) передает не весь объем значения фразы. Мы предлагаем следующий перевод: «Он предал мое доверие, действовал за моей спиной. Вот, что меня убивает»;

Oh, honey, I can hire people to do all that. Anything you need.

1. *Я могу нанять людей, чтоб это сделать. Все, что нужно.*
2. *Мои люди все сделают. Все, что будет нужно.*

В варианте (2) опущена часть информации. Для лучшего результата предлагаем объединить оба варианта: «Милая, я могу нанять людей, которые все сделают. Все, что тебе нужно»;

Honey? You have to eat a little breakfast.

1. *Надо позавтракать.*
2. *Дорогая, ты должна что-нибудь поесть.*

В варианте (1) опущено обращение. Более точно смысл всей фразы передаст следующий вариант: «*Милая, ты должна немного поесть*»;

Oh, honey, don't blame marriage.

1. Замужество здесь ни при чем.
2. Не вали все на брак.

По какой-то причине в переводах часто опускаются обращения. Предлагаем следующий вариант: «*Милая, брак здесь ни при чем*»;

And a couple of weeks later, I met Saint Louise's St. Louis boyfriend, Will.

1. И, пару недель спустя, я встретила парня Луис из Сент-Луиса, Уилла.
2. Через две недели я встретила жениха Луис из Сент-Луиса.

Игру слов в оригинальном предложении невозможно в точности передать на русском языке. Мы предлагаем изменить вариант (1), обратив внимание на перевод глагола **meet** и опущение имени в варианте (2): «*И, пару недель спустя, я познакомилась с парнем святой Луис из Сент-Луиса, Уиллом*»;

And for five months, you kept a secret like that?

1. Ты скрывала от меня это?
2. И за пять месяцев ты ничего мне не сказала?

Часть смысла оригинальной фразы потеряна в варианте (1), вариант (2) кажется нам более предпочтительным;

I guess I didn't realize how big I was until I saw it on your faces.

1. Не думала, что поправилась, пока не увидела это на ваших лицах.
2. Я не понимала, насколько изменилась, пока не увидела, как вы на меня смотрели.

Ни один из вариантов нельзя считать адекватным, предлагаем третий вариант: «*Я и не понимала, насколько поправилась, пока не увидела, что это написано на ваших лицах*».

1.2.2. Добавления смысловой информации, не противоречащей смысловому варианту текста, но и не обусловленной им:

Wait. That was you on the phone at the auction.

1. Подожди, это был ты по телефону на аукционе.
2. Это с тобой женщина с аукциона разговаривала по телефону?

В начале фильма в сцене на аукционе незнакомая героиням женщина представляла клиента, с которым советовалась по телефону. Хотя вариант (2) не противоречит контексту фильма, нет необходимости в добавлении дополнительной информации (о женщине с аукциона). С точки зрения русского языка предлог «с» должен быть заменен предлогом «на» («женщина на аукционе»). В этом отношении вариант (1) можно считать более удачным, однако мы предлагаем свой вариант перевода этой фразы: «*Подожди. На том аукционе именно ты был клиентом на телефоне*»;

Well, I wanted to give it to you.

1. А я хотел подарить его тебе.
2. Но теперь она твоя.

В этом случае речь идет о подарке — броши, что оправдывает появление местоимения «она» в варианте (2). Однако адекватным переводом этой фразы следует признать вариант (1);

Well, when you're married, you have a different set of priorities.

1. *Знаешь, Саманта, когда ты замужем, у тебя другие жизненные ценности.*

2. *Саманта, когда ты замужем, на первом месте другое.*

Можно использовать оба варианта или, опустив обращение, дать буквальный перевод: «*Понимаешь, когда ты замужем, у тебя совсем другие приоритеты*»;

1.2.3. Замена смысловой информации, имплицитруемой текстом оригинала:

I've been dating since I was 15. I'm exhausted. Where is he?

1. *Я встречаюсь с парнями с 15 лет, я так устала. Где мой единственный?*

2. *Я встречаюсь с парнями с 15 лет. Сколько можно? Где мой принц?*

Слово **dating** имеет коннотацию «поиска мужа», не переданную ни в одном из вариантов. В варианте (2) предложение **I'm exhausted** переведено неверно. Предлагаем следующий вариант перевода: «*Я пытаюсь найти себе мужа с тех пор, как мне исполнилось 15. Я так устала. Где мой единственный?*»;

The worst. I just left you a message.

1. *Кошмар. Я вам отправила сообщение.*

2. *Кошмар. Я не успела вам позвонить.*

Хотя в данном примере оба варианта не противоречат смыслу оригинальной фразы, ни один из переводов не является адекватным. В варианте (1) неверно передан смысл глагола, в варианте (2) — смысл фразы. Предлагаем следующий вариант перевода: «*Кошмар. Я только что оставила вам сообщение*»;

— **Well, who's it by? What's the label?**

— **No one. I found it at a vintage shop.**

— **The bride wore a dress by no one.**

— **Oh, come on, you know I'm gonna merchandise it up...**

— **...style it up with some shoes.**

1. — *Ну, хорошо, оно от кого? Чей там лейбл?*

— *Ни от кого. Я нашла его на распродаже.*

— *Ты собираешься выходить замуж в нефирменном платье.*

— *Да бросьте, я придам ему великолепия и стильности...*

— *...при помощи туфель.*

2. — *Ну, хорошо, оно от кого? Кто дизайнер?*

— *Ни от кого. Я нашла его в магазине.*

— *Невеста в платье из магазина готовой одежды.*

— *Да бросьте, я его хорошо подам...*

— *...подберу туфли.*

В обоих вариантах перевода есть неточности. Например, **vintage shop** не переводится ни как «распродажа», ни как «магазин готового платья», и выражение **a dress by no one** переведено неверно (см. п. III.2). Мы предлагаем следующий вариант перевода этого диалога:

«— *Ну, хорошо, от кого оно? Кто дизайнер?*

— *Ни от кого. Я нашла его в магазине винтажной одежды.*

— *Невеста в платье „ни от кого“.*

— *Ну, бросьте, я его хорошо подам...*

— *...придам ему стильность при помощи туфель»;*

Wait, I'm... I would be in the magazine?

1. *То есть, простите, я ...что, мой снимок будет в журнале?*
2. *Что? Вы хотите, чтобы я писала о себе?*

Оба варианта неадекватны, так как в оригинале речь не идет ни о снимках, ни о написании статьи самой героиней. Предлагаем следующий вариант перевода:

«— Подождите, я... Статья будет обо мне?»;

— **I got a gift for you.**

— **So far, I like it.**

1. — Подарок тебе.
- Такие подарки мне нравятся.
2. — У меня для тебя подарок.
- Пока он мне нравится.

В данном случае нам кажется более приемлемым вариант (2), так как **so far** переводится как «пока», «на данный момент». Что касается первой фразы, вариант (2) более употребителен в русском языке;

And that is how Samantha learned she had a new neighbor.

1. *Вот так Саманта узнала, что у нее новый сосед.*
2. *Вот так Саманта и познакомилась со своими новыми соседями.*

Перевод глагола **learned** как «познакомилась», а также и замену единственного числа множественным, в данном контексте считаем неоправданным, поэтому предлагаем остановиться на варианте (1);

Double doors. So far, so good.

1. Двойные двери. Интересно, что же дальше?
2. Новый шкаф. Здорово.

В варианте (2) у переводчиков возникли сложности с переводом фразы **so far**. Мы предлагаем свой вариант: «Двойные двери. Пока мне все нравится»;

Well, I don't really know if this question is allowed, but how is Steve handling this?

1. *Я не знаю, могу ли я об этом спрашивать, но как Стив это воспринял?*
2. *Извини, что завожу этот разговор, но как реагирует Стив?*

Более точным переводом глагола **handle** в этом контексте будет вариант «справляться», поэтому мы предлагаем следующий вариант перевода: «Не знаю, могу ли я об этом спрашивать, но как Стив справляется с этой ситуацией?»;

Two hundred? Jesus, Carrie, it went up again?

1. *Уже двести? Боже, Кэрри, он снова вырос?*
2. *Двести гостей? Господи, Кэрри, откуда?*

В данной ситуации речь идет о списке гостей, приглашенных на свадьбу, в связи с этим вариант (1) близок к оригиналу;

And my doctor says that she knows other couples who have adopted and then they get pregnant.

1. *У моего врача были пары, которые сначала усыновили ребенка, а потом родили своего.*
2. *Врач говорит, что знает другие пары, которые усыновили ребенка, а потом родили своих.*

Более подходящим нам кажется вариант (2), за исключением использования множественного числа: «Врач говорит, что знает другие пары, которые усыновили ребенка, а потом родили своего»;

Oh, my Lord. I didn't even recognize you.

1. С ума сойти можно. Я тебя совсем не узнаю.

2. Господи, я тебя не узнала.

В варианте (1) неправильно указано время глагола;

And as the last of the autumn leaves fell away, so did Charlotte's fear.

1. По мере того, как исчезали последние осенние листья, исчезал и страх Шарлот.

2. Вместе с последними листьями с деревьев ушли и страхи Шарлот.

В варианте (1) неверно передано время оригинального глагола. Вариант (2) адекватен;

Carrie, I understand, but it just happened. I never meant to hurt you.

1. Я это знаю, но ведь все уже прошло. И это было не специально.

2. Я понимаю, но это уже произошло. Я не хотела тебя обидеть.

Из-за неверного перевода фразы **it just happened** в варианте (1) мы отдаем предпочтение варианту (2);

You badger me to forgive you in three days. You won't even consider forgiving Steve for something he did six months ago.

1. Ты умоляешь простить тебя за три дня, но не думаешь прощать Стива за то, что было много месяцев назад.

2. Ты хочешь, чтобы я простила тебя на третий день, а сама даже не думаешь прощать Стива даже через полгода.

Для верного перевода обоих предложений предлагаем объединить оба варианта: «Ты хочешь, чтобы я простила тебя на третий день, а сама даже не думаешь прощать Стива за то, что он совершил полгода назад»;

I don't know that I can trust that it won't happen again.

1. Я не уверена, что это снова не повторится.

2. Не думаю, что смогу снова ему доверять.

Варианты (1) и (2) не совсем верно передают смысл оригинальной фразы, поэтому более приемлемым будет следующий вариант: «Не знаю, могу ли я быть уверена, что это не повторится»;

Steve, you're very quiet today.

1. Стив, вы сегодня очень спокойны.

2. Стив, вы сегодня молчаливы.

Речь идет о том, что герой фильма Стив молчит на приеме у семейного психолога, поэтому считаем более подходящим вариант (2);

And she doesn't know for sure that you won't have another indiscretion.

1. А она не может знать наверняка, что вы больше не совершите такой ошибки.

2. А она не уверена, что вы опять ей не измените.

Речь действительно идет об измене, однако более адекватным считаем вариант (1);

But still, she couldn't shake the feeling that something was missing from her life.

1. Тем не менее, она не могла отделаться от чувства, будто что-то исчезло.

2. Но она не могла избавиться от чувства, что ей чего-то не хватало.

But still нужно перевести как «(но) тем не менее», а **something was missing from her life** как «ей чего-то не хватало». Таким образом, объединив оба варианта, получаем: «Тем не менее, она не могла избавиться от чувства, что ей чего-то не хватало»;

Now, listen, this isn't about the weight. You would look gorgeous at any size.

1. *Послушай, я не по поводу веса. Ты будешь прекрасна любого размера.*

2. *Милая, дело не в весе. Ты всегда будешь красавицей.*

Фраза **this isn't about the weight** переводится как «дело не в весе», в остальном вариант (1) нам кажется более приемлемым: «Послушай, дело не в весе. Ты будешь прекрасна любого размера»;

I guess I didn't realize how big I was until I saw it on your faces.

1. *Не думала, что поправилась, пока не увидела это на ваших лицах.*

2. *Я не понимала, насколько изменилась, пока не увидела, как вы на меня смотрели.*

Ни один из вариантов нельзя считать адекватным из-за ряда неточностей, предлагаем третий вариант: «Я и не понимала, насколько поправилась, пока не увидела, что это написано на ваших лицах»;

Lately, I haven't been feeling a connection to...

1. *Просто я не чувствую в последнее время какой-то тяги...*

2. *Понимаешь, я давно не чувствую связи с...*

Lately лучше перевести как «в последнее время», **a connection to** в этом контексте как «связь с», в итоге получается: «В последнее время я не чувствую связи с...».

1.2.4. Искажения актуального членения:

We met five years ago today.

1. *Сегодня пять лет, как мы встретились.*

2. *Мы познакомились в этот день, 5 лет назад.*

В данном случае целесообразно использовать вариант (1), однако мы не исключаем возможность использования следующего варианта перевода: «Сегодня (исполняется) пять лет со дня нашей встречи».

1.2.5. Неточная передача связей между синтаксическими единицами:

And in an effort to stay out of the house and out of trouble Samantha went shopping.

1. *И чтобы быть подальше от дома и избежать проблем, Саманта отправилась по магазинам.*

2. *Когда Саманта хотела быть подальше от дома и от проблем, она шла в магазин.*

Эквивалентным и адекватным считаем вариант (1);

Hey, Harry called me and mentioned that you're not running.

1. *Слушай, Гарри мне звонил. Ты перестала бегать?*

2. *Мне звонил Гарри и сказал, что ты перестала бегать.*

Глагол **mention** переводится как «упоминуть», «обмолвиться», в варианте (1) неверно передана связь между частями предложения, поэтому предлагаем следующий вариант: «Слушай, мне позвонил Гарри и обмолвился, что ты перестала бегать».

II. Нарушения, связанные с передачей стилистических характеристик оригинала

II.1. Нарушения в передаче функционально-стилевых или жанровых особенностей текста оригинала:

— **I don't wanna screw it up.**

— **You won't.**

1. — *Я не хочу сесть в лужу.*

— *Не сядешь.*

2. — *Я не хочу это портить.*

— *Но этого не произойдет.*

В этом контексте речь идет о составлении свадебных клятв. **Screw up** можно перевести по-разному, однако в данной ситуации мы предлагаем следующий вариант:

«— *Я не хочу все испортить.*

— *Не испортишь!»;*

— **You got plans with the girls?**

— **We're all kind of staying in tonight.**

1. — *Собираетесь с девочками?*

— *Мы все остаемся дома сегодня.*

2. — *Встречаешься с девочками?*

— *Мы сегодня по домам.*

В английском языке слово **girls** универсально и используется для обозначения представительниц женского пола любого возраста, чего нельзя сказать о «девчонках» и «девочках» применительно к русскому языку, ведь в данном диалоге говорится о взрослых женщинах. Ни в одном из вариантов не передано значение выражения **kind of**. Предлагаем следующий вариант перевода:

«— *Ты сегодня встречаешься с подругами?*

— *Мы, в общем-то, сегодня по домам».*

II.2. Калькирование:

— **Six months ago.**

1. — *Шесть месяцев назад.*

2. — *Полгода назад.*

Этот пример иллюстрирует очень распространенную ошибку в переводе. Вариант (1) неправильный, так как перевод буквален. В русском языке принято говорить «полгода», а не «шесть месяцев», в отличие от английского языка.

III. Нарушения, связанные с передачей коннотации

III.1. Неточная передача экспрессивного фона оригинала

III.1.1. Ослабление экспрессии:

Mother of God, what's with the gut?

1. *Мать моя женщина, у нее что, животик?*

2. *Господи, что с твоей фигурой?*

Персонаж, произносящий эту фразу довольно эпатажный, поэтому считаем возможным остановиться на варианте (1).

III.1.2. Усиление экспрессии:

It's not gonna happen. I can barely even look at him.

1. *Но этого не будет, я даже смотреть на него не могу.*
2. *Ну что он хочет? Мне даже смотреть на него противно.*

В данном случае речь идет о прощении, поэтому первое предложение можно перевести как: «*Я его не прощу*», хотя и вариант (1) следует признать адекватным. Вариант (2) неточно передает смысл предложения и экспрессивность предложения неоправданна контекстом.

III.2. Изменение авторской оценки:

— **The bride wore a dress by no one.**

1. — *Ты собираешься выходить замуж в нефирменном платье.*
2. — *Невеста в платье из магазина готовой одежды.*

A dress by no one лучше перевести как «нефирменное платье» или для передачи иронии, заложенной в оригинале, как «*платье ни от кого*». Мы предлагаем следующий вариант перевода этого диалога:

«— *Невеста в платье „ни от кого“*».

IV. Нарушения нормы и узуса переводящего языка

We're not barren, we're reproductively challenged.

1. *Мы не бесплодны. Мы репродуктивно проблемны.*
2. *Мы не бесплодны. У нас проблемы с зачатием.*

В варианте (1) нарушено правило русского языка (прилагательное *проблемный* не употребляется в краткой форме). Вариант (2) верно передает смысл фразы;

A dress so special... it could bring a wedding tear from even the most unbelieving of women.

1. *Платье такое особенное... что могло вызвать на свадьбе слезы даже у самой неверующей из женщин.*
2. *Платье такое особенное... что никого не могло оставить равнодушным.*

В этом примере первую часть предложения следует перевести как «*Платье, особенное настолько, что...*», так как этот вариант больше соответствует нормам русского языка. Что касается второй части фразы, то вариант (1) буквален, хотя и более точен. Мы предлагаем перевести эту фразу, сочетая оба варианта перевода:

«*Платье, особенное настолько, что... не могло оставить равнодушной даже самую неверующую из женщин*»;

When Big colors... he rarely stays inside the lines.

1. *Когда мужчина моей мечты рисует... он не выходит за грани очень редко.*
2. *Когда мужчина моей мечты работает красками... он часто выходит за грани.*

Big в контексте этого фильма всегда переводится как «*мужчина моей мечты*», и мы считаем, что эта метафора здесь более чем уместна. Для русского языка больше подходит глагол «*рисовать*», чем «*работать красками*». Что касается второй части предложения, то вариант (1) чересчур буквален, вариант (2) более приемлем;

You tried to tell me once?

1. *Ты пыталась сказать это однажды?*
2. *Ты попыталась один раз?*

В данном контексте неверно переводить слово **once** как «*однажды*». Предлагаем свой вариант: «*Ты попыталась рассказать мне лишь один раз?*»;

You see, this is how it starts.

1. *Вот так это и начинается.*
2. *Вот так все и начинается.*

Буквальный вариант перевода **it** как «это» мы считаем неприемлемым. Более подходящим является вариант (2), однако первую часть фразы можно усложнить вводной конструкцией: «Понимаешь, вот так все и начинается»;

Um, no. I do not lift boxes.

1. *Нет, я не ношу коробки.*
2. *Нет, я не поднимаю тяжести.*

Мы остановились бы на варианте (1), в русском языке словосочетание «носить коробки» не является широкоупотребительным;

And you have a degree in computer science?

1. *И у тебя есть компьютерное образование?*
2. *И у вас степень программиста?*

Оба варианта имеют право на существование, однако диалог происходит на собеседовании между людьми, которые только что познакомились, поэтому с точки зрения российских реалий мы выбрали бы обращение на «вы», как и в варианте (2);

After Steve showed up, I was really upset.

1. *После того, как Стив приходил, я была очень расстроена.*
2. *Когда Стив появился, я была очень расстроена.*

В данном случае следует уйти от буквального перевода и точнее передать смысл фразы: «После разговора со Стивом я была очень расстроена»;

I have been going over this and over this in my mind for five months.

1. *Я думала над этим снова и снова на протяжении пяти месяцев.*
2. *Я снова и снова проигрывала это у себя в голове последние пять месяцев.*

В данном случае мы считаем целесообразным использовать широкоупотребительное в русском языке выражение «прокручивать в голове»: «На протяжении пяти месяцев я снова и снова прокручивала все это у себя в голове»;

Some love stories aren't epic novels. Some are short stories. But that doesn't make them any less filled with love.

1. *Некоторые любовные истории не являются эпическими романами, а похожи на короткие рассказы, но это не значит, что в них меньше любви.*
2. *Некоторые любовные романы похожи на эпопеи, некоторые — на короткие рассказы, но это не значит, что в них меньше любви.*

Вариант (2) считаем более подходящим, так как в нем не была потеряна параллельная конструкция, использованная в оригинале.

Сравнивая варианты переводов текста, мы пришли к выводу, что нарушения встречаются в обоих. При этом самое большое количество ошибок связано с денотативным содержанием текста: в варианте (1) такие ошибки составляют 67,5 %, в варианте (2) — 83,7 %. Наиболее часто встречающейся ошибкой является снижение точности передачи смыслового содержания. Это свойственно обоим вариантам — соответственно 74,0 и 63,4 %. Было выявлено, что чаще всего в переводах фильмов осуществляются замена смысловой информации, имплицитной информацией, и опущение смысловой информации, входящей в смысловую инвариант текста. Встречаются также добавление смысловой информации, не про-

тиворечащей смысловому инварианту текста, неточная передача связей между синтаксическими единицами и реже — искажение актуального членения. Следующей наиболее типичной ошибкой можно считать нарушения нормы и узуса переводящего языка. В варианте (1) количество таких ошибок составляет 22,5 %, в варианте (2) — 8,2 %. Намного реже встречаются нарушения, связанные с передачей стилистических характеристик оригинала: в варианте (1) — 7,5 %, варианте (2) — 2 %. Нарушения, связанные с передачей коннотации, также составляют небольшой процент: в варианте (1) — 2,5 %, в варианте (2) — 6,1 %. Причем в варианте (1) отмечено только изменение авторской оценки, а в варианте (2) — изменение авторской оценки и неточная передача экспрессивного фона оригинала (как ослабление, так и усиление экспрессии).

Итак, более удачным является вариант (1) — *прокатный перевод*. Он содержит ошибок на 10 % меньше, чем вариант (2). Такое утверждение верно с точки зрения как его соответствия оригинальной эмоционально-смысловой доминанте, так и адекватности перевода.

Библиографическая ссылка

¹ Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Бузаджи Д. М. [и др.]. М., 2009. С. 76—107.

Поступила 19.05.2011 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821.511.152

И. И. Шеянова
I. I. Sheyanova

ПЕРВЫЕ ПАМЯТНИКИ РАННЕМОРДОВСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ («МОРДОВСКАЯ ИСТОРИЯ» И «МОРДОВСКАЯ ЗЕМЛЯ» Т. Е. ЗАВРАЖНОВА И С. А. ЛАРИОНОВА)

THE FIRST MONUMENTS OF THE EARLY MORDOVIAN LITERATURE («MORDOVIAN STORY» AND «MORDOVIAN LAND» BY T. E. ZAVRAZHNOV AND S. A. LARIONOV)

Ключевые слова: литература, фольклор, крестьянская литература, жанр повествования.

В статье раскрывается роль произведений «Мордовская история» и «Мордовская земля» Т. Е. Завражнова и С. А. Ларионова, представляющих собой авторские обработки народных легенд и преданий с элементами мотивов из русской научной литературы, в формировании письменной литературы мордовского народа.

Key words: literature, folklore, peasant literature, a genre of narration.

The role of works «Mordovian Story» and «Mordovian land» by T. E. Zavrazhnov and S. A. Larionov, which are the author's adaptations of folk legends and stories with the elements of motives from the Russian scientific literature, in the formation of written literature of Mordovian people is revealed in the article.

Зародившись в недрах XVIII в., мордовская литература до 80-х гг. XIX в. формировалась как литература эволюционно-замедленного типа развития. В силу этого ее системные признаки, и прежде всего связь с историей народа, были непрочными и неглубокими, развивавшимися в сложных обстоятельствах зависимости языка и культуры народа в целом от социальных и идеологических задач политики царизма. Поэтому процесс формирования национального литературного движения вплоть до 80-х гг. XIX в. невозможно рассматривать в отрыве от традиций развития самого фольклора.

В мордовской устной народной словесности содержатся отклики на важные исторические события, волновавшие народное воображение. В конце XIX — начале XX в. одними из основных в ней стали исторические песни легендарно-эпического содержания, в частности о событиях монголо-татарского нашествия, сказания о национальном эпическом герое Тюште, легенды и предания о крестьянских войнах и их руководителях Емельяне Пугачеве, Степане Разине и других героях народной истории.

Заинтересованность народа в воскрешении исторической памяти веков исходила из особенностей социальной и духовной жизни, из тех общественных задач, которые были обусловлены пробуждением национального и социального самосознания народа в период восстания 1905 — 1907 гг. Это нашло выражение, в частности, в повествованиях «Мордовская история»¹ и «Мордовская земля»², записанных мордовскими сказителями с. Новая Тепловка Бузулукского уезда Самарской губернии Тимофеем Егоровичем Завражновым и Семеном Арсентьевичем Ларионовым и опубликованных на русском языке А. А. Шахматовым. В советское время они вошли в сборник «Документы и материалы по истории Мордовской АССР»³. Отрывки из данных рукописей на эрзя-мордовском языке и их переводы на русский язык более ста лет хранятся в архиве РАН, в фонде А. А. Шахматова (Ф. 134. Оп.1. Д. 340/4). На русский язык данные отрывки были переведены, видимо, им самим. Полные тексты оригиналов на эрзянском языке до сих пор не найдены и не напечатаны. «Мордовская земля» на мокша-мордовском языке впервые была опубликована в антологии мордовской литературы XVIII — XX вв.⁴

Популярность и широкая распространенность песен и преданий, проникнутых духом сочувствия к национальным героям, были не только свидетельством пробуждения национального самосознания, но и показателем сознательной творческой избирательности. Неслучайно именно такого рода легенды, предания и исторические песни в условиях революционной борьбы стали фундаментом, на котором в конце XIX — начале XX в. получила довольно широкое распространение так называемая крестьянская литература, т. е. произведения, публиковавшиеся со слов мордовских крестьян русскими и зарубежными исследователями. С. А. Алешкина отметила, что образцы произведений «крестьянской литературы» «отличаются синкретическим фольклорно-литературным характером»⁵.

Историческую основу произведений Т. Е. Завражнова и С. А. Ларионова составляют достоверные народные предания о мордовской земле, один из вариантов которых в изложении Р. Ф. Учаева вошел в «Мордовский этнографический сборник», составленный А. А. Шахматовым. Из этого предания авторы взяли только основную его идею — о некогда существовавшей мордовской земле. Во всем остальном (сюжет, проблематика, выбор героев, передача событий и конфликтных ситуаций) их повествования принципиально отличаются от преданий, рассказанных Р. Ф. Учаевым. Получив название «Мордовская история» и «Мордовская земля», синкретические по своей сути и жанру произведения Т. Е. Завражнова и С. А. Ларионова являются специфическими жанровыми образованиями, вобравшими в себя народные легенды, предания, песни исторического характера, а также авторский домысел с использованием сюжетных мотивов и образов из античной и русской мифологии. Данное обстоятельство придало им типологическое сходство с образцами книжных форм народного эпоса. Одним из первых исследователей, обративших на это внимание, был мордовский фольклорист Л. С. Кавтаськин, который назвал данные произведения сводом народных песен и сказаний, но в то же время он был склонен считать их «литературным вариантом мордовского народного эпоса»⁶.

Т. Е. Завражнов и С. А. Ларионов прежде всего попытались дать свое понимание многовековой истории мордовского народа, начиная с эпохи Великого переселения народов до присоединения мордвы к Русскому государству в XVI в. Отбирая из исторических преданий и фактов только события и явления общенародной значимости

(сказания о борьбе легендарного мордовского правителя Тюшти за объединение мокши и эрзи, легенды об их взаимоотношениях с другими народами и т. д.), сказители придавали им ореол эпического величия.

Историко-литературная ценность «Мордовской истории» заключается прежде всего в том, что «содержащиеся в ней мотивы и образы древнемордовских легенд и преданий, как и христианская и языческая ее атрибутика, является вовсе не формой выражения религиозных истин и представлений, как это считалось некоторыми исследователями, а способом художественного утверждения социальных, исторических и национально-культурных идей о прошлом мордовского народа»⁷. По некоторым жанровым особенностям компонентов (проблематика, характеристика героев и т. д.) данное произведение можно отнести к жанру «повествование», для которого свойственны следующие черты: отсутствие элементов сверхъестественного, яркость языка и стиля, изложение событий как воспоминаний рассказчика, передающего их в достоверной форме. Поэтику и манеру изложения исторических и легендарно-мифологических мотивов «Мордовской истории» можно сравнить с прозаическими повествовательными формами сказительского творчества.

Основываясь на письменных источниках и национальных народных легендах о Тюште, Т. Е. Завражнов и С. А. Ларионов начали повествование примерно с V в., когда складывалась история мордвы как история многочисленных войн.

В этом своеобразном летописании мордовского народа речь идет о пятидесятилетней истории царствования Тюшти и Паштени, а также о странах и героях самых разных географических широт: вавилонском «звероподобном воеводе Немвроде», грозном царе Сарданопале, «живущем на юге» от мордовской земли и хотевшем покорить земли Тюшти. Кроме того, в сюжет повествования включены картины противоборства Тюшти и его последователей с «князем Фирий», «храбрым татарским ханом Кочом-Кулом», «легендарным спартанским полководцем и законодателем Ликургом», «русским князем Мурьзей» и многими другими достоверными и вымышленными персонажами, олицетворяющими врагов Тюшти. Борьба с ними наглядно указывает на героические деяния защитников мордовского «царства» — Тюшти, Покш Прябиксара, Сезьгана, Веталана и др. В контексте многовековой борьбы мордовского народа за свою независимость излагается и концепция вынужденного присоединения мордовских земель к Русскому государству, существовавшая в исторической литературе вплоть до середины 80-х гг. XX в., когда присоединение было переосмыслено как акт добровольного вхождения мордовского народа в состав многонационального Российского государства. Данная концепция опирается на народные представления, в частности на легенды и предания, известные в науке как «Предание о завоевании мордовской земли», «Сказание о построении первого города в мордовской земле» и «На горах то было на Дятловых», впервые записанных и опубликованных на русском языке П. И. Мельниковым-Печерским.

В «Мордовской истории» Тюштя представлен как легендарный национальный герой, борющийся за самостоятельную государственную независимость, но не сумевший довести это дело до конца. «Мордовская история» — это не столько героическое повествование, сколько изложение основной исторической тенденции упадка и ослабления процессов борьбы за единую национальную самостоятельность мокшанских и эрзянских племен.

Своеобразным продолжением «Мордовской истории» является «Мордовская земля», которая, как отметила С. А. Алешкина, «по своим жанровым признакам занимает промежуточное положение между синкретической легендой-повествованием и обрядово-плачевой формой мордовского фольклора»⁸. «Мордовская земля» в советское время была предана забвению, и одну из причин этого мы видим в том, что ее содержание и идейный смысл противоречили идее добровольного вхождения мордвы в состав Русского централизованного государства. В отличие от «Мордовской истории», в которой преобладали достоверные народно-эпические герои и события, в новом произведении авторов все жанровые компоненты связаны с функциями фольклорных плачей и причитаний и целиком подчинены их эмоционально-оценочному «заданию». Все это придало эстетической и эмоциональной структуре «Мордовской земли» характер оплакивания судьбы мордовского народа, утраты им социальной и национальной независимости, т. е. перед нами своего рода «плач-причитание», или «слово» о родной земле⁹.

В эпических и лиро-эпических песнях и преданиях мордовского фольклора Тюштя, не сумев отстоять свою землю и народ от подчинения иноземным князьям, с частью своего народа уходит «за море» или попадает в плен. В «Мордовской земле» авторы по-своему отразили оба эти мотива. Из легенд о Тюште известно, что перед тем как уйти со своим народом «за море», они задержались для совершения национального обряда. По этой причине часть его людей не смогла уйти вместе с ним. Именно этот поступок Тюшти в повествовании воспринимается как национальное бедствие: «Был очень хороший царь, царь-государь Тюштень, богобоязненный, жалеющий людей, и он нищую братию кормил, поил и сам подчивал... Почему его забыл Бог? Не знаю, за наши ли грехи, за наше ли бездолье, или у него самого много грехов. Почему только Бог задел его, русскому царю отдал его, принудил нас к тяжелой работе, принудил нас к невольной работе? Ох, Тюштень! Ох, Тюштень! Зачем ты ради живота отдал свою землю, свою волюшку? Из-за ложки каши взяли твою волюшку... неволя и нужда заставят тебя кланяться пеньку, и как скажут, так и сделаешь...»¹⁰. В таком традиционно-плачевом стиле написан весь текст «Мордовской земли».

Высказывая свое отношение к прошлому, Т. Е. Завражнов и С. А. Ларионов использовали художественный арсенал литературного эрзя-мордовского языка, его метафоричность и другие изобразительно-выразительные средства. В «Мордовской земле» налицо и символика фольклорных плачей и причитаний — горестная, оплакивающая интонация, неоднократное обращение к Тюште и Богу, утрата эпической повествовательной значительности и преобладание лирических элементов. Сама обрядово-плачевая символика приобретает несвойственную окраску, превращается в своеобразное выражение отношения авторов к родной земле и национальному чувству народа.

Таким образом, повествования «Мордовская история» и «Мордовская земля» Т. Е. Завражнова и С. А. Ларионова являлись одной из форм перехода мордовской словесности от фольклорно-художественной стадии к литературно-художественной.

Библиографические ссылки

¹ Завражнов Т. Е., Ларионов С. А. Мордовская история // Живая старина. СПб., 1909. Вып. 1 — 3. С. 166 — 174.

² Завражнов Т. Е., Ларионов С. А. Мордовская земля // Там же. С. 176 — 177.

³ Документы и материалы по истории Мордовской АССР : в 4 т. Саранск, 1939. Т. 3, ч. 1. С. 308 — 315.

⁴ Мокшэрзянь литературань антология: XVIII — XX векне / кочказе, сёрмадозень очерк-нень и комментариятнень А. В. Алешкин. Саранск, 2003. 480 с.

⁵ Алешкина С. А. Формирование дооктябрьского историко-литературного процесса и ранних форм мордовской книжной словесности // Аспект — 1990. Исследования по мордовской литературе. Саранск, 1991. С. 26. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 102).

⁶ Кавтаськин Л. С. Эпические и лиро-эпические песни мордовского народа // Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1963. Т. 1. С. 16.

⁷ Алешкина С. А. Народные летописцы // Аспект — 1991. Исследования по мордовской литературе. Современный литературный процесс, вопросы поэтики жанров. Саранск, 1993. С. 217. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 106).

⁸ Алешкина С. А. Формирование дооктябрьского историко-литературного процесса... С. 33.

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ Документы и материалы... С. 314 — 315.

Поступила 03.06.2011 г.

УДК 159.923

Д. Ф. Ильин

D. F. Ilyin

ФОРМИРОВАНИЕ АРХЕТИПИЧЕСКОГО ПОЛЯ И ЕГО РОЛЬ В ГЕНЕЗИСЕ АРХЕТИПОВ*

THE FORMATION OF ARCHETYPAL FIELD AND ITS ROLE IN THE GENESIS OF ARCHETYPES

Ключевые слова: архетип, архетипическое поле, коллективное бессознательное, аналитическая психология К. Г. Юнга, психическая идентичность, инстинкт, чувство страха, фобия.

В статье анализируется феномен архетипа и его способность представлять объективную картину окружающей действительности. Рассматривается чувство страха, которое способствовало формированию архетипического поля и моделировало те или иные архетипы.

Key words: archetype, an archetypal field, collective unconsciousness, analytical psychology of C. G. Jung, psychic identity, instinct, sensation of fear, phobia.

The phenomenon of the archetype and its ability to provide an objective picture of reality is analyzed in the article. The sensation of fear, which contributed to the formation of an archetypal field and modeled certain archetypes, is considered in it.

Категория архетипа давно и прочно вошла в научный лексикон. Однако разработка теоретического и конкретно-эмпирического уровней концепции архетипа находится на разных стадиях и ведется с разной степенью интенсивности.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03-23306 а/В.

Скептически относясь к воззрению, что архетип в силу присущих ему качеств является феноменом, способным дать объективную картину окружающей действительности и психологического мира, разделяем позицию ряда исследователей, считающих, что «полностью отказаться от этого понятия — наподобие того, как это произошло в западной культурологии — будет ошибкой»¹.

Многих исследователей в теории архетипов смутила неоднозначность трактовки понятия «архетип» на разных этапах развития идей К. Г. Юнга, а также сложность верификации архетипических представлений. Однако подобных затруднений можно избежать, согласившись с точкой зрения философа и культуролога Д. Соболева, считающего, что «архетипизации принадлежит гораздо более широкий спектр культурных элементов и явлений, нежели Юнг был готов допустить... К числу таких элементов, кроме символов, принадлежат и символические формы с варьируемым значением, обряды, ритуалы, „бродячие сюжеты“ и, вероятно, некоторые другие нарративные элементы»². Более того, «можно говорить о присутствии „архетипа“ в том случае, когда коннотативное поле того или иного понятия затрагивает глубокие и значимые слои коллективной памяти определенного сообщества»³.

Здесь следует предвосхитить возможный вопрос: если архетипы едины для всех народов, то как можно рассматривать архетипы именно мордовского этноса? Ведь в силу сложившегося стереотипа об универсальности архетипов выделение их у одного конкретного этноса — нонсенс. Признавая определенную справедливость подобной точки зрения и при этом избегая излишнего построения громоздких теоретических конструкций, отметим различие в подходе к трактовке архетипа на раннем и позднем этапах развития идей К. Г. Юнга.

подавляющим большинством исследователей архетип понимается в духе «раннего» Юнга как универсальные символы, единые и узнаваемые всеми без исключения. Однако в данном случае нам близка позиция Д. Соболева, считающего, что «„архетип“ является не символом или символической формой, но функцией. Временные рамки подобной архетипизации могут варьироваться в достаточно широком спектре. <...> Достаточно очевидно, что архетипические единицы культуры не универсальны, а сформированы и определены культурной историей данного сообщества»⁴. При этом согласимся с К. Г. Юнгом, что архетип — фигура, повторяющаяся на протяжении истории везде, где творческая фантазия свободно может проявить себя. Детально исследовав образы, которые создает фантазия, можно обнаружить, что они являются «сформулированным итогом огромного типического опыта бесчисленного ряда предков: это, так сказать, психический остаток бесчисленных переживаний одного и того же типа. Усредненно отображая миллионы индивидуальных переживаний, они дают таким путем единый образ психической жизни»⁵. Однако, несмотря на различные подходы к интерпретации происхождения архетипов для выяснения их генезиса, «глубинная психология» должна обратиться к праистории человечества.

Нам сейчас сложно представить, что чувствовал первобытный человек, но его недавний разрыв с животным состоянием позволяет говорить об относительно небольшом перечне испытываемых им эмоций и чувств. Кроме того, здесь не имеет принципиального значения кто были первыми людьми, когда и где они появились. Эмоциональная составляющая и общий фон, вызывающий эмоции, были идентичными.

Изначально от природы все люди имеют одинаковую физиологию, они способны испытывать и выражать одинаковые эмоции. Универсальный язык эмоций позволяет

понимать друг друга людям разных национальностей, возраста и пола. К моменту рождения в мозгу младенца формируются простейшие нейронные сети, которые позволяют испытывать, проявлять и узнавать базовые эмоции — страх, радость, гнев и печаль. Эти эмоции свойственны и нашим близким родственникам — человекообразным обезьянам. По мнению Ч. Дарвина, именно чувственные переживания, добавим от себя — негативные, спасли когда-то человечество от вымирания⁶. Страх помогал нашим предкам вовремя защититься от хищников, а гнев удваивал силы для борьбы с врагом. Однако, на наш взгляд, только страх непосредственно способствовал формированию архетипического поля, которое моделировало те или иные архетипы (рис. 1).

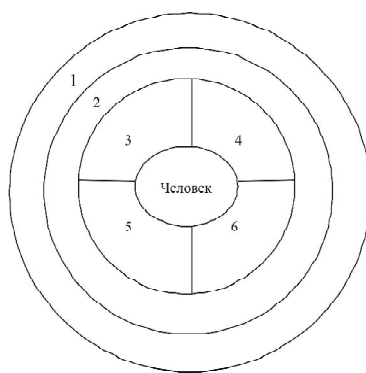

Рис. 1. 1 — страх; 2 — архетипическое поле; 3 — 6 — архетипы.

Формирование архетипов и бытование в их пределах соответствующих обрядов и традиций — это своеобразное «проговаривание» страха в соответствии с психотерапевтической установкой — «чем больше говоришь о страхе, тем меньше его боишься». Страх — одно из самых настоящих чувств, обмануться относительно которого очень сложно. Боязнь чего-то конкретного нельзя считать генетически запрограммированной, однако небольшой фоновый уровень страха есть у каждого человека с рождения. Именно поэтому дети боятся потенциально опасных для жизни вещей, например темноты. Эта особенность — дань далекому прошлому: наши предки не выжили бы в условиях дикой природы без чувства страха. Испугавшись, мы вздрагиваем от неожиданности: этот биологический механизм, который есть и у животных, приводит наши мышцы в тонус, подготавливая их к быстрой реакции. Учащенное сердцебиение наполняет мышцы кровью, что свидетельствует о готовности к битве. Зрачки расширяются, чтобы лучше разглядеть опасность. Мы еще не знаем, что нам нужно будет делать — убежать, затаиться или атаковать, но все ощущения, связанные со страхом, означают готовность организма к любому развитию ситуации. Таким образом, страх — это проявление «инстинкта самосохранения». Будучи отрицательной эмоцией, страх неприятен нам, но если он не приводит к фобии, то имеет позитивную составляющую. Мы всегда хотим быть в безопасности, что требует от нас принятия мер для изменения ситуации, т. е. страх побуждает нас действовать.

Это позволяет говорить о том, что в основе формирования архетипов лежал страх. С разной степенью интенсивности он воздействовал на человека. Отметим, что страх влиял на формирование архетипов опосредованно. В результате испытываемого страха человек попадал под влияние архетипического поля, которое в свою очередь под воздействием природно-географических условий реализовалось в универсальных или специфических архетипах.

Архетипическое поле у всех этносов идентично. В общем виде его можно представить как совокупность элементов коллективного бессознательного. Оно структурно расплывчато и представляет собой калейдоскоп инстинктов, душевных порывов и импульсов, что заставляет человека жить в тревоге. Именно из неопределенного архетипического поля человек искал выход. На границе между страхом и архетипическим полем наш далекий предок еще был животным. С помощью архетипов человек все дальше уходил от животного состояния и примитивного восприятия страха. При этом архетипическое поле, подвергаясь воздействию разнообразных факторов (в первую очередь, природно-географических особенностей региона проживания этноса), формировало специфические архетипы, которые были свойственны как одному определенному этносу, так и целому ряду этносов, со сходными условиями жизни и труда.

Следует отметить, что у К. Г. Юнга идея поля не встречается. Впервые концепцию поля к теории архетипов применила единомышленница К. Г. Юнга доктор философии М.-Л. фон Франц. По ее мнению, значение идеи поля бесспорно для исследования того, что К. Г. Юнг назвал коллективным бессознательным, с тем лишь допущением, что «единственной активированной точкой» данного поля является архетип: «коллективное бессознательное представляет собой поле психической энергии, а активизированными точками являются архетипы»⁷. Так как все архетипы влияют друг на друга бессознательно, согласно М.-Л. фон Франц, — это поле, существующее в результате соотношений между многочисленными архетипами с установленной взаимосвязью. В качестве примера она привела архетип Великой Матери (рис. 2), но, по ее мнению, «так называемое поле» можно сформировать вокруг любого архетипа⁸.

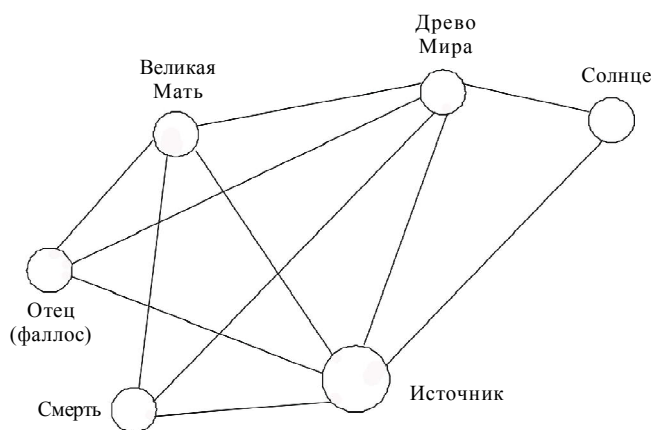

Рис. 2

Развивая свою концепцию, М.-Л. фон Франц подняла вопрос о возможности упорядочения распределения архетипов в поле и высказала гипотезу о том, что «архетип Самости и присущий ему арифметический порядок доминируют над полем; архетип более высокого порядка регулирует поле»⁹. В данном случае ее точка зрения совпадает с позицией К. Г. Юнга, считавшего, что среди различных архетипов существует один, который содержит в себе все остальные и управляет ими. Это архетип Самости. Он не статичен и самообновляется по определенному ритму. К. Г. Юнг сравнивал этот процесс с углеродно-азотным циклом Солнца: одни частицы атома отталкиваются, другие притягиваются, обновляя тем самым тот же атом.

Соглашаясь с М.-Л. фон Франц в вопросе необходимости применения к теории К. Г. Юнга идеи поля, отметим, что мы рассматриваем данную концепцию в ином ракурсе: не архетип является источником поля, а поле формирует ряд определенных архетипов, взаимодействующих друг с другом. Кроме того, мы считаем ошибочным деление архетипов на главные и второстепенные, а также неоспоримое доминирование одного из архетипов. Все они подчинены единственной цели — организовать деятельность человека так, чтобы он мог противостоять страху и вызывающим его факторам. Это скорее система пульсирующих архетипов, когда в зависимости от обстоятельств тот или иной архетип проявляет себя как определяющий. Он становится центральным в поведении человека. Остальные архетипы или даже формы их проявления (обряды, ритуалы), как и деятельность человека, становятся зависимыми от данного архетипа. Эта зависимость объясняется как изменением природно-географических условий труда и вида хозяйственной деятельности, так и естественным развитием сознания человека.

Здесь важно сделать примечание, касающееся первоначального смысла обрядов, магических действий, символов и образов. «Единый образ психической жизни» ни в коей мере не подразумевает объяснение символов, обрядов и архетипов одного народа идентичными или сходными символами, обрядами и архетипами другой расы и цивилизации. Даже в рамках культуры одного этноса архетипы претерпевают определенные трансформации. Насколько менялись условия жизни народа и его культура, настолько изменялся архетип и его роль в жизни традиционного общества.

Архетипы, сформировавшиеся на ранней стадии эволюции человека, будучи высоко адаптивными чертами, проявлялись в человеческом роде в результате естественного отбора. С одной стороны, архетипы формировались под воздействием определенных условий, с другой — способствовали приспособлению человека и человеческого коллектива к установленным обстоятельствам и облегчали их дальнейшее развитие. Архетипы предлагают фиксированную линию поведения человека, регламентируют его жизнедеятельность. Строгое следование архетипам в чем-то ущербно и предполагает определенную ограниченность, однако их активное взаимодействие позволяет регулировать все сферы жизни человека без существенных изменений. Неразумно делить архетипы на позитивные и негативные. Каждый из них был сформирован эволюционным путем, отшлифован временем, дополнял другие и органично занимал свою нишу. Элиминировав тот или иной архетип, мы не только лишаем себя возможности дать беспристрастную картину всех архетипов, но и не можем провести объективный анализ инте-

ресующего нас того или иного феномена. Между тем необходимость в таком анализе не потеряла актуальности и сегодня. Не испытывая негативного воздействия природы в той степени, в какой его испытывали наши предки, мы подвергаемся влиянию архетипов.

Устойчивость архетипов объясняется несколькими факторами. Во-первых, животные инстинкты, а вместе с ними и биологические страхи всегда будут сопровождать человека, пока у него есть потребность в удовлетворении этих инстинктов. Современника, как и нашего предка, пугают голод, холод, одиночество, смерть. Основные человеческие инстинкты неизменны, менялись только условия и интенсивность их протекания. Во-вторых, первобытные физические страхи дополнились социальными. Освободившись от прямого воздействия страхов, источник которых непосредственно угрожал физическому существованию человека, наше развитое сознание «по привычке» заполняло освободившееся место новыми. В современном обществе возросло количество стрессов, неврозов и фобий, так как страх обезличен. Часто у него нет конкретного носителя. Одни из самых неприятных связаны с общением: боязнь чужих взглядов, большого скопления людей, выступления перед зрителями и т. д. Данные страхи можно понять и объяснить необходимостью предков следовать строгой регламентации жизни в первобытном стаде и боязнью нарушить ее. Однако немало страхов, которые являются «изобретением» современности, например боязнь пищи (цибофобия), чеснока (аллиумофобия), любви (эротофобия), богатства (плутофобия), птичьих перьев (птеронофобия), лысых (пеладофобия), бородатых (погонофобия), женитьбы (гамофобия), невинных девушек (партенофобия), красивых женщин (калигинефобия), танцев (хорофобия) и даже страх перед страхами (фобиофобия). Эти страхи в чем-то даже «страшнее» несущих угрозу физическому существованию человека.

Особенность страха в традиционном классическом смысле — его предметная направленность. Мы боимся чего-то определенного, это страх перед чем-то. У животных это единственная форма страха. У человека есть и другое состояние: страх, беспокойство, ощущение дискомфорта, не связанное с какой-то определенной причиной. Отличие этого состояния заключается в отсутствии предметной отнесенности. Если страх — это ожидание чего-то определенного, то ожидание неопределенного, ситуативного порождает тревогу. В настоящее время положение усугубляется тем, что при наличии «старых» страхов появилась экзистенциальная тревога — постоянное ожидание непредвиденных событий. Страх и тревогу могут испытывать и животные, но экзистенциальная тревога присуща только человеку. Человек, охваченный тревогой, чувствует свою беспомощность. В это время ему свойственны неадекватные реакции. Поэтому в состоянии тревоги человек стремится определить объект страха, чтобы воздействовать на него. Превращение тревоги в страх помогает ему избавиться от последнего.

В этом плане неслучаен интерес к фильмам ужасов, которые являются естественной формой выражения страхов современной цивилизации. Человек «тоскует» по первобытным страхам, поскольку они — «хорошая» замена страхам реального мира. По мнению К. Г. Юнга, современный человек с его чрезмерным рационализмом, во всем полагаясь исключительно на сознание, «освободился от „предрассудков“ (так, во всяком случае, он полагает)»¹⁰, однако «сознание требует для

своего поддержания значительного усилия. Человек устает от пребывания в сознательном состоянии. Он истощается сознанием»¹¹. Как следствие он вновь хочет стать примитивным, первобытным, бессознательным. Его тянет к иррациональному, символическому, архетипическому, тому, что находится по «ту сторону» сознания, причем эта тяга также не контролируется сознанием.

Таким образом, возникает парадокс. Если раньше страх помогал человеку избежать смерти, то сейчас, став сознательным и разумным существом, он перестал бояться смерти и на первый план вышли так называемые социальные страхи — боязнь душевного дискомфорта, душевной боли, которые для многих оказались невыносимее физических страданий.

В психологии существует понятие «пограничная ситуация», когда резко обостряется самоосознание личности. Это, как правило, моменты непосредственной угрозы жизни. Наш предок находился в такой ситуации подавляющее количество времени своего существования. Смена образа жизни снизила уровень и частоту появления «пограничной ситуации», однако многовековой опыт необходимости физического выживания в экстремальных условиях остался. Смещение акцента с физических страданий в область душевных — это попытка заставить организм всегда быть готовым отреагировать на опасность. Примечательно, что он одинаково реагирует на физическую и душевную боль — слезами.

Проявление архетипов обуздать весьма непросто. Однако осмысление всей силы бессознательного, постижение условий его развития, придание ему статуса реального способно лишить его разрушительного потенциала. Многочисленные международные и локальные конфликты, опасность ядерной войны, экологическая угроза и тому подобное сопровождаются чувствами страха, неуверенности, ощущением бессмысленности существования. Это умонастроение есть последствие восприятия современной эпохи как периода упадка, разложения, кризиса цивилизации. Человек ощущает нестабильность окружающего мира, утрачивает его оптимизм и желание смотреть вперед, его охватывает «шок будущего»¹². Кроме того, экономически развитые общества не сформировали к настоящему времени «...идеологии, способные удовлетворить человеческую потребность в осмысленном существовании и ощущении общности»¹³.

Эволюция сознания человека и сейчас далека от завершения, поскольку значительные области человеческого разума погружены в темноту. Наша психика — лишь часть природы. Социальный и технический прогресс ничего не меняют ни в духовной, ни в биологической сущности человека. Современный человек уже не осознает движущую силу страха, в том числе смерти. Тем не менее развитие цивилизации обеспечивается стремлением человека в первую очередь к физическому и отчасти душевному комфорту, который возможен только при отсутствии страха.

Библиографические ссылки

¹ **Соболев Д.** Архетипы без Юнга. Из глубин психоанализа к поверхности массовой культуры // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 165.

² Там же. С. 166.

³ Там же. С. 192 — 193.

⁴ Там же.

⁵ Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству/<http://lib.rus.ec/b/146039/read#t20> (дата обращения 18.05.2011).

⁶ См.: Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. СПб., 2001. 384 с.

⁷ Франц М.-Л. фон. Прорицание и синхрония. Психология значимого случая/<http://psiland.narod.ru/psiche/ML/Sincho/3.htm> (дата обращения 07.04.2011).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Юнг К. Г. К вопросу о подсознании // Юнг К. Г. Человек и его символы. М., 1997. С. 91.

¹¹ Юнг К. Г. Тавистокские лекции // Юнг К. Г. Символическая жизнь. М., 2003. С. 15.

¹² Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. 557 с.

¹³ Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация : Перспективы социальной психологии. М., 1999. С. 326.

Поступила 09.06.2011 г.

УДК 130.2:711.4

А. М. Шаронов, М. Н. Сураева

A. M. Sharonov, M. N. Suraeva

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПОД СТРОЯЩИЙСЯ ГОРОД ИЛИ ДРУГОЙ ОБЪЕКТ

THE OFFERING UNDER THE CONSTRUCTING TOWN OR ANOTHER SUBJECT

Ключевые слова: жертвоприношение, город, церковь, мельница, г. Казань, девушка.

В статье рассматривается обряд приношения в жертву девушки под строящееся сооружение — город, церковь, мельницу, воспроизводимый в эрзянских песнях.

Key words: offering, a town, a church, a mill, the town of Kazan, a girl.

The rite of offering of a girl as a victim under the raising construction — a town, a church, a mill, which is reproduced in the Erzian songs, is considered in the article.

У многих народов мира известны песни и устные рассказы об обычае принесения человеческой жертвы под строящееся сооружение. Так, в сербской песне «Постройка Скадра» по совету мифологической нимфы (вилы) король и его братья обманным путем завлекают на строящуюся крепость молодую знатную женщину и замуровывают ее под основание крепости в склеп. Подобного рода сюжеты есть в югославском, немецком, шотландском и албанском фольклоре. В грузинском фольклоре человек кладется под основание Сурамской крепости, в китайском — под Великую китайскую стену. В Европе известен случай, когда под постройку замуровали брачную пару¹. Русскими этнографами приводятся многочисленные сведения о том, когда основание города, постройка дома, моста, плотины и другого большого сооружения освящались смертью человека, который клался под их фундамент.

О человеческом жертвоприношении есть сведения и в русских летописных источниках. Так, в летописи X в. речь идет о том, что «князь Владимир, возвратившись из счастливого похода на Ятвягов, со своей дружиной „творящее требу“ (приносил жертвы), но „старцы и бояре“ решили ознаменовать удачный поход более значительной жертвою: бросить жребий на отрока и девицу и принести их в жертву богам. Жребий пал на сына Варяга-христианина, и тот не только не выдал сына на жертву, но и поносил при этом языческих богов; масса народа бросилась на его двор, разрушила дом и убила его вместе с сыном»². У русских Нижегородского края сохранилось предание о «Коромысловой башне». Когда закладывали прибрежную каменную стену, с берега Волги шла женщина, несшая на коромысле два ведра воды. Строители схватили ее и замуровали вместе с коромыслом под основание стены. По этой причине стена и башня получили такое название. Подобное предание существует и о строительстве Новгорода³.

Типологически близкие у многих народов сюжеты о жертвоприношении являются продуктом поэтического осмысления древнейших суеверных представлений о необходимости принесения жертвы сверхъестественным существам при строительстве тех или иных объектов. Жертвой часто был первый человек, появившийся в строящемся здании. Жертва в данном случае воспринималась как компенсация божеству земли за используемый людьми земельный участок в хозяйственных или других общественных целях.

По представлениям эрзян, жертва являлась залогом прочности и долговечности сооружения, что обеспечивалось покровительством богини эрзянской земли Масто-равы, богини дома и двора Юртавы, богини дома Кудава и других божеств. В эрзянских песнях и других фольклорных произведениях жертву выбирает либо само божество, указывая на конкретного человека, либо старейшины села или города, бросая жребий.

Самый большой цикл песен о человеческом жертвоприношении в эрзянском фольклоре связан с г. Казань (Яик). Для этого были определенные предпосылки. По археологическим и другим историческим данным, в тех районах, где стоит Казань, еще до нашей эры жили финно-угорские племена, в том числе эрзяне, соседствуя с половцами, болгарами, татарами, на языке которых **казан** означает «котел», «яма». Название местности было перенесено на построенный город, воспринятый эрзянской песней. Венгерский ученый Л. Вардьяш, анализируя балладные песни о жертвоприношении человека при строительстве города в немецком, румынском, болгарском, греческом, турецком, албанском, сербском и в фольклоре других народов, пришел к выводу, что многие из них, особенно грузинские, напоминают эрзянскую песню о строительстве Казани⁴.

Позднее на основе сложившейся поэтической традиции возникли песни о строительстве церквей, мельниц, прудов, городищ⁵. Указание в песенном событии конкретного времени и места (населенный пункт) создает иллюзию достоверности описываемого, что усиливает психологическое и эмоциональное восприятие трагического события. Данный эффект не ослабляет даже присутствие в повествовании мифологического божества, его обращение к старейшинам с требованием человеческой жертвы, хотя эти мотивы накладывают на песню отпечаток сказочности. Поэтому данные сюжеты представлены как мифолого-фантастические.

Отношение к человеческой жертве в разных песнях неоднозначное. В основном жертва воспринимается как норма. Так происходит, например, в песне, записанной в с. Кажай Максимово Белебейского уезда Уфимской губернии. На перекрестке семи дорог, у семи родников строят г. Казань:

Вай, строить, строить — калады,
Вай, вачкить, вачкить — лондады.
Сон [Казанесь] ломань пиря, вай, вешы.
Сынь велень промкске пурнакшность,
Велень советпе сэрнякшность.
— Давайте, братцы, арсетяно,
Мезе путтано чочко алов?
Минь пуговлинек розь колоз,
Вай, Норов авась кежи,
Норовось кадсы чачоманзо.
Дайте путтанно пинень пря —
Вай, пингесь ули нурькине.
Минь пуговлинек цёрань пря —
Вай, цёрань ламо нужазо...
Велес кадови душозо...
Паксяс кадови модазо,
Лугас лияды паезэ. <...>
Дайте путтано тейтерь эйде...

(Ой, строят, строят — рушится,
Ой, кладут, кладут — разваливается.
Она [Казань] человека требует в жертву.
Они сельское собрание собирали,
Мирскую сходку созывали.
— Давайте, братцы, подумаем,
Что положим под венцы?
Мы положили бы ржаной колос,
Ой, покровительница урожая рассердится,
Хлеб не будет родиться.
Давайте положим собачью голову —
Ой, век будет коротким.
Мы положили бы мужскую голову —
Ой, у мужчины много забот...
В селе останется его душевой надел...
В поле останется его земля,
На лугах останется его пай. <...>
Давайте положим девушку...)⁶.

Жребий падает на дочь старика Ивана. Девушка, узнав о своей участи, смиряется. Помывшись в бане, она просит у родителей благословения:

— Вай, баславамак, тетякай,
 Вай, баславамак, авакай...
 Сестэ тейтеренть саекшнызь,
 Сестэ ладякшнызь чувто алов,
 Сестэ Казанесь строявкшнось...

(— Уж, благослови меня, батюшка,
 Уж, благослови меня, матушка...
 Теперь девушку забрали,
 Положили под венцы,
 Тогда Казань построилась...) [Евсевьев, 1961, с. 110, 112].

В некоторых песнях строители выступают в роли жрецов, умеющих разговаривать со стихиями природы, с землей, а также в роли исполнителей обряда жертвоприношения: разрубаят на четыре части жертвенные вещи и животных, раскладывают под четырьмя углами сооружения; по их указанию замуровывается в склеп сельским сходом избранная девушка. Узнав от богини земли, что под город необходимо замуровать единственную дочь отца и матери, младшую сестру семи братьев, строители Ивака и Вельмака пытаются сначала заменить девушку вещами, например мотком нити, шелковой кистью; животными — лошастью, свиньей, коровой, петухом, рыбой, собакой, змеей и т. д. Кладя в качестве жертвы животных под основание города, они хотят не только сохранить жизнь девушке, но и перенести магическим способом на сооружение характеры животных: «чтобы городище было спокойно, как корова и свинья, опасно для врага, как собака и змея». Нельзя было приносить в жертву хлебные злаки, чтобы не вызвать гнев богини урожая и хлеба Норовавы⁷.

В большинстве песен наряду с воспроизведением процесса строительства города описывается психологическое состояние героини, ее отношение к своей участи, отношение к ней родителей. Так, в ряде песен отец успокаивает дочь, говоря, чтобы она не боялась смерти, так как ее похоронят живой, не станут рубить на части. Накануне трагедии жертва видит сны: она оказывается на большой горе, где звонят в колокола, под горой течет вода. Ей разъясняют их значение: гора — к большому горю, колокола — к большой славе, текущая вода — к обильным слезам⁸. Тем не менее девушка ни о чем не догадывается, в то время как в сельском доме старейшины решают ее судьбу. Подруги сообщают о согласии отца отдать ее под город, она сначала приходит в смятение. Однако потом смиряется с выпавшей на ее долю судьбой и покорно отдает себя в руки своих губителей.

Эрзянская песня о строительстве Казани, как правило, заканчивается драматическим диалогом умирающей в склепе девушки и ее матери, принесшей к склепу поминальную еду. На вопрос матери, жива ли она, дочь в первые два дня отвечает, а на третий день молчит.

Иногда будущая жертва предчувствует свою трагическую судьбу. Так, у девушки Раваши нестерпимо болит сердце, о чем она говорит матери. Мать уходит к родственникам, дочь оставляет караулить дом. Приезжают братья Ибрай и Обрай, обманом выманивают ее из дома и везут под мельницу старика Ибрая, которая семь

лет не мелет. Вымыв Равашу в бане, они бросают ее в мельничный пруд. Мельница начинает работать [Евсевьев, 1961, с. 123 — 124].

В некоторых песнях имя жертвы называет божество. В основном это дочь богатого, влиятельного эрзянина. Попытки изменить ее судьбу безрезультатны: воля божества непреклонна. Если отец девушки, не желая отдать дочь под город, требует бросить жребий, то он неизменно падает на него: «Сынь кода кайсесть жеребейсэ, сатоць жеребей Федор атяне...» [Mordwinische Volksdichtung, S. 45] («Как они ни кидали жребий, он всегда доставался старику Федору...»).

Расставание родителей с дочерью проходит в траурно-торжественной обстановке, но, отдавая дочь на мучительную смерть, они не называют ее несчастной. Родители и сама жертва видят в этом проявление неизбежности, а в самой жертвенной гибели — героическое выполнение почетного долга. Девушка успокаивает горюющих родителей, убеждая их, что это должно было случиться, так как Нишкепаз определил ее судьбу: «Монь чачомстон-касомстон, монь чи валц, ков валц нолдамстон те таркантень Нишкесь ладимим»⁹ («Когда я родилась и росла, при моем появлении на свет Нишке предназначил меня на это место»). В песне о строительстве мельницы девушку берут для замурования насильно. Отец, узнав об этом, хочет освободить дочь, выкупив ее. Однако она отказывается и добровольно идет на смерть. Пройдя обряд омовения в бане, она уже не считает себя жительницей земного мира и говорит отцу: «Не выручай меня, родимый батюшка, не выручай меня, кормилец. В горячей бане я попарена, горячим вином напоена, под мельницу обещана»¹⁰.

Обрядовое мытье в бане воспринимается как рубеж, делящий мир на земной (жизнь) и неземной (смерть). Торжественные проводы девушки в последний путь напоминают проводы невесты из родительского дома в дом жениха. Девушка идет на смерть, одевшись во все лучшее, во все то, что готовила к свадьбе: чулки, красивый платок, серебряный перстень. После этого она венчается с Казанью: «Мейле Казанев туекшнесь, мейле ошонтень венчакшнось» [Mordwinische Volksdichtung, S. 48] («После к Казани пошла, после с городом повенчалась»). Венчание с Казанью означает выход жертвы замуж за божество города. Прощаясь с родственниками, девушка произносит пожелание-заклинание, полное любви к своему народу: «Монь валяmodo мееле, монь калмамодо мееле, сисем иеть каявкст иляст ульть, сисем иеть подушнойть иляст ульть» [Евсевьев, 1928, с. 19] («После моих похорон, после предания земле пусть семь лет не будет податей, пусть семь лет не будет подушных»). Свои вещи она просит раздать родственникам и подругам.

В поздних вариантах песен гибель под основанием города уже не рассматривается как проявление героизма или выполнение Божьего веления. Она осознается как результат бессмысленного следования дикому обряду. Так, в песне записанной в с. Новая Пырма Саранского уезда Пензенской губернии, Марюша, обещанная в жертву божеству города, осуждает и проклинает своих родителей: «Тиринь тетьянь ланга чисэ сукст туест, тиринь авань ланга чисэ унжат туест» [Там же, с. 18] («Пусть по отцу родному при жизни черви пойдут, пусть по родной матери при жизни жуки поползут»). В песне, записанной в с. Старая Бесовка Ставропольского уезда Самарской губернии, старики строят церковь. В жертву приносят украинскую на другом берегу Волги девушку Снальтё, которая проклинает своих похитителей:

— Бути монь туимизь ойдем ёмавтоманзо кис,
Сестэ монь векемгак эринк.
Можот, монь эйкакшон улевельть —
Эйкакшонь векентькак эринк.

(— Если привезли мою душу сгубить,
Того и вам пожелаю.
Если у меня были бы дети —
И их участь переживите) [Евсевьев, 1961, с. 117, 119].

Если в ранних песнях под основание крепости выбирается дочь одного из зажиточных людей, то в поздних — насильно принуждается или похищается бедная или безродная девушка, которая не намерена умирать под основанием сооружения. В данных песнях старые обряды, суеверные представления ставятся на службу богатым и влиятельным людям, которые ищут для жертвоприношения таких девушек, за которых некому, кроме подруг, заступиться на мирском сходе. Так, девушка с подругами идет выгонять скот, но происходит непредвиденное: она нагибается завязать обору и отстает от своих подруг, тут же ее хватают, сажают в кибитку смерти и похищают. Стремясь любыми средствами исполнить обряд, старейшины калечат девушку: «Свежа веднесэ Найконь валнокшнызь, ловажинензэ Найконь синтрекшнызь» [Mordwinische Volksdichtung, S. 46 — 47] («Свежей водой Найко облили, кости Найко поломали»).

Принесение в жертву именно девушки, а не молодой женщины, диктуется традицией, видением в ней чистоты и непорочности, которые должны передаться городу или другому объекту. Принесение в жертву девушек А. И. Маскаев объяснял тем, что молодых людей женили уже в 9 — 12 лет, тогда как время девичества продолжалось до 23 — 30 лет¹¹.

Отголоски человеческих жертвоприношений у эрзян в виде имитации сохранились в молении «Бабань каша», проводившемся на Троицу. Женщине связывали руки, ноги, клали как жертву и имитировали перерезание горла обратной стороной ножа. Затем с нее снимали юбку и расстилали тут же, копируя шкуру животного¹².

Сюжет о принесении человеческой жертвы под город, мельницу, церковь соединяет древние мифологические представления человека о характере его отношений с божествами, властителями тех или иных природных стихий с современными взглядами человека на важные общественные явления, касающиеся судеб всего коллектива. Целям поэтизации их положительной или отрицательной роли служит и символическая человеческая жертва в песнях и преданиях, облеченная в форму конкретного жизненного факта. Таким образом, осуществляется театрализация и эстетизация жизни, подчеркивается ее непреходящий высокий смысл, очеловечивается объект строительства. Поэтому и центральным персонажем песни становится девушка, символизирующая молодость и красоту — ценности, не имеющие эквивалента.

Активное бытование сюжета о человеческом жертвоприношении вплоть до XIX — XX вв. указывает на наличие архаического компонента в мировоззрении эрзян, так же как и в мирозерцании других народов, свидетельствуя об активном взаимодействии прошлого с настоящим. Прошлое через мифологию и фольклор вторгается в современность и на своем опыте учит ее мудрому отношению к жизни.

В мордовской литературе сюжет о человеческом жертвоприношении в трансформированном виде использован в эпосе «Масторава» — в песне о строительстве г. Казани («Воздвижение города»). Собирает Тюштя старейшин и объявляет о том, что на эрзянской земле нет города на Раве. Он приказывает собрать лучших плотников, и вместе с ними отправляется на Рав, на то место, где выходят семь родников из земли. Строительство идет по всем правилам, но город не строится. Тогда старейшины решают положить под город невинную девушку. Тюштя протестует против человеческой жертвы, но старики поясняют:

Город говорил по-человечьи;
Человечью голову он просит,
Девушку невинную желает¹³.

Начинают искать девушку. Выбор падает на Куляшу. Отец вместо единственной дочери предлагает любого из семи сыновей или любую из семи снох. Тогда старика поят пьяным пуре. Лишившись разума и памяти, он обещает свою дочь под город. Подруги со слезами на глазах сообщают об этом Куляше:

Батюшка родимый твой, Куляша,
Обещал отдать тебя под город;
Твой кормилец, твой отец, Куляша,
Голову твою отдал под крепость [Масторава, с. 282].

Девушка не верит подругам, но когда за ней приходят старейшины, она смиряется со своей участью и начинает готовиться к обряду. Ее моют и собирают подруги. После этого Куляша говорит им:

На себе, любимые подружки,
Буду я держать тяжелый город;
На своем, голубушки, я теле
Буду поднимать вверх эту крепость.
Как меня, подруженьки, не станет,
Песню про мою судьбу сложите [Там же, с. 284].

Затем Куляша жалуется отцу и матери, зачем ее родили, ведь ей живой придется сойти в могилу, чтобы держать на себе город. Девушка просит матушку, когда она сойдет в могилу, три дня по утрам приходите к ней и вспоминать ее светлое имя. Опускают Куляшу в могилу, заваливают по горло землей и спрашивают, каким будет город. Она отвечает:

Будет красотой моей красив он.
Высотой пускай в мой рост он будет.
Пусть моим умом он умным будет.
Злобу мою — и ее возьмет пусть.
Красным пламенем пускай он вспыхнет,

Черным дымом он пускай исчезнет.
Пусть в огне исчезнет Казань-город,
Пусть испепелит его Пурьгине! [Там же, с. 288].

На третий день Куляша не откликается на зов матери. Тогда мать проклинает город:

Пусть развалится и сгинет город!
Пусть провалится под землю крепость!
Как Куляша умерла, погибла,
Так Казань пускай навеки сгинет!.. [Там же, с. 289].

Так на Раве был построен город.

Итак, песни о строительстве города и принесении под него человеческой жертвы были популярны вплоть до середины XX в. Причина тому — их высокие художественно-эстетические достоинства, наполненность величавой трагической красотой, преклонение перед героизмом девушки, безропотно подчинившейся жестокой судьбе. Песни воспевают не мужество жертвы, которое почти невозможно перед лицом смерти, а ее покорность, подчинение силе традиции. При этом она восстает против человеческого жертвоприношения, признавая, однако, что без жертвы город не будет построен.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М. ; Л., 1937. С. 10. 8 — 9, 13.
- ² Цит. по: Грушевский М. Киевская Русь. СПб., 1911. Т. 1. С. 403.
- ³ См.: Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 11 — 12.
- ⁴ См.: Vargyas L. Herkunft der ungarischen Ballade von der eingemauerten Frau. Akta ethnographica. № 1 — 2. Budapest, 1960. Bd. 1. S. 11 — 88.
- ⁵ См.: Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. С. 88.
- ⁶ Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1961. Т. 1. С. 108, 110 — 111. Далее ссылки в тексте: [Евсевьев, 1961, с.].
- ⁷ См.: Маскаев А. И. Указ. соч. С. 95.
- ⁸ Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von H. Paasonen ; hrsg. und übers. von P. Ravila. Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1. S. 45. Далее ссылки в тексте: [Mordwinische Volksdichtung, S.].
- ⁹ Евсевьев М. Е. Эрзянь морот. М., 1928. С. 23. Далее ссылки в тексте: [Евсевьев, 1928, с.].
- ¹⁰ Цит. по: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910. С. 858.
- ¹¹ См.: Маскаев А. И. Указ. соч. С. 107.
- ¹² См.: Harva U. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. S. 302.
- ¹³ Масторава / на основе эрзян. и мокшан. мифов, эпич. песен и сказаний написал А. М. Ша-ронов. Саранск, 2003. С. 280. Далее ссылки в тексте: [Масторава, с.].

Поступила 06.06.2011 г.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2:37.034(470.345)

Д. С. Щукин
D. S. Schukin

ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ В 1918 — 1927 гг.

IDEOLOGY AND PRACTICE OF CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES IN MORDOVIA IN 1918 — 1927

Ключевые слова: идеология, политическая пропаганда, культурно-просветительская работа, культурно-просветительский кружок, библиотека, изба-читальня, клуб, народный дом, периодическая печать, радиофикация, кинофикация, драматический кружок.

В статье анализируются практические шаги советских органов власти в 1918 — 1927 гг. в построении сети культурно-массовых учреждений на территории уездов, вошедших позднее в состав мордовской автономии. Большое внимание уделяется вопросу смыкания пролетарской идеологии и практической деятельности в области народного просвещения.

Key words: ideology, political propaganda, cultural and educational activities, cultural and educational club, a library, a reading-house, a club, the People's House, periodicals, radiofication, cinemafication, theatrical circle.

The activities of the Soviet authorities in 1918 — 1927 in order to form the system of public cultural institutions on the territory of the uyezds, which later became a part of the Mordovian autonomy, is analyzed in the article. Much attention is paid to the problem of closing of the proletarian ideology and practical work in the field of education.

Преобразовательная деятельность в области культуры в первое десятилетие советской власти требовала создания надежной идеологической основы. Культурно-просветительная сфера рассматривалась как часть общего плана строительства социализма в стране, поскольку стало очевидным, что без подъема культуры и уровня образованности трудящихся невозможно достичь решающего роста производительности труда и развития общественного производства.

В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость органически связывать культурно-политическое просвещение трудящихся с задачами хозяйственного строительства. В центр культурно-политической работы была поставлена задача коммунистического воспитания трудящихся масс, повышения их культурно-политического

уровня, вовлечения трудящихся в сознательное, активное творчество по созданию нового, социалистического общества¹.

Основополагающим идеологическим принципом партийной линии в культурно-просветительской работе стало построение культуры «социалистической по содержанию, национальной по форме». Национальная форма, в особенности ее главный элемент — язык, согласно новой идеологии, должна была служить важным средством приобщения широких масс трудящихся различных национальностей к знаниям, средством выявления и вовлечения творческих сил всех народов в дело осуществления культурной революции, культурного строительства².

Государственное руководство культурно-просветительской работой Советской республики было сосредоточено в Народном комиссариате просвещения. Большая работа по школьному строительству, политическому просвещению и организации печати в национальных районах была проведена Народным комиссариатом по делам национальностей. Политическая агитация и пропаганда, которой отводилась главная роль, особенно на селе и в национальных районах, осуществлялась всеми доступными методами и в разных формах.

Среди основных задач воспитания нового поколения, наряду со всемерным развитием системы обязательного общего образования, выделялись следующие: «привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения (развитие „советов народного образования“, мобилизация грамотных), всесторонняя государственная помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян (создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов, лекций, кинематографов, студий и т. п.)»³. Отмечалась также необходимость «сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства»⁴.

В годы Гражданской войны внешкольная работа стала называться политико-просветительской. Так, в ноябре 1920 г. был создан Главный политико-просветительский комитет республики — Главполитпросвет. В принятой X съездом РКП(б) (март 1921 г.) резолюции «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии» он был назван «прямым аппаратом партии в системе государственных органов»⁵. Одной из существенных задач деятельности Главполитпросвета провозглашалось «руководство и содействие в деле антирелигиозной агитации и пропаганды среди широких масс трудящихся»⁶.

В первое десятилетие советской власти в результате глубоких экономических, политических и социальных преобразований в культурной жизни мордовского края произошли значительные изменения. Они были связаны с обновлением и пополнением материально-технической базы культурно-просветительных учреждений, формированием и подготовкой национальных кадров культуры, что в конечном счете повлияло как на расширение кругозора, так и на повышение культурного уровня населения края. На данном этапе были заложены идейные и организационные основы культурно-просветительской работы, найдены оптимальные типы выполняющих ее учреждений, наиболее эффективные методы и формы их деятельности⁷.

В условиях Гражданской войны и экономической разрухи первоочередной задачей являлась борьба с ликвидацией неграмотности, решение которой было связано не только с повышением культурного уровня советских граждан, но и с проблемой политического просвещения. Отсутствие общеобразовательной подготовки не спо-

собствовало ни овладению современной техникой, ни достижению высокой производительности труда. Эта задача имела узконаправленное действие, поскольку само понятие «культурно-просветительская работа» предусматривало, безусловно, развитие не только сферы образования, но и более широкой сети учреждений массовой культуры.

Во исполнение декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 3 февраля 1918 г. на съезде учителей Темниковского уезда Тамбовской губернии, состоявшемся 19 — 21 сентября того же года, была принята следующая резолюция: «Обучение в школах должно быть светским. Призвать учительство проводить декрет... с начала учебного года и разъяснить населению вред церковной идеологии. Сделать распоряжение, чтобы иконы были сняты и обряды религиозного культа в школе не исполнялись. Местный учительский союз... признать ликвидированным; образовать новый уездный учительский союз — союз учителей-интернационалистов. Призвать все учительство к дружному объединению для проведения в жизнь идей единой трудовой школы»⁸. Здесь же постановили «признать неотложным устройство библиотек, народных домов, чтение лекций, приобретение подвижных кинематографов, организацию школ для неграмотных, малограмотных и повышенного типа, а также создание народных университетов». С этой целью надлежало «приступить к составлению общего плана, выработке сети перечисленных учреждений и составлению смет»⁹.

Большую роль в организационном плане играли внешкольные подотделы уездных отделов народного образования. Культурно-просветительные кружки были зародышем всех видов учреждений внешкольного образования. В первые годы советской власти стали открываться библиотеки, избы-читальни, рабочие и красноармейские клубы, народные дома, дома культуры. Последние на селе являлись новыми формами культпросветучреждений. По решению VIII съезда РКП(б) местному населению оказывалось содействие «в деле организации... богатой сети народных домов, для чего в первую голову должны быть использованы советские имения. Народные дома должны быть крестьянскими клубами для отдыха, разумного развлечения и широкого просвещения...»¹⁰. Уже к 1919 г. на территории уездов с высоким процентом мордовского населения их количество было значительным. Например, в докладе внешкольного подотдела Спасского уездного отдела народного образования, опубликованном в газете «Красный пахарь» от 7 сентября 1919 г., сообщалось, что в уезде «открыты и действуют 33 культурно-просветительных общества, 34 народных дома, 23 библиотеки». Деятельность культурно-просветительных обществ в народных домах заключалась в устройстве спектаклей, чтений и бесед, а библиотеки служили «подспорьем в развитии и пополнении знаний»¹¹.

В Саранском уездном отделе народного образования существовала инструкция по содержанию деятельности культурно-просветительных кружков и народных домов. В частности, в рамках Дня советской пропаганды, проводившегося 17 августа 1919 г., культурно-просветительные кружки ставили спектакли, в основном отражающие новое революционное творчество с кратким вступительным словом, освещающим значение этого дня; организовывали «хоровое пение (народных песен, песен и гимнов нового времени — „Марсельезы“, „Дубинушки“ и др.)... танцы, игры в лицах с пением»; устраивали «декламации рассказов из жизни крестьян»; собирали «открытых членов» по выяснению роли и значения деятельности кружка, а также

пропагандировали идеи курсов для взрослых с указанием «на зло безграмотности, темноту и невежество, скрывающиеся за нею»¹².

Проведение Дня советской пропаганды в первые несколько лет советской власти, безусловно, являлось знаковым событием в культурной жизни государства и отдельных регионов. Это подтверждалось донесениями заинтересованных лиц о подготовке и проведении мероприятия в ряде волостей. Так, в сентябре 1919 г. П. Д. Данилов и Л. С. Данилова, проводившие агитацию в Скрябинской волости Саранского уезда, докладывали в Саранский уком РКП(б), что «речи ораторов... о современном положении Советской власти, о Красной Армии и особенно о народном образовании слушались крестьянами с большим вниманием»¹³. Агитаторы совершили объезд окружающих сел Скрябинской волости Саранского уезда (Скрябино, Гарт, Уда), где вели среди крестьян пропаганду того, что «от них самих зависит устройство своего благополучия, с чем они вполне согласились»¹⁴. Мнение В. Гринина, посетившего в сентябре 1919 г. Протасовскую волость Саранского уезда, заключалось в том, что «только путем усиленной агитации среди крестьян о Советской власти... путем постановки спектаклей», наряду с выдачей необходимых продуктов, возможно строительство в деревне советского строя¹⁵.

В начале 1918 г. одним из первых на территории будущей Мордовии был организован культурно-просветительный кружок в с. Лобаски Ардатовского уезда Симбирской губернии. Своей основной задачей он ставил «содействие духовному и всестороннему развитию граждан... волости посредством совместной организации просветительных мероприятий и устройства разумных развлечений...»¹⁶. Кружок устраивал народные чтения, лекции, литературные вечера, спектакли, концерты и заботился об организации библиотеки.

В уставе теньгушевского культурно-просветительного кружка «Пробуждение» от 28 января 1919 г. была обозначена следующая цель: «содействовать проведению в жизнь начал внешкольного образования, заботиться о поднятии культурного уровня среди населения». Средства кружка, кроме членских взносов, складывались из пожертвований, доходов от устройства вечеров, спектаклей, игр и единовременных взносов по подписке. Управление делами кружка возлагалось на общее собрание, правление, состоявшее из председателя, товарища председателя, члена кружка, казначея и секретаря и на ревизионную комиссию из 3 человек, выбираемых на один год общим собранием. Таким образом, четко прописывались приоритеты работы и методы ее ведения¹⁷.

Культурно-просветительный кружок был открыт в с. Мокшалай Саранского уезда Пензенской губернии. Открытие сопровождалось митингом, пением революционных песен. В здании школы агитаторы от коммунистов разъясняли присутствующим преимущества власти Советов и организации коммун перед частновладельческой системой обработки земли. Культурную часть программы составляли спектакли и чтение стихотворений и басен в исполнении школьников¹⁸. В феврале 1919 г. кружок был преобразован в клуб. Это наглядный пример работы подобных учреждений.

Вместе с тем власть работала и над проблемой улучшения деятельности культурно-просветительных кружков, а также над повышением уровня их доступности для широких масс. Способы донесения информации до населения со временем видоизменялись. Характерным примером этого являлись решения собрания чле-

нов культурно-просветительного кружка Трофимовщинской волости Саранского уезда от 24 ноября 1919 г., посвященного обсуждению его работы и планов на будущее. Председатель кружка В. Н. Корбе отмечал, что первый год работы в основном был посвящен постановке спектаклей, а с принятием нового устава задачи кружка расширились. Одной из важных декларировалась цель просвещения граждан путем введения систематических курсов по тем предметам, которые не входили в программу вечерних курсов 1-й ступени. К ним относили огородничество, садоводство, политическую экономию и историю Русского государства. Кроме того, было определено, что в с. Трофимовщина и дер. Уришке, входивших в состав волости, необходимо было два раза в неделю вести собеседования, «чтобы осведомлять население о текущих событиях и всех новостях... общественной и государственной жизни», а также знакомить население с политической и бытовой жизнью соседних народов, т. е. давать элементарные страноведческие познания¹⁹.

В 1919 г. были открыты клубы, дома культуры на станции Ковылкино, в с. Парапино, Паньжа, Воскресенская Лашма, Троицк и Кочелаево Ковылкинской волости Беднодемьяновского уезда. В Саранске 15 декабря 1918 г. был открыт краеведческий музей, в 1919 г. — Дом работников промышленности с клубом для культурно-массовой работы, который расположился в здании бывшего правления потребкооперации на Базарной площади. Здесь проводились диспуты, вечера художественной самодеятельности, встречи с учеными и писателями²⁰.

Новой формой пропаганды культуры, наряду с клубной работой, стало открытие народных подвижных университетов. Они были организованы в 1918 — 1919 гг. по инициативе Ардатовского, Саранского и других уездных комитетов РКП(б). При Ардатовском подвижном университете, например, была создана лекторская группа из 24 человек. Лекторы разъясняли трудящимся политику партии большевиков и советского правительства, распространяли среди сельского населения политические и научные знания, вели агротехническую пропаганду. В уставе университета были определены цели его деятельности: «предоставить местному населению возможность получать повышенные систематические знания по тем общеобразовательным предметам, а равно и искусствам, которые выдвигаются самой современной жизнью на первый план государственного и общественного внимания»²¹. Сельские подвижные университеты в с. Апраксино, Голицыно, Тетюши, Пичеуры, Маколово, Киржеманы, Козловка, Силино, Вечкусы, Медаево, Тазино и других имели по 11 отделений. При них были организованы библиотеки-читальни, укомплектованные необходимыми книгами, газетами и журналами. Ассигнования на содержание университета и его отделений составляли более 200 тыс. руб. Сотрудники народных университетов проводили беседы среди населения по вопросам истории, сельского хозяйства, кооперации, о международном и внутреннем положении Советского государства. Эти университеты являлись, по существу, первыми серьезными показателями культурно-просветительской работы на селе в годы Гражданской войны, поскольку были более высокой ступенью просветительных учреждений по сравнению с пунктами или обществами ликвидации неграмотности²².

После образования Главполитпросвета основными руководящими органами в сфере просвещения стали волостные и уездные политпросветы. В отчете Ардатовского уполитпросвета за I полугодие 1922 г. были отмечены его основные мероприятия: проведение недель сбора материальных средств на нужды некоторых сфер

социальной и культурной деятельности, а также отдельных групп населения (Неделя школы, Неделя помощи семьям красноармейцев, Неделя голодающему ребенку, Неделя Красного Креста); выдача брошюр сельскохозяйственного и политического содержания крестьянам и демобилизованным красноармейцам в количестве 168 и 150 экз.; работа с уездными библиотеками, которая включала в себя организацию библиотечных советов, снабжение библиотек периодической и непериодической литературой через экспедицию почтамта, электрификацию здания центральной библиотеки, сбора невозвращенной литературы, взятой из центральной библиотеки в 1919 — 1921 гг.; открытие 8 библиотек-передвижек. Кроме того, проводилась ликвидация политической (236 чел.) и школьной (405 чел.) неграмотности в уездном масштабе²³.

В первые годы советской власти заметно активизировалась библиотечная деятельность. С повышением уровня грамотности населения значение библиотечных учреждений существенно возросло. С 1918 г. появились сотни новых библиотек в Саранском, Рузаевском, Краснослободском уездах. Однако не все библиотеки были действующими: в некоторых уездах они не функционировали из-за отсутствия финансирования, аварийного состояния помещений, недоукомплектованности кадров. Процент таких библиотек составлял от 10 до 50²⁴.

Например, в 1919 г. на заседании местного культурно-просветительного кружка был поднят вопрос об организации в с. Трофимовщина районной библиотеки, с тем чтобы население окрестных населенных пунктов численностью около 6 тыс. чел. имело возможность «пользоваться источниками просвещения». Проблема была решена внешкольным подотделом уездного отдела народного образования²⁵. В этом же году согласно докладу коллегии Спасского уездного отдела народного образования в уезде функционировало 6 районных библиотек в с. Анаево, Торбеево, Зарубкино, Малышево, Кириллово и Ширингуши (в качестве филиального отделения Кирилловской) и одна центральная районная в г. Спасске, имевшая приблизительно 10 тыс. томов на русском и иностранных языках. Районные библиотеки насчитывали около 800 томов каждая и периодически пополняли книгохранилища литературой из центральной районной библиотеки, а также новой. В центральной районной библиотеке функционировало специальное школьно-педагогическое отделение. Штат ответственных работников в центральной библиотеке включал в себя заведующего библиотекой с окладом 2 040 руб., двух библиотекарей с окладом 1 380 руб. и двух помощников с окладом по 1 164 руб. В библиотеках уезда имелся единственный библиотекарь с окладом 1 164 руб. Библиотека работала ежедневно, кроме праздничных дней. Рабочий день сотрудников библиотек продолжался 6 ч, в воскресенье — 4 ч, с одним свободным днем в неделю и правом на отпуск. С целью привлечения к работе в библиотеках «лучших сил из числа работников просвещения» Тамбовский губернский внешкольный отдел предлагал повысить оплату их труда с 1 сентября 1919 г.: до 1 860 руб. — библиотекарям г. Спасска, до 1 740 руб. — помощникам библиотекаря г. Спасска и библиотекарям уезда²⁶.

Материальная база библиотек в целом укреплялась медленно. Нередко они работали в плохо приспособленных помещениях (реквизированные дома). Библиотечный фонд пополнялся недостаточно. Основную часть составляли книжные коллекции, национализированные у помещиков и кулаков. Большая часть имевшейся литературы была преимущественно политического характера, она поступала в мор-

довские уезды из Пензенского губполитпросвета, частично из г. Москвы²⁷. Деньги выделялись местными органами власти, а также поступали в виде благотворительных сборов с крестьян. На трудящихся налагались определенные обязательства по сбору средств на поддержание деятельности библиотек как важных просветительных учреждений. Эти решения принимались на сходах и митингах, а потом воплощались в жизнь силами самих жителей села или деревни. Так, в Трофимовщинской волости Саранского уезда после известия о продаже литературы из библиотеки г. Саранска собрание культурно-просветительного кружка постановило «купить для целей кружка несколько экземпляров книг в указанной библиотеке, для чего ассигновать из членских взносов кружка 15 000 рублей»²⁸.

Если говорить о темпах развития библиотечной сети в мордовском крае, то в годы Гражданской войны фактически делались только первые шаги. Основная масса библиотек была открыта уже в нэповское время. Ардатовский уполитпросвет в 1922 г. отмечал, что количество читателей в уезде «на каждый месяц составляет не менее 10 000 человек, при ежемесячном движении литературы — не ниже 8 000 книг»²⁹. Новшеством стала организация передвижных библиотек, которые начали широко использоваться в политико-просветительской работе в деревне. Преимуществом их была доступность порой для самых отдаленных местностей, хотя комплектация оставалась желать лучшего. К середине 1924 г. в Саранском уезде действовало 7 стационарных библиотек и 53 передвижные, во второй половине 1924 г. — 65 передвижных³⁰. В Инсарском уезде в 1922 г. было 32 библиотеки, в Краснослободском уезде в 1927 г. — 6. Всего к 1927 г., т. е. за 10 лет советской власти, количество библиотек в мордовском крае увеличилось в 42 раза³¹.

Уникальной формой культурно-просветительных учреждений в советский период являлись избы-читальни. Они были наиболее массовыми и универсальными учреждениями в сельской местности, поскольку сочетали в себе образовательные и организационно-просветительские функции, а также играли роль библиотек. Здесь крестьяне знакомились с декретами и постановлениями советской власти, для них организовывалось чтение вслух газет, журналов и книг, проводились лекции, доклады, беседы на политические и научные темы, давались справки по различным вопросам. В избах-читальнях действовали школы ликвидации неграмотности, кружки, устраивались концерты, выставки, спектакли, киносеансы. Избы-читальни являлись центрами сельскохозяйственной пропаганды.

Работа изб-читален развертывалась под руководством и бдительным надзором местных партийных ячеек. Поставленные руководством во главе читален «избачи» принадлежали, как правило, к наиболее активным пропагандистам советского строя, были членами РКП (б) и достаточно образованными для своего времени людьми. Данные кадры готовились на специальных курсах, открытых во всех губерниях и уездах. Именно они определяли роль и действенность работы изб-читален в сельской местности. Их обязанности были очень широкими. Помимо своей основной деятельности, избачи выполняли множество других функций и поручений: избирались секретарями партийных и комсомольских ячеек, членами сельсоветов, работали руководителями кружков, лекторами, организаторами художественной самодеятельности. Таким образом, они совмещали обязанности партийных и культурно-просветительных работников. Организация деятельности изб-читален, подготовка помещений и подбор штатов сотрудников проходили при активном участии волостных и

сельских Советов, и именно там, где поддержка Советов была действительно значимой, эти учреждения исправно выполняли свои функции по просвещению населения. В городах роль изб-читален выполняли рабочие и красноармейские клубы, народные дома, дома работников промышленности. Таким образом, происходила определенная дифференциация учреждений культуры по профессиональному либо национальному признаку.

На начальном этапе избы-читальни возникали повсеместно и развивались быстрыми темпами. Согласно резолюциям VIII съезда РКП(б) при каждой школе и народном доме организовывалась «библиотека-читальня с политическим отделом», а при отсутствии таких домов «политически-популярная литература должна составлять необходимую часть книжного инвентаря изб-читален»³². В 1920 г. в Ардатовском, Алатырском, Инсарском, Краснослободском, Рузаевском, Саранском, Спасском и Темниковском уездах числилась 51 изба-читальня, из них 20 — в Рузаевском уезде. Однако действующими из них были 54 %³³. Для стабильной работы очевидно не хватало профессионально подготовленных сотрудников, необходимого оборудования и литературы. Кроме того, были выявлены факты саботажа со стороны сельских учителей, «которые подрывают святое дело Советской власти в области просвещения деревни»³⁴. Все эти объективные причины и обстоятельства способствовали тому, что всплеск деятельности изб-читален был недолговременным и сменился упадком.

Условия работы изб-читален были более сложными, чем у библиотек. Читальня в 1920-е г. обычно размещалась в плохо освещаемом и отапливаемом крестьянском доме из одной-двух комнат, часто при отсутствии необходимого оборудования и литературы. К 1921 г. наметился очевидный кризис в финансировании изб-читален в связи с резким сокращением централизованных государственных ассигнований. В условиях хозяйственной разрухи и борьбы с голодом средств местного бюджета было недостаточно. По данным на 1 июля 1922 г. в Рузаевском уезде осталась только одна изба-читальня, в Инсарском — 18. Несколько в меньшей степени это коснулось Краснослободского уезда — 39 изб-читален³⁵.

В решениях XI съезда РКП(б) (27 марта — 2 апреля 1922 г.) констатировалось, что, поскольку «в связи с новой экономической политикой избы-читальни почти повсеместно упразднены», необходимо их возрождение. «Избы-читальни необходимо сделать центром правильной и регулярной информации широких масс крестьянства о политической жизни страны». С этой целью финансирование должно осуществляться «из местных средств губисполкомов», с привлечением средств кооперативов³⁶. Через год в решениях XII съезда РКП(б) партии говорилось, что «вокруг изб-читален должны сгруппироваться все... культурные единицы деревни... вся работа изб-читален должна быть тесно связана... с повседневными нуждами крестьянина, как работа клуба в городе — с вопросами производства и повседневными нуждами рабочего фабрики и завода»³⁷.

Решениями губкома во все уезды были направлены распоряжения по организации максимального количества политико-просветительных учреждений. В Саранском уезде в 1924 г. было открыто 15 изб-читален, к концу 1925 г. — 40 (17 из них находились на государственном финансировании, 23 — существовали за счет средств населения), в 1926 — 1927 гг. их количество уменьшилось до 30; в Рузаевском уезде в октябре 1924 г. насчитывалось 44 избы-читальни, 36 из них содержались на обще-

ственные средства; в Краснослободском уезде в 1927 г. функционировало 53 избы-читальни, 9 из них были волостными, 25 — сельскими, 19 — подсобными³⁸.

В печатных изданиях того периода есть документальные подтверждения поступательного развития культурной жизни в мордовских уездах. Например, в газете «Завод и пашня» от 28 января 1926 г. отмечалось, что над с. Посоп «было взято шефство Саранским механическим техникумом, уездной милицией и электрической станцией». Было отремонтировано помещение избы-читальни, выделены средства на отопление и освещение. В результате читальня стала полноценно работать. В ноябре 1925 г., по сообщениям той же газеты, благодаря шефству педагогов и учащихся Саранского педагогического техникума в с. Макаровка «была открыта изба-читальня, приобретена сельскохозяйственная и политическая литература». Как отмечалось в газете «Завод и пашня» от 9 ноября 1926 г. заметно активизировалась работа избы-читальни в с. Семилей Саранского уезда Пензенской губернии. В связи с открытием драматического кружка выросла посещаемость избы-читальни со стороны молодежи. В номере газеты от 10 апреля 1926 г. появилось сообщение об организации в Лемдяйско-Майданской избе-читальне Новотроицкой волости кружка рукоделия, что привлекло интерес местных девушек³⁹.

Книжная база изб-читален также пополнялась. Так, в волостных избах-читальнях Саранского уезда в 1925 — 1926 гг. книг имелось следующее количество: в Новотроицкой — 1 950 экз., Семилейской — 1 917, Атемарской — 1 880, Ладской — 1 184, Лямбирской — 1 178, Ромодановской — 1 162 и в Саранской — 951 экз. Увеличивалось число культурно-просветительных учреждений в мордовских селах. Так, по данным Пензенского губоно в 1923 — 1924 гг. в мордовских селах было 14 изб-читален, в 1924 — 1925 гг. — 20, в 1925 — 1926 гг. — 43. К 1928 г. в Мордовском округе действовало 168 изб-читален, из них в русских селах — 96, в мордовских — 57, в татарских — 15⁴⁰.

Широкое распространение получила и клубная форма культурно-просветительской деятельности. Клуб сочетал в себе функции библиотеки (избы-читальни), образовательного учреждения и центра самодеятельного творчества, т. е. фактически являлся средоточием культурных сил в данной местности. Позднее, с 1960-х гг., клуб стал основным доступным для широких масс культурно-просветительным учреждением страны. В 1920-е гг. повсеместно он существовал наравне с другими формами просветительской работы. Так, в декабре 1918 г. в Саранском уезде действовало 4 клуба, в Краснослободском — 7, в Ардатовском — 8. В 1920 г. в 8 уездах, вошедших позднее в состав Мордовского округа (Ардатовском, Алатырском, Инсарском, Краснослободском, Рузаевском, Саранском, Спасском и Темниковском), насчитывалось 24 клуба и 47 народных домов⁴¹.

В подробном отчете о деятельности Краснослободского народного дома с октября 1920 г. по апрель 1921 г. наглядно представлена многопрофильность проводимой им культурной работы. Отмечено функционирование театрального зала, клуба Союза коммунистической молодежи, читальни, естественно-исторического музея, художественной студии с занятиями «по перспективе, живописи, рисованию и лепке», оркестра духовой музыки, музыкальной студии с классами хорового пения, фортепиано и музыкальной грамоты, а также наличие будки для кинематографа. Наряду с положительными моментами выделены проблемы, требующие безотлагательного решения, в частности недостаток оборудования, материалов и помещений: театр

«имеет лишь самое элементарное оборудование», а музей «располагает помещением втрое меньшим необходимого»⁴².

После периода повсеместного сокращения количества культпросветучреждений в 1921 — 1922 гг. рост числа клубов возобновился. Так, к концу 1924 г. в Саранском уезде было открыто 22 клуба. В Краснослободском уезде в 1927 г. действовало 15 народных домов и 3 клуба⁴³. В селах появлялись дома крестьянина. Например, такое учреждение было открыто 19 января 1924 г. в с. Курилове Ромодановской волости⁴⁴. В целом по мордовским уездам по сравнению с дореволюционным периодом число клубов увеличилось в 77 раз⁴⁵.

Серьезные успехи были достигнуты в развитии средств массовой информации. Главным из них в течение первых десятилетий существования советской власти оставалась печать. В постановлениях VIII съезда РКП(б) отмечалось, что «провинциальная печать должна иметь в виду почти исключительно массового читателя... должна вестись живо и популярно»⁴⁶. В резолюции XI съезда РКП(б) говорилось, что «основным содержанием местных газет должны служить вопросы о местном строительстве, о жизни, работе и борьбе трудящихся»⁴⁷. На XII съезде РКП(б) (17 — 25 апреля 1923 г.) было выдвинуто следующее требование: «уездная печать преобладающую часть своего материала» должна «уделять крестьянским вопросам», поскольку «обычная губернская газета — прежде всего городская газета», а также подчеркнута ценность фабрично-заводских газет в центре⁴⁸.

Начиная с 1918 г. на территории мордовского края стали выпускаться газеты и журналы, выполнявшие роль идеологических проводников генеральной линии РКП(б). Так, в Саранске в 1918 г. начала издаваться газета «Известия Саранского уисполкома». В сентябре того же года вышел первый номер общественно-литературного журнала «Вестник Саранского уездного Совдепа». Бесплатным приложением к нему один раз в неделю выходила газета «Неделя». Позже стала издаваться газета «Саранская правда», в 1921 — 1922 гг. — газета «Красное знамя» — орган Саранского уисполкома. В июне 1923 г. вышел в свет первый номер газеты «Завод и пашня» — орган Саранского укома РКП (б), уисполкома и упрофсовета, тиражом 750 экз., которая с 1925 г. стала выходить три раза в неделю, и ее тираж достигал 6 тыс. экз.⁴⁹

В 1918 г. в Темникове два раза в неделю выходила газета «Темниковские известия» — орган уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и уездного комитета РКП(б). С начала 1920 г. стала издаваться газета «Революционный народ» — орган Темниковского укома РКП(б), с периодичностью один раз в неделю. В 1918 — 1926 гг. в г. Ардатове выходила уездная газета «Трудовая коммуна». В июле 1918 г. в Пайгарме политотдел Первой революционной армии Восточного фронта стал издавать газету «Набат революции», которую читали трудящиеся Рузаевки и близлежащих сел. В 1924 г. вышла в свет Рузаевская уездная газета «Власть труда», объединенная в ноябре 1926 г. с газетой «Завод и пашня»⁵⁰. В 1918 — 1923 гг. в Краснослободске издавалась газета «За коммуны», в 1924 г. — еженедельная уездная газета «Смычка». Ее тираж в 1925 г. достиг 2 150 экз. В феврале 1925 г. был напечатан первый номер спасской (беднодемьяновской) газеты «Плуг и молот»⁵¹.

Важным направлением в развитии советской печати являлась организация периодических изданий на языке национальных меньшинств. На XII съезде РКП(б) говорилось о необходимости улучшения качества газет национальных меньшинств

и усиления контроля за ними. Так, в г. Симбирске в 1920 г. вышла первая газета на эрзянском языке «Чинь стямо» («Восход солнца»). В 1921 г. в г. Москве стала издаваться газета на эрзянском языке «Якстере теште» («Красная звезда») — орган мордовской секции ЦК РКП(б) тиражом 8 000 экз., в г. Саратове — газета «Якстере сокиця» («Красный пахарь»). В мае 1926 г. в Сибири начала выходить эрзянская газета «Од эрямо» («Новая жизнь») — орган Сибирского крайкома РКП(б). Издание имело страницу на мокшанском языке. 1 мая 1924 г. в г. Пензе вышла первая газета на мокшанском языке «Од веле» («Новая деревня») ⁵².

Среди других печатных периодических изданий, выходивших в этот период на мордовских языках, следует отметить «Комсомолонь вайгель» («Голос комсомола») — орган мордовской секции ЦК ВЛКСМ (г. Москва, с 1927 г.), газету на мокшанском языке «Авань ян» («Материнская тропа») — орган Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности и Центросовмена Наркомпроса РСФСР (г. Пенза, с 1927 г.) общественно-политический и литературно-художественный журнал «Валда ян» на мордовском-мокша языке ⁵³. Периодическая печать на родном языке играла большую роль в подъеме национального самосознания мордовского народа, а также в повышении его культурного уровня.

Важным средством идейного воспитания и расширения культурно-политического кругозора трудящихся в 1920-е гг. было признано радио. Стало очевидным, что это средство коммуникации вскоре сможет соперничать с печатным словом. Всего к 1926 г. примитивных ламповых и детекторных радиостановок на территории мордовского края насчитывалось около 40. В 1927 г. в г. Саранске был установлен радиопункт, обслуживающий около 100 трансляционных радиоточек ⁵⁴. Сеть радиопунктов стала активно развиваться только в следующее десятилетие.

Новым направлением культпросветработы стало кино. В резолюции XII съезда РКП(б) отмечалось, что «ввиду огромного воспитательного, агитационного значения кино» необходимо «развить кинематографическое производство в России... при условии полного обеспечения идейного руководства и контроля со стороны государства и партии» ⁵⁵. Вопросами кинофикации занимались Госкино и Пролеткино. В связи с массовостью и доходчивостью киноискусства сооружение киноустановок началось с первых лет советской власти. На территории мордовских уездов первые единичные киноустановки появились в городах, однако в период нэпа кино пришло и в сельскую местность. Киноустановки были двух видов: стационарные и передвижные. В отчете Ардатовского уполитпросвета за I полугодие 1922 г. говорилось, что в уезде было показано 35 кинокартин, полученных из г. Казани, Симбирска, Алатыря ⁵⁶. В 1927 г. в Краснослободском уезде насчитывалось 3 стационарные и 7 передвижных киноустановок; Саранском — 2 передвижные ⁵⁷. В целом в 1927 г. на территории Мордовии число киноустановок выросло в 4 раза по сравнению с дореволюционным периодом ⁵⁸. К середине 1928 г. в Саранском округе насчитывалось 11 стационарных и 13 передвижных киноустановок, в районных центрах соответственно 9 и более 10. Тогда же появились киноустановки и в мордовских населенных пунктах. Основными проблемами в кинофикации являлись отсутствие помещений, литературы, пропагандирующей киноискусство, а также специалистов (инструкторов-киномехаников); недостаток финансирования; затруднения, связанные со своевременной доставкой оборудования и лент ⁵⁹.

Большое значение для народного просвещения имело театральное искусство. XII съезд РКП(б) постановил, что «необходимо поднять в практической форме вопрос об использовании театра для систематической массовой пропаганды идей борьбы за коммунизм». С этой целью «необходимо... усилить работу по созданию и подбору соответствующего революционного репертуара, используя... в первую очередь героические моменты борьбы рабочего класса». Кроме того, «театр должен быть... использован и как средство антирелигиозной пропаганды»⁶⁰. Следует отметить, что уже в первые годы советской власти на территории мордовского края широкое развитие получили театры, драматические и литературные кружки, самодеятельные коллективы, признание которых на селе было обусловлено прежде всего тем, что их репертуар постоянно обновлялся в связи с текущими событиями и что многие выступления строились на местном материале.

Одним из первых в 1918 г. был создан культурно-просветительный кружок на базе драматического коллектива в с. Ичалки Лукояновского уезда, впоследствии реорганизованный в народный театр. К этому времени в коллективе молодого театра уже определилось ядро, состоявшее из способных актеров: П. Батаева, Н. Коляденкова, Е. Ясницкого и художниц — сестер Чижовых. Артисты сами переводили на мордовский язык произведения А. Н. Островского, А. Н. Толстого, А. М. Горького. Лучшими спектаклями были признаны «Бедность не порок», «Не все коту масленица», «Женитьба Белугина», «Без вины виноватые», «Власть тьмы», «На дне». В 1924 г. в с. Ичалки в целях пропаганды национального искусства был организован молодежный драматический кружок. Его руководителем стал артист народного театра П. Батаев. Первым спектаклем кружка стала постановка пьесы «Кавто киява» («По двум дорогам») Ф. М. Чеснокова и Е. Окина. За время своего существования кружок поставил почти все произведения эрзянских драматургов 1920-х гг.⁶¹ В Саранском уезде к концу 1918 г. действовало уже 10 театральных кружков⁶². В 1925 г. актером-самоучкой А. Учватовым был организован драмкружок на базе Саранского педтехникума, имевший большую популярность в массах. В кружке наряду с пьесами русских классиков ставились одноактные пьесы, написанные участниками на актуальные темы жизни города⁶³. В г. Ардатове в 1918 г. был организован драматический кружок, которым руководил артист Г. С. Свободин-Перемышлев — один из активных участников революции 1905 — 1907 гг. в г. Севастополе⁶⁴. По данным отчета Ардатовского уполитпросвета в уезде в I полугодии 1922 г. была создана «драматическая труппа в составе 25 человек на коллективно-хозяйственных началах». Театр содержался за счет местных средств, поступавших в кассу уездного отдела народного образования. За полгода было поставлено 34 спектакля, организовано 17 концертов и вечеров⁶⁵. Театральные кружки к середине 1920-х гг. функционировали при многих народных домах, клубах, избах-читальнях. Существенной проблемой в театральной самодеятельности являлись недостаточный опыт и профессиональный уровень руководителей коллективов и большинства актеров.

В рассматриваемый период развивались и другие виды творческой самодеятельности. Одним из ярких примеров являлся созданный в г. Темникове в 1918 г. оркестр народных инструментов, руководителем которого был Л. И. Воинов. Коллектив получил известность далеко за пределами Мордовии.

Итак, анализ тенденций развития культуры на территории мордовского края в первое десятилетие советской власти позволяет говорить о том, что идеология стала

выполнять определяющую функцию по отношению к практической составляющей культурно-просветительской работы. Это было обусловлено объективной необходимостью пропаганды нового советского порядка и способствовало мобилизации всех активных сил общества на преодоление культурной отсталости. Выражением этой линии явилось открытие различных учреждений культуры и введение разных форм просветительской работы. Процесс был неоднозначным, поскольку успехи чередовались с проблемами в 1921 — 1922 гг., основными из которых оставались скудное финансирование, текучесть и недостаток подготовленных кадров культпросветработников. Однако в рассматриваемый период была заложена база для развития просвещения, в том числе для национальной культуры мордовского народа в рамках социалистического строя, что в полной мере проявилось в последующее годы.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Киселев А. Л.** Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959. С. 118.
- ² Там же. С. 25 — 26.
- ³ См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. М., 1983. Т. 2. С. 82.
- ⁴ Там же. С. 83.
- ⁵ Цит. по: КПСС и культурное преобразование села. М., 1981. С. 41.
- ⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... С. 242 — 243.
- ⁷ См.: **Житаев В. Л.** Культурно-просветительская деятельность в Мордовии (XIX — 80-е гг. XX в.). Саранск, 2006. С. 86.
- ⁸ Изв. Тамбов. губсовдепа. 1918. 29 окт.
- ⁹ Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны : док. и материалы. Саранск, 1959. С. 118 — 119.
- ¹⁰ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... С. 82.
- ¹¹ См.: Культурное строительство в Мордовской АССР : сб. док. : в 2 ч. Саранск, 1986. Ч. 1. С. 294.
- ¹² Там же. С. 293 — 294.
- ¹³ Там же. С. 296.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ **Бочкарев В. П.** Культура на марше : Учреждения культуры Мордовии за годы Советской власти. Саранск, 1970. С. 11 — 12.
- ¹⁷ См.: Мордовия в период упрочения Советской власти... С. 204 — 205.
- ¹⁸ Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 292 — 293.
- ¹⁹ Там же. С. 297.
- ²⁰ См.: **Житаев В. Л.** Указ. соч. С. 88.
- ²¹ **Киселев А. Л.** Указ. соч. С. 122.
- ²² См.: **Бочкарев В. П.** Указ. соч. С. 13.
- ²³ См.: Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 301 — 303.
- ²⁴ См.: **Житаев В. Л.** Указ. соч. С. 89.
- ²⁵ См.: Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 298.
- ²⁶ См.: Мордовия в период упрочения Советской власти... С. 335 — 336.
- ²⁷ См.: **Сульдина Л. В.** Развитие библиотечного дела в городах Мордовии (1900 — 1945 гг.) // Од вий = Молодая сила : сб. науч. ст. аспирантов и докторантов. Саранск, 2006. Вып. 1. С. 48.
- ²⁸ Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 298.
- ²⁹ **Житаев В. Л.** Указ. соч. С. 91.
- ³⁰ Там же.

- ³¹ См.: **Бочкарев В. П.** Указ. соч. С. 15.
- ³² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... С. 81.
- ³³ См.: **Житаев В. Л.** Указ. соч. С. 90.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ См.: **Киселев А. Л.** Указ. соч. С. 121.
- ³⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... С. 364 — 365.
- ³⁷ Там же. С. 457.
- ³⁸ См.: **Житаев В. Л.** Указ. соч. С. 91 ; **Киселев А. Л.** Указ. соч. С. 121.
- ³⁹ См.: Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 304 — 307.
- ⁴⁰ ЦГА РМ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 39. Л. 20 — 21.
- ⁴¹ См.: **Житаев В. Л.** Указ. соч. С. 88 — 90.
- ⁴² См.: Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 299 — 301.
- ⁴³ См.: **Житаев В. Л.** Указ. соч. С. 91.
- ⁴⁴ См.: Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 303.
- ⁴⁵ См.: **Бочкарев В. П.** Указ. соч. С. 15.
- ⁴⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... С. 85.
- ⁴⁷ Там же. С. 361.
- ⁴⁸ Там же. С. 462 — 463.
- ⁴⁹ ЦГА РМ. Кн. фонд. Отчет Пензенского губкома ВКП(б) 18-й губпартконференции, 1925 г. С. 84.
- ⁵⁰ См.: **Киселев А. Л.** Указ. соч. С. 142 — 143.
- ⁵¹ ЦГА РМ. Кн. фонд... С. 84 — 85.
- ⁵² Там же. С. 73.
- ⁵³ См.: **Киселев А. Л.** Указ. соч. С. 146.
- ⁵⁴ Там же. С. 139 — 140.
- ⁵⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... С. 467.
- ⁵⁶ ЦГА РМ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 44. Л. 124.
- ⁵⁷ См.: **Житаев В. Л.** Указ. соч. С. 91.
- ⁵⁸ См.: **Бочкарев В. П.** Указ. соч. С. 15.
- ⁵⁹ См.: Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 307 — 308.
- ⁶⁰ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... С. 466 — 467.
- ⁶¹ См.: **Ямашкина Р. Н.** Культура Мордовии в 1920 — 1930-е гг. Саранск, 2000. С. 54 — 55.
- ⁶² См.: **Житаев В. Л.** Указ. соч. С. 87.
- ⁶³ См.: **Ямашкина Р. Н.** Указ. соч. С. 55.
- ⁶⁴ См.: **Бочкарев В. П.** Указ. соч. С. 12.
- ⁶⁵ ЦГА РМ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 44. Л. 124.

Поступила 09.06.2011 г.

УДК 001:130.2(470.345)

Н. О. Шкердина

N. O. Shkerdina

**НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В 1945 — 1953 гг. (На примере Мордовии)**

**SCIENTIFIC INTELLIGENTSIA IN THE CONTEXT
OF RUSSIAN PROVINCIAL CULTURE
IN 1945 — 1953 (By the Example of Mordovia)**

Ключевые слова: интеллигенция, культура периода тоталитаризма, идеология, сталинская «культурная политика», профессорско-преподавательский состав, идеологическое противостояние, сталинский период.

В статье рассматривается вклад научной интеллигенции в развитие культуры Мордовии в послевоенный период. Автором выявлено, что в данный период в региональной культуре достаточно четко проявились две тенденции: регламентация основных направлений развития социокультурной жизни региона партийными директивами и ослабление жесткого идеологического прессинга.

Key words: intelligentsia, the culture of the period of totalitarianism, ideology, Stalin's «cultural policy», teaching staff, the ideological confrontation, the Stalinist period.

The contribution of the scientific intelligentsia to the development of culture of Mordovia in the postwar period is considered in the paper. The author revealed that this period of regional culture is clearly characterized with two tendencies, they are the regulation of main lines of the development of social and cultural life of the region by means of party instructions and weakening of the hard ideological pressure.

Послевоенный период в истории региональной культуры оценивается неоднозначно. Мы отмечаем в развитии провинциальной культуры, с одной стороны, положительные тенденции, которые обусловлены достаточно высоким уровнем патриотического настроения населения, с другой — негативные, связанные с объективной необходимостью восстановления народного хозяйства в стране.

Типичной чертой рассматриваемого периода стал постепенно утверждавшийся в культурной политике остаточный принцип финансирования культурного строительства. Несмотря на общее улучшение, отмечались слабое развитие материальной базы и недостаток в кадрах культуры, что негативным образом сказывалось на эффективности культурной политики в целом¹.

Крайне тяжелыми были условия труда и жизнедеятельности у представителей практически всех профессиональных групп населения республики, в том числе научной интеллигенции. Правительство пыталось изыскать возможности для повышения окладов работников науки и улучшения их материально-бытовых условий. В соответствии с постановлением СНК СССР от 6 марта 1946 г. были установлены новые должностные оклады профессорско-преподавательского состава высших

учебных заведений. В 1950-е гг. заработная плата служащих значительно превышала заработную плату рабочих, однако в дальнейшем происходило неуклонное снижение относительной заработной платы лиц умственного труда всех категорий².

В Мордовском педагогическом институте в 1947/48 уч. г. в штате не доставало 14 преподавателей, в связи с чем 20 сотрудников были вынуждены выполнять дополнительную учебную нагрузку³. По распоряжению начальника главного управления вузов Министерства образования РСФСР Софронова, финансовые средства экономились и дополнительная учебная нагрузка, превышающая индивидуальную, не оплачивалась. Это вызвало недовольство профессорско-преподавательского состава вуза⁴. Дирекция вуза была вынуждена приглашать совместителей. В указанном учебном году из 95 преподавателей вуза 18 (19 %) были совместителями. Особенно страдал в этом отношении факультет языка и литературы, на котором из 16 преподавателей по совместительству работало 7 чел.⁵ На кафедре мордовских языков институт также мог обеспечить проведение занятий лишь за счет совместителей — штатных научных сотрудников НИИЯЛИ — А. К. Имярекова, А. И. Маскаева, М. Н. Коляденкова, С. Г. Потапкина, Д. В. Цыганова и П. Г. Балакина. Кроме того, совместителями других кафедр были министр просвещения МАССР Г. Я. Меркушкин, работник Мордовского государственного издательства К. А. Котков, председатель отдела школ обкома ВКП (б) М. И. Кузовенков, преподаватель Мордовского республиканского института усовершенствования учителей Е. А. Славкин и др.

Кроме того, негативно повлияли на состояние дел в вузе военное положение, эвакуация и мобилизация. За годы эвакуации педагогический институт потерял 40 преподавателей, долгое время работавших в вузе. Их потеря явилась тяжелой утратой для высшей школы Мордовии. Часть участников Великой Отечественной войны после демобилизации вернулась в педагогический институт и приступила к работе⁶.

Следует, однако, отметить, что существовали и скрытые (внутривузовские) условия, тормозившие нормальный ход учебной и научной работы, нарушавшие морально-психологическое равновесие в педагогическом коллективе. Нетерпение руководства к критике, неприятие взглядов, расходящихся с общепринятой установившейся трактовкой, привели институт к потере ряда талантливых ученых-педагогов. Так, профессора Ильин и Воробьев, кандидаты математических наук Бурьян и Барабошин, кандидат исторических наук Ковалевский покинули вуз, стремясь вырваться из душившей их обстановки провинциального догматизма и авторитаризма. Дирекция института во главе с П. В. Ромадиным не только не стремилась удержать высококвалифицированных специалистов, более того их массовый уход даже приветствовался. П. В. Ромадин как талантливый педагог и ученый не смог разрешить насущные проблемы, вставшие перед коллективом в послевоенные годы. Нередко это были внутриколлективные проблемы и противоречия, облекавшиеся в научно-идеологическую полемику, замешанную на личной неприязни. Летом 1944 г. институт покинул заместитель директора по учебной части Л. Ф. Самохин, работавший в вузе со дня его основания; заведующий кафедрой литературы В. Н. Архангельский был переведен в Кировский педагогический институт⁷.

Таким образом, в 1948/49 уч. г. вуз остро нуждался в пополнении научно-педагогических кадров⁸.

В 1950/51 уч. г. в МГПИ функционировало 15 кафедр, на которых работало 98 преподавателей, из них 1 доктор биологических наук, профессор, 25 доцентов и 27 старших преподавателей. Национальный состав педагогического коллектива выглядел следующим образом: 69 русских, 22 мордвина, 3 еврея, 2 белоруса, 1 татарин⁹. В 1953/54 уч. г. численность профессорско-преподавательского состава пединститута возросла до 112 чел., и прежде всего за счет открытия факультета иностранных языков, на котором работало 26 преподавателей. Как и в предыдущие годы, институт имел лишь 1 профессора, 32 кандидата и 51 старшего преподавателя. По национальному признаку педагогический коллектив включал 74 чел. русской национальности и 25 чел. — мордовской¹⁰. В 1954/55 уч. г. профессорско-преподавательский состав института увеличился до 145 чел. По национальному признаку педагогический коллектив включал 99 русских и 27 представителей мордовской национальности¹¹. Среди них были 2 профессора, 22 доцента, 55 старших преподавателей и 41 кандидат наук¹².

На протяжении всего военного периода Мордовский республиканский институт усовершенствования учителей имел следующий состав: 4 старших научных сотрудника, 2 научных сотрудника, 2 младших научных сотрудника, среди которых были крупные специалисты в области мокша-мордовского языка С. Г. Потапкин и преподаватель мордовского языка В. З. Радаев. Директором института являлся В. Ф. Вдовин¹³.

Состав научных работников института был достаточно квалифицированным. Такие специалисты, как П. Д. Степанов, Ф. И. Петербургский, М. Н. Коляденков, В. Ф. Вдовин, Е. В. Скобелев, С. Г. Потапкин, В. З. Радаев и другие, работали по совместительству в Мордовском госпединституте и НИИЯЛИ, где вели научно-исследовательскую работу. В 1945 г. штат Мордовского республиканского института усовершенствования учителей составил 21 единицу. Институт имел 10 методических кабинетов. Его коллектив несмотря на сложности военного времени, проводил большую учебно-методическую работу с учителями города и республики¹⁴.

Образ жизни и быт научно-гуманитарной интеллигенции Мордовии почти не отличался от образа жизни советской интеллигенции в целом. Ее жизнь была посвящена совершенствованию профессиональной деятельности, а бытовой неустроенности и недостатку комфорта она просто не придавала значения, считая их неотъемлемым, естественным элементом послевоенной жизни. Так, С. Оленин, биограф историка и литературоведа Л. С. Гордона вспоминал, «в быту Лев Семенович был удивительно непритязательным. В небольшой двухкомнатной квартире только самое необходимое. Потребности семьи были самыми минимальными. Большую часть квартиры занимали стеллажи с книгами»¹⁵. В г. Саранске у Л. С. Гордона была богатая библиотека, в которой имелись довольно редкие экземпляры, в том числе западноевропейские раритеты XVIII в. Его библиомания граничила с фанатизмом¹⁶. Предельной скромностью отличался и быт литературоведа, лингвиста и философа М. М. Бахтина¹⁷. Привычка иметь лишь самое необходимое (в этот минимум обязательно входили книги) выработалась у них в годы скитаний по стране. Как правило, аскетичный быт сочетался с замкнутым образом жизни¹⁸. Ученик М. М. Бахтина Ю. Басихин писал о том, что несмотря на вынужденный аскетизм, у Бахтиных витала незабываемая аура тепла и покоя: «...Уютная комната... На стеллажах — книги, по специальному заказу сделанный письменный стол также завален книгами, рукописями. Уютно светит настольная лампа. На кухне хлопочет беспокойная Елена Александровна. Михаил Михайлович сидит в кресле и всегда что-то читает:

обычно это новый журнал (иногда на иностранном языке) или какая-нибудь рукопись»¹⁹. Л. Р. Вдовина вспоминала, что М. М. Бахтин «...ни разу ни слова не обмолвился о себе, о бытовых неурядицах (они — мелочи для него), не сделал ни одного замечания студентам»²⁰. Он был харизматичной личностью не только для потомком, но и для современников. Многих удивляло, что «Бахтин никому из признанных авторитетов не кланялся, иногда не соглашался с их суждениями, спорил, утверждая, скажем, что „Белинский был не прав...“. И далее — ясно аргументированное доказательство»²¹. Лекции М. М. Бахтина пользовались неизменным успехом: «От всей его фигуры, крепко и твердо стоящей, хотя и на одной ноге, исходило столько уверенности в себе, ума, знаний, энергии, что это как бы заряжало аудиторию, заставляло четко мыслить и глубоко чувствовать»²².

Михаил Михайлович был примером интеллигентности, высокой порядочности, безукоризненной собранности, самодисциплины. Несмотря на то, что ему было нелегко передвигаться на костылях от дома до института, он ни разу не пришел в аудиторию хоть на минуту позднее, ни разу не пропустил ни одной лекции по болезни. Как потом стало известно, у него был хронический остеомиелит, тяжелый недуг с острыми болями, которые он терпел почти всю жизнь. С кем бы Бахтин ни общался, он был корректен, изысканно вежлив, предупредителен, стремился каждому оказать необходимую помощь²³.

Достаточно противоречиво современниками оценивается и личность кандидата исторических наук Н. Н. Молина. Оценки колеблются от крайне отрицательных до взвешенно положительных, что во многом связано со спецификой его работы. Когда он был ректором МГПИ им. А. И. Полежаева, ему часто приходилось выступать в качестве «третьей стороны» при рассмотрении и разрешении внутриколлективных конфликтов. Д. В. Цыганкин вспоминал: «У Молина был большой авторитет не только в нашей республике, но и в Министерстве просвещения Российской Федерации. Этот авторитет был действительно заслуженным, не подогреваемым каким-нибудь знакомством или покровительством»²⁴.

Близко знавшие Н. Н. Молина люди говорили о его безукоризненной честности, чистоплотности во всем, стремлении не уронить свой авторитет, самоограничении и неприязнательности в быту. Поэтому, наверное, не случайно, он заботился о том, чтобы из института выходили не только хорошо подготовленные учителя, но и честные люди. Николай Николаевич уважительно и заботливо относился к своим кадрам, подбирая их прежде всего по деловым качествам, внимательно следил за их ростом. Нередко беседуя вроде бы на обычную тему, непременно выяснял для себя, как живет сотрудник, чему радуется, о чем печалится.

Много свидетельств о жизни другого яркого представителя интеллигенции первой половины XX в. — профессора И. Д. Воронина дошло до нас. Отец ученого «Дмитрий Васильевич, городской крестьянин, обучавшийся всего одну зиму в местной школе, ценил знания, сам много читал и приобщал к чтению своих четверых детей. Увлекался агрономией, собирал публикации о ней, вел и свои записи, которые передал потом старшему сыну Ивану. И неудивительно, что он не чуждался всю жизнь земледельческого труда. Его дом, построенный им самим уже после войны на улице Кирова, с замечательным садом-огородом был гордостью хозяина, им восторгались многочисленные гости»²⁵. И. Д. Воронин коллекционировал старинные вещи, любил путешествовать по Мордовии и СССР, неоднократно выезжал в страны Восточной Европы.

В 1940-х — начале 1950-х гг. советские вузы были буквально парализованы всевозможными проверками. Так, в 1954 г. бюро Мордовского ОК КПСС создало комиссию для проверки института, члены которой посетили несколько лекций. И. К. Инжеватов (в те годы — заведующий отделом школ Мордовского ОК КПСС) доложил о непрофессиональном преподавании и рекомендовал всем педагогам учиться у М. М. Бахтина. Директор пединститута М. И. Романов и секретарь парткома Д. И. Глазунов обвинили докладчика в политической близорукости²⁶.

Научными кадрами непосредственно занимались ВКП(б), в автономных республиках — ОК ВКП(б), в частности его научные отделы. Об интеллектуальном уровне руководителей науки Мордовии В. С. Ивашкин писал, что в 1940 г. из 29 первых секретарей райкомов ВКП(б) МАССР высшее образование имели 2, среднее — 14, начальное — 13 человек. В числе 64 секретарей райкомов ВКП(б) не было ни одного человека с высшим образованием, со средним насчитывалось 20, с незаконченным средним — 12, с начальным — 32 чел. Из 96 заведующих отделами райкомов ВКП(б) высшее образование имели 5, среднее — 17, незаконченное среднее — 27 и начальное — 46 чел. Эти цифры свидетельствуют о том, что на руководящих должностях в партийном аппарате районного звена значительную прослойку составляли выдвиженцы, не имевшие соответствующего образования, вчерашние рядовые рабочие и крестьяне²⁷.

По вопросу взаимодействия с республиканскими властями интеллигенция занимала разные позиции. Это было связано с индивидуальным подходом к данной проблеме. Так, Н. Л. Васильев, проанализировав взаимоотношения М. М. Бахтина и властей в Мордовии в 1940-х — начале 1950-х гг., отмечал, что его «педагогическая работа в Мордовии (1945 — 1961 гг.) свидетельствуют о вполне искренней социальной активности, выражавшейся в разных формах (просветительская деятельность, участие в идеологических „акциях“, учет господствующей идеологии в подготовке учительских кадров и др.). Вместе с тем, стремясь внешне „соответствовать“ идеальному образцу вузовского преподавателя, руководителя кафедры всеобщей (русской и зарубежной) литературы, Бахтин внутренне находился в оппозиции к советскому строю, о чем можно судить по многочисленным фактам. Он не принимал в полной мере господствующую идеологию; сдержанно относился к новой литературоведческой методологии, произведениям советских „классиков“, порожденным методом пресловутого социалистического реализма; почти не ссылаясь на исследователей нового поколения; не писал статей и книг „на злобу дня“, стремясь оставлять в рабочем столе то, что в действительности волновало его ум: занимая самостоятельную позицию по всем вопросам. Характерна в этом отношении осторожная, отчасти остроумно-циничная реакция Бахтина на появление „исторического“ труда И. В. Сталина под названием „Марксизм и вопросы языка“ (1950). Он с непринужденностью заявляет о подготовке собственного литературоведческого исследования в свете идей вождя (так никогда и найденного в архиве ученого), реагирует на другие установки, идущие от московского, университетского или факультетского начальства, — но раз за разом оказывается, что в реальности Бахтин пишет совершенно иные работы, а заявляемые им „проекты“ и отчеты на заседаниях кафедры, в стенах пединститута — всего лишь своеобразная „акция прикрытия“ истинной работы мысли, не востребованной в тех условиях»²⁸.

Вероятно, такое поведение было продиктовано реалиями жизни. М. М. Бахтин не имел возможности свободно заниматься разработкой наиболее интересных для него тем, в той или иной степени противоречащих социальному и идеологическому заказу властей. По мнению Н. Л. Васильева, творчество М. М. Бахтина на определенном этапе отобразило «феномен синтеза, слиянности общественно-идеологической оппозиционности и одновременно принятия сложившихся правил „игры“ с Властью... Разочарование в неосуществимости зыбких идеалов заставляло „примиряться с действительностью“, поскольку для психологической природы человека любой дискомфорт разрушителен»²⁹.

В вопросах разработки научных тем, касающихся идеологических аспектов, представители власти требовали четкого соблюдения партийной линии, озвученной на очередном партийном съезде и строгого соблюдения научно-идеологических концепций, что находило проявление не только в гуманитарных науках, но и в естественных. Это давление отразилось на коллективе Мордовской опытной станции по полеводству и овощеводству. Ее деятельность в послевоенный период отвечала политической конъюнктуре и чутко реагировала на ее малейшие изменения. Чтобы добиться такого результата представители власти «пристрастно контролировали положение дел на МГСС, выделяя материальную помощь, требовали немедленных положительных результатов — новых сортов, повышения урожайности, резкого взлета научной мысли. Отсутствие быстрой отдачи вызывало „наверху“ приступы подозрительности и разговоры о вредительстве»³⁰.

Президент АН СССР С. И. Вавилов подчеркивал «особый, государственный и народный характер нашей науки»³¹. Советское государство и партия сформировали научную интеллигенцию, они же создавали науку советского типа: «В Советской стране наука развивается, распространяется среди народа и внедряется в жизнь совсем иначе, чем это было где-либо до сих пор. Народная советская наука вместе с тем наука партийная. Она движется и растет по тем направлениям, которые указываются как самые насущные руководителем советского народа — Коммунистической партией во главе с ее великим вождем И. В. Сталиным... Советская власть и Коммунистическая партия кровно заинтересованы в развитии науки, всеми способами помогают ей и направляют ее по пути расцвета... Наука подчиняется цели построения нового коммунистического общества»³². В. С. Ивашкин отмечал, что «не менее ужасным, чем физическое истребление, было подавление свободного творческого поиска, определяющего сущность науки. Холодная и жестокая рука административно-командного чиновного управления в годы культа личности сnivelировала многообразие научных поисков и ввела казенное единообразие, в котором потерялась сама мысль о соревновательности умов и талантов»³³.

Внешнее смирение, публичную лояльность по отношению к власти демонстрировал трижды репрессированный профессор Л. С. Гордон. Как писал биограф историка С. Оленин, по своим общественно-политическим убеждениям Л. С. Гордон был социал-демократ, «к коммунистической идеологии относился с плохо скрываемым неодобрением, как к любому проявлению деспотии и тирании. Был осторожен в своих высказываниях, именно эта осторожность свидетельствовала: он не верил, что времена ночных „воронков“ прошли окончательно... Он выглядел подозрительным в глазах теоретиков и практиков развитого социализма. Не было душевно-приятельских отношений, которые обычно складываются между коллегами»³⁴. Его жена —

Ф. Б. Гордон «прошла через те же испытания — в ее жизни также были лагеря и тюрьмы, что наложило на психологию отпечаток: она жила в страшном напряжении. Ей казалось, что им постоянно грозит опасность. Результатом этого стала довольно замкнутая жизнь»³⁵. По воспоминаниям В. Ф. Кутергина, Л. С. Гордон «никогда не жаловался ни на советскую власть, от которой немало претерпел лишений и невзгод, ни на какие-то житейские трудности. Мне он всегда казался древнеримским стоиком, делающим свое дело наперекор злой судьбе»³⁶.

В послевоенный период интеллигенция во многом была вынуждена приспосабливаться к существующим условиям, в ряде случаев предпринимать попытки вступить в диалог с властью, что происходило крайне редко и то при условии, что представитель интеллигенции обладал устойчивым социальным положением либо сам занимал ответственный пост. Не следует забывать, что значительная часть советской интеллигенции Мордовии вполне искренне верила, что жить нужно в соответствии с теми моральными и идеологическими принципами, которые существовали в этот период. Один из исследователей интеллигенции Мордовии К. И. Шапкарин отмечал, что «несмотря на удаленность Саранска от столицы, здесь так же, как и в интеллектуальных центрах страны, наблюдались различные типы отношений с режимом: открытый вызов власти, мимикрия, пассивное сосуществование, активное сотрудничество с партийными и карательными органами»³⁷.

Важной особенностью карьерного роста научной интеллигенции этого периода была политика выдвиженчества и партийности. Однако этот принцип не всегда осуществлялся на практике, поскольку был неприемлем для такой узкопрофессиональной группы как, например, медицинские работники, руководящий состав которых в значительной степени определялся профессиональными данными. Даже в случае выдвижения за счет активной общественно-политической деятельности руководитель должен был иметь специальное медицинское образование и соответствующую квалификацию. Принцип партийности в этом случае не имел особого значения. По результатам исследования, в группе имеющих научные звания членов партии было 25 %. Примерно столько же — 26,1 %, было их и в группе не имеющих научных званий. Поэтому можно утверждать, что партийность не оказывала исключительного влияния на присвоение научных званий³⁸.

Итак, в послевоенные годы научная интеллигенция, как и представители практически всех профессиональных групп населения, нуждалась в улучшении материально-бытовых условий жизни. Остро ощущался недостаток профессорско-преподавательских кадров. При этом велико было давление официальной политики и идеологии, что нередко вынуждало работников науки и высшей школы приспосабливаться к существующим условиям.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Исаев Е. В.** Власть и культура в конце 20-х — 30-е гг. XX в.: региональный аспект взаимоотношений (на примере Мордовии) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Чебоксары, 2008. С. 17.

² См.: **Шапкарин К. И.** Формирование научно-гуманитарной интеллигенции Мордовии : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2000. С. 74.

³ Там же.

⁴ ЦГА РМ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 73. Л. 13.

- ⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 251. Л. 4, 5.
- ⁶ Там же. Д. 201. Л. 58.
- ⁷ Там же. Ф. Р-1983. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 — 7.
- ⁸ Там же. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 251. Л. 4, 5.
- ⁹ См.: **Крисанова Н. А.** Высшая школа Мордовии 1931 — 1956 гг. (формирование научно-педагогических кадров). Саранск, 2002. С. 160.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ ЦГА РМ Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 333. Л. 15.
- ¹² **Крисанова Н. А.** Указ. соч. С. 167.
- ¹³ См.: **Сыркин В. А.** Высшая и средняя специальная школа в годы Великой Отечественной войны (по материалам Среднего Поволжья) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Куйбышев, 1970. С. 19.
- ¹⁴ См.: **Крисанова Н. А.** Указ. соч. С. 154.
- ¹⁵ **Оленин С.** История одной судьбы // Изв. Мордовии. 1996. 29 нояб.
- ¹⁶ См.: **Шапкарин К. И.** Указ. соч. С. 56.
- ¹⁷ См.: **Конкин С. С., Конкина Л. С.** Михаил Бахтин : Страницы жизни и творчества. Саранск, 1988. С. 270 — 271.
- ¹⁸ См.: **Шапкарин К. И.** Указ. соч. С. 56.
- ¹⁹ **Басихин Ю.** О Михаиле Михайловиче Бахтине // Родные просторы. Саранск. С. 205.
- ²⁰ **Вдовина Л. Р.** Портретные зарисовки. Саранск, 2005. С. 9.
- ²¹ Там же. С. 9.
- ²² Там же. С. 9 — 10.
- ²³ Там же. С. 10.
- ²⁴ Там же. С. 19.
- ²⁵ Там же. С. 25 — 26.
- ²⁶ См.: **Зиновьев В.** Путь ученого : Жизнь и творчество И. К. Инжеватова. Саранск, 1997. С. 23, 24.
- ²⁷ См.: **Ивашкин В. С.** Формирование советской интеллигенции в Мордовии. Саранск, 1972. С. 104.
- ²⁸ **Васильев Н. Л. М. М.** Бахтин в Саранске: опыт исследования идеологической мимикрии в условиях сталинизма // Культурное строительство в Мордовии (1930 — 1950-е гг.). Саранск, 2000. С. 20 — 21.
- ²⁹ Там же. С. 21.
- ³⁰ Мордовский НИИСХ — 75 лет: история и современность. Саранск, 2005. Т. 1. С. 48 — 49.
- ³¹ **Вавилов С. И.** Наука Сталинской эпохи. М., 1950. С. 4.
- ³² Там же. С. 19, 93 — 94.
- ³³ **Ивашкин В. С.** Знать и помнить // На перекрестке мнений. Саранск, 1989. С. 208.
- ³⁴ См.: **Оленин С.** Указ. соч.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ **Кутергин В. Ф.** На кафедре и вокруг нее // История в культуре, культура в истории. Саранск, 2001. С. 124.
- ³⁷ **Шапкарин К. И.** Указ. соч. С. 134.
- ³⁸ См.: **Лукьянова Т. В.** Формирование медицинской интеллигенции во второй половине XIX — начале XX века : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2002. С. 166.

Поступила 16.03.2011 г.

УДК 741(470.345)

Л. В. Сульдина
*L. V. Suldina***РАЗВИТИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА
МОРДОВИИ В 1990-е гг.****THE DEVELOPMENT OF FINE ARTS
IN MORDOVIA IN THE 1990s**

Ключевые слова: художник, изобразительное искусство, творчество, Союз художников, портрет, картина.

В статье рассматривается творчество мордовских художников последнего десятилетия XX в.

Key words: an artist, art, creative work, the Union of Artists, a portrait, painting.

The works of Mordovian artists of the last decade of the XX century is considered in the article.

С самого начала развития профессионального изобразительного искусства Мордовии на формирование его локальных особенностей решающее влияние оказали традиции различных национальных культур. Быт, обычаи, литературно-фольклорное наследие мордовского народа нашли отражение в изобразительном искусстве, основанном на опыте русской художественной школы. На протяжении многих десятилетий своеобразие мордовской живописи, графики и скульптуры определялось национальной тематикой произведений. Например, художник В. А. Беднов в своих работах стремился в основном к монументальным многофигурным композициям, посвященным праздникам и будням родного края («Мордовская ярмарка», 1966; «Беление холстов», «Шокшанские косари», 1967; «День памяти», 1971; «Сенокос», 1974 и т. д.). Обращение к национальным истокам мордовского народа в перестроечные годы привлекло внимание известного мастера В. А. Попкова. Он разработал свою концепцию пространства и времени, его картины наполнены духовным смыслом («Моление о лошадях. М. Е. Евсевьеву посвящается», 1989 и др.)¹.

Национальная тема нашла отражение и в лирико-эпических картинах-пейзажах А. Н. Баргова («Зимняя Сура», 1995) и М. С. Шанина («Мокша», 1986; «Алена Темниковская», 1989). По-новому представлена деревенская тема в творчестве М. В. Салдаева в серии («Деревенские новости», 1996). Автор сочетает декоративность манеры с чертами гротеска, тональность которого меняется от легкой иронии до едкого сарказма. Иная концепция у Х. И. Бикбаева — красота человека у него основана на извечных духовно-этических ценностях сельского жителя («На земле моих предков. Памяти брата», 1994). Особую линию бытовой деревенской картины продолжал развивать и художник-семидесятник В. И. Петряшов («Деревенское утро», 1986; «Обед в поле», 1992)².

Драматическо-эпическое направление этой темы можно проследить в работах графиков А. И. Коровина и Н. С. Макушкина. Оформление изданий А. И. Коровиным отличалось умением слить в единый образ все элементы книжного дизайна («Острожок на Саранке» Г. В. Балабаева, 1982; «Как узнавали о мордве» В. А. Юрчёнова, 1996 и др.). Художник-график также создал серию «Легенды мордвы» (1981), где раскрыл социально значимые темы человечества³. Н. С. Макушкин в иллюстрациях к эрзяно-мокшанскому эпосу мордвы «Масторава» поэтично раскрыл национальный характер мордовского народа («Сватовство Пурьгинепаз», «Инепаз. Боги мордвы», 1999). Он создал выразительные и психологически точные образы грозного Нишкепаза, вечно юной богини плодородия Анге, мужественного вождя Тюшти, мудрой девушки Саманьки и других героев. Следует отметить, что это не пересказ сюжета, а воплощение поэтического образа эпоса. Национальный характер эпоса отражен художником в точных деталях, интонациях и ритме. Классический богатый и сложный черно-белый рисунок мастера пронизан мудрой заповедальной силой⁴.

В 1990-е гг. Мордовия активно включилась в движение финно-угорских народов. Необходимость поиска концептуально иного, актуального художественного решения «национального вопроса» в культуре финно-угров была сформулирована на первых международных встречах финно-угорских народов в 1989, 1990 и 1994 гг. Именно тогда всерьез был поставлен вопрос о форме. Первые ростки новых образно-пластических концепций обозначились на выставке финно-угров в г. Йошкар-Оле (1990). В ней участвовали А. С. Алешкин и В. И. Вечканов, первые из мордовских художников, сумевшие достойно представить республику на ответственном форуме родственных народов. Так, в 1994 г. в г. Сыктывкаре А. С. Алешкин продемонстрировал цикл картин «По незримому следу». Автор представил позицию мордовских современных мастеров, возрождающих в обществе интерес к традиции⁵.

За 1990-е гг. произошли принципиальные изменения во взаимоотношениях искусства с властью и обществом. Изобразительное искусство фактически лишилось государственной поддержки (повсеместно была поднята арендная плата на творческие мастерские, иногда их аренда превышала заработную плату художников)⁶, зато избавилось от идеологического диктата (изобразительное искусство стало свободным для творчества, тематика произведений расширилась).

За десять лет увеличилось число членов Союза художников РМ, были созданы неформальные творческие объединения («Артома», «Навигатор», «Сияжар» и др.), новые выставочные залы (арт-салоны «Светлица», «Сюлгамо» и др.). Появление различных художественных объединений в республике способствовало увеличению числа организуемых выставок. Как правило, это были небольшие групповые и персональные выставки. Реже стали проходить большие художественные смотры, которые позволяли бы представить наглядную картину искусства Мордовии.

Поскольку произошло обретение подлинной свободы творчества в результате отказа от государственной идеологии и цензуры, именно в салонах впервые стали выставляться мастера различных авангардных течений. Художники обращались к модернистским традициям, экспериментировали, используя разные жанры, приемы фотодокументализма, ассоциативного монтажа и философского концеп-

туализма, вели поиск в области композиции и пластики. Для многих подобные показы являлись своего рода пробой сил. Так, впервые в г. Саранске в салоне «Светлица» выставил свои работы художник-сюрреалист В. А. Сафонкин. Авангардное направление включает в себя следующие течения: концептуальное искусство (В. Г. Ливанов), фотореализм (В. А. Карасев), сюрреализм (В. А. Сафонкин), экспрессионизм (С. Ф. Коротков) и т. д.⁷ Ценность авангарда как творческой лаборатории заключается в том, что он помогает художникам расширить границы искусства, выражать свое отношение к разным областям культуры, религии, философии, политике, публицистике и науке, а также противостоять вездесущему конъюнктурному ремесленничеству⁸. Колоритными произведениями данного направления являются: «Знаки безмолвия» (1988), серия «Саров» (1994 — 1997) В. Г. Ливанова; «Моя родословная» (1990 — 1994) Е. Г. Балакшина; «Памяти К. Малевича» (1993 — 1994), серия «Жизнь иконы» (1998 — 2002) С. Ф. Короткова; «Пастырь небесный» (1996) Ю. А. Дырина; «Бревно» (1989) В. И. Вечканова; серия «По незримому следу» (1994) А. С. Алёшкина; триптих «Туманность Андромеды» (1998) Л. Н. Колчановой.

В этот период наблюдалась тяга художников к респектабельности, что сказывалось на их творчестве. Оно стало менее эпатажным, внесоциальным, некоторые взяли курс на заказное, салонное искусство. Появились заказные портреты, часто написанные с фотографии. Немногие живописцы в данный период остались верны жанру портрета. Это А. И. Кияйкин («Портрет искусствоведа Оксаны Казановой-Турбаевской», 1992; «Елена», 1990), В. С. Захватов («Светлана», 1997), Т. А. Орлова-Бульчева («Портрет композитора Нины Кошелевой», 1993; «Анюта с куклой», 1992), М. С. Шанин («Портрет Алины Шаниной» 1997). Наиболее разностороннее развитие жанр портрета получил в творчестве В. А. Попкова, который создал ряд репрезентативных портретов ученых: профессора А. И. Сухарева (1997), ректоров МГПИ им. М. Е. Евсевьева В. М. Макушкина (1998) и МГУ им. Н. П. Огарева Н. П. Макаркина (1999)⁹.

Отдельные мастера отдавали предпочтение натюрморту и декоративным пейзажам, отличающимся салонной красотой. Однако среди них были работы, представляющие собой подлинное творчество: пейзажи В. А. Беднова («Весна в деревне», 1991; «Академическая дача», 1994; «Приокские дали», 1996; «Лесное озеро», 1996), Н. П. Рожкова («Закат», 1995), А. А. Мухина («Мартовские тени», 1992), В. Д. Малышева («Река в Мордовской Пишле», 1995; «Весна в Мордовской Пишле», 1998), В. Д. Илюхина («Красная Подгора», 1993; «Берег Парцы», 1998) и др.; натюрморты О. П. Елистратовой («Лилии», 1999), О. В. Павликова («Хлеб Мордовии», 1992), К. В. Попкова («Натюрморт со старым шкафом», 1995), Н. Ф. Есина («Натюрморт с самоваром», 1992; «Натюрморт с рыбами», 1993) и др.¹⁰

Творчество мордовских художников постперестроечного периода все более углублялось в философские вопросы соотношения духовного и материального, человека и мироздания. Н. С. Макушкин в своих пейзажах психологизировал пространство, насыщая его глубокими чувствами и настроениями, приобретающими все более драматичную окраску («Упавшее дерево», 1989; «Околица села», 1989; «Пейзаж с оврагом», 1990). Трагический образ современности с нарастающим человеческим равнодушием и отчужденностью друг от друга создает В. А. Карасев в городском пейзаже («Свет над крышами», 1989; «Танечка на балконе», 1992)¹¹.

В полотнах В. И. Вечканова используются библейские и мифологические сюжеты («Гибель Богов», 1990; «Бегство в Египет», 1992; «Дары волхвов», 1995)¹². Образы Пресвятой Богородицы, святых Флора, Андрея, сюжеты Благовещения и Распятия прослеживаются в творчестве В. А. Попкова «Моление о лошадях», 1989 — 1991; «Натюрморт со Святым Андреем», 1991; «Лилии на фоне „Благовещения“ Чима де Конельяно. Светлой памяти Ирины Васильевны Шевандроной», 1991; «Молитва Пресвятой Богородицы», 1997)¹³. Проблема духовности нашла отражение в творчестве Ф. С. Короткова (триптих «Восставновление», 1998)¹⁴, тема покаяния — у В. М. Шанина («Моление о чаше», «Христос в пустыне», 1992; «Мадонна», 1994), а также в скульптурных произведениях Н. М. Филатова («Христос», 1992 — 1999; «Христос распятый», 1997; «Русь православная», 2000) и В. М. Потапова («Богоматерь Владимирская», 1994)¹⁵.

В творчестве А. Д. Гаушева сюжетным ориентиром выступал храм («Колокольный звон», 1995; «Дворик Санаксарь», 1993). В. А. Попков, А. И. Кияйкин, И. И. Сидельников и А. Н. Баргов также обращались в своем творчестве к христианской тематике с ее вечными поисками некоего нравственного императива, способного удержать душу от деградации и распада, в том числе творческого¹⁶.

В жанре тематической картины традиционные для мордовского искусства темы исторического прошлого Родины, события Великой Отечественной войны и жизнь села отошли на второй план, хотя изредка еще встречались в творчестве отдельных художников (триптих «Легенды и верования мордвы» М. С. Шанина, 1996; «Обед в поле» В. И. Петряшова, 1992; «Дома» В. П. Шадрина, 1995; «Ждут пленных» И. И. Сидельникова, 1993 — 1995). Очевидно, появление новых тем связано со стремлением художников переосмыслить ценности жизни, затронуть в своих работах животрепещущие проблемы современности, такие как экология окружающей среды («Черный день» В. А. Попкова, 1991; серия «Саров» В. Г. Ливанова, 1994 — 1997; «Пейзаж с трубой» В. А. Карасева, 1992; «Стена и дерево», 1992); социальное расслоение общества («Евгений Петрович» А. И. Кияйкина, 1996); коммерциализация всех сторон жизни («Натюрморт с золотым тельцом» А. И. Корovina, 1996) и др.

Независимо от общественно-политической ситуации выставки были самым верным показателем творческой активности и эволюции художников. В исследуемый период было организовано большое количество персональных выставок молодых авторов: Е. Г. Балакшин, 1995; С. Ф. Коротков, 1990 — 1994, 1999; В. А. Карасев, 1990 — 1993, 1996 — 1997; А. С. Алешкин, 1994, 1996; Х. И. Бикбаев, 1995; В. Г. Ливанов, 1990, 1995, 1996, 1998 — 1999; Ю. А. Дырин, 1992, 1997 — 1998; В. М. Шанин, 1994; М. В. Салдаев, 1997; О. В. Колчанов, 1999; Н. М. и Г. М. Филатовы, 1992, 1996; В. П. и А. П. Шадрины, 1990; М. Н. Ямбушев, 1998; Г. И. Орлов, 1992; К. В. Попков, 1992 — 1994; Т. А. Булычева-Орлова, 1993, 1998; В. А. Сафонкин, 1992, 1993, 1995 — 1999; А. В. Богомолов, 1993, 1995; А. Д. Гаушев, 1992, 1995; Н. Т. Арбузов, 1994; Н. А. Зорков, 1998; В. А. Шалдыбин, 1996; Р. Р. Кудряев, 1995; В. И. Жучков, 1999; А. В. Шляпкин, 1999; Н. В. Рябов, 1997. Некоторые из них сумели провести персональные выставки в других городах страны, а также — за рубежом (В. Г. Ливанов, А. С. Алешкин, Ю. А. Дырин, В. А. Сафонкин)¹⁷. Молодежное искусство внесло свой вклад в искусство Мордовии перестроечного периода, открыв много нового и интересного в различных видах и жанрах.

За последнее десятилетие XX в. увеличилось количество пленэров, фестивалей, ярмарок, выставок, в которых принимали участие члены Союза художников Мордовии: всероссийские выставки: в г. Москве — «Россия — IX», 1997; «Болдинская осень», 1999; «Имени твоему» (к 2000-летию принятия христианства), 2000; «Мир отстояли — мир сохраним» (к 55-летию Победы), 2000; в Санкт-Петербурге — «Академический рисунок», 1999; региональные: в Кирове — 8-я выставка «Российский Север» 1998; республиканские: в Саранске — «Ваше величество женщина», 1996; 1-я экологическая выставка «Человек и природа», 1996; выставка к 60-летию СХ МАССР, 1997; выставка произведений художников Мордовии к 55-летию Победы, 2000; международные: в Минске — Могилеве — пленэр российских и белорусских живописцев, 1997; в Таллинне — фестиваль финно-угорских художников, 1998; зарубежные: в г. Берлине — выставка произведений российских художников, 1997.

Несмотря на все трудности 1990-х гг. многим членам Союза художников удалось стать лауреатами премий. Государственной премии Мордовии были удостоены: В. П. Шадрин (1990), Н. И. Мاستин (1991), Г. М. Филатов (1992), Н. М. Филатов (1992); А. С. Алешкин (1995) и др. Звание «Заслуженный художник РСФСР» получил Н. С. Макушкин (1991), «Заслуженный работник культуры РСФСР» — Н. И. Мастин (1990), В. Д. Малышев (1990); «Заслуженный деятель искусств МАССР» — Л. М. Острась-Демяшкина (1993); «Заслуженный деятель искусств РМ» — В. И. Петряшов (1994); «Отличник народного просвещения» — И. П. Маркин (1992); «Заслуженный художник РМ» — Н. М. Филатов (1999) и др.¹⁸

Итак, изобразительное искусство 1990-х гг. продолжало оставаться одним из самых консервативных и просоциалистических. Смена социальной ситуации в стране значительно преобразила понимание самобытности и самоценности мордовского искусства. Художники в своих произведениях обращались к национальным истокам, национальной культуре. В период преобразований изобразительное искусство было отмечено активными поисками нового содержания и соответствующего ему художественного языка. В связи с этим появились различные авангардные течения. Важным стимулом творческой работы художников продолжали оставаться выставки. В них отражались и поиск пути молодых авторов, и попытки художников старшего поколения осмыслить происходящее и отразить его в работах на качественно новом уровне.

Библиографические ссылки

¹ См.: Гольщенко Е. В. Изобразительное искусство Мордовии. Рубеж XX — XXI веков // Центр и периферия. 2007. С. 93 — 102.

² См.: Искусство Мордовии конца XX — начала XXI века: новые пути : альбом. Саранск, 2004. С. 12.

³ См.: Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 431.

⁴ См.: Холопова Н. Поэзия образов, поэзия слова : К 70-летию Н. С. Макушкина // Наш музей. 2010. 31 авг. С. 5.

⁵ См.: Бутрова Е. В. Читающие текст мироздания // Центр и периферия. Саранск, 2003. № 1. С. 34.

⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-1292. Оп. 2. Д. 165. Л. 1 — 2.

⁷ См.: **Осянина Н.** Художник и время // Изв. Мордовии. 1998. 14 янв.

⁸ См.: Искусство Мордовии... С. 9.

⁹ См.: **Сурина М. И.** Профессиональное изобразительное искусство // Мордва : очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 1992. С. 814.

¹⁰ Там же. С. 813.

¹¹ См.: **Гольшенкова Е. В.** Духовное и национальное: современное искусство Мордовии // 70 лет Союзу художников Республики Мордовия : альбом. Саранск, 2007. С. 40 — 41.

¹² См.: **Вишнякова Е. А.** В. И. Вечканов (1955 — 1995) // Наш музей. 2010. 31 авг. С. 8.

¹³ См.: **Гольшенкова Е. В.** Тархановская вечеря Валентина Попкова // Наш музей : альманах. Саранск, 2008. С. 137 — 140.

¹⁴ Искусство Мордовии... С. 12.

¹⁵ См.: **Сурина М. И.** Указ. соч. С. 813.

¹⁶ См.: **Гольшенкова Е. В.** Духовное и национальное... С. 39.

¹⁷ См.: Искусство Мордовии... С. 9.

¹⁸ См.: Мордовия, XX век: культурная элита : энциклопедич. справ. : в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1. С. 362, 369 ; Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 526, 115, 515 ; 2004. Т. 2. С. 518, 461, 462, 134, 165.

Поступила 23.03.2011 г.

НАШИ ПРОЕКТЫ

МИФОЛОГИЯ МОРДВЫ

Энциклопедия

Б

БАБАБ□Й (э.), жен. гулянье. Зафиксировано М. Е. Евсевьевым в нач. 20 в. в Чамзинском р-не ныне РМ. Проводилось женщинами в последние дни престольного праздника, Пасхи и Троицы, т. к. в первые дни в гости ходили только мужчины.

Лит.: **Евсевьев М. Е.** Эрзянь-рузонь валкс = Мордовско-русский словарь. М., 1931; Эрзянь-рузонь валкс = Эрзянско-русский словарь. М., 1993.

Д. Ф. Ильин.*

Б□ББЯ БР□ГА (м. **Авань поза**), обряд, проводимый женщинами в честь *богов-покровителей*, часть *братчины*. Аналогично наз. традиц. обрядовый напиток мордвы (см. *Брага, Поза*).

Обряд совершался в первое воскресенье после Пасхи. Ему предшествовало спец. приготовление, к-рое начиналось в четверг в доме одной из женщин (обычно в порядке очерёдности): заводили брагу из продуктов, принес. участницами обряда. В пятницу совершали моление с просьбой о хорошем урожае и

большом приплоде скота; поминали родителей яичницей, приготовл. из принес. участницами яиц. В субботу приносили в жертву овцу, готовили обрядовую еду для детей. После ритуальной трапезы их угощали брагой. Собственно праздник начинался в воскресенье утром с моления, в к-ром участвовала одна женщина из дома, входившего в братчину. Отличительной особенностью этого моления являлось наличие принадлежавшей данной братчине свящ. свечи (м. штатол). Её прикрепляли к ушку поставл. среди избы ушата с брагой. После моления штатол заливали брагой и устраивали трапезу.

Важной составляющей обряда являлось участие в нём молодых женщин, приходивших в дом к концу моления. Их встречали пожилые женщины, к-рые устраивали им своего рода посвящение, стегая кнутом по спине и приговаривая: «Алыяк! Алыяк!» («Несись! Несись!»). В ответ на это каждая молодая женщина вынимала из-за пазухи приготовл. куриное яйцо и клала на стол. После этого их угощали обрядовой брагой. Дальнейшее празднование проходило во дворе с участием всех приглаш. женщин, пьём браги и пением песен.

* Статьи Д. Ф. Ильина подготовлены при поддержке РГНФ (проект № 10-03-23306 а/В).

В этот же день участники обряда посещали др. братчину. Во главе шествия находилось неск. женщин, к-рые скакали на палках, символизовавших коней, и кричали: «Йго-го!». За ними следовали ещё три женщины с палками в руках, также символизовавшими коней. Остальные участники шествия пели песни. После гулянья участники праздника возвращались, сопровождаемые др. братчиной.

На следующий день сценарий праздника повторялся, только без обряда символич. посвящения молодых женщин. Кроме того, в этот день в гости приходили представители др. братчины. Праздник заканчивался перенесением родовой свечи в соседний дом, где она должна была храниться до следующего года.

Перенесение родовой свечи сопровождалось шествием женщин с украш. палками в руках и верхом на палках, символизовавших коней. За женщинами следовали хозяйки домов, где хранилась родова свеча и куда её переносили. Первая из них несла в руках свящ. свечу, вторая шла с караваем хлеба и кувшином обрядовой браги. После перенесения свечи хозяин дома, в к-ром она оставалась на хранение, устраивал праздничный ужин, где допивали остатки обрядовой браги.

Мнения исследователей расходятся в трактовке важных элементов этого праздника, в частности использования при перенесении свящ. свечи палок, символизирующих коней, и скакания на них женщин. По версии М. Е. Евсевьева, данный обряд указывает на почтение, выражаемое родовой свече, к-рую якобы перевозили на коне, по версии У. Харвы — это реликт оргиастич. празднеств, имевших широкое распространение у народов Европы и Азии.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1947. Bd. 4.

Лит.: **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Самородов К. Т.** Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; **Корнишина Г. А.** Сезонные обряды мордвы: исторические корни и традиционные формы бытования. Саранск, 1999 ; **Её же.** Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

*Н. Г. Юрчёнкова**

БАЛАКОВСКИЙ А. (сер. 19 в.), учитель Пензенской духовной семинарии. Входил в состав учёной комиссии, созд. для разбора дел архива Пензенской консистории. Увлекался этнографией.

Соч.: О молянах мордвы в Пензенской губернии // Руководство для сельских пасторов. [Киев]. 1867. № 4.

В. А. Юрчёнков.

БАЛАШОВ Виктор Андреевич (1.1.1937, с. Зарубкино ныне Zubovo-Polyanskogo р-на РМ — 29.7.1997, г. Саранск), этнограф. Д-р ист. наук (1992), проф. (1993). Засл. деятель науки РФ (1995). Мордвин (мокша). Род. в крест. семье. Окончил Zubovo-Polyanskoe пед. уч-ще (1955), Мордов. гос. ун-т (1960), аспирантуру НИИЯЛИЭ (1967). С 1967 — ассистент, старший преподаватель, до-

* Статьи Н. Г. Юрчёнковой подготовлены при поддержке РГНФ (проект № 11-11-13005 а/В).

цент кафедры истории СССР, 1991 — декан ист. ф-та, зав. кафедрой новейшей истории народов России, в 1992 — 97 — проректор по уч. работе Мордов. ун-та. При характеристике бытовой культуры мордвы во 2-й пол. 19 — нач. 20 в. дал краткое описание свадебных, родильных и похоронно-поминальных обрядов. Осн. внимание уделял новациям в быту мордвы. Отв. ред. кн. «Мордва. Историко-культурные очерки» (1995).

Соч.: Культура и быт мордовского колхозного села : Ист.-этногр. очерк по материалам Zubovo-Полянского р-на Мордовской АССР. Саранск, 1975 ; Бытовая культура мордвы: традиции и современность. Саранск, 1992.

Лит.: Юрчѐнков В. А. В. А. Балашов: этапы большого пути // Регионология. [Саранск]. 1997. № 1 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. : в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1.

В. А. Юрчѐнков.

Б□НЯ (м., э.), вид дерев. постройки для мытья; в нар. верованиях — нечистое место, где обитали демонич. существа; место, где совершались нек-рые семейные обряды и гадания. Располагается недалеко от дома, на пригорке или под ним, чаще около реки или озера. Помимо своей непосредств. функции — гигиенич. — выполняет также утилитарные и обрядовые, рациональные и иррациональные функции. Часто они находятся в синкретич. единстве.

Из утилитарных функций осн. является лечебная. В Б. лечатся паром с применением различных лекарств. растений. Раньше Б. нередко превращалась в своеобразную мастерскую по изготовлению валенок, трепальню и чесальню льна и т. п. В искл. случаях она служила жильём, напр., для прохожего, застиг-

нутого ночью в пути. Молодёжь устраивала в Б. посиделки. Ритуальная Б. являлась обязательным компонентом свадебной (см. *Баня девичества*, *Баня молодушки*), родильной и похоронной обрядности.

В Б. локализовалось магич. воздействие на человека со стороны сверхъестеств. сил, причѐм оно стимулировалось заговорами и соотв. действиями. В ней происходила и передача колдовского искусства. Б. осмысливалась в качестве сакрального пространства, где определялось и программировалось будущее. Здесь гадали перед зеркалом, сюда приходили «слушать», т. е. узнавать свою судьбу на следующий год по звукам, доносящимся время от времени и определённым образом интерпретируемым гадающими.

У мордвы сложилось положительное отношение к Б., т. к. это неодомашн. пространство крест. двора, пограничное место, где встречаются две стихии — огонь и вода. Считалось, что покровительницей Б. является *Банява*.

Б. у мордвы в прошлом считалась наиболее подходящим помещением для родов и это было связано с религ.-мистич. представлениями. Сам процесс родов и роженица считались «нечистыми», привлекающими различные сверхъестеств. силы, поэтому их старались удалить из дома, а с целью облегчения родов проводили магич. обряды, направл. на то, чтобы сберечь мать и ребёнка. Повивальная бабка принимала новорождённого и осуществляла первичный уход за ним. Важным средством «очищения» было парение в Б. берёзовым веником. Согласно обычаю, роженица и ребёнок в течение трёх (иногда семи) дней, пока происходило символич. очищение, оставались в Б. и лишь затем переходили в дом. Священник

К. Митропольский, изучавший быт мордвы, писал: «Новорождённых младенцев мордва всегда долго моет в бане и парит веником. Во время паренья бабка приговаривает на своём наречии суеверные слова: „Есть за морем девица с серебряными волосами, серебряным поясом подпоясанная; не я тебя, дитя, парю, не я тебя глажу; парит тебя та девица и гладит тебя она, чтобы ты был крепок, чтобы ты был покоен“» (Мирское слово, 1877, № 11, с. 83).

Особое значение придавалось баннм веникам. Считалось, что через определённые манипуляции с ними они приобретали лечебно-магич. свойства. Напр., веники заготавливали в Духов день, когда трава и деревья освещались церковью. Для лечения детей веники делали из ветвей трёх берёз (для девочки) или дубов (для мальчика), а для приготовления пара камни брали из трёх Б., воду приносили из трёх источников. Затем в ёмкость с водой знахарка опускала предварительно раскалённые камни и, прочитав над ними молитву, поднимала на полати ребёнка, парила его, а мать поддавала пар. Данную процедуру повторяли три раза, меняя веники. После этого Б. тщательно закрывали, чтобы болезнь не вернулась к ребёнку.

Мифол. представления, связ. в той или иной степени с Б., отражены в календарных праздниках мордвы. Так, во время Великого поста в ночь на Вербное воскресенье проводился очистительный обряд, направл. на изгнание злых духов и болезней. Накануне этого дня, т. е. в Лазареву субботу, молодёжь отправлялась в лес за вербой. К вечеру из неё изготавливали жгуты (свивали два-три прута). Вечером молодёжь собиралась в Б. играть. Игра заключалась в собирании «податей». В ней принимали участие только молодые люди. Они приносили с собой жгуты, свитые из вербы, и

мочёный горох. Девушки смотрели на игру парней, к-рая продолжалась до первых петухов. После этого девушки расходились по домам, а парни толпой шли по деревне хлестать народ вербой и выгонять «нечистый дух». В с. Б. Сеськино Нижегородского у. Нижегородской губ. в Петров день девушки как обычно, когда играли на улице, делились на артели, топили Б. и мылись в ней, затем в предбаннике накрывали стол с самоваром, вареньем, кренделями и начинали петь. Деньги на расходы они зарабатывали сами: пололи, собирали шишки. К девушкам приходили молодые люди.

В обрядовой Б. у эрзи д. Кардафлей Городищенского у. Пензенской губ. на Страстной неделе было принято париться три раза. Первая Б. (кикнай) топилась в Великую среду. Её особенность состояла в том, что каждый старался раздеться как можно быстрее и со словами «ки-ки» (отсюда назв. Б.) подбегал к холодной воде и обливался. Вторую Б. топили в Великую пятницу. Начиная париться, каждый призывал духов умерших, для к-рых заранее готовили воду и веник. Третью Б. (тейтерень «девичья») топили девушки в Великую субботу, где парились все. В Великий четверг мордва устраивала в Б. моление, обращ. к Баняве, с просьбами о ниспослании здоровья.

На Масленицу совершали обряд «мастьянь банят» («масленичные бани»). В четверг дети 7 — 9 лет собирали яйца, рыбу, масло, пшено и всё это несли в Б. Одна из женщин готовила из этих продуктов еду. Дети наряжали цветами ветки, делали из них букеты и с ними плясали и пели в Б. и вокруг неё. В пятницу топили Б. девушки и юноши. Первые рядились вторыми и наоборот и ходили по улицам. Ряженные пели и плясали, а остальные, взявшись за руки, шли за ними, иногда подпевая.

Молодёжь перестала совершать этот обряд в 1930-е гг., дети же продолжали до кон. 20 в.

С Б. связаны и нек-рые похоронно-поминальные обряды (см. *Баня предков*).

Основу лечения в Б. составляли действия, направл. на «выпаривание» болезни. Нередко оно проводилось в форме магич. обряда, к-рому предшествовал процесс подготовки самой Б. и необходимых для этого средств (биол., минерального и животного происхождения, массаж и др.). Они могли применяться самостоятельно или в сочетании с др. в виде ванн, компрессов, растираний, припарок. Такие процедуры использовались при лечении органов дыхания, опорно-двигательного и мышечного аппарата, лихорадочных состояний и др. заболеваний.

Нередко лечение осуществлялось с помощью заговоров. При этом знахарка обращалась к помощи Банявы. После того как больная хорошо вымоется, знахарка поднимала над её головой сито, куда лила святую (или заранее наговорённую ею) воду и произносила: «Баня-авушка, матушка, помогите. / Смойте с рабы Божьей (имя) / Всю порчу, все болезни / Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь» (цит. по: Никонова Л. И., Тайны мордовского целительства, Саранск, 1995, с. 47). Затем больная, не вытираясь, надевала чистую одежду. При заражении в Б. чирьями ворожея заходила в неё и обращалась к её хранительнице: «Банянь кирди, авакай, / Чочконзо рублевой штатолт, / Кевензэ сардовтомот-уголтомот» — «Хранительница бани, матушка, / Брёвна твои, как рублёвые свечи, / Камни твои гладкие, без уголков» (Там же, с. 131). Затем ворожея брала воду, принес. из неск. родников, и продолжала: «Банянь кирди, банява, / Шлить-нардыть нуськот-наськот, /

А ванькс ормат / Парсей тенстьсэть хлопать, / Груша лопасот вачкоить. / Зяро баняньт парозо-лезэзэ! / Веденьт марто экшелятан-нардатан. / Веденьт марто алов ормась чудезэ, / А тейтерь верев кадовозо. / Те веденьт баня кожовтс каяса. / Банянь васень качамнесь / Матор ланга сравтнесы, / Лато прява кантнесы» — «Хранительница бани, матушка, / Вымой, вытри чирьи... / Нечистые болезни. / Шелковистым веником похлопай, / Круглыми листьями попарь. / Сколько пользы от твоего пара! / Водой я больную искупаю. / Пусть вместе с водой болезнь вниз течёт, / А девушка пусть наверху останется. / Эту воду выплесну я в каменку. / Первый дымок бани / По земле её разнесёт, / По крыше развеет» (Там же, с. 131 — 132). Затем ворожея три раза дула на тело и говорила: «Исцелявсь, ванськадсь» («Исцелилась, очистилась»). Эта процедура повторялась три раза.

Мн. народы связывали распространение болезней с воздействием на человека нечистой силы, в т. ч. связ. с Б. Не рекомендовалось находиться в ней очень долго, иначе банный дух мог напугать моющихся; нельзя было оставлять без присмотра детей.

Б. широко использовалась в святочных гаданиях девушек на женихов. В полночь, подойдя к двери Б., они просовывали руку в приоткрытую дверь и если ощущали прикосновение мохнатой руки, то это означало, что будет богатый жених, если голой — бедный.

Существовал определённый банный этикет, нарушение к-рого по представлениям мордвы влекло за собой непоправимый вред здоровью человека. Запрещалось, напр., появляться в Б. после двенадцати часов ночи, т. к. считалось, что в это время там моется Банява вместе со своим семейством. Нельзя было также шуметь, ругаться и громко

смеяться в Б. Этикет поведения человека в Б. не только исключал какое бы то ни было нарушение запретов, но и требовал оказания её хозяйке почтения и покорного смирения.

В 20 в. Б. практически утратила религ.-магич. функции.

Лит.: Митропольский К. Мордва: мировоззрения их, нравы и обычаи // Мирское слово. 1877. № 11; Евсевьев М. Е. Мордовская свадьба. Саранск, 1959; Белицер В. Н. Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX — первой половине XX в. // Исследования по материальной культуре мордовского народа. М., 1963; Никонова Л. И. Псиса парят — эрзя марят: Банясь мокшэрзятнень эрзяфа // Мокша. [Саранск]. 1992. № 7; Её же. Тайны мордовского целительства: Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995; Никонова Л. И., Кандрина И. А. Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья: историко-этнографическое исследование. Саранск, 2003; Никонова Л. И., Кандрина И. А., Романова М. Н. Народная медицина мордвы — простая и загадочная... (По результатам этнографических экспедиций. 1990 — 2010 гг.). Саранск; Пенза, 2011.

Л. И. Никонова, И. А. Кандрина.

БАНИА (Б а н я-а в а, Б а н я з о р а в а; м., э. баня «баня», ава «женщина»), божество жен. рода, покровительница пространства *бани*. В молитвах и причитаниях к ней обращались «Бань-авушка матушка! / Банянь кирди корьмакай!» — «Хранительница бани, матушка! / Хранительница бани, кормилица!», «Банянь кирди матушка, / Банянь кирди сияка!» — «Хранительница бани, матушка, / Хранительница бани, серебряная!» (цит. по: Евсевьев М. Е., Избр. тр., Саранск, 1966, т. 5, с. 156,

158). Культ Б. возник в связи с тем, что баня играла важную роль в обрядах жизн. цикла мордвы.

Б. — невидимое существо, однако при пересечении сакрального времени с адекватным пространством она могла появляться перед находившимся в бане человеком. В остальное время Б. обнаруживала своё присутствие с помощью характерных звуков: льющейся воды, шуршания веника, скрипа досок. Антропоморфный образ Б. сходен с обычной женщиной: в *быличках* она изображается голой женщиной, сидящей на полке и расчёсывающей длинные волосы (см. *Антропоморфизм*).

Жилищем-вместилищем Б. является полók, реже каменка. Там она живёт со своим семейством — мужем Банятей и детьми. Изредка Б. локализуется на чердаке бани.

Будучи покровительницей рожениц, семьи и здоровья, Б. являлась участницей семейных обрядов: родильных, свадебных и похоронно-поминальных. В бане повивальные бабки принимали роды и давали имя младенцу. После родов в честь Б. готовили ритуальную кашу. Её приносили в баню и ставили к косяку, на к-ром находились петли. Предполагалось, что локализацией Б. мог быть порог как граница между сакральным пространством бани и профанным миром. Целью родильных обрядов, проводимых в бане, было не только обеспечение ребёнка жизн. силой и здоровьем, но и программирование его счастливой судьбы, богатой жизни, желательных черт характера, иными словами, наделение новоявл. члена семейно-родовой общины «баным счастьем».

Перед свадьбой мордва устраивала *баню девичества*, в ходе к-рой невеста посвящала Б. целый цикл причитаний. У мордвы-каратаев в процессе

обряда девичьей бани невеста благодарила духов-покровителей бани: «Спасибо вам, отец бани (и) мать бани, за то, что не пугали, не припугивали, за то, что хлестали золотым венником, за то, что мыли серебряной водой» (цит. по: Мордва-каратаи: язык и фольклор, Казань, 1991, с. 87). В дар им девушка иногда оставляла золотую или серебряную монету, в 1920 — 30-е гг. — простую деньгу. В отд. районах проживания мордвы невеста перед свадьбой жила неск. дней в бане, оплакивая своё девичество. Ритуальное мытьё в бане, содержание причитаний, обращ. к Б., обнаруживают связь с обрядом инициации, после чего невеста получала право на брак. Семантика этого обычая легко прочитывается: невеста оставляла Б. в семейно-родовом святилище свою душу-девичество.

Входя в дом новобрачного и устанавливая здесь семейные связи, молодая приобщалась к новому семейно-родовому культу. У мордвы-мокши на следующий день после свадьбы молодая приносила жертву в баню своего мужа, стремясь т. о. заручиться покровительством новой хозяйки бани.

Накануне всех семейных поминок мордва топила баню, в к-рой парились участники поминовения и «покойник» — заместитель умершего. В день поминовения в баню «приглашали» и всех ранее умерших предков «смыть с себя земную пыль» (цит. по: Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 102). В поминальных обрядах Б. являлась посредницей между мирами живых и мёртвых. Обладая сверхъестеств. способностями, она осуществляла связь между этими мирами.

Б. у мордвы выступала и в качестве целительницы, дарительницы здоровья. Подтверждением этому служат тексты молитв, напр.: «Банязор, банязорава, мы

молимся и кланяемся вам! <... > Смойте нашу грязь и черноту! Защищайте нас, когда мы моемся в бане, от всяких бед и болезней» (Ibid, S. 287 — 288). Именно божество бани советовало больному целебные средства, важнейшими из к-рых являются вода и огонь. При этом Б. одухотворяла процесс человекотворения (в данном случае лечение, осмысляемое как возрождение, восстановление, обновление), а также изгнание болезни. В то же время Б. могла напустить на человека болезнь.

Божествам бани молились и просили прощения, если полагали, что чем-л. обидели их: «Простите меня, если я выругался, подумал о вас зло или ещё чем-нибудь согрешил, когда мылся в бане! Дайте мне хорошее самочувствие, достаток и здоровье» (Ibid, S. 288). В этом случае в баню ходили в полночь со значаркой и преподносили божествам бани жертв. дары.

Б. обладает магич. способностью предсказывать будущее, определять судьбу гадающих. Особенно благосклонна хозяйка бани к ним в период Святков, в дни, совпадающие по нар. традиции с празднованием Нового года и «переломом» зимы, т. е. с переходным, «пороговым», временем. Наиболее распростран. были гадания девушек о суженом. Поскольку Б. представала в качестве вершительницы жизн. цикла и человек. судьбы, неудивительно, что она выступала и в роли прорицательницы будущего, выполняя (наряду с др. божествами-покровителями) часть функций божества судьбы, отсутствующего в мордов. мифологии как цельный образ.

По нек-рым функциям Б. близка к рус. Баннику, мар. Мончаве. Уважительное отношение к Б. наблюдается и у др. народов Поволжья, в частности у татар и чувашей.

Зрительный образ Б. создан худ. А. С. Алёшкиным в сер. «Куда ушли боги мордвы», где она изображена как человекообразное существо маленького роста в стихии своего обитания — бане.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. Казань, 1895 ; Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Ромашкин В. И. Обычаи и музыкальный фольклор мордвы-каратаев // Мордва-каратаи: язык и фольклор. Казань, 1991 ; Девяткина Т. П. Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 1998 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Рогачёв В. И. Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004 ; Mainof W. Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

В. И. Рогачёв, Н. Г. Юрчёнкова.

БАНЯ ДЕВЧЕСТВА (м. **Стирьксинь баня**, э. **Тейтерень баня**, **Тейтерьксинь баня**), обряд, совершаемый девушкой-невестой накануне свадьбы. Подробно описан М. Е. Евсевьевым. В одних местах Б. д. топилась подружками невесты, в др. — невестками. Последние обычно воровали дрова у соседей, нередко ломали чужие плетни и заборы. В Б. д. невеста шла в любую погоду с непокрытой головой. Её сопровождали подружки, к-рые, как и она, всю дорогу причитали. Они несли бельё невесты (рубашку), а также вино и закуску, к-рые давала им её мать. Этим вином невеста угощала подруг в бане (э. банянтъ идесазо «баню выкушает»).

Перед топкой бани подружки невесты собирались в её доме и ели кашу. После этого невеста начинала причитывать, просить мать указать ей, кого послать топить баню: «Мон кинзэ кучан, авакай, / Пси банинень уштомо? / Кинзэ кучан, тиринем, / Лембе ведень эждямо?» — «Кого пошлю я, матушка, / Жаркую банюшку топить? / Кого пошлю я, кормилица, / Тёплой воды нагреть?» (цит. по: Евсевьев М. Е., Мордовская свадьба, Саранск, 1959, с. 113). Мать указывала на свою сноху. Невеста обращалась к ней: «Азёка кучтан, урякай, / Остатка банянь уштомо, / Азёка кучтан, авакай, / Лембе банянь уштомо» — «Иди-ка, невестушка, я пошлю тебя / Последнюю банюшку топить, / Иди-ка, матушка, я пошлю тебя / Тёплую банюшку топить» (Там же, с. 113 — 114). Пока топилась баня, подружки невесты с песнями отправлялись к жениху за венником и мылом. Вернувшись, передавали их невесте. Она бросала мыло в угол, а веник разламывала и топтала ногами, после этого садилась на своё место, подзывала к себе молодую замужнюю женщину и просила рассказать о жизни замужем. Затем к невесте подходила истопница и в причитании сообщала, что баня готова. Уходя в баню, невеста давала поручения членам семьи. Отца она просила съездить на базар и купить половых досок для гроба: «Половой лазт рамака, / Гривенной эск рамака: / Банядо мейле, тетякай, / Лоткить пильгень якамдо, / Лотки келем кортамдо» — «Купи-ка половых досок, / Купи-ка гривенных гвоздей: / После бани, батюшка, / Перестанут ходить мои ноженьки, / Перестанет говорить мой язык» (Там же, с. 123); мать — приготовить поминальные блины; старшего двоюродного брата — срубить в лесу дерево для мерки, а младшего — собирать родных на похороны. При выходе из дома

невеста причитала: «Адядо, ялган, адядо / Пси банясо парямо, / Кельме ведьсэ валномо. / А карман мейле, ялгинень, / Тейтерьксчинь марто якамо / Пси банясо парямо» — «Пойдёмте, подруженьки, пойдёмте / В жаркой бане париться, / Холодной водой окачиваться. / Не стану я потом, подруженьки, / Вместе с девичеством ходить / В жаркую баню париться» (Там же, с. 124 — 125). Сделав неск. шагов вперёд, невеста снова останавливалась. Обратившись к одной из подруг, она дарила ей кольцо и просила проложить дорогу в Б. д.: «Азёка, дугам, икелев / Монень кинень тееме, / Монень бродонь бродямо. / < ... > / ...Бояраваксчинь банязо. / Пиже мазы лугасо, / Самай куншкотаркасо, / Сэнь артома модасо, / Чинь чарамо таркасо. / Ошонь боярт керинзэ, / Ош подяцейть ускинзэ. / Ускозь тейтерьксчинь банясь» — «Пойди-ка, сестрица, вперёд / Проложить мне дорогу, / Набродить мне броду. / < ... > / ...Баня девичества. / На зелёном, красивом, лугу, / На самой середине, / На земле, как краска синяя, / На месте, где солнце играет. / Городские бояре её срубили, / Городские подьячие её привезли. / Привезена девичья баня» (Там же, с. 126). Подруга выделялась из толпы и до бани шла впереди невесты. Не доходя до бани, невеста снова останавливалась и говорила, что чувствует горький запах дыма. Она подзывала подругу и просила её сбегать к бане. Возвратившись, та отвечала невесте: «Арась, патяй, — банястонть тантей чине лиси, цяпор чине» — «Нет, сестрица старшая, — из бани идёт приятный запах, запах богородки» (Там же, с. 127). Невеста дарила подруге кольцо и направлялась дальше, но через один или два шага снова останавливалась и продолжала причитать о прощании с девичеством: «Бояраваксчим, тейтерьксчим! / Бояраваксчим, оляксчим! / Азё

кучтан, тейтерьксчим, / Сивойть-буройть ракшасо, / Сынсь молиця нурдосо. / Керязь оляксчинь банясь / Пиче мазы гривасто, / Ур налкамо таркасто» — «Сударушка моя девичество! / Сударушка моя волюшка! / Иди, я пошлю тебя, моё девичество, / На сивых, бурых лошадях, / На санях самокатах. / Срублена девичья баня / С красивого соснового бора, / С места, где белки играют» (Там же). Затем невеста бросала в сторону кольцо и направлялась к бане, обращаясь к её покровительнице *Баняве*: «Бань(я) авушка матушка! / Бань(я) авушка сияка! / Верьга юты пси парот, / Куншкава юты качамот, / Сек алга юты тонь пулеть. / Пси парсот монь пидима, / Качамосот артома, / Кулов пульсэть вельтямак» — «Хранительница бани, матушка! / Хранительница бани, серебряная! / Поверху идёт твой горячий пар, / Посредине идёт твой дым, / По самому низу идёт пыль твоя. / Горячим паром свари меня, / Дымом своим выкраси меня, / Зольной пылью покрой меня» (Там же, с. 128). Пока невеста шла к бане, туда входили неск. подруг и запирали за собой дверь. Когда невеста подходила к бане, они начинали петь: «Совака, патяй, совака. / Аволь минь банянтъ уштынек, / Аволь минь веднесть кандынек. / Пазонь васень тейтерьзэ / Садовой пингсэ уштызе, / Цяпор тикшесэ сувтызе» — «Войди-ка, старшая сестрица, войди, / Не мы эту баню истопили, / Не мы воду наносили. / Божья старшая дочь / Садовыми дровами истопила, / Богородской травой окурила» (Там же, с. 128 — 129). В бане невеста оставалась недолго, т. к. накануне она мылась вместе с членами своей семьи. По выходе из бани она благодарила Баняву: «Банянь кирди матушка, / Банянь кирди сияка! / < ... > / Стака сэрем шождыньгадсь, / Чопода чамам валдомгадсь. / < ... > / Вай пасиба, пасиба, /

Бань-авушка матушка, / Пасиба шлямзот, нардамзот, / Суро ямксокс теймеззть» — «Хранительница бани, матушка, / Хранительница бани, серебряная! / < ... > / Тяжёлое тело моё облегло, / Тёмное лицо мое посветлело. / < ... > / О, спасибо, спасибо, / Хранительница бани матушка, / Спасибо, что вымыла, вытерла, / Как крупинка просыная я стала») (Там же, с. 130 — 131).

Обряд Б. д. сохранялся у мордвы до нач. 20 в. По данным Евсевьева, в то время во мн. мокш. селениях в бане происходил обряд замены девичьего головного убора головным убором замужней женщины.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 1 : Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 2 : Мокшанская свадебная поэзия. Саранск, 1975.

Лит.: **Евсевьев М. Е.** Мордовская свадьба. Саранск, 1959 ; **Белицер В. Н.** Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX — первой половине XX в. // Исследования по материальной культуре мордовского народа. М., 1963 ; **Никонова Л. И., Кандрина И. А.** Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья: историко-этнографическое исследование. Саранск, 2003 ; **Рогачёв В. И.** Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004.

Л. И. Никонова, И. А. Кандрина.

Б□НЯ МОЛ□ДУШКИ (м. **Ръвянянь баня**, э. **Одирвань баня**), обряд, совершаемый молодой в первую субботу после свадьбы. Относится к обрядам приобщения молодой к новому роду, к-рые закрепляли её вступление в род мужа и в половозрастную группу за-

мужних женщин, а также укрепляли отношения между родами мужа и жены. В этот день молодая посещала баню вместе с новыми родственницами и одаривала их. Мывшимся с ней женщинам и детям она дарила по медному кольцу, иначе ей не давали одеваться — одна из женщин садилась на её бельё и не вставала до тех пор, пока молодая не одаривала всех. При выходе из бани такое же кольцо она клала на кожух и на порог в дар *Баняве*. В наст. время этот обряд не соблюдается (или соблюдается крайне редко). Он представляет собой обычное посещение бани с целью гигиены, как правило, в субботу молодой и близкими родственницами-женщинами со стороны мужа.

Лит.: **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Гаушев С.** Народы Мордовии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pfo.ru/?id=23812> (дата обращения 21.07.2011).

Л. И. Никонова.

Б□НЯ ПР□ДКОВ (м., э. **Атянь баня**), обряд поминовения предков, совершаемый на Страстной неделе. Б. п. предназначалась не только для умерших родных, но и для сирот, нищих, бездомных. На полók ставили небольшое корыто с водой, горшок с кашей и «приглашали» их прийти попариться. В этой же бане парились сами хозяева. Если у к.-л. не было бани, то они обязательно ходили в этот день мыться к соседям, куда «приглашали» и своих предков. Согласно суевериям, чтобы человеку не было вреда от пользования баней в этот день, нельзя было слишком долго находиться в ней либо париться поздно вечером или ночью. Данные представления, видимо, были обусловлены верой в непосредств.

присутствие духов предков, к-рым доставляло неудобство слишком долгое пребывание в Б. п. людей.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; Евсеев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5.

Г. А. Корнишина.

Б▯РБАРО Иосафат (1413, г. Венеция, Италия — 1494, там же), политик, дипломат, купец; автор записок о Моск. гос-ве. Род. в знатной итал. семье. В 1436 отправился в г. Тану (ныне Азов), где прожил 16 лет. По возвращении на родину вошёл в состав пр-ва Венецианской республики, выполнял её поручения в Далмации, Албании и Персии.

Одним из первых употребил термин «Мохіа», под к-рым большинство исследователей (В. Н. Семёнов, А. А. Гераклитов, В. А. Юрчёнков) понимают мордву-мокшу. По мнению Гераклитова, Б. мог наблюдать в Тане рабов-мокшан и от них узнать плем. имя и подробности их жизни и быта. В записках он отметил свою хорошую осведомлённость относительно мордвы и указал на наличие у неё культа коня. Описание Б. передаёт детали обряда поклонения коню: «В известное время года они берут лошадь, которую они приобретают сообща, и привязывают ей все четыре ноги к четырём кольям, а голову — к отдельному колу. Все эти колья вбиты в землю. Затем приходит человек с луком и стрелами, становится на соответствующем расстоянии и стреляет в сердце до тех пор, пока не убьёт лошадь. Потом её обдирают, из шкуры делают мешок, над мясом совершают какие-то свои обряды и съедают его; шкуру туго набивают соломой и зашивают её так искусно, что она кажется цельной; вме-

сто каждой из ног подставляют прямой брусок дерева — так, чтобы лошадь могла стоять, будто живая, на ногах. Наконец, они идут к какому-нибудь большому дереву, обрубают соответствующим образом сучья и прилаживают сверху помост, на который и помещают эту лошадь стоймя. В таком виде они ей поклоняются и приносят в дар соболей, горностаев, белок, лисиц и другие меха. Всё это они навешивают на дерево, подобно тому как мы ставим свечи [в церкви]. Таким образом получается, что эти деревья сплошь заполнены мехами» (Барбаро и Контарини о России, Л., 1971, с. 134 т., 159 п.).

Сообщение Б. подтверждается как археол. (А. П. Мачинский, М. Ф. Жиганов, Я. В. Беляев), так и этногр. материалами. Аналогичный обряд установления жертв коня существовал у сиб. татар. Это позволило фин. исследователю Ю. Крону считать реальной предст. Б. картину. Описание обряда поклонения коню позволяет детально воссоздать часть мировоззренч. системы, существовавшей в 15 в. у мордвы.

В мордов. изобразит. иск-ве к опис. Б. сцене обращался А. И. Коровин в ходе работы над кн. «Как узнавали о мордве. Рассказы в картинках» Юрчёнкова (1996).

Тексты: Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1 ; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 1 ; Барбаро и Контарини о России / вступ. ст., подгот. текста, пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971.

Лит.: Гераклитов А. А. Племенные названия «Мордва» и «Мокша» в русских и иностранных источниках // Изв. Нижневолж. ин-та краеведения. Саратов, 1931. Т. 4 ; Юрчёнков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. зап.-европ. авторов VI —

XVIII столетий. Саранск, 1995 ; **Krohn J.** Suomen suvun pakanallinen jumalanpalvelus. Helsinki, 1894 ; **Lenna N.** di. Ambrogio Contarini, politico e viaggiatore nel sec. XV. Padova, 1921.

В. А. Юрчёнков.

БАРБЕРНИ Рафаэлло (даты жизни неизв.), итал. купец и путешественник; автор записок о Моск. гос-ве. В 1564 побывал в Рос. гос-ве в качестве частного лица, имел при себе рекомендательное письмо англ. королевы Елизаветы к Ивану Грозному, что обусловило его тёплый приём в г. Москве. Впоследствии по просьбе кардинала Амелио и графа Нубаролы описал своё путешествие. В записках достаточно точно локализовал этнич. терр. мордвы, употребив для её обозначения термин «*poruli Morduisti*»; отметил подчинение мордвы моск. государю; охарактеризовал её как народ «частью идолопоклоннический, частью магометанского исповедания» (Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках, СПб., 1843, с. 12). Судя по характеру информации, на Б. оказали существ. влияние «Записки о Московии» С. фон Герберштейна.

Тексты: Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб., 1843 ; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 1.

Лит.: **Юрчёнков В. А.** Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. зап.-европ. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995 ; **Юрчёнков В. А., Шкердина Н. О.** Западно-европейские национальные традиции восприятия мордвы: проблема генезиса и развития // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре. Саранск, 2005. (Тр. / НИИГН ; т. 4(121)).

В. А. Юрчёнков.

БДНИЕ ритуальное, воздержание ото сна, соблюдаемое в определённые моменты во время нек-рых семейных обрядов и календарных праздников. Преднамер. воздержание ото сна считалось одним из способов достижения ритуальной чистоты, а также было связано с представлением об опасности сна для жизни человека.

Наиболее многочисл. свидетельства Б. в семейных обрядах относятся к похоронному и свадебному, когда определённые люди, находясь в этом состоянии, защищают жилое пространство или своих близких от злых сил. Так, ночью, пока умерший находился в доме, близкие родственники по очереди оплакивали его, а монахини пели псалмы и читали псалтырь. Кроме того, следили, чтобы возле покойника не погасла свеча.

В свадебном обряде были закреплены традицией и имели обязательный характер ночные причитания невесты. После назначения дня свадьбы она начинала по вечерам оплакивать своё девичество. По свидетельству М. Е. Евсевьева, первый раз это происходило в полночь. «...Ночь, избранная для начала причитаний, проводится невестою в самых тяжёлых размышлениях и душевных волнениях. Невеста ни на минуту не смыкает глаз, она ежеминутно вскакивает с постели, боясь проспать первое пение петухов — время, когда ей начинать причитывать» (Евсевьев М. Е., Избр. тр., Саранск, 1966, т. 5, с. 24). Накануне свадьбы невеста также причитала начиная с полночи и вплоть до отъезда из дома родителей. В. Н. Майнов писал, что у терюшевской мордвы накануне венчания с вечера к невесте собирались подруги: «Девки с невестой не спят всю ночь и под песни вышивают красной бумагой полотенца — дары невестины» (Майнов В. Н., Очерк

юридического быта мордвы, Саранск, 2007, с. 100).

Б. было свойственно отд. календарным праздникам (Рождество, Пасха). На Святки представления в «доме плясок» проводились преим. в ночное время. В ночь на Вербное воскресенье молодёжь устраивала праздник в честь божества вербы Вермавы. Около полуночи в заранее приготовл. избах молодёжь веселилась, а перед рассветом с вербой в руках ходила по домам участников — хлестать спящих вербой.

Тексты: Маторова : мордов. нар. эпос. Саранск, 2009 ; Маторова : мордовский народный эпос. Саранск, 2011 ; Маторова : эрзя-мокшонь раскень эпос. Саранск, 2011.

Лит.: Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. [2-е изд.]. Саранск, 2007 ; Евсеев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Брыжинский В. С. Народный театр мордвы. Саранск, 1985 ; Славянские древности : этнолингв. слов. : в 5 т. М., 1995. Т. 1.

Д. Ф. Ильин.

БѢДНОСТЬ, состояние нужды, нищеты, скудости, недостаточности, связываемое мордвой с отсутствием благосклонности со стороны *богов*, предков и др. мифол. или потусторонних сил. По представлениям мордвы при раздаче счастья Нишкепаз дал его беднякам чаркой, «бедным сиротам — кончиком ложки» (УПТМН, т. 1, с. 44), тогда как богатым половником. Неслучайно бедняк в песне жалуется на Бога: «Монень пазось а лезды, / Нишкесь паро а теи» — «Мне-то бог не помогает вовсе, / Нишке мне добра не приносит» (Там же, с. 40, 42). С проникновением христианства в мордов. общество изменилась формулировка, суть же жалобы осталась прежней: «Тусь Микола

паз беднойтнень эйтэ, / Мурдась Микола паз скуднойтнень пельде. / <...> / Микола пазось беднойтнень эзь лезда, / Микола пазось гуднойтнень пелев эзь стя...» — «Бог Никола бедных оставил, / Бог Никола от бедных отвернулся. / <...> / Бог Никола бедным не помог, / Бог Никола на сторону бедных не встал...» (Там же, т. 9, с. 23, 25). Иными словами, Б. в какой-то мере является предопределённой свыше. В то же время в мордов. пословицах отмечается и вполне земное происхождение Б.: «Апак кармак — аф шачи ярмак» — «Бездельник всегда без денег», «Фалу козяста аф эрјават: нужаска перјават. — Свал сюпавсто а эрјават» — «Всегда богато не проживёшь: бедствия мешают», «Кда аш мезе путомс, элек аф пяшкоди утомсь» — «Если нечего положить в амбар, сам он не наполнится» (Мордовские пословицы, присловицы и поговорки, Саранск, 1986, с. 66, 88, 90).

Мордов. фольклор даёт очень реалистичную характеристику Б. и нищеты. У бедняка «...тетянзо ортазо каладо, / Орта столбазо сјаворезь, / Кудо прязо сјуконязь, / Нупониясть стенанзо» — «...ворота совсем развалилися. / Верей у них набок повалены, / У избы конёк покосился, / Стены мохом пообросли» (УПТМН, т. 1, с. 90, 97). В сказке «Сын бедняка» при описании бедной семьи отмечалось, что спать «ложились голодные, вставали — нечего было есть. Стоит полуразваленный их домик с одним окном, а в доме вместо стула пенёк поставлен. Стол качается во все стороны» (Там же, т. 3, ч. 1, с. 174). Не менее образно передают состояние Б. пословицы: «Нужаса шитне кувалгодыхть. — Нужасо чись кувака» — «В нужде и дни длиннее кажутся», «Кальдяв, мзярда розь ёткаса пакор, сјада кальдяв, мзярда умать лангоц ёфси такор. — Берянь зярдо розь ютксо ламо марчт, седеяк

берянь, зярд а розть, а марчт» — «Плохо, когда во ржи лебеда, еще хуже, когда ни ржи, ни лебеды», «Кда аш кшицесалце — аш морамс и мяльце» — «Если хлеба-соли нет, нет и желания петь» (Мордовские пословицы..., с. 88, 89). О бедняке говорили: «Аш кудоц аш дво-роц, аш и кшинь короц» — «Нет у него ни избы, ни хлеба, нет ни куска хлеба», «Аш мезец шнамс, кда лангозонза аш мезе шамс» — «Не за что хвалить, коли нечего одеть» (Там же, с. 228). Б. обуславливает определённый образ жизни, нормы поведения. Однако она не осуждается, нар. сознание просто констатирует это состояние: «Бедной ютавты коензэ, / Скудной вети иланзо: / Кши-салозо столь лангсо, / Позапрыкскезэ столь песэ, / Лепень кече эйсэнзэ. / Ков валда чизэ чаравты, / Тов кече пулось велявты. / Кува яки бедной, аврди, / Косо ашти скудной, ченярды...» — «Бедный, он со своим обычаем, / У него и обряд бедняцкий: / Хлеб-соль на краю стола, / Кислый квас рядом с хлебом, в чашке, / В чашку ковшик опущен ольховый. / Как по небу солнышко движется, / Так по кругу и ковшик ходит. / Где ни ходит бедняк, там и плачет, / Где присел бедняк, там горюет...» (УПТМН, т. 1, с. 40, 42). В др. песне отмечается: «Беднойтнень лангсо паляст раужот, / Пильге пракстаст сынст челькевнеть, / Беднойть нуить, сынсь мелявтыть, / Гуднойть нуить, сынсь авардить» — «У бедняков рубашки чёрные, / Портянки износились, / Бедняки жнут, сами печалются, / Несчастные жнут, сами плачут» (Там же, т. 9, с. 23, 24). В свадебных песнях девушка просит не выдавать её замуж за бедняка, аргументируя это тем, что «бедноень арась робота, / Скудноень арась забота, / Арась лисизэ-совизэ, / Арась якизэ-пакизэ...» — «у бедного нет работы, / У бедного нет заботы. / Не приходит никто, не уходит, / Нет го-

стей у него...» (Там же, т. 1, с. 100, 103). Аналогичная мысль содержится и в пословице «Ашушиса кельгома инжиницевок эвфттянза» — «В бедности и любимый гость напугает» (Мордовские пословицы..., с. 227).

В песнях о Литове героиня выходит замуж за бедного пастуха, у к-рого нет даже дома: «...чувто ало кудоцо, / Берёк ало печьказо, / Пиже луга ацамзо, / Пекше лопат вельтямзо, / Тол прясо пидень пиштязо» — «...под деревом дом (пастуха), / Под берегом очажок его. / Луг зелёный — его постель, / Листья липовые — покрывало, / На костре его пища варится...» (УПТМН, т. 1, с. 86, 94). Однако состояние Б. не является постоянным, нет резкой границы между Б. и *богатством*. Тот же пастух и Литова по мере работы постепенно приобретают достаток. Неслучайно в пословице подчёркивается: «Улят шумбрашиса — эрят козяшиса. — Улят шумбрачисэ — эрят сюпавчисэ» — «Будет здоровье — будет и богатство» (Мордовские пословицы..., с. 90).

В представлениях мордов. крестьянина содержательная сторона Б. состояла не только в том, что у бедняка не было дома или он пахал дерев. сохой (у богатого в песнях, как правило, фиксируется железный плуг). Главное заключалось в ином — у бедняка либо отсутствовали дети, либо был один ребёнок, всё остальное представлялось производным: «Вейке цёра тьякинем, / Вейке саень урвинем, / Вейке люкштядень лавсинем, / Тейтерь тьяка эйсэнзэ» — «Одного сыночка имею, / Одна сношенька у меня, / Одна зыбка (к потолку) подвешена, / А в той зыбке ребёнок — девочка» (УПТМН, т. 1, с. 40, 42). Следствием этого явного недоброжелательного отношения богов или предков служило и проявление материальной нужды: «Ве лехине модынем, / Юдма

ланго видьминем. / Сеяк, вере паз, касозо...» — «А земли у меня лишь полоска, / Лишь ночевочка семян у меня. / Да и те, дай бог, чтобы выросли...» (Там же).

В свадебных причитаниях Б. иногда сопоставляется с замужеством, к-рое изображается как живое существо в лохмотьях: «Урексчись ашти озадо: / Куманжава палязо, / Кочкарява пуланзо, / Кенерева ожанзо, / Сур пирява нуланзо, / Ленге лутконь карензэ, / Левш нулынень карьксэнзе» — «Сидит замужество: / До колена у него рубашечка, / До пяток лохмотья, / До локтей рукава, / До пальцев лохмотья, / Из лутошек лапти его, / Из отбросов мочала оборы его» (цит. по: Мордовское устное народное творчество, Саранск, 1987, с. 59).

Со временем Б. в мордов. фольклоре начала трактоваться как явная добродетель. Она приобрела моральную характеристику и стала синонимом праведного и справедливого. В понимании А. И. Маскаева в мордов. песнях «носитель благородства, сердечного сочувствия — небогатый человек» (Маскаев А. И., Мордовская народная эпическая песня, Саранск, 1964, с. 293). В приводимой им в качестве примера песне подчеркивается: «Беднойтнень ули алкукс видечист, / Беднойтне, мерянь, сехте праведнойть» — «Бедные, скажу, самые справедливые, / Бедные, скажу, самые верные» (Там же). В эрз. песне о лебеде говорится: «Бедноень ламо правдазо, / Скудноень арась кривдазо» — «У бедного много правды, / У бедного нет кривды» (Там же). Мордов. пословица также гласит: «Беднай ломанць честьса козя. — Бедной ломанесь честьсэ сюпав» — «Бедный человек честью богат» (Мордовские пословицы..., с. 229). Семантика бедного, т. о., в мордов. нар. культуре приобрела положительный знак в отличие от отрицательной оценки об-

раза богатого. Можно предположить, что подобная трансформация стала происходить под воздействием христ. трактовок Б. Одновременно появился социальный контекст. Так, бедняк в мордов. сказках представлен как умный, хитрый, изворотливый, выносливый крестьянин, к-рый обманывает богатого барина, купца или священника. Маскаев по этому поводу писал: «Воровство в мордовской деревне — крупнейшее преступление, дети и внуки вора покрыты позором с детства и до смерти. Однако в сказке обмануть барина, попа, обокрасть их — не считается преступлением: и барин, и поп — постоянные враги мужика» (Маскаев А. И., Мордовская народная сказка, Саранск, 1947, с. 117). Образ бедняка имеет явные аналоги в сказках др. народов России.

Б. породила нищенство как явление жизни и обществ. сознания. Отношение к нищим в народе было терпимым, поскольку считалось, что нищенство как жизн. доля может достаться любому человеку. В мордов. пословице отмечается: «Аньцек тундась сай — ашусь сумканцты кундай» — «Весна наступит — бедняк суму наденет» (Мордовские пословицы..., с. 227). Нищенство в свою очередь породило такое явление, как калуны. По словам священника А. Масловского, они «попрошайство обратили в профессию, сделали его источником обогащения, или, по крайней мере, не трудовым лёгким способом пропитания» (Пенз. епарх. ведомости, 1869, № 16, с. 516 — 517). Масловский дал описание действий калунов: «Весною во время посева, и в страдную пору, во время уборки хлеба, нищих вообще мало видно. Редко, редко запоздалая одиночка, проездом из далёких промыслов, покажется в селе и опять никого не видно. Но вот хлеб сжат, свезён в гумна и новый брошен в землю, кибитки рогожные,

холщёвые и иногда трудно определяемой материи опять появились, потянулись вдоль села одна за другою, набитые по двое и больше здоровенных седоков, с прибавкою разных возрастов мальчишек, и наши крестьяне-труженики с сего времени положительно попрошайками-нищими атакованы. По мере приближения зимы число нищих растёт и растёт и наконец к празднику Рождества Христова и последующим за ним достигает, кажется, своего апогея» (Там же, с. 519). У калунов странствование выступало как способ существования, а нищенство — как вид ремесла или профессия. Это явление получило распространение среди крестьян Саранского, Инсарского, Мокшанского и Городищенского у. Пензенской губ.

Отношение к нищенству у мордвы было особым. Считалось, что раздаваемая нищим милостыня снимает с человека грехи и облегчает посмертную участь, а также что души умерших питаются той едой и одеваются в ту одежду, к-рую при жизни подали нищим и к-рую раздают за их поминовение живые родственники. Поэтому после похорон одежду покойного, полотенце, к-рым покрывали гроб, и остатки еды с поминального стола раздавали нищим, а также подавали милостыню едой и деньгами в др. поминальные дни.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 1 : Мокшанские сказки. Саранск, 1966 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 9 : Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982 ; Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. Саранск, 1986.

Лит.: Масловский А. Нищие промышленники // Пенз. епарх. ведомости. 1869. № 16 ; Его же. Ещё о калунах // Там

же. 1871. № 17 ; **Вирганский Н.** Калилы // Там же. 1892. № 8 ; **Маскаев А. И.** Мордовская народная сказка. Саранск, 1947 ; **Его же.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; Мордовское устное народное творчество. Саранск, 1987.

Д. Ф. Ильин, В. А. Юрчёнков.

БЕЛ□ГА, в мифол. сюжетах одна из трёх рыб, несущих на себе Землю. В фольк. произв. Б. предстаёт заповедной рыбой, находящейся под покровительством Верховного бога либо богинь Ведявы и Рававы.

Мифол. сюжеты, в к-рых фигурирует Б., развивались у мордвы по двум осн. направлениям: 1) ранние космогонич., в к-рых присутствуют рыбы, — мир держится на них; 2) поздние, в к-рых отсутствуют рыбы, — Мировое дерево, ось Земли.

После сотворения мира Нишкепаз пускает Б. с двумя др. рыбами-сёстрами в Мировой океан с поручением нести на себе Землю, расположившись под тремя её углами: «Масторонть мезе кирдсазо, / масторонть мезе кандсазо? / Масторонть кирдсызь колмо калт, / масторонть кандсызь колмо калт. / Косо не калтнэ зимувить? / Вай, моря, моря куншкосо, / уш моря маро Рав ютксо. / Уш ве калонть лемзэ Севрюга, / омбоценть лемзэ Белуга, / вай, колмоценть — Осётра» (Mordwinische Volksdichtung, Bd. 1, S. 13) («Что держит Землю, / что несёт Землю? / Землю держат три рыбы, / Землю несут три рыбы. / Где эти рыбы зимуют? / Ой, посреди моря, / уж посреди Рава. / Уж у первой рыбы имя Севрюга, / у второй имя — Белуга, / у третьей — Осётр»). Ввиду важности выполняемой Б. функции было запрещено её ловить. За нарушение запрета следовало наказание, заимствов. из сюжета об обещанном сыне. Помимо

почитания, зафиксиров. в фольклоре, статус Б. обусловлен её ролью в жизнедеятельности мордов. народа: это ценная промысловая рыба.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1.

Лит.: **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

А. М. Шаронов.

БЕЛ□ЕВА Надежда Фёдоровна (2.1.1950, с. Польское Цибаево ныне Темниковского р-на РМ), этнограф. Д-р ист. наук (2002), проф. (2003). Засл. деятель науки РМ (2005). Поч. работник высшего проф. образования РФ (2005). Мордовка (мокша). Род. в семье служащего. Окончила Zubovo-Polyanskoe ped. uch-shce (1966), Мордов. гос. ун-т (1972), аспирантуру НИИЯЛИЭ (1980). В 1966 — 67 — учитель нач. кл. Польско-Цибаевской средней школы, в 1972 — 79 — учитель истории и обществознания Стрельниковской средней школы Агюрьевского р-на МАССР. В 1980 — 90 — младший, старший науч. сотрудник сектора археологии и этнографии НИИЯЛИЭ. С 1990 — старший преподаватель, 1994 — доцент кафедр мировой и нац. культуры, истории, политологии и права, с 2003 — зав. кафедрой всемирной истории МГПИ им. М. Е. Евсевьева. Анализируя родильную обрядность, а также лечебно-предохранительные приёмы сохранения жизни и здоровья детей у мордвы, отмечала тесную связь рациональных и

религ.-магич. действий. Особое внимание уделила поведенч. нормативам и вопросам социализации детей.

Соч.: Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2001 ; Традиционные институты социализации детей и подростков у мордвы. Саранск, 2002.

Лит.: Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. : в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1.

Т. М. Гусева.

БЕЛЯК□В Василий Петрович (1.1.1952, с. Б. Маресево ныне Чамзинского р-на РМ), фольклорист. Канд. филол. наук (1990). Окончил Мордов. гос. ун-т (1978), аспирантуру НИИЯЛИЭ (1984). В 1969 — 70 — директор ДК в Б. Маресево. После службы в армии (1970 — 72) работал на Саранском з-де полупроводниковых изделий. В 1978 — 81 — старший методист Респ. науч.-метод. центра нар. творчества и культпросветработы Мин-ва культуры МАССР. В 1981 — 92 — младший, старший науч. сотрудник сектора мордов. фольклора и иск-в, в 1998 — 2004 — старший науч. сотрудник отдела мордов. лит-ры и нар. творчества НИИЯЛИЭ (с 2002 — отдел филологии и финно-угроведения НИИГН). В 1992 — 98 — директор Респ. центра культуры народов РМ. Участник и рук. фольк. эксп. по изучению духовной культуры мордвы республики и диаспоры Пензенской, Рязанской, Самарской и Ульяновской обл. Записывал на магнитную ленту мордов. нар. песни в исполнении аутентичных сельских вок. ансам., изучал бытование и взаимосвязь этих песен с фольклором нового времени. Часть многоголосных напевов песен из его собрания (Пензенская обл.) нотирована Н. И. Бояркиным и Л. Б. Бояркиной и исполняется коллективами хуж. самодеятельности области.

Соч.: Песня — душа народа (по материалам фольклорных экспедиций) // Блокнот агитатора. 1983. № 17; О некоторых тенденциях развития мордовского песнетворчества в современных условиях // Фольклор в творчестве мордовских писателей и композиторов. Саранск, 1986. (Тр. / НИИЯЛИЭ; вып. 86); Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 11: Народные песни мордвы Пензенской области / магнитофон. запись, расшифровка текстов, пер. на рус. яз., вступ. ст., комм. и сост. В. П. Белякова. Саранск, 1987.

Лит.: Мордовия, XX век: культурная элита: энц. справ. : в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1.

Л. Б. Бояркина, Д. Ф. Ильин.

БЕРЁЗА (м. **Килей**, э. **Келу**), одно из наиболее почитаемых мордвой деревьев, одна из ипостасей Великого дерева. Чаще всего выступает как «счастливое» дерево, оберегающее от зла. В песнях Б. располагается на широком поле: «Вай, покшинень покш, / Ульнесь покш пакся. / Покш паксинесэнтъ покш губорь пиря. / Губорь пирясонть ашине килей, / Ашине килей, мазыйне килей. / Масто-ронь кели, вай, корёнонзо, / Менелень келес, вей, тарадонзо» — «Ой, большое, большое, / Широкое поле. / В этом поле большой бугор. / На вершине бугра — белая берёза, / Белая берёза красивая. / Глубоко в земле её корни, / По небу распушены её ветви» (УПТМН, т. 1, с. 334 — 335). Как воплощение Великого дерева выполняет функции упорядочения мироустройства, связи подземного мира с небом. П. И. Мельников связывал Б. с образом *Анге Патяй*, один из праздников в честь к-рой был молением Б. (Келу молян). Б. — любимое дерево *Анге Патяй*, поскольку оно размножается быстрее др. деревьев. Для характеристики Б. употребляют эпитеты «ашо» (э.; «белая») и «мазы» (м., э.; «краси-

вая»). Красота человека подчеркивается его сравнением с Б. Так, брат описывает сестру: «Ух, монь паро сазором: / Ашо килей сэрезе...» — «И пригожа-то моя сестрёнка: / Словно белая берёзка — прямая...» (Там же, с. 132, 135), а жена мужа: «Ух, ашо килей ней сонзэ сэрезе...» — «Ой, как прямая берёза, стан его» (Там же, с. 171, 174). При характеристике богатства героя лиро-эпич. песни Агудая отмечается, что у него внушки, словно берёзовые ветки. В песне «На горах то было, на Дятловых» сопоставление приобретает эпич. широту: с березняком сравнивается народ («— Не березняк то мотается, / Мотается-шатается, / К земле-матушке приклоняется — / То мордва своему богу молится, / Земле-матушке поклоняется») (Там же, с. 293).

Б. считалась свящ. деревом, ей приносили в жертву овец, деньги, а в високосный год — белого коня. Одновременно Б. могла выполнять функции жертв. дерева в святилищах для жертвоприношений. Мордва специально сажала Б. рядом с домом для отпугивания зла и обеспечения благополучия семьи, по случаю рождения ребёнка, а также для защиты от молнии.

Появление Б. связывали с легендой о девушке Киле, погибшей в борьбе с внеш. врагами. Её похоронили на берегу Суры. «Наутро на её могиле выросло какое-то новое, неизвестное дерево: белое, зелёно-кудрое, высокое, красивое, как сама Киле. И назвали это дерево именем Кили, отсюда появилось слово „килей“, что по-русски означает берёза» (Там же, т. 10, с. 53).

У мордвы широко изв. обряды с растущей или срубл. Б., совершаемые, как правило, девушками на Троицу. Накануне праздника окна их домов украшались берёзовыми ветками, на наружные стены вешались венки (по количеству

девушек в доме). Берёзовые венки вешались и над изголовьем девушек. Срубл. Б. украшалась лентами и платками. На праздник девушки ходили по селу в берёзовых венках, с берёзовыми ветками или срубл. Б. с громким пением, они просили *богов* послать им хороших женихов и обеспечить счастливую долю. В ряде сёл для красоты и здоровья умывались берёзовым соком. По завершении обрядов под вечер Б. бросали в воду, овраг или костёр («провожали берёзку», «хоронили её»). При этом с неё снимали ленты и платки. При «раздевании» Б. кланялись ей. В случае сжигания Б. на костре готовилась ритуальная еда. На девичьем празднике во время молений девушка (э. прявт тейтерь) влезала на свящ. Б. и сбрасывала на головы стоящих внизу подруг берёзовые листья и ветки, из к-рых те делали венки. Девушка, набравшая достаточное количество веток, чтобы сплести полный венок, считалась счастливой. О ней говорили: «В тот год она выйдет замуж за хорошего человека». В зимние праздники обряды совершались с распар. берёзовыми вениками. В рождественский сочельник девочки ходили по домам с берёзовыми вениками, на к-рые навязывались платки и полотенца.

Украшение девушек берёзовыми венками являлось отзвуком мифол. уподобления девушки Мировому дереву. Б. как символ ритуальной чистоты изв. в слав., герм. и балт. традициях. Использование мордвой Б. для изготовления обрядовых символов имело архаич. истоки.

Ветки Б., особенно использов. в календарных обрядах, расценивались в нар. магии как надёжный оберег. Повеш. в сенях, они защищали от злых духов; оставл. на чердаке — от молнии и града. С их помощью пытались уберечься от нечистой силы. В воду, в к-рой

на Рождество распаривали берёзовые веники, добавляли молоко, неск. яиц и сыпали горсть проса. Этой водой обмывали дет. колыбели, обрызгивали женщин во время родов. Б. использовали для лечения девочек, т. к. она считалась символом жен. начала. На расстоянии двух локтей от земли Б. расщепляли, в неё забивали два клина, чтобы образовалась большая щель. Ворожея разрывала у шеи ребёнка рубашку, снимала её и протаскивала через щель, так, чтобы рубашка осталась в ней. Вместе с рубашкой в стволе дерева якобы оставалась болезнь.

Берёзовые венки использовались при гаданиях. На Троицу, напр., девушки плели венки из берёзовых веток и бросали их в воду. При этом они замечали: если венок поплыл, то девушка скоро выйдет замуж; если утонул, то она умрёт. Определённое мифол. содержание существует в легенде о чудесной Б., якобы выросшей на могиле девушки, убитой своими завистливыми сёстрами. Проходивший однажды мимо охотник сделал из ветки чудесного дерева звонкую вещую скрипку. Когда он прижимал её к груди, она начинала играть, жаловаться, плакать, рассказывать о судьбе убитой, о сёстрах-завистницах. Убийство и обман раскрылись. Однако сёстры, улучив момент, бросили скрипку в печь. Из огня вылетел уголёк и попал старшей сестре в лоб, так она была наказана. Из огня также появилась девушка и вышла замуж за юношу-музыканта.

Б. занимала особое место в религ.-мифол. системе К. *Алексеева*. В. Н. Майнов привёл сохранившееся среди потомков Алексеева воспоминание о том, что полиция, чтобы отвести его в тюрьму, сняла его с Б., на к-рой он как рук. находился во время моления. Кузьма пророчествовал, «говоря на всех языках», всегда сидя на дереве.

Б. как образ мордов. мифологии попытался представить в своём творчестве худ. Н. С. Макушкин. В его трактовке это подлинно Великое дерево, под к-рым разместились старейшины, решающие судьбы мордов. народа. На дереве сидит птица — посланница богов.

Среди фин.-угор. народов помимо мордвы Б. особо почиталась удмуртами, к-рые рассматривали её как одно из осн. воплощений божества плодородия и соответственно олицетворение продуцирующих сил природы.

Тексты: НА НИИГН. Л-494. Тетр. 3 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М. ; Л., 1937 ; Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Шутова Н. И. Сакральное пространство и культовые памятники // Удмуртская мифология. Ижевск, 2003 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Mainof W. Les restes de la muthologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5.

В. А. Юрчёнков, Н. Г. Юрчёнкова.

БЕСС□ННИЦА, болезн. состояние, приписываемое воздействию на человека нечистой силы. Особо выделяется дет. Б. Если ребёнок плакал по ночам, то с заходом солнца или, наоборот, на восходе его несли к воротам и, поклонившись дверным пятам, приговаривали: «Крюк, крюк! Возьми свой крик! Дай ребёнку дневной и ночной сон. От земли и от неба, от воды и от огня, от камня и железа ищем милости. Простите его и

не держите зла на безвинного младенца» (цит. по: Беляева Н. Ф., Традиционное воспитание детей у мордвы, Саранск, 2001, с. 72). У мордвы Шенталинского р-на Самарской обл. зафиксирован др. заговор: «Воротный скрип, / Возьми ребячий крик, / А ты дедушка-сон, / Верни ребёнку сон. / Мать, сырая земля, / Возьми болезнь (имя ребёнка)» (Там же, с. 72 — 73). Для лечения Б. широко использовались растения, обладающие снотворными свойствами.

Лит.: Славянские древности : этнолингв. слов. : в 5 т. М., 1995. Т. 1 ; Беляева Н. Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2001 ; Никонова Л. И., Кандрина И. А., Романова М. Н. Народная медицина мордвы: простая и загадочная... (По результатам этнографических экспедиций. 1990 — 2010 гг.). Саранск ; Пенза, 2011.

Д. Ф. Ильин.

БЛАГОВ□ЩЕНИЕ Пресвятой Богородицы, праздник правосл. календаря, установл. 25 марта (7 апр. по новому стилю) в память о благой вести, принес. Деве Марии архангелом Гавриилом о её непорочном зачатии и предстоящем рождении Иисуса Христа.

У мордвы, принявшей Б. лишь с утверждением христианства, это время, как и у русских, совпадало с весенне-летней календарной праздничной обрядностью и знаменовало собой окончательную победу весны над зимой. Б. — время «открытия земли», пробуждения её ото сна. К Б. приурочены мн. обряды встречи весны. Большое распространение имел у мордвы обычай закликать весну, обладавший ярко выраж. магич. характером. Закликать весну начинали с Масленицы. В это время повсеместно пекли из теста фигурки птиц — ласточек, чаще жаворонков, что

непосредственно связано с представлениями, основ. на нар. наблюдениях, согласно к-рым весну приносят птицы. Наличие на праздниках фигурок птиц из теста должно было способствовать более быстрому наступлению весны. Закличка весны сопровождалась пением и хороводами девушек, исполнявших во время празднеств песни — призывы, обращения к божествам с просьбами о хорошем урожае, а также с переключкой звуками, подражающими птичьему пению. В период Великого поста, накануне Б., в мордов. селениях исполнялись короткие величальные, любовные и сатирич. песни — веснянки, получавшие назв. (виянамат, эвиямат, новиямат и др.) в зависимости от исполнительских вариантов припевов. П. И. Мельников привёл сведения о молении, проводившемся мордвой в честь богини пчеловодства (Нешкенде тейтерь), к-рое по времени (17 апр.) было близко к Б. и в целом характерно для процесса объединения традиц. обрядности и Православия.

С Б. у мордвы начиналась активная подготовка к весенне-летним с.-х. работам, т. к. считалось, что Бог благословил землю на сеяние.

Б. как праздник, ожидаемый и отмечаемый по канонам христианства, инициировал появление у мордвы ряда примет и суеверий — запретов, в т. ч. заимствов. из рус. фольклора: если на Б. ветер юж. — лето будет тёплым; растаявший после Б. снег — к тёплой весне; на Б. нельзя давать из дома что-л. просящему — весь год будешь голодать и т. д. Повсеместно соблюдался строгий запрет на любую работу в Б. (на Б. птица гнезда не вьёт). Особенно строгим был запрет прикасаться к земле, беспокоить её до Б. Нарушение запрета грозило засухой и иными бедами. Аналогичные запреты и поверья были у коми.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 12 : Народные приметы мордвы. Саранск, 2003.

Лит.: Мордва : ист.-культур. очерки. Саранск, 1995 ; Народы Поволжья и Приуралья. М., 2000 ; Славянская мифология : энци. слов. М., 2002.

И. В. Зубов.

БЛИЗНЕЦ□, в нар. представлении родственники, носители одной судьбы либо воплощение неразделённости. В мордов. мифологии идея Б. неразвита, но частично реализуется в неразделённости объекта, напр. неба и земли как составляющих единое целое. Отмеч. мн. исследователями особенность употребления сразу неск. имён божеств, к-рым молилась мордва, прося помощи, причём и на календарных, и на приуроч. молениях, позволяет предположить, что эти божества воспринимались не только как братья и сёстры, представители единой семьи, пантеона, но и как Б., несмотря на разные лакуны ответственности. В мордов. легендах упоминаются Б. — братья-великаны, модель жизн. пространства к-рых идентична. Вера в общность судьбы проявляется у них в предвидении вырождения рода и замены их обычными людьми — невеликанами, к-рые будут населять землю в будущем.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910 ; Легенды и предания мордвы / сост. Л. В. Седова. Саранск, 1982 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

И. В. Зубов.

БЛИН□ (м. **Пачат**, э. **Пачалксеть**), блюдо, обрядовое использование к-рого изв. у всех народов, в т. ч. финно-угров. Обязательный атрибут поминок и свадьбы.

Осн. символика Б. связана с представлениями о смерти и потустороннем мире: Б. посвящают умершим, символически кормят ими души предков, передают на тот свет в гробу с покойником и т. п. На похоронах и поминках Б. являются поминальным блюдом, посвящаемым умершим. Б. пекут в день похорон, на 9-й, 40-й и в последующие поминальные дни, а также в календарные поминальные («родительские») праздники: на Фоминой неделе (на «дедову неделю», Красную Горку, Радунуцу), в Дмитровскую субботу и др. Считалось, что тот, кто печёт Б. на поминки, «печётся» о насыщении души умершего. Поминальные Б. разносят по домам, приносят на могилу, в церковь, раздают нищим. Последние, а также странники и колядники — лица, являющиеся «извне», — выступают посредниками между реальным и потусторонним мирами. На похоронах и поминках первый горячий Б., как и хлеб, не резали, а разламывали на части и раскладывали на окнах (обычно это делал старший из присутствующих мужчин), чтобы паром от Б. питалась душа умершего. Б. поминают на могиле, а остатки отдают нищим странникам. На следующий день носят «завтрак» покойному, тоже оставляя Б. на могиле.

Весеннее общинное поминовение предков у мордвы после принятия хрис-

тианства стало проводиться на Пасху (в Великую субботу). Традиционно в каждом доме пекли Б. и «приглашали» на них предков. К этому же дню готовили хмельную брагу из мёда (м., э. атянь пуре), а на передней лавке — постель: стелили войлок, на него клали подушку, а на подушку — чистое полотенце, чтобы покойники могли «вытираться». Когда Б. были испечены, накрывали стол: клали каравай хлеба, ставили стопу Б. и ведро атянь пуре. Перед иконами зажигали свечу, дверь в избу немного приоткрывали, чтобы покойники могли «войти» в дом. Хозяйка дома брала в руки намаз. мёдом Б., а хозяин — стакан браги и, повернувшись лицом к двери, «приглашали» умерших на праздник: «Прадеды и прабабушки! Да будет на нас ваше благословение! Стряхните с себя земную пыль! Для вас мы блины напекли, брагу сварили. Приходите, пейте, ешьте. <...> Вот приготовили мы вам постель — да будет она мягка» (цит. по: Мокшин Н. Ф., Мифология мордвы, Саранск, 2004, с. 92).

Разнообразно использование Б. на свадьбе. Наиболее характерно угощение Б. на обручении и в канун свадьбы. Свадебные обряды в доме невесты начинались с посещения девушки родственницами, к-рые угощали её кашей, Б. или сдобными лепёшками. На второй день свадьбы молодую «представляли» умершим предкам мужа, к-рых «угощали» Б., яичницей, мясом и пивом. До сих пор у мокши сохраняется обряд «цестень сявома» («счастье брать»), одним из элементов к-рого является печение молодой после свадьбы Б., когда ей стараются помешать (крадут Б.).

Б. фигурируют также в календарных обрядах мордвы, и прежде всего масленичных. Б. на Масленицу — повсеместное угощение. Молодые эрз. женщины, вышедшие замуж за последний

год, приносили на масленичную гору (масленицань пандо) ячменные и пшённые Б., к-рыми угощали юношей.

Б. задабривали божества. Так, при переходе в новый дом традиционно делали для Кудавы угощение — од кудонь поза («брага нового дома»), пекли Б. и хлеб. В случае несоблюдения этого обычая Кудава оставалась без еды, питья и упрекала хозяев до тех пор, пока дом не сгнивал. Перед уборкой сена пекли Б. в честь Лугавы, приносили на луг хлеб, соль и ночью просили у неё прощения, молили дать здоровье.

Традиционно Б. являлись праздничной пищей мордвы. Довольно распростран. были Б. в осн. из пшённой и пшеничной муки, к-рые до сих пор выпекают очень толстыми и едят с молоком, сметаной и коровьим маслом.

Лит.: Корнишина Г. А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000 ; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Десяткина Т. П. Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 2006.

Т. В. Аксёнова.

БОБ□, мифол. персонаж дет. колыбельных песен, к-рым матери пугают шалящих детей. Б. — низкорослое, мохнатое существо, одетое в чёрную шубу с большим мешком, в к-рый он якобы забирает непослушных детей. Живёт на огороде или в лесу. Поздним вечером выходит на улицу, заглядывает в окна домов и ждёт. Как только услышит дет. капризы, плач, увидит, что ребёнок не лезет на печь, не ложится спать, — начинает шуметь, шуршать, стучать мохнатой лапой и грозно бубнит: «Бо-бо-бо!». Однако он только пугает озорников и никого не крадёт. Когда Б. убеж-

дается, что все дети успокоились и спят, уходит домой. В своём доме, устраиваясь спать, выбирает самое тёплое место. Во время сна любит сосать лапу. Функционально Б. близок к слав. мифол. персонажу Бабаю.

В мордов. иск-ве к образу Б. обращался худ. А. С. Алёшкин, создавший неск. вариантов его графич. изображения.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 8 : Детский фольклор. Саранск, 1978.

Лит.: Юрчёнкова Н. Г. Бобо // Страник. [Саранск]. 1996. № 3 ; Её же. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

Н. Г. Юрчёнкова.

БОГАТСТВО, изобилие земных благ, связываемое мордвой с представлением о судьбе, удаче, благосклонности богов, предков и др. мифол. и потусторонних сил. Общинное, семейное и личное Б. в традиц. мордов. обществе ассоциировалось с многоземельем, значительным поголовьем скота, добротными с.-х. инвентарём и техникой, крепкими надворными постройками, использованием наёмной рабочей силы, выдачей ссуд под проценты, арендой доп. земель, торговлей и предприимчивостью. Б., плодородие и благополучие являлись осн. целями ритуалов в составе календарных и семейных обрядов, гл. обр. связ. с мотивом почина, т. н. магия первого дня (Новый год, Рождество, род□ны, свадьба), а также гаданий (о судьбе, замужестве) и примет.

Мифол. мировоззрение мордов. народа в фантастич. форме отразило понятия о собственности и социальном

неравенстве. По мнению Н. Ф. Мокшина, в период распада первобытного строя «возникли представления о божествах не просто как держателях, покровителях, а как о собственниках, хозяевах, владетелях» (Мокшин Н. Ф., Мифология мордвы, Саранск, 2004, с. 63). Одновременно появилась вера в Верховного бога Шкая (Нишкепаза), стоящего во главе всех божеств, а также предопределяющего судьбу и благосостояние людей. По представлениям мордвы при раздаче счастья Нишкепаз отмерял его богатым «плошкой», в то время как бедным — «чаркой» и даже «кончиком ложки» (УПТМН, т. 1, с. 44).

Мордва позитивно относилась к Б., добытому собств. трудом, и негативно — к эксплуатации работающих людей. Пословица гласит: «Ся трёшниксь титни, кона честна добуваф. — Се трёшникесь питней, кона честна добувазь» — «Дорога та копейка, которая честным трудом добыта» (Мордовские пословицы, присловицы и поговорки, Саранск, 1986, с. 77). Мифол. изображение Б. и восприятие его мордвой являлись слепком реальных отношений, сложившихся в обществе.

Товарно-денежные отношения нашли отражение в использовании денег и украшений в обрядах жизн. цикла мордов. народа, напр. в свадебном. В. И. Рогачёв отмечает, что деньги «служили товарными эквивалентами и ритуально-магическими символами семейного счастья, богатства. <...> Деньги фигурировали в сценах выкупа невесты, а также и на других этапах свадьбы» (Рогачёв В. И., Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор, Саранск, 2004, с. 287). Вообще выкуп за невесту в виде денег был одним из гл. элементов свадьбы.

На мировоззрении мордов. народа отразилась его активная хоз. жизнь. В систему традиц. ценностей мордвы орга-

нично вошли земля как гл. Б., труд на ней, скот, общинная взаимопомощь. В связи с этим изв. отзыв П. А. Столыпина о мордве: «мордва богаче и честнее...» (Столыпин П. А., Переписка, М., 2004, с. 447). Все земледельч. обряды и календарные праздники мордвы были направлены на достижение плодородия, от к-рого зависели достаток и благополучие семьи: «Лама кшице — лама козяшице. — Ламо кшизэ — ламо сюпавчизэ» — «Много хлеба — много богатства» (Мордовские пословицы..., с. 88). Этой цели служили определённые магич. обряды и песни. Напр., накануне Рождества проводилось колядование, олицетворявшее рождение солнца и обещавшее изобилие в предстоящем году. Дети и молодёжь ходили по домам и исполняли песни, в к-рых желали хозяевам благополучия и хорошего урожая: «Каляда! Каляда! / Чачи суро, чачозо! / <...> / Ажияшка олгозо! / Локшо недышка коллозо! / Ал тюжашка зерназо!» — «Коляда! Коляда! / Обильный хлеб чтоб уродился! / <...> / Чтоб с оглоблю солома! / С кнутовище колос! / С яичный желток зерно!» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 67). В ночь на Вербное воскресенье мордва устраивала праздник в честь божества вербы Вермавы. Перед рассветом молодёжь с вербой в руках отправлялась по домам участвовавших в празднике хлестать ею спящих, для того чтобы люди жили богато и счастливо.

Если обряды были направлены на то, чтобы исправить уже сложившееся положение вещей или обеспечить необходимый ход событий, то приметы должны были подсказать наиболее вероятные варианты развития жизн. ситуаций для достижения благополучия. Так, у мордвы существовали следующие приметы: «Од кизоста пицихть тувонь прят — козякодмати» — «На Новый год варят свиные головы — к богатству»,

«Бути волнистой ловось, урожайной иесь ули» — «Если снег волнистый, год будет урожайный» (Там же, т. 12, с. 186, 122). Было множество способов «предугадывания» урожая. Один из них описан А. А. Шахматовым: «Выйдут на поле за гумна и где дорога расходится... в три стороны, туда придут с распущенными волосами без поясов, без крестов, упадут ничком, никуда не смотрят и не поднимают голов и слушают. Если год будет хороший, тогда слышится скрип, будто везут снопы, а если плохой, то слышится грохот, точно куда-то скачут» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с. 81). Для сохранения Б. в определённые периоды, дни и время суток старались не давать и не брать займы.

Б. определяется не только материальным достатком, в широком смысле слова — это большая крепкая семья, в к-рой много сыновей. Так, в эрз. песне «Мезде сюпав да Лукьянось» («Чем богат Лукьян») говорится: «Седе доброй да Лукьянось: / Матор лангонь сон пек сюпав, / Менель алдонь сон пек эрмев. / <...> / ...Сисем цёрат сон тирякшнось, / Сисем урват сон сакешнось, / Сисем лавськетъ сон сустакшнось; / Лавськетнень эзга цёра тятат...» — «Тем известен Лукьян, / Что богаче всех на земле, / Что зажиточнее всех под небом. / <...> / Семь сыновей он воспитал, / Семь снох он сосватал. / Семь зыбок он сшил, / В тех зыбках детимальчики...» (УПТМН, т. 1, с. 343, 344). Наличие при этом материального благосостояния позволяет Лукьяну заявить, что он богаче Нишкепаза, «славнее бога вышнего» (Там же, с. 345). Аналогично говорит о своём превосходстве над Нишкепазом эпич. богатырь Дамай: «Ведь один лишь сын у Нишкепаза, / Ведь одна сноха у Верепазы, / Ведь одна всего у Шкая зыбка. / Я ли не богаче Нишке-

паза, / Я ль всевышнего не побогаче — / Вырастил я семь сынов могучих, / Семеро невесток взял в семейство!..» (Масторава, Саранск, 2009, с. 146). Не делает эрз. охотника Суралю счастливым наличие берестянки, способной дать «много-множество добра-богатства», ибо за право обладания её богатствами он вынужден отдать своего единств. сына: «И была бы жизнь его хорошей, / И была бы жизнь его добротной, / Если б знал заранее сурский парень / В поисках заветной берестянки, / Что пока ловил он где-то счастье, / Дома вырос у него наследник...» (Там же, с. 91).

Достаток, Б. в фолькл. источниках не всегда свидетельствуют о наличии большого ума у тех, кто их имеет. Во мн. сказках гл. герой, как правило, бедняк (мужик или солдат), обманывает царя, помещика или попа и т. о. достигает Б. и уважения, тем самым восстанавливая справедливость и вставая в один ряд с ними. Мордов. сказочник В. П. Сеткин, веря в реальность содержания рассказываемых им сказок, в 1940 в беседе с А. И. Маскаевым отмечал: «Если бы я родился лет на сто раньше, — был бы богачом. Я обманул бы какого-нибудь богача: они неумные были» (Маскаев А. И., Мордовская народная сказка, Саранск, 1947, с. 29). Мордов. пословицы, кроме аналогичного пути обогащения: «Аф васькафтат — аф козякодат» — «Не обманешь — не разбогатеешь», указывали др.: «Кда пекце трямс аш кода лиякс — арак (арат) воражиякс» — «Если себя нечем прокормить, начинай ворожить» (Мордовские пословицы..., с. 229, 231).

Б. часто выступает синонимом жадности: «Ярмаксь ломанть коласы: жаднайкс арафтсы» — «Деньги человека портят: жадным делают», «Скупой козясь нищайдонга беднай» — «Скупой богач беднее нищего» (Там же, с. 79, 235).

Маскаев отмечал: «Богатый мужик (или богатый брат) наделяется чаще всего качествами попа: он жаден, завистлив, сутяга, ростовщик; богатый брат негодует на своего бедного брата, который чудесным образом разбогател» (Маскаев А. И., Указ. соч., с. 118).

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1. : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981; Мордовские поговорки, присловицы и поговорки. Саранск, 1986; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 12 : Народные приметы мордвы. Саранск, 2003; Маторова : мордов. нар. эпос. Саранск, 2009; Маторова : мордовский народный эпос. Саранск, 2011; Маторова : эрзя-мокшонь эпос. Саранск, 2011.

Лит.: Маскаев А. И. Мордовская народная сказка. Саранск, 1947; Славянская мифология : энц. слов. М., 2002; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004; Рогачёв В. И. Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004; Столыпин П. А. Переписка. М., 2004.

Д. Ф. Ильин.

Б□ГИ, верховная сущность, обладающая высшим разумом, надел. нар. сознанием совершенством и всемогуществом; суть и содержание религии, покровители и заступники, концентриров. объект веры, почитания, поклонения. Религ.-мифол. представления мордвы, основой к-рых являются Б., сложились после распада первобытного строя.

Сведения о мордов. пантеоне не так скудны, как у др. фин.-угор. народов (особенно у финнов и карелов), у к-рых

культ языч. Б. практически полностью исчез, а информации о форме их существования очень мало и она разрозненна. Данные совр. иссл. позволили выявить неск. спектральных характеристик, раскрывающих сущность нар. представлений о Б. Чётко просматриваются такие особенности Б., как дуалистичность и преобладание жен. божеств. Однако помимо этого существуют др. признаки, позволяющие конкретизировать данный феномен.

Гл. объединяющим началом дохрист. веры двух осн. субэтнич. групп мордвы (эрзян и мокшан) в Б., несмотря на существование различий в наименовании нек-рых персонажей и сюжетов, являются космогонич. мифы, где Верховный бог — Нишкепаз, Верепаз (э.) и Шкай, Вере Шкай, Шкабаваз (м.), выступает в двух ипостасях: 1) Бог-демиург; 2) Бог — демиург и культурный герой, заповедавший человеку труд. Более поздние фольк. наслоения в осн. охватывают сферу взаимоотношений божеств и людей, приближая тем самым первых к жизн. реалиям, делая их образы антропоморфными (см. *Антропоморфизм*), близкими для понимания простого человека. Отсюда берут начало взгляды мордвы на места обитания Б., к-рые также являются интегративным началом не только мордов., но и общей фин.-угор. мифологии, где Б. чаще всего располагаются на Мировом дереве. Осн. часть Б., согласно нар. представлениям, существовала в непосредств. близости от человека — на терр. своих владений, в качестве к-рых выступали гл. обр. те или иные природные объекты и стихии: леса, поля, реки, ветер, гром, молния. Ещё ближе находились божества дома (м. Юрхтава, э. Кудава, Юртава), овина (*Авнява*), бани (*Банява*) и др., отвечающие за безопасность, благополучие и здоровье конкретной семьи или рода.

Важную для формирования эстетич. зрелости мордов. этноса часть Б. составляют ярко выраж. отрицательные демонологич. силы. Осн. их представителями являются Шейтан (м.), Шайтан, Идемевсь (э.) и *Атпаро*, *Афнар* — властители нечистой силы, антиподы Верховного бога. С появлением этих персонажей в сознании народа возникло чёткое представление о добре и зле, разграничение плохого и хорошего. В отличие от остальных Б., к-рые способны оберегать и «наказывать» человека за те или иные дела, властителям нечистой силы не свойственны такие качества, как добро, справедливость, сопереживание. Их разрушительные и вредоносные деяния запечатлены практически во всех космогонич. мифах мордвы о сотворении Земли, человека, о мироустройстве. Немногочисл. данные имеются о пом. Шейтана (Идемевся). В осн. они предстают в качестве вредоносных анимистич. духов — болезней, изгнание к-рых представляется возможным лишь при обращении к «добрым» Б. или знахарям, владеющим приёмами лечебной магии и способным вступать в контакт с самими Б. или духами.

Отд. группу Б. представляли у мордвы духи умерших предков, к-рые в своём новом качестве выступали неким промежуточным звеном между людьми и Б. При родовых и семейных молениях к ним обращались за помощью, считая непосредств. заступниками перед Б. и отв. за успешную жизнь потомков на земле.

В науч. лит-ре одним из первых к проблеме осмысления места Б. в традиц. картине мира мордвы обратился П. И. Мельников, опубликовавший в 1867 в «Русском вестнике» материалы своих иссл., к-рые легли в основу его «Очерков мордвы». Здесь он привёл относительно чёткую иерархию мордов. Б., к-рая

впоследствии не раз становилась объектом науч. критики. Гл. заслуга этой работы заключается в том, что Мельников опроверг распростран. мнение об идолопоклонничестве мордвы. Приведя имена и классификацию Б., Мельников создал некий пантеон, к-рый впоследствии дополнялся либо оспаривалась возможность существования таких мордов. Б., как *Анге Патяй*, Чампаз, Волцпыаз, Келуозаис, Буламаньпаз и др. Наиболее плодотворное продолжение тема мордов. Б. получила в работах В. Н. Майнова, И. Н. Смирнова, М. Е. Евсевьева, У. Харвы и др. Исходя из ист. и этногр. данных, а также из общей теории формирования и развития религии, мн. исследователи рассматривали те или иные классификации Б., сферы их «влияния», на основе полевых материалов приводили локальные варианты их бытования в фольклоре. Результатом изысканий, касающихся мордов. Б., стала науч. дискуссия, развернувшаяся в 20 в. и разделившая исследователей на тех, кто соглашается с концепцией Мельникова, и тех, кто частично принимает её, но, опираясь на более поздние полевые материалы и обобщающие иссл., уточняющие сущность веры мордов. народа, а также на знание языковых нюансов, корректирует её.

В 20 в., когда возникла проблема комплексного осмысления накопл. материалов, традиц. верования мордвы, в т. ч. система Б., стали изучаться с новых науч. позиций. Актуальным шагом в свете необратимых процессов трансформации фольк. среды и традиц. картины мира, в к-рой имена и «функциональные обязанности» Б. начали забываться либо замещаться христ. «эквивалентами», сохранившимися отд. нар. мифол. представления, стал выпуск НИИЯЛИЭ сер. УПТМН (с 1963). В ней во всём жанрово-видовом разнообразии представлены

тексты, отражающие отношение народа к божествам, запис. от аутентичных исполнителей или извлеч. из архивов и материалов фолькл. эксп.

Теоретич. вакуум стали заполнять работы, посвящ. календарным и некалендарным, семейным и обществ. верованиям и обрядам мордвы, отд. Б. в зависимости от бытовавшей или частично сохранившейся системы представлений (Н. Ф. Беляева, Г. А. Корнишина, В. И. Рогачёв, Н. Ф. Мокшин, А. М. Шаронов, Е. А. Федосеева (Шаронова) и др.). Обобщающие иссл., в к-рых выработана совр. методология изучения мордов. Б. и сделаны аналитич. выводы, появились лишь на рубеже 20 — 21 вв. (Н. Г. Юрчёнкова).

Визуальные образы Б. широко представлены в изд. мордов. фольклора, а также в изобразит. иск-ве, декоративно-прикладном творчестве, театр. постановках. Нек-рые моления (озксы), посвящ. Б. и переставшие существовать, возрождаются, приобретая характер массового праздничного театрализован. действия.

В сохранившихся мифол. представлениях мордвы о Б. доминирующее положение сегодня занимает христ. религия, заимствов. у рус. народа. Вместе с тем употребляется собств. назв. Б. — паз (при молитв. обращении). Частично сохранившиеся синтетич. образы Б. в нар. культуре отождествляются с христ. святыми, подчеркивая значение Православия для мордов. народа.

Тексты: Масторава : мордов. нар. эпос. Саранск, 2009 ; Масторава : мордовский народный эпос. Саранск, 2011 ; Масторава : эрзя-мокшонь раскень эпос. Саранск, 2011.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; Евсеев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Мельников П. И. (Андрей Печер-

ский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Масторава. Саранск, 1994 ; 2001 ; 2003 ; Шаронов А. М. Масторава. Саранск, 2010 ; Корнишина Г. А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000 ; Беляева Н. Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2001 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Рогачёв В. И. Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004 ; Федосеева Е. А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. Саранск, 2007 ; Mainof W. Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1889. Vol. 5 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

И. В. Зубов.

БОГОР□ДИЦА (Б о г о м а т е р ь, М а т е р ь Б о ж ь я, Д е в а М а р и я), в правосл. традиции назв. Пресвятой Девы Марии, родившей Богочеловека Иисуса Христа. Постоянные эпитеты Б. — Пресвятая, Пречистая, заменяющие иногда её имя. Нар. почитание Б. у мордвы связано с т. н. богородичными праздниками — *Благовещением*, Рождеством Пресвятой Б., Введением во храм Пресвятой Б. и Успением Пресвятой Б.

Смешение дохрист. и христ. мифол. представлений породило своеобразный сплав мировоззрения мордвы — «двоеверие». Мордва стала поклоняться нек-рым христ. святым, к-рые были органично включены в мифол. систему этноса. Влияние христ. традиции на мордов. язычество прослеживается и при наложении образа Б. на богиню *Анге Патяй*.

Судя по имеющимся описаниям и образцам устно-поэтич. творчества мордов. народа, можно предположить, что в качестве наложившегося образа выступает Дева Мария. Именно под воздействием Б. Анге Патяй у мордвы трансформируется в мать богов. Подобно Б., Анге Патяй родила от Чипаза четверых богов и четырёх богинь, однако осталась девственницей. У мордвы нар. культ Б. отличается от церк. большей приземлённостью: Б. — защитница от бед и страданий, нечистой силы, небесная заступница, отзывчивая, милосердная и участливая. Поэтому к ней часто обращаются в молитвах, заговорах и заклинаниях, напр.: «Чама-паз, помилуй нас; Анге-Патяй-паз, матушка Пресвятая Богородица, ступи к нам в дом на праздник твой...» (цит. по: Мельников П. И. (Андрей Печерский), Очерки мордвы, Саранск, 1981, с. 96) и др.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981; Славянская мифология: энц. слов. М., 2002; Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского народа. Саранск, 2006; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

И. И. Шеянова.

БОГОСЛ□ВСКИЙ Павел (2-я пол. 19 в.), священнослужитель. Ок. 1860 окончил Тамбовскую духовную семинарию. Исполнял обязанности причетника, затем был рукоположён во священника. В 1880 — настоятель Покровской церкви в с. Дракине Спасского у. Тамбовской губ. Хорошо знал эрз. яз. Сотрудничал с «Тамбовскими епархиальными ведомостями». Интересовался бытом и этнографией мордвы. Оставил описание с. Дракина, где дал характеристику обычаев и традиций мордвы-шокши.

Соч.: Село Дракино Спасского уезда Тамбовской губернии // Тамбов. епарх. ведомости. 1880. С. 924 — 948.

Лит.: Материалы к энциклопедии «Православная Мордовия» / авт.-сост. С. Б. Бахмутов. Саранск, 2004. Вып. 3.

В. А. Юрчёнков.

Б□ХАРЯМ АЗОР□ВА (м.; бохаря «погреб», азорава «хозяйка»), божество жен. рода, покровительница погребов. Мордва полагала, что в каждом доме в погребу обитает Б. а. вместе с мужем — Бохарям азоратей.

К Б. а. обращались обычно недавно вышедшие замуж женщины с просьбой о супруж. счастье, сохранности и приумножении пищи, о благополучии в доме. Жертвоприношения Б. а. в виде небольших кусков хлеба, соли, каши, холста и монет закапывали в землю под домом в период его стр-ва. Отд. редкие приношения делали Б. а. после семейных молений, когда остатки обрядовой пищи закапывали непосредственно в погребу. Зафиксирован вариант обращения к божествам погребов с просьбой о прощении: «Бохарям-азор, Бохарям-азорава, для вас я приготовила, для вас принесла соль, хлеб и вкусную кашу. Если я, когда была в подполе, поступила по отношению к вам плохо, или причинила вам зло, или произнесла проклятье, или подумала о вас зло, или в чём другом провинилась перед вами, простите меня! Дайте мне благополучия, пищи и здоровья!» (цит. по: Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 264).

Сложившееся у мордвы отношение к Б. а. как к некоей покровительнице дома и семьи перекликается с представлениями рус. населения Поволжья, считавшего мифич. защитником дома

основателя рода, предка, к-рого после смерти иногда закапывали в погребке или под крыльцом.

Лит.: **Морохин Н. В.** Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев, 1997 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

И. В. Зубов.

БОЛ□ЗНЬ (м. **Урма, сярдема**, э. **Орма, сэрдема**), состояние, осмысляемое как результат воздействия на человека (домашнее животное) нечистой силы, в т. ч. колдунов, а также людей с дурным глазом и др. По воззрениям мордвы, всякая Б. происходит от змея, гнездящегося в теле человека. Кроме того, считалось, что Б. — результат наказания разгневан. божеств, действий колдунов и порчи. Способность насылать Б., в т. ч. смертельные, приписывалась также предкам, когда их переставали почитать, забывали о них или говорили о них плохо, непочтительно. По этой причине при заболевании человека члены его семьи, рода должны были обращаться к тем или иным божествам, в зависимости от того, где и при каких обстоятельствах он заболел, а также к умершим, воздавать им жертвоприношения, произносить соотв. молитвы, заговоры, заклинания, прибегать к магич. действиям. Причиной Б. мог быть и сам человек. По поверью, во время еды он мог сглазить себя, сказав, что много ест. Б. могла быть послана в наказание за нарушение запретов, в частности на определённые виды работ в праздники (Пасха, Рождество, Троица и др.). Кроме того, она могла исходить, по мнению мордвы, от природных стихий и явлений, напр. от ветра, вихря

(если человек попадал в него), радуги (при нарушении запрета показывать на неё пальцем), Луны (за её непочитание).

Причинами Б. считались привораживание, заговораживание и околдовывание. По поверью, легко наслать на человека Б., бросив на кучу щепок, оставшихся при изготовлении гроба, кусок ткани от платья человека или пучок его волос. Выздороветь можно было, только совершив особый обряд над мусором, взятым с этого места. Происхождение Б. связывали также с душами проклятых людей, к-рые превращались в злых духов. По одной из легенд, Шкай запер их в особом шалаше, но человек нечаянно приоткрыл его, в результате чего на свет вылетели тридцать сестёр — Б. Под влиянием христианства эта легенда трансформировалась и была распространена на божества различных стихий (Вирява, Вармава, Ведява и др.), к-рые стали наделяться способностью насылать на человека Б.

Наиболее поздними по происхождению являются представления о Б. как о Божьей каре, насылаемой на людей за грехи. Поэтому необходимо умилостивлять гнев Бога молитвами, свечами в церкви и т. п. Появление и распространение подобных воззрений было связано с принятием христианства.

Образ Б. у мордвы нечёткий (некто, неясная фигура). Нек-рые Б., в частности лихорадка (м., э. маштыкс), представляются в виде мошки. Никто не знает, где она находится, считают, что появляется откуда-то издалека. В сновидениях предвестниками Б. считались мясо и лошадь (ехать, садиться на белую лошадь).

Мордов. народ издревле отличался крепким здоровьем, на что неоднократно указывали зарубежные и отеч. путешественники и исследователи. Поддержанию здоровья мордвы способствовала

её традиц. материальная и духовная культура, нар. медицина. При подготовке мест для селитьбы гл. внимание обращалось на экологию, возможности здорового жизнеобеспечения (качество воды, почвы, воздуха, леса, пастбищ). Дома строили, как правило, дерев., выбирая для сруба липу или сосну; дуб шёл на стояки под сруб и нижние венцы. Возведение жилищ сопровождалось определёнными обрядами, создававшими психол. фон, направл. на благополучие семьи, её жизнестойкость. Значительное место в сохранении и укреплении здоровья мордвы занимала *баня*.

При лечении различных Б. использовались травы, из к-рых изготавливались отвары, настои, мази, пластыри, порошки, применялись также средства животного происхождения, физиотерапевтич. и хирургич. методы. К эффективным способам лечения мордвы относились заговоры и заклинания, купание в утренней росе, хождение к роднику, встречу зари (вечерней и утренней), а также магич. действия над человеком, его вещами, символизирующие изгнание или уничтожение Б.

Типичными способами избавления от Б. являлись её символич. сожжение (чаще перед печью в бане), смывание заговорённой или святой водой, выбрасывание через левое плечо ведуна, передача др. человеку, животному (собаке, кошке), закапывание в землю, протаскивание между деревьями, развеивание по ветру, передача нищему через окно. Этим же целям служили обрядовое обнажение, развешивание одежды на свящ. дереве, выбрасывание вещей на перекрёсток дорог. По представлениям мордвы, исцелению могли помочь самоубийцы и повешенные, если попросить их об этом.

В заговорах обращались к различным мифич. божествам-покровителям

с просьбой исцелить; в мифах упоминаются Великая птица, расклёвывающая глазную Б., белый старик. Во время эпидемии в качестве оберега (см. *Амулет*) больным детям вешали на шею замок. При Б. домашнего скота опахивали железным плугом село, звонили в колокола.

Целительная сила слова усиливалась особыми созвучиями и междометиями, специфич. ритмикой и рифмикой, магич. жестами и шумами. Нар. костюм мордвы украшался множеством шумящих подвесок, колокольчиков и бубенчиков, к-рые не только выполняли декоративно-прикладную функцию, но и являлись оберегом, защищавшим своим металлич. звуком от нечистой силы и злых духов, нёсших Б.

См.: также *Алганжеи*.

Лит.: **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Никонова Л. И.** Тайны мордовского целительства. Саранск, 1995 ; **Никонова Л. И., Кандринна И. А.** Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск, 2005 ; **Десяткина Т. П.** Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 1998 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004.

Т. Ю. Задкова.

БЯРКИН Николай Иванович (11.2.1947, с. Киржеманы ныне Чамзинского р-на РМ), этномузыколог, дирижёр, композитор, педагог, муз.-обществ. деятель. Д-р искусствоведения (1996), проф. (1997). Засл. деятель иск-в РФ (2008). Засл. работник культуры МАССР (1982). Лауреат Гос. пр. (1990, 2002), пр. Главы (2005, 2008) РМ. Чл. СК СССР (1981). Мордвин (эрзя). Род. в семье служащего. Окончил Саранское муз. уч-ще (1966), Казанскую консерваторию (1971). В 1971 — 72 — дирижёр оркестра Дальневост. военного округа;

1972 — 74 — преподаватель хоровых дисциплин, худож. рук. и дирижёр симфонич. оркестра Саранского муз. уч-ща; в 1978 — 91 — зав. сектором фольклора и иск-ва НИИЯЛИЭ. С 1992 — зав. кафедрой нар. музыки ф-та (с 2007 — ин-т) нац. культуры Мордов. гос. ун-та.

Б. внёс вклад в развитие фин.-угор. этномузыкологии, мордов. музыковедения, проф. музыки и исполнительства. Основал новое науч. направление — фин.-угор. муз. археология; муз. теорию мордов. традиц. вок. и инструм. многоголосия. Создал науч.-пед. школу в области фин.-угор. (мордов.) муз. иск-ва. Разработал методику и впервые осуществил многоканальные звукозаписи и аналитич. партитурные транскрипции произв. мордов. нар. музыки. Являлся организатором и науч. рук. муз.-фолькл. эксп. (в т. ч. междунар.) в РМ, Республику Татарстан, Пензенскую, Ульяновскую, Самарскую, Оренбургскую, Новосибирскую и Томскую обл. Автор 600 нотаций нар. песен и инструм. наигрышей, произв. вок., хоровой и камерно-инструм. музыки. Один из авторов и сост. 3-томной академич. антологии «Памятники мордовского народного музыкального искусства» (1981 — 88).

Б. — организатор (1971) и худож. рук. Хора мордов. нар. песни (с 1991 — Нар.-хоровая капелла) Мордов. ун-та — лауреата Гос. пр. РМ, к-рый впервые в России исполнил кантату для смеш. хора «Lauluja sekäköögille» Я. Сибелиуса, сюиту «Мордовские песни» Д. Мелких и др. крупные соч. В композиторском творчестве Б. опирается на певч., инструм. и духовные традиции фин.-угор. народов. Чл. комиссии музыковедения и фольклора СК РСФСР (1976 — 90). През. Фонда возрождения фин.-угор. народов (1989 — 2005), пред. Комиссии по нар. музыке Союза краеведов РМ (с 2000), чл. междунар. об-ва «Калева-

ла» (с 1995), междунар. органо-логич. союза «Kantele» (с 2004), стипендиат СК РФ (1996, 2005), науч. стипендиат РАН (1997 — 2000). Награждён Дипломом СК РФ (2005), Поч. дипломом Рос. авторского об-ва под патронажем През. РФ (2007).

Соч.: Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1983; Становление мордовской профессиональной музыки (композитор и фольклор). Саранск, 1986; Феномен традиционного инструментального многоголосия. СПб., 1995; Мордовская народная музыка: Многоголос. инструм. традиции: уч. пособие. Саранск, 2004 — 2006. Ч. 1 — 2.

Лит.: Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993; Бояркина Л. Б. Хоровая культура Мордовии: фольклор, традиции, современность: энц. справ. Саранск, 2006; Бояркин Николай Иванович: биобиблиогр. справ. Саранск, 2007; Мордовия, XX век: культурная элита: энц. справ.: в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1.

Н. П. Трегулова.

БОЯРКИНА Людмила Борисовна (10.2.1948, г. Казань), этномузыколог, пианист, педагог. Канд. искусствоведения (1985), доцент (1990). Засл. работник культуры РМ (2004). Лауреат Гос. пр. МАССР (1990), Всерос. конкурса Фонда развития отеч. образования РАО (2006). Русская. Род. в семье служащего. Окончила Казанское муз. уч-ще (1967), Казанскую консерваторию (1972), аспирантуру НИИЯЛИЭ (1985). В 1972 — 80 — преподаватель Саранского муз. уч-ща; 1985 — 91 — зав. кафедрой теории, истории музыки и муз. инструментов МГПИ им. М.Е. Евсевьева. В 1991 — 2000 — доцент, с 2000 — проф. кафедры нар. музыки, зав. курсом «Музыкальный

инструмент и концертмейстерский класс» ф-та (с 2007 — ин-т) нац. культуры Мордов. гос. ун-та.

Б. внесла вклад в сохранение мордов. нар. музыки, формирование совр. фин.-угор. этномузыкологии, муз. исполнительство. Организатор и участник муз.-этногр. (в т. ч. междунар.) эксп. в РМ, Республику Татарстан, Пензенскую, Ульяновскую, Самарскую, Саратовскую, Оренбургскую, Новосибирскую и Томскую обл. Автор более 250 науч. транскрипций произв. мордов. нар. музыки. Участвовала в подготовке 3-томной академич. антологии «Памятники мордовского народного музыкального искусства» (1981 — 88). Читала лекции по муз. финно-угристике в уч. заведениях Финляндии и Эстонии. Чл. Междунар. науч.-просветит. об-ва «Fennougría» (Эстония, с 2004).

Соч.: Гетерофония в календарных и семейно-обрядовых эрзя-мордовских народных песнях // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллин, 1986; Песенное искусство эрзянских переселенцев Среднего Заволжья (исследование) // Памятники мордовского народного музыкального искусства = Мокшэрзянь народной музыкальной искусствань памятниктне : в 3 т. Саранск, 1988. Т. 3; Хоровая культура Мордовии: фольклор, традиции, современность : энц. справ. Саранск, 2006; О мордовском многоголосии и некоторых подходах к изучению его ареальной специфики // Финно-угорское многоголосие в контексте других музыкальных культур. Тарту, 2008; Народные песни в интерпретации И. Яушева. Саранск, 2009.

Лит.: Российские фольклористы : справочник. М., 1994; **Бояркина Л. Б.** Хоровая культура Мордовии : фольклор, традиции, современность : энц. справ. Саранск, 2006; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. : в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1.

Д. Ф. Ильин.

БР□ГА (э.), **П□ЗА** (м.), хмельной напиток из ржаной муки, сахарной свёклы или картофеля. Входила в состав обрядовой и праздничной пищи. Процесс приготовления длительный, трудоёмкий и требовал особых навыков. В старину Б., П. делали только из ржаной муки, пекли особый хлеб (э. поза кши); во 2-й четв. 20 в. стали варить её также из свёклы (красной, и особенно из белой — сахарной) и картофеля.

У мордвы-мокши изв. обряд «авань поза», отличавшийся особым использованием Б., П. (см. *Бабья брага*).

Значительное место Б., П. занимает в свадебном обряде. Так, у мордвы Саратовской губ. утром перед прощанием с родительским домом невеста плакала у печи о потере девичьей воли. В это время близкая родственница вешала ей на шею целую охапку холстов, полотенец и платков, а в руки давала дерев. стакан и кувшин с Б., П. Невеста обходила своих родных, подносила каждому Б., П. и при этом дарила всем подарки.

В. Н. Майнов писал, что у мордвы-мокши распространён обряд собирания молодой к реке. Только молодая вставала с брачного ложа, её вели к реке. Впереди с ушатом шли девушки — подружки молодой, а за ними следовала самая старая женщина, к-рая несла на голове каравай хлеба, накрытый яичницей. За ними шли дружка и сваха с ведром Б. и ковшом в руках. Замыкала процессию молодая, одетая только в рубаху и босая, на голове у неё было неск. полотенец (по мнению Майнова, символ реки и потоков), а в руках она держала курицу (доказательство её девственности). На протяжении всего пути сваха и дружка поливали из ковша Б., П. Когда все подходили к берегу реки, невеста топила в ней курицу, бросала в реку каравай хлеба и яичницу, а пожилая женщина

громко и внятно произносила молитву. После этого молодая входила в реку или её обрызгивали водой и выливали остатки Б., П. в воду, после чего направлялись в прежнем порядке домой.

Б., П. традиционно варили к семейным молениям. М. Е. Евсевьев, описывая осенние моления мордвы богествам дома и хлева, отмечал, что «к тому и другому молению варят брагу, колют животных — овцу или гуся» (Евсевьев М. Е., Избр. тр., Саранск, 1966, т. 5, с. 353).

Б., П. мордва обязательно готовила при переходе в новый дом, когда звала с собой покровительницу дома Кудаву. В её честь варили «од кудонь поза» (м., «брага нового дома»), пекли блины и хлеб. В случае несоблюдения этого обычая Кудава якобы оставалась без еды, питья и упрекала хозяев до тех пор, пока не сгнивал дом.

Лит.: Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. [2-е изд.]. Саранск, 2007; Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Л. Н. Щанкина, Т. В. Аксёнова.

БР□ТЧИНА, обряд, имевший целью умилоствление *богов* посредством молитв о покровительстве деятельности человека, а также принесения даров. Получил назв. по назв. группы семейств, главы к-рых вели происхождение от одного родоначальника. Зафиксирован у мордвы-мокши в кон. 19 — нач. 20 в. По структуре и предметно-объектному комплексу Б. близка к молению «велень озкс», однако её семантич. границы, тяготеют к семейно-родовым озксам.

У каждой братчины имелся один из гл. сакральных атрибутов обряда — родовая восковая свеча (м. штатол), символизирующая некоего защитника — основателя рода. Она хранилась на протяжении года по очереди в каждом доме братчины в амбаре в специальном кузове из бересты и зажигалась раз в год перед братчинным молением.

Обряд совершался в первое воскресенье после Пасхи или на второй день Троицы в том доме, где хранилась свеча в течение года. На обряд собирались все члены братчины и приносили с собой еду, брагу, холст и деньги. Кушанье ставили на стол, а брагу выливали в установл. среди избы ушат; холст и деньги хранили при себе до определённого момента. Когда все члены братчины были в сборе, хозяин вносил в избу штатол и вместе с кузовом вручал его старейшему в роде. Тот извлекал свечу из кузова и при помощи завяз. вокруг неё полотенца прикреплял к ушку поставл. среди избы ушата с брагой. Затем штатол зажигали и начинали молиться.

Типовую Б. подробно описал М. Е. Евсевьев, побывавший в 1910 в с. Волгапине ныне Ковылкинского р-на РМ. На Б. здесь готовили столы с различными кушаньями, как принадлежавшими хозяевам, так и принес. из др. домов братчины. На одном столе — перед иконами — стояла четверть водки, на др., приготовл. для женщин, водки не было. Посредине избы стоял ушат с брагой. К одному из его ушков был прикреплён штатол. Кузов из-под свечи ставили в углу под иконами. Когда все члены братчины были в сборе, хозяйка дома зажигала лучиной штатол, а старшая в братчине пожилая женщина, исполнявшая обязанность ведущей обряда, подходила к свече и, обращаясь к ней, начинала моление. При этом она произносила: «Кормилец воск, вот настал

твой праздник; все мы собрались к тебе с хлебом-солью; дай нам здоровья и хорошую жизнь. Пусть уродится (у нас) хлеб и размножится скот. Дома наши сохрани от огня и всякого несчастья» (цит. по: Евсевьев М. Е., Избр. тр., Саранск, 1966, т. 5, с. 348). После этого женщины по очереди подходили к читавшей молитву и передавали ей принес. холст и деньги. Та брала у каждой холст, обхватывала им неск. раз штатол, касаясь с разных сторон, и затем клала на стол с едой. То же самое она проделывала с деньгами. Эти действия сопровождалась следующими словами: «Вот жена Ивана принесла тебе в дар холст и деньги; дай ей здоровья и счастья, умножь её состояние, чтобы было чем и на будущий год устроить тебе праздник»; «Вот сноха Петра...» и т. д. (Там же). Таким образом, «ведущая» упоминала всех участвовавших в молитве женщин. По окончании обряда все присутствовавшие целовали свечу, и молитва заканчивалась. Потом все занимали места за столами и начинали праздновать. Когда еды и вина оставалось немного, шли провожать свечу в очередной дом. Перед этим хозяин дома, в к-ром проводился обряд, снимал штатол с ушата и, завернув его вместе с полотенцем, к-рым он был перевязан, в холст, передавал хозяину того дома, где свеча будет храниться до следующего года. Затем, забрав остатки вина и кузов, в к-ром находился штатол, все направлялись в очередной дом. Во главе процессии с иконами и штатолом шли оба хозяина, за ними остальные, позади всех женщины. Войдя в дом, где должен был теперь находиться штатол, иконы ставили на божницу, а штатол укладывали в кузов и оставляли под иконами. После этого гости садились за уже накрытые столы и продолжали праздновать, вечером расходились по домам.

На следующее утро хозяин выносил свечу в амбар, где она должна была храниться целый год.

Несмотря на традиционность, данный обряд мог проводиться по-разному. В том же Волгапине, напр., в 19 в. во время молитвы зажигали не одну свечу, а две; одну — керемедень штатол («свеча керемети») ставили на божнице, др. — шта («воск») — на ушате с брагой. По окончании молитвы все участвовавшие в нём делали перед свечой на ушате земные поклоны и целовали её, а затем её пламенем обжигали себе волосы (мужчины — на лбу, женщины — на висках).

В д. Вечкенино Наровчатского у. Пензенской губ. было две братчины. У каждой из них имелось по две свечи, к-рые также хранились по году в каждом доме, однако очерёдность хранения велась не по старшинству домов, как в Волгапине, а по порядку дворов. Специфич. особенностью Б. здесь было то, что в обряде принимали участие только женщины. При перенесении штатолов из одного дома в др. они использовали т. н. алашат («лошади»), или люля-мат («улюлюкалки»), — дерев. палки с привеш. мешочком, наполн. просом и украш. бантиками (см. *Бабья брага*).

Б., отличную от упомянутых выше, зафиксировал Н. Смирнов в с. Сузгарье ныне Рузаевского р-на РМ. Обряд проводился осенью, после уборки хлеба. Предварительно условившись, неск. родств. семейств варили пиво. В назнач. день, нарядившись, взрослые из каждого дома сходились в доме, где варили пиво. Здесь, кроме стандартных восковых свечей, к-рые ставили перед иконами, ко всем четырём стенам избы прикрепляли круглые свечи, имеющие вид спирали с отогнутым верх. концом, к-рый и зажигали. Обряд начинался с молитвы, к-рую, как правило, произносил один

из стариков. Воздав благодарность Богу за урожай хлеба, молились о хлебородии на будущий год, также об избавлении от голода, моровой язвы, о сохранении и приумножении скота. Произнося молитву, старик держал в руке чашку с пшённой кашей (шонгарям), на к-рой сверху лежали кусочки хлеба, говядины, курицы и яиц. Закончив молитву, старик сначала съедал ложку содержимого чашки, потом передавал её всем присутствующим. Моление заканчивалось питьем пива.

По мнению Н. Ф. Мокшина, Б. имела первонач. «чистоты», т. к. языч. обряды смешались с христ.: штатол переносили в др. дом с иконами, братчинные самодельные свечи нередко заменяли церк., братчинное шествие контаминировалось с крестным ходом, на Б. иногда присутствовали священнослужители.

Лит.: **Смирнов Н.** Мордовское население Пензенской губернии // Пенз. епарх. ведомости. 1875. № 4; **Смирнов И. Н.** Мордва: ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002; **Евсеев М. Е.** Избр. тр.: в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы: этногр. справ. Саранск, 2004; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Д. Ф. Ильин.

БРЫЖАНСКИЙ Василий Сергеевич (19.1.1934, д. Новотягловка ныне Кочкуровского р-на РМ), театровед, реж., драматург, педагог. Канд. искусствоведения (1983), доцент (1990). Засл. работник культуры РФ (1999), МАССР (1977). Лауреат Гос. пр. РМ (2004). Чл. СТД (1967), СЖ (1979) СССР. Мордвин (эрзя). Род. в крест. семье. Окончил Мордов. учительский ин-т (1952), Ленинградский ин-т театра, музыки и кинематографии (1964). В 1952 — 58 рабо-

тал в школах с. Б. Толкай Куйбышевской обл., Нов. Турдаки Кочкуровского р-на МАССР. В 1958 — 59 — инструктор школьного отдела Мордов. ОК ВЛКСМ. С 1964 — реж., в 1973 — 84 — гл. реж. Мордов. гостелерадио. Поставил спектакли «Мой суровый друг» А. Жарикова, «Учительница» П. С. Кириллова (1968), «Лес шуметь не перестал» (1970), «Люди стали близкими» (1971), «Дым над землей» (1972) К. Г. Абрамова, «Большая Каменка» А. Дорогойченко (1974) и др., док. фильмы «Родные напевы», «Академик живописи», «Художник Илюхин», «Писатель Кузьма Абрамов» и др. С 1964 изв. как театр. критик, исследователь традиц. форм нар. театра мордвы. В 1984 — 2009 — старший преподаватель, доцент, проф., декан (1991 — 2002) ф-та (с 2007 — ин-т) нац. культуры Мордов. гос. ун-та. Чл. об-ва «Масторава».

Классифицировав нар.-театр. формы по принципу их практич. и эстетич. значения, Б. выделил в их развитии три периода. На раннем, или дохрист. (до нач. 19 в.), этапе театрализация имела преим. ритуально-магич. функцию. Сюжетная канва обрядовой театрализации была тесно связана с воззрениями мордвина-язычника на существо жизни человека, находившегося, по его понятиям, в прямой зависимости от благорасположения многочисл. покровителей. Посредством перевоплощения отд. участников обрядового действия в предполагаемых божеств и театрализ. разыгрывания борьбы общины (семья, род, село) со стихийными силами природы обряд становился зрелищем, привлекающим большое число зрителей. На этапе становления театр. форм устного нар. творчества (19 — нач. 20 в.) произошло ослабление связи обрядовой игры с языч. культурами и она получила преим. значение и форму свободной театрализации.

В совр. период (с нач. 20 в.) нар. иск-во окончательно освободилось от ритуального влияния.

Б. отмечал, что обрядовая театрализация является одной из древнейших форм эстетич. деятельности человека. Посредством обрядовой игры община стремилась вымолить у окружающей природы и её сверхъестеств. покровителей необходимые жизн. блага (урожай хлеба, увеличение приплода скота и др.). Особая роль в сельском молении придавалась божеств. песням (э. паз морот), в к-рых защищалась идея искл. веры мордвина своим многочисл. божествам. Учёный выделял элементы театрализации и в похоронно-поминальных обрядах мордвы (разыгрывание сюжетов из жизни умерших, борьбы жизни и смерти и др.).

Значительное место в культуре мордов. народа, по мнению Б., занимал комплекс карнавальных форм обрядности, связ. со сменой времён года и с ярмарочными с.-х. праздниками («Дом девичьего пива», «Рождественский дом», Великий день и др.). В используемой при этом маскировке, изображавшей добрые и злые антропоморфные существа (см. *Антропоморфизм*), помогающие человеку или приносящие ему несчастья, налицо непосредств. связь с мордов. мифологией, напр. с легендами и сказками о лесных жителях, покровителях деревьев и лесных животных во время праздника Проводов весны. Б. отмечал особую роль коня и медведя в нар.-театр. иск-ве мордвы, что связано с превращением зверя-тотема в излюбл. персонаж театрализов. действия.

Соч.: Драматическая игра в обрядовых действиях мордвы // Вопросы мордовского фольклора. Саранск, 1977. (Тр. / НИИЯЛИЭ; вып. 56); Народный театр мордвы. Саранск, 1985; Серебряные цепочки: эрзян. и мок-

шан. нар. игры и хороводы. Саранск, 2002; Мордовская народная драма: История. Проблемы реконструкции. Драматургия. Режиссура. Театр песни. Саранск, 2003; Мордовская народная драма. Саранск, 2004; Народная драматургия и народный театр // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004.

Лит.: Мордовия, XX век: культурная элита: энц. справ. : в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1.

Т. Ю. Задкова.

Б□КА, разновидность оборотня. Зафиксирован А. Н. Минхом. Похож на копну сена. В глухую полночь пугает людей. Излюбл. место — площадь вокруг церкви. Гонясь за прохожими, издаёт звуки, похожие на ворчание разозл. собаки. Когда появляется народ на крики попавшегося Б. человека, отскакивает от него и пропадает. Говорят, что «в землю проваливается, в тартар».

Лит.: **Минх А. Н.** Описание села Оркина Саратовского уезда // Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.

В. А. Юрчёнков, Н. Г. Юрчёнкова.

БУРН□ЕВ Александр Гаврилович (16.11.1954, с. Дурасово ныне Кочкуровского р-на РМ), хореограф, педагог. Канд. культурологии (1998), доцент (2001). Засл. работник культуры РМ (1998). Лауреат Гос. пр. РМ (2005, 2007). Русский. Род. в крест. семье. По окончании Ленинградского гос. ин-та культуры (1978) — артист балета анс. «Умарина», балетмейстер анс. «Келу». В 1979 — 90 — артист балета Гос. театра муз. комедии МАССР. Исполнил сольные партии в спектаклях «Баядера» (Солор), «Марица» (Цыган), «Невеста Грома» (Гром), «Кошкин дом» (Кот); дуэтные — «Король вальса», «Летучая

мышь», «Сильва», «Весёлая вдова», «Мистер Икс», «Цыганская любовь», «Цирк зажигает огни», «Чародей», «Литова» и др. Изучал мордов. хореографию. Ставил концертные номера, танц. сцены в драм. спектаклях; соавт. балетов «Алёна Арзамасская» на музыку Н. В. Кошелевой (1988), «Половецкие пляски» на музыку А. П. Бородин (1994), «Зачем солнце рано пало» на музыку Кошелевой и Г. В. Дулкина (2002), «Игра в свадьбу» на музыку К. Д. Акимова (2003), сюиты «Масторава» на музыку Дулкина (2006). С 1992 — зав., доцент, с 2003 — проф. кафедры нац. хореографии ф-та (с 2007 — ин-т) нац. культуры Мордов. гос. ун-та. Под руководством Б. на кафедре началось науч. изучение мордов. нар. танца. В 1993 — 97 на основе полевых записей в районах проживания эрзи и мокши на отделении хореографич. иск-ва нац. ф-та поставлены 20 оригинальных танцев, элементы к-рых передают мифол. видение окружающего мира («Звёздный ковш», «Красавицы Мураны», «Уточка Старых Найман», «Перхляйские перетопы», «Сурские мордвинки», «Сузгарские кумовья», «Мокшанские вихлявицы», «Девичий праздник», «Кочкурка» и др.), и эстрадные танцы («Мордовочка», «Ребятчи танцульки», «Плясовая манямка» и др.). Б. — лауреат междунар. и всерос. конкурсов и фестивалей (Самара, 1996, 1997; Уфа, 2006; Петрозаводск, 2009, 2011; Рязань, 2010; Сочи, 2011; Пенза, 2011 и др.).

Исследуя традиц. танц. культуру, Б. классифицировал танцы, сопровождавшие календарные, семейные и религ. обряды мордвы, на календарно-обрядовые и ритуальные (семейные, свадебные, крещения). При этом в обоих типах обрядовых танцев он указал на существование хороводов-гаданий, танцев-заклинаний, танцев с элементами эротики и др. Первые, по мнению Б., являлись приме-

ром прорицательной мистики у мордвы, вторые — основой религ. ритуала, в к-ром изображалась напряж. борьба жизни и смерти во время эпидемий. Танцы-заклинания придавали магич. действию зрелищную форму. Б. особо остановился на роли круга в танц. культуре мордвы. Он трактовал круг в танце как магич. центр религ. единения народа с космосом. Б. отмечал, что исторически обрядовые танцы играли роль организац. форм массового худож. творчества, общеколлективного выражения переживаний. При этом формы танцев, войдя в обряд, постоянно трансформировались.

Соч.: Танцевальная культура в контексте духовности мордвы. Саранск, 1996; Культура этноса, воплощённая в танце. Саранск, 2002; Мордовский танец (история, методика, практика): уч. пособие. Саранск, 2002; Танцевальная культура мордвы // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004; Культурная модель мордовского танца. Саранск, 2007; История хореографического искусства Мордовии: уч. пособие. Саранск, 2009.

Лит.: Мордовия, XX век: культурная элита: энц. справ.: в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1.

С. Г. Винтина.

БУРН□Й, персонаж топонимич. преданий. Зафиксирован Л. С. Кавтаськиным и Л. В. Седовой в 1972 в Похвистневском р-не Самарской обл. При характеристике Б. подчеркивалась его сила: «Человек он был большой, рыжеволосый, волосы гривой росли до плеч. Сила его была такова, что мог состязаться с лошастью» (УПТМН, т. 10, с. 115). Кроме того, отмечался его преклонный возраст, предание наз. его стариком. Б. решил построить собств. дом. Для стр-ва он срубал и приносил из леса дубовые деревья: «...брал на плечи, а конец де-

рева тащился по земле и нёс-вёз его под гору. Он проделывал это не раз. Не раз ходил в лесок, не одно дерево оттуда принёс, пока не закончил строить дом. Где тащил деревья, там образовалась лощинка, бороздка. Дождевая вода потекла по этой лощинке и стала размывать всё глубже. Потом образовался овражек...» (Там же). Возникший овраг, дубовый лес, откуда Б. носил брёвна, и гора, у подножия к-рой он построил дом, стали наз. его именем.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Н. Г. Юрчёнкова.

Б□РЬЯГА, злая старуха в мордов. сказках, устраивающая герою испытания. Зафиксирована в сказке, запис. в 1948 в с. Карсаевка Поимского р-на Пензенской обл. от 72-летней А. С. Аляпкиной. В сказке об Ивашке Приметлеве Б. топил герою баню, а «баня железная, огнём пышет, полымем пылает» (Мордовские народные сказки, Саранск, 1985, с. 277); прячет свою дочь в воде среди рыб, а затем в небе среди звёзд. А. И. Маскаев определял Б. как сказочный персонаж, напоминающий Бабу-ягу.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 1: Мокшанские сказки. Саранск, 1966 ; Мордовские народные сказки. Саранск, 1985.

В. А. Юрчёнков.

БУТ□ЗОВ Филипп Сергеевич (кон. 19 — нач. 20 в.), учитель, чл.-сотрудник ОАИЭ, интересовался культурой и бытом мордвы. До 1917 — дир. нач. уч-ща в с. Сабанчееве Алатырского у. Симбирской губ. Откликнулся на разосл. ре-

дакцией «Изв. ОАИЭ» предложение составить описание быта и культуры местной мордвы по разработ. об-вом программе. Представляет интерес сдел. им в с. Живайкине Карсунского у. Симбирской губ. фиксация обычая при поминовении умерших собирать с присутствующих кольца, бисер, нанизывать всё это на проволоку и вешать на свящ. дерево во время моления Масторпазу.

Соч.: Из быта мордвы с. Живайкина Жадовской волости Карсунского уезда Симбирской губернии // Изв. ОАИЭ. Казань, 1893. Т. 11, вып. 5.

Лит.: **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Марискин И. С., Марискин О. И.** Летопись Атяшевской земли. Саранск, 1998.

В. А. Юрчёнков.

БЫК (м., э. **Бука**), в нар. традиции почитаемое жертв. животное. Аксиологич. характеристики Б. имеются в верованиях фин.-угор. народов, где закрепились традиции совм. поедания Б. или др. жертв. животного как акт пожертвования, единомыслия и одновременно как символ начала некоего нового этапа или деятельности, связ. с жизнью общины, семьи (пахота, посев, уборка урожая и т. д.). Именно совм. поедание жертв. животного на таких молениях предполагало равномерное распределение просимых у божества благ между участвующими в молении представителями рода или общины.

Значимой характеристикой Б., имеющей важность в понимании структуры мифол. мировидения финно-угров, является «чистота» этого животного, к-рую в представлениях мордвы подтверждает тот факт, что в *быличках*, легендах, преданиях и сказках практически не встречается упоминание перевоплощения злых сил и появление их перед человеком

в образе Б. Это справедливо и по отношению к повседневной жизни мордвы, в к-рой Б. играл роль «помощника» в хозяйстве, в связи с чем в нар. памяти сохранились соотв. назв. мест, такие как Букань лисьма (Бычий колодец) и др.

Важной характеристикой жертв. Б. в ряде мест вплоть до кон. 19 в. являлся его цвет. Он не только служил маркером «чистой» жертвы, но и помогал в определении общей мировоззренч. позиции мордвы, согласно к-рой для того или иного божества был предпочтителен определённый цвет. Так, считалось, что Шкаю (м.) нужно жертвовать белого Б., Чипазу (э.) — рыжего без пятен, а Маторпазу (э.) — чёрного. После того как традиция покупки жертв. животного для совершения обряда была заменена дарением, изначальное значение цвета нивелировалось, гл. осталось наличие собственно жертв. Б.

Подробное описание обряда, осн. жертв. объектом к-рого выступал Б., удалось сделать М. Е. Евсевьеву у мордвы д. Верх. Мувал Городищенского у. Пензенской губ. Здесь для проведения обряда на деньги, собр. с его участников, сельский староста и неск. стариков покупали жертв. Б. Обычно подбирали Б. красно-бурого цвета, по признанию местных жителей он больше всего соотв. цвету зрелой нивы. Перед началом обряда обязательно проводили проверку угодности Б. Богу: его трижды поливали холодной водой, и если он ни разу не вздрагивал, это означало, что он не угоден Богу и для совершения обряда следует выбрать др. Б. Это ещё раз подчёркивает осн. признак Б. — «чистоту» и высокую ценность в сравнении с др. жертвоприношениями.

Переход к жертв. Б. от жертв. жеребёнка был связан, по мнению местных жителей, с принятием христианства. По их рассказам, на третий год после кре-

щения мувальской мордвы, когда после очередного обряда, на к-ром в жертву был принесён жеребёнок, неожиданно пошёл каменный дождь, погубивший много посевов и животных, старые люди сделали вывод, что крещёным нельзя есть конину. Тогда стали приносить в жертву Б.

Большая часть обрядов, во время к-рых мордва приносила в жертву Б., была приближена к Троице или совершалась в день самого праздника, как, напр., в с. Багана Бугульминского у. Самарской губ., где в это время проводили общесельское моление (велень озкс), в чём также просматривается влияние христианизации.

В субботу после Троицы в с. Козловка того же уезда устраивали общинное моление «букань озкс», к-рое имело и др. назв. — «атянь озкс» (моление стариков), вероятно, из-за того, что его проводили трое пожилых мужчин или по аналогии с молением предкам, к-рые упоминались в обращениях-просьбах. На букань озкс участники молились также богу коров Ласею (рус. Власий), богине овец Настасии, Юртаве (в локальной интерпретации — покровительница села) и Нишкепазу о здоровье и богатом урожае.

В Алатырском у. Симбирской губ. в период засухи устраивали специальный обряд жертвоприношения Б. (обычно выбирали пёстрого), в к-ром принимали участие только мужчины. Здесь животное, купл. на средства жителей селения с украш. лентами рогами в день жертвоприношения вели на хлебное поле, где неск. вдовцов опутывали его верёвками, обливали водой и с ещё живого начинали сдирать шкуру. Мычание Б. при этом воспринималось как обращение к Богу с всеобщими просьбами о помощи наряду с человек. молитв. формулами.

Шкура жертв Б. также являлась семантич. составляющей обряда жертвоприношения. Её либо продавали (средства шли на подготовку следующего аналогичного обряда), либо оставляли на месте совершения ритуала, расстелив на земле или повесив на ветки дерева (жерди). Непроданная шкура являлась символом правильности и завершённости провед. обряда. В ряде насел. пунктов в ней проделывали прорези жертв. ножом, чтобы никто не мог воспользоваться ею в собств. целях.

Обряды с жертвоприношением Б. существовали у др. фин.-угор. народов, напр. удмуртов. Так, во время родовых, общинных молений в честь божества местности, на к-рой проживает определённый род, Мудора и небесного божества Инву удмурты приносили в жертву молодого Б. Встреча весны и начало с.-х. работ у них также были связаны с жертвоприношением Б. красной масти на третий день после Троицы. Локальные предания о водяном Б. встречаются у коми-зырян, однако у них близкий низшим божествам антропоморфный водяной дух Ва Ёш как элемент мифол. мировоззрения широкого распространения не получил. Согласно полевым материалам, первые мар. переселенцы использовали Б., к-рых гнали впереди себя, для определения места обустройства жилища, поскольку считалось, что именно Б. находят наиболее подходящий для поселения участок, останавливаясь там на отдых.

Сходные представления о Б. как о жертв. животном были и у славян. В Нижегородской и Пензенской губ., плотно насел. мордвой, русские, собирая в праздник (Ильин день и др.) муж. скотоводч. братчину, закалывали Б., к-рого выкармливали всей общиной, съедали его сообща, часть мяса раздавали, а кости, якобы приносившие удачу, со-

храняли. Олонецкие охотники и рыболовы верили, что жертв. Б. красного цвета обеспечивает (через пророка Илью) ясную погоду во время жатвы и сенокоса.

Лит.: **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Мифология коми. Сыктывкар, 1999 ; Славянская мифология : энц. слов. М., 2002 ; Удмуртская мифология. Ижевск, 2003 ; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 2006 ; Марийская мифология : этногр. справ. Йошкар-Ола, 2007 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

И. В. Зубов.

БЫЛ□ЧКА, жанр фольк. сказочной прозы, основ. на языч. верованиях и суевериях, нар. демонологич. рассказ, свидетельствующий о столкновении человека с враждебной ему нечистой силой, нередко представляющей собой существа из разряда низшей мифологии. Данный термин предложили в 1915 братья Б. М. и Ю. М. Соколовы, взяв его из речи крестьян Новгородской губ.

Демонологич. рассказы подразделяют на собственно Б. и бывальщины (предложено Э. В. Померанцевой). Б. — это суеверный меморат (воспоминание, свидетельский рассказ от 1-го лица), бывальщина — суеверный фабулат (повествование от 3-го лица, содержащее больше обобщений и тяготеющее к сказочной форме). Не имея устоявшегося нар. назв., обе разновидности суеверных демонологич. рассказов издавна бытуют в мордов. устно-поэтич. творчестве. Об этом, в частности, косвенно свидетельствуют тексты нек-рых волшебнo-фантастич. сказок, заговоров, примет, а также описания языч. верований, поверий

и суеверий мордвы, в к-рых отмечены «факты» контактирования человека с опасными и таинств. существами и силами потустороннего мира. Собственно тексты Б. как произв. устно-поэтич. творчества мордов. народа фиксируются собирателями (А. А. Шахматов, М. Е. Евсеев, Т. П. Миронов, А. И. Маскаев, В. К. Радаев, К. Т. Самородов, Л. С. Кавтаськин, Н. Ф. Мокшин, Л. В. Седова и др.) с нач. 20 в. Маскаев рассматривал Б. в качестве особой разновидности волшебного-фантастич. сказки, «в содержание которой верят» (Маскаев А. И., Мордовская народная сказка, Саранск, 1947, с. 179). Начало специального иссл. нар. демонологич. рассказов как самостоят. жанра мордов. фольклора положено Седовой, составившей первую антологию устной несказочной прозы мордвы (УПТМН, т. 10) и выделившей в ней раздел Б. В него вошли короткие, преим. одномотивные рассказы-мемораты и более сложные, сюжетно развёрнутые рассказы-фабулаты, повествующие о якобы произошедших в действительности случаях столкновения рассказчика или его знакомых, родственников, односельчан с опасным и таинств. миром языч. и христ. демонологии. У мордвы в Б. он представлен божествами и духами-покровителями воды и леса — ведьявами (м., э.) и вирявами (м., э.); духами-покровителями дома, двора, бани — куй-горожами (м.), трялками (э.), юрхтавами (м.), кудавами (э.), банявами (м., э.), а также бесами и чертями (э. идемевсть, шайтянт), отчасти соединившими в себе образы персонажей *ада* с обобщ. представлениями о духах, упомянутых выше и перешедших в разряд нечистой силы после утверждения в нар. сознании бытового православия. К традиц. персонажам суеверных рассказов мордвы относятся также колдуны и ведьмы, проклятые и умершие не своей смертью люди

и прочая «нечисть», имеющая двойств. природу — человек. и демонич. За каждым из этих персонажей-демонимов закрепился комплекс суеверий, примет и оберегов, а также поведенч. стереотипов и внеш. портретных характеристик, и Б., с её установкой на истинность повествования, с одной стороны, идеологически и содержательно базируется на этих представлениях, с др. — иллюстрирует и подкрепляет их на основе якобы конкретных фактов соприкосновения рассказчика с чудесным. Эта осн. цель Б. достигается, как правило, посредством эмоционального воздействия на слушателя через внушение ему ранее пережитого рассказчиком чувства страха перед демонич. существом, к-рое опасно уже тем, что находится в принципиальной онтологич. оппозиции к земному миру людей и в то же время может вторгаться в него.

Типичный сюжет мордов. Б. — описание рассказчиком-свидетелем приуроч. к конкретному месту и времени непредвиденной встречи с демонич. существом, к-рое посредством своего необычного внеш. облика и сверхъестеств. силы вселяет ужас в человека или стремится погубить его и лишь счастливая случайность, смекалка, «грамотное» поведение или жест, языч. оберег или крестное знамение, спасают последнего. В более сложных, отстоявшихся во времени и насыщ. фантастич. деталями бывальщинах аналогичная встреча с нечистой силой иногда имеет для конкретного человека уже как объекта повествования и более серьёзные последствия — он заболевает, оказывается во власти нечистой силы или погибает. В то же время изв. ряд сюжетов Б., и особенно бывальщин, в к-рых демонич. существа (прежде всего домашние духи, при соотв. отношении к ним), не только не вредят, но даже помогают человеку:

вести хоз-во, растить детей, ухаживать за скотом, а также оказываются побежд. смелым и сообразительным человеком (Б. о разоблач. человеком колдунах-оборотнях; сказки-бывальщины о Вираве, плен. мордвином-дровосеком при помощи расщепл. бревна и др.). Учитывая склонность суеверных рассказов к тематич. циклизации, мордов. исследователи (Седова и др.) выделяют следующие Б. и бывальщины: о покровителях леса и воды; домашних духах-покровителях; подменных детях; проклятых людях и мертвецах; оборотнях и колдунах; о неизв. страхах и загадочных явлениях.

Судя по архивным материалам, самый многочисл. и, видимо, наиболее ранний пласт мордов. Б. составляют суеверные рассказы о Вираве. В них она выступает в роли своенравной хозяйки лесной стихии и одновременно нечистой демонич. силы, обитающей в лесу как враждебной человеку части земного пространства. Чаще всего информанты-свидетели видят её в полдень, перед заходом солнца или глубокой ночью в образе огромной женщины высотой с дерево, с растрёп. волосами и переброш. через плечи грудями, реже — в облике причитающей невесты в нац. наряде или уродливого зоантропоморфного существа с одним глазом, одной ногой, с огромными зубами и покрытого шерстью. Ей также приписываются сверхъестеств. способности оборачиваться и являться перед человеком то зайцем, то лошадью, то огненным столбом, то вихрем. Согласно нар. поверьям, нашедшим конкретно-образное отражение в ряде суеверных фабулатов, Виравя могла завести человека в непролазную чащу, защекотать до смерти и даже съесть заснувшего охотника или насрать на него порчу и болезни. В то же время, не проявляя себя внешне, она

могла и вывести заблудившегося человека из леса, показать ягодные и грибные места, способствовать удачной охоте, облегчить труд лесорубам, что также нашло отражение в произв. несказочной прозы, рисующих Вираву в данном случае как добрую, но всё-таки онтологически опасную хозяйку леса, встреча с к-рой не предвещает ничего хорошего («вирьге ётнек — Виравяда потнек» — «по лесу ходи, Вираву обходи»). В большинстве же случаев встреча с хозяйкой леса, помимо пережитого страха, не имеет для человека к.-л. серьёзных последствий, а собственно рассказ-меморат, как правило, сводится к элементарному репортажу об этой встрече, напр.: отец рассказчика верхом ехал по лесу «вдруг лошадь зафыркала, остановилась, на дыбы встаёт. Посмотрел отец налево — там женщина ростом с дерево, вся волосами заросшая. — Иго-го-го! — закричала и, ломая деревья, ушла в сторону», или: слышат мать с дочерью «кто-то по лесу идёт и орехи ест, будто какая-то машина, а лес трещит под ногами и ветер дует. Смотрим: огромная женщина в белой рубашке, плачет и стонет. Как прошла мимо нас — уж сами не помним со страха». Зафиксированы также сюжеты, в к-рых человек спасается от Виравы, пятась или произнося имя Господа; ряд Б. содержат информацию о происхождении вирав из проклятых людей или «заложных» покойников, а также о детях или детёнышах вирав, локусах их обитания, пристрастии к прядению из волокон крапивы, рецидивах подмены виравями некрещёных младенцев своими детёнышами.

Значительно реже в суеверных рассказах мордвы в качестве демонологич. персонажа выступает хозяйка воды Ведава, в большинстве случаев трактуемая рассказчиками как нечистая сила, обитающая в водной стихии. В Б., как

правило, рассказывается о встречах с Ведявой в облике обнаж. или облач. в нац. наряд белокурой женщины, к-рая сидит на берегу реки, пруда, озера и подобно русалке расчёсывает свои длинные волосы, а затем с шумом исчезает в воде. Иногда в коротких комментариях к подобным рассказам со злыми умыслами ведяв информаторы увязывают случаи утопления конкретных людей или их серьёзного заболевания после неурочного купания. Особую группу суеверных рассказов составляют Б.-предания о ведявах, обитающих в мельничных прудах. Считалось, что мельник в целях успешной работы мельницы время от времени тайно приносил Ведяве человек. жертвы. К таковым причисляли всех утонувших в мельничном пруду. Относительно небольшое количество Б. о ведявах, видимо, можно объяснить тем, что хозяйка воды вплоть до настоящего времени позиционируется и как божество, покровительствующее браку и деторождению. Культ Ведявы, в частности, играет важную роль в традиц. свадебном обряде мордвы.

Сравнительно немного зафиксировано Б. о домашних духах мордвы, обитающих непосредственно в крест. избе, дворе, бане, а потому идентифицируемых в нар. сознании преим. как добрые, тесно связ. с конкретной семьёй демонологич. существа. Их проделки, нашедшие образную конкретизацию в Б., как правило, сводятся к тому, что чей-то домашний дух (чаще всего Куйгорож, являющийся одновременно и духом-обогатителем, или покровительница двора) за счёт воровства у соседней обогащает своих хозяев либо беспокоит по ночам стуками и вознёй; щекочет и щиплет хоз. скот; заплетает в косички гриву лошади. Одна женщина, напр., «сама видела», как соседская Юртава, внешне не обнаруживая себя, перетаскивала охап-

ки сена с их двора на соседский. В Б. данного цикла встречаются упоминания попыток сожительства домовых духов (Куйгорож) с членами семьи, а также предвидения первыми судеб дома и живущих в нём. Рассказывают, в частности, как незадолго до смерти хозяина дома, по ночам в нём слышали чьи-то тяжкие стоны (Кудаваы или Трямки). Весьма немного сохранилось суеверных рассказов-бывальщин о подменных детях. В них нашли отражение поверья о том, что якобы иногда злые духи (бесы, черти, виравы и ведявы) подменяют новорожд. ребёнка своим детёнышем, к-рый долго не ходит, растёт уродцем, непомерно много ест и терроризирует семью тайным воровством. Похожие на сказки суеверные фабулаты о подменышах, как правило, сводятся к тому, что детёныш «нечистых» умирает или подмену обнаруживают с помощью священника, знающего человека и избавляются от опасного существа (обычно топят). В то же время зафиксированы суеверные рассказы-сказки, в к-рых человек в логове Виравы обнаруживает некогда украд. ею ребёнка и возвращает его настоящим родителям.

Весьма показательны для нар. демонологии мордвы суеверные рассказы о мертвецах и привидениях. В них нашли отражение архаич. представления о том, что души умерших неестеств. смертью людей (опойцы, утопленники, висельники и др.) обретают демонологич. свойства нечистой силы и вследствие этого могут свободно перемещаться по миру, посещать и пугать родственников, односельчан, приносить засуху, мор и т. п. Существует множество рассказов, в к-рых «нечистые» покойники являются людям в неурочное время в своём прижизн. образе или в облике животного (лошади, свиньи, кошки), а также в виде огненного шара, вихря, мет-

лы, ухвата. Иногда сюжеты Б. данного цикла усложняются мотивом избавления от нечистой силы, напр. люди обнаруживают могилу т. н. заложного покойника, к-рый гулял по селу в облике огромного жеребца, вбивают в неё рябиновый кол и происки нечистой силы прекращаются или в дом с привидением (м. Шопача, э. Чопача) специально заводили ручного медведя, после этого привидение исчезало.

Широкое развитие и образную конкретизацию в мордов. Б., в т. ч. совр., получил популярный у мн. народов мотив существования в реальном мире людей, обладающих колдовской демонич. силой. Как правило, в суеверных рассказах мордвы колдуны и ведьмы (м. содай ломать, э. ведунт, шайтянт) проявляют себя посредством способности к оборотничеству. Колдуны-оборотни (тырынтаи) предстают перед людьми в виде собаки, кошки, свиньи, овцы, огненного шара, летящего по ночному небу. Нередко смелый человек изобличает нечистую силу, напр. отрубает чёрной собаке-оборотню лапу, а на следующий день выясняется, что у такой-то старухи, изв. в селе как колдунья, нет руки. Однако чаще всего информанты лишь констатируют встречу с колдуном-оборотнем, делятся со слушателями пережитым страхом и увязывают увиденное с колдовской практикой того или иного реального человека, якобы связ. с нечистой силой. Нередки случаи, когда информанты, столкнувшись с к.-л. мистич. явлениями (видят огненный ковш на дороге, тень огромного человека или мелькнувшего в кустах мальчика; слышат чьи-то страшные стоны, шаги или непонятный шум в ночном

лесу и др.), не могут точно идентифицировать их и связать с проявлением конкретной демонич. силы. Наряду с Б. о колдунах и покойниках, суеверные рассказы данного цикла являются, видимо, наиболее жизнеспособной областью совр. нар. демонологии мордвы, чего нельзя сказать о Б., основ. на вере в духов-покровителей стихий природы и домашнего хоз-ва. Они всё реже фиксируются собирателями и во всё более трансформиров. в сторону сказки виде, что свидетельствует о необратимых процессах вымывания из нар. сознания веры в реальное существование духов природы и домашнего хоз-ва.

В целом суеверные рассказы мордвы наряду с легендами и преданиями составляют обширную худож.-источниковедч. базу, позволяющую вести учёт и изучение мифол. образов, сюжетов и мотивов, проследить их трансформацию в конкретных произв., выстраивать и совершенствовать варианты нар. пантеона и пандемониума мокши и эрзи.

Тексты: НА НИИГН, Л-40, л. 214 — 218; Л-55, л. 128 — 129; Л-97, л. 71 — 73; Л-127, л. 405 — 409, 635 — 636; Л-133, л. 2 — 4, 9, 13 — 15; Л-415, л. 318 — 319; Л-494, тетр. 3, л. 19 — 20, 23, 31, 47; Л-759 (указатель сюжетов и мотивов легенд, преданий и быличек / сост. Л. В. Седова); Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10: Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: **Маскаев А. И.** Мордовская народная сказка. Саранск, 1947; **Седова Л. В.** Устная сказочная проза // Мордовское устное народное творчество. Саранск, 1987.

С. Г. Девяткин.

СОКРАЩЕНИЯ*

абс. — абсолютный	гг. — годы
авг. — август	герм. — германский
авт. — автор (в библиографии)	гл. — главный
акад. — академик (при имени)	гл. обр. — главным образом
альм. — альманах (в библиографии)	гос. — государственный
англ. — английский	гос-во — государство
анс. — ансамбль (муз.)	губ. — губерния (в названии)
апр. — апрель	д. — деревня (при названии)
археол. — археологический	дерев. — деревянный
астрон. — астрономический	дет. — детский
АХ — Академия художеств	дир. — директор
Б. — Большой (в топонимических названиях)	ДК — Дом культуры
балт. — балтский	док. — документальный
библ. — библейский	док-ты — документы
библиогр. — библиографический (в библиографии)	доп. — дополнительный
биогр. — биография; биографический	др. — другой
букв. — буквально	д-р — доктор
в. — век	драм. — драматический
вв. — века	др.-гр. — древнегреческий
Вел. Отеч. война — Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг.	др.-еврейск. — древнееврейский
Верх. — Верхний (в топонимических названиях)	др.-рус. — древнерусский
верх. — верхний	др.-эрз. — древнеэрзянский
Вестн. — Вестник (в библиографии)	д. чл. — действительный член
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи	европ. — европейский
внеш. — внешний	епарх. — епархиальный
вок. — вокальный (муз.)	ж. — журнал (при названии)
вост. — восточный	жен. — женский
вступ. — вступительный	жив. — живопись
в т. ч. — в том числе	зав. — заведующий
г. — год	зап. — записки (в библиографии)
г. — город (при названии)	засл. — заслуженный
газ. — газета (при названии)	избр. — избранный (в библиографии)
	Изв. — Известия (в библиографии)
	изв. — известный; известен
	изд. — издание
	изобразит. — изобразительный
	им. — имени

* В именах прилагательных и причастиях допускается отсечение окончаний, включая суффиксы «-анный», «-енный», «-еский».

имп. — император; императорский
 инструм. — инструментальный
 ин-т — институт
 иран. — иранский
 иск-во — искусство
 искл. — исключение; исключительный;
 исключено
 иссл. — исследование; исследовательский
 ист. — исторический
 итал. — итальянский
 и т. д. — и так далее
 канд. — кандидат
 карел. — карельский
 кирг. — киргизский
 кл. — класс
 к.-л. — кто-либо; какой-либо
 кн. — книга; книжный
 кн. — князь; княгиня (при имени)
 комм. — комментарий (в библиографии)
 кон. — конец (в датах)
 крест. — крестьянский
 к-рый — который
 к-т — комитет
 лат. — латинский язык
 лингв. — лингвистический
 лит. — литературный
 лит-ра — литература
 М. — Малый (в топонимических названиях)
 М. — Москва (в библиографии)
 мар. — марийский
 м. — мокшанское (слово)
 макс. — максимальный
 МАССР — Мордовская Автономная Советская
 Социалистическая Республика
 матем. — математический
 МГПИ — Мордовский государственный
 педагогический институт
 метод. — методический
 мин-во — министерство
 мифол. — мифологический
 мн. — многие
 мокш. — мокшанский
 Мордкиз — Мордовское книжное
 издательство
 мордов. — мордовский
 моск. — московский
 муз. — музыкальный
 муж. — мужской
 Н. — Нижний (в топонимических названиях)
 наз. — называет; называется; называемый
 назв. — название

НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитар-
 ных наук при Правительстве Рес-
 публики Мордовия
 напр. — например
 нар. — народный
 наст. — настоящий
 науч. — научный
 нац. — национальный
 нач. — начало (в датах)
 нач. — начальный
 нек-рый — некоторый
 неск. — несколько
 НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский инсти-
 тут языка, литературы, истории и
 экономики при Совете министров
 МАССР
 Нов. — Новый (в топонимических названиях)
 нояб. — ноябрь
 н. э. — нашей эры
 ОАИЭ — Общество археологии, истории и этно-
 графии при Казанском университете
 об-во — общество
 обл. — область (в названии)
 ОК — областной комитет
 ок. — около
 окр. — округ; окружной
 окт. — октябрь; октябрьский
 опубл. — опубликован; опубликованный
 осн. — основной
 отв. — ответственный
 отд. — отдельный
 отеч. — отечественный
 офиц. — официальный
 п. — перевод
 пед. — педагогический
 пер. — перевод (в библиографии)
 первонач. — первоначально; первоначальный
 подгот. — подготовка (в библиографии)
 пол. — половина (в датах)
 полит. — политический
 пом. — помощник
 поч. — почётный
 пр. — премия
 правосл. — православный
 пр-во — правительство
 пред. — председатель
 през. — президент
 преим. — преимущественно
 произв. — произведение
 просветит. — просветительский
 проф. — профессиональный

- проф. — профессор
 психол. — психологический
 публиц. — публицистический
 р. — река (при названии)
 РАЕ — Российская академия естествознания
 РАО — Российская академия образования
 рев. — революция; революционный
 регион. — региональный
 ред. — редактор
 реж. — режиссёр; режиссёрский
 религ. — религиозный
 респ. — республиканский
 РМ — Республика Мордовия
 р-н — район (в названии)
 род. — родился
 рос. — российский
 рук. — руководитель
 рус. — русский
 РФ — Российская Федерация
 с. — село (при названии)
 с. — страница (в библиографии)
 самостоят. — самостоятельный
 сб. — сборник
 сб-ки — сборники
 св. — святой (при имени)
 свт. — святитель (при имени)
 сев. — северный
 сент. — сентябрь
 сер. — середина (в датах)
 сер. — серия
 СЖ — Союз журналистов
 сиб. — сибирский
 СК — Союз композиторов
 скульп. — скульптор (при имени)
 слав. — славянский; славянские языки
 слов. — словарь (в библиографии)
 см. — смотри
 соавт. — соавтор; соавторство
 сов. — советский
 совм. — совместный; совместно
 совр. — современный
 соотв. — соответствует; соответствующие
 сост. — составитель; составление
 (в библиографии)
 сотр. — сотрудник
 соч. — сочинение
 СП — Союз писателей
 СПб. — Санкт-Петербург (в библиографии)
 справ. — справочник (в библиографии)
 ср. — сравни
 ср.-век. — средневековый
 СССР — Союз Советских Социалистических
 Республик
 Ст. — Старый (в топонимических названиях)
 ст. — станция (при названии)
 ст. — статья
 стат. — статистический
 СТД — Союз театральных деятелей
 стихотв. — стихотворный
 стр-во — строительство
 СХ — Союз художников
 с. х. — сельское хозяйство
 с.-х. — сельскохозяйственный
 т. — текст
 т. — том (в библиографии)
 танц. — танцевальный
 тат. — татарский
 т. е. — то есть
 театр. — театральный
 терр. — территория; территориальный
 тетр. — тетрадь (в библиографии)
 техн. — технический
 т. к. — так как
 т. н. — так называемый
 т. о. — таким образом
 тр. — труды (в библиографии)
 традиц. — традиционный
 трансп. — транспортный
 тыс. — тысяча
 тыс. — тысячелетие
 тюрк. — тюркский; тюркские языки
 у. — уезд (в названии)
 уг. — уголовный
 удм. — удмуртский
 указ. — указатель (в библиографии)
 ун-т — университет
 УПТМН — «Устно-поэтическое творчество
 мордовского народа»
 уч. — учебный
 уч-ще — училище
 февр. — февраль
 физ. — физический
 филол. — филологический
 филос. — философский
 фин.-угор. — финно-угорский
 фольк. — фольклорный
 франц. — французский
 ф-т — факультет
 хоз. — хозяйственный
 хоз-во — хозяйство
 христ. — христианский
 худ. — художник (при имени)

худож. — художественный	этим. — этимологический
центр. — центральный	этногр. — этнографический
церк. — церковный	ювелир. — ювелирный
цит. — цитируется	юж. — южный
ч. — часть (в библиографии)	ЮНЕСКО — Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры
чел. — человек	яз. — язык; языки
четв. — четверть (при датах)	янв. — январь
чл. — член	Bd. — Band (в библиографии)
что-л. — что-либо	S. — Seite (в библиографии)
шк. — школа	Ibid. — Ibidem
э. — эрзянское (слово)	j. — journal (в библиографии)
экон. — экономический	p. — page (в библиографии)
эсп. — экспедиция	vol. — volume (в библиографии)
энц. — энциклопедический (в библиографии)	
эрз. — эрзянский	

РЕЦЕНЗИИ

Masztorava : erza és moksa népköltészeti anyag feldolgozásával írta A. M. Saronov / erza-mordvinból ford. Dugántsy Mária. — Budapest : L'Harmattan kv.-kiad., 2010. — 494 l. (A világ eposzai ; k. 7). — Венг. яз.

Эпос «Масторава» («Мать-Земля») вышел в свет в 1994 г. в г. Саранске. Книга опубликована на эрзянском языке. Однако ее можно считать «общемордовской», так как произведение опирается не только на эрзянские, но и на мокшанские фольклорные источники. Мокшанский перевод эпоса был издан в 2001 г., русская версия — в 2003 г. Венгерский вариант эпоса стал возможен благодаря многолетней переводческой деятельности Марии Дуганчи. Этот труд стал ее последней работой (16 февраля 2011 г. она умерла). Венгерские читатели после издания данного произведения смогли познакомиться со всеми тремя мордовскими эпосами: «Сияжар» (1960; венг. пер. — 1984), «Тюштя» (1991; 1999) и «Масторава» (1994; 2010).

В послесловии венгерского издания Мария Дуганчи и Вероника Шандорфи знакомят читателей с историей рождения эпоса, вероисповеданием мордовского народа. Авторы представляют самые важные жанры мордовского фольклора, и в первую очередь обрядовую и эпическую поэзию, а также построение мифологического мира.

Мордовская интеллигенция считает «Мастораву» своим национальным эпосом. Однако учеными уже предпринимались попытки ее создания. На это указывается в послесловии, где говорится, что первым, кто обратился к написанию и составлению подобного эпического произведения, был В. К. Радаев. Его эпос «Сияжар» вышел в 1960 г. (второе издание — в 1973 г.). Вокруг данной книги возникло множество споров, ученые и критики в первую очередь ставили под сомнение вопрос о том, насколько данное произведение является народным (национальным) эпосом, поскольку действие сюжета только отчасти опиралось на фольклорные источники, а образ Сияжара и большая часть историй были рождены фантазией Радаева. Вторая попытка также связана с именем Радаева. В новом эпосе говорится об известном герое мордовской народной поэзии — царе Тюште (или Тюштяне). Литературные критики также не могут рассматривать его в качестве полноценного народного эпоса, так как работа является отрывочной. Радаев не смог закончить свое произведение.

К проекту по составлению народного эпоса группа исследователей приступила в 1969 г. А. М. Шаронов, с именем которого связана сегодня «Масторава», в 1974 г. взял на себя руководство работой по собиранию и систематизации материалов. В ходе составления эпоса ученые опирались на различные фольклорные тексты, в том числе на космогонические песни, предания о богах и героях, а также на исторические песни. Интересно, что они не только использовали фольклорные произведения, но и

черпали идеи из всевозможных народных обычаев и вероисповеданий. Работа автора-составителя заключалась в согласовании различных сюжетных вариантов богатого фольклорного опыта и в возведении текста в общую структурную целостность. Эпос представляет, как отмечалось, своеобразный подход к мордовской мифологии. Источниками служили как мокшанские, так и эрзянские тексты.

Автор перевода эпоса на венгерский язык, придерживаясь оригинала, привела наиболее часто упоминающиеся имена, краткое содержание отдельных частей, а также названия населенных пунктов, где был собран используемый в тексте материал.

Встречающиеся в эпосе имена, боги и мифологические существа, а также люди и животные разделены на группы. В случае с богами, согласно оригиналу, две антагонистические силы создают отдельные подгруппы. Список мифологических существ дополнен объяснениями. Приведены имена людей и клички животных. Информация о венгерских и эрзянских именах богов помогает читателю в нахождении места действующего лица в мордовской картине мира, краткий текст песен — разобраться в общей структуре эпоса.

Восемнадцать песен можно разделить на три большие части. В первой части, куда входят первые три песни, рассказывается о сотворении мира и зарождении обычаев. Песни второй части связаны с историческими событиями. В центре четвертой — десятой глав находится легендарный предводитель Тюштя. Начиная с одиннадцатой главы повествование идет о боях с басурманами и ногайцами, происшедшими после времен царствования Тюшти.

Приведенные источники материалов указывают также на то, что при составлении эпоса А. М. Шароновым велась тщательная исследовательская работа. Он сыграл большую роль в объединении богатого фольклорного наследия в единое целое.

В связи с комплексностью эпоса и сжатостью культурного знания произведение дает возможность различного подхода к тексту. Особенно интересно исследование «Масторавы» с точки зрения женских судеб. Об этом говорит уже само название эпоса — «Мать-Земля», «Земля-мать». Кроме того, авторы послесловия обратили внимание на значительную роль женских образов в мордовском фольклоре. Женщины являются связующей нитью между различными мирами (в том числе между потусторонним и миром живых). Они часто становились жертвами. Так, некоторые здания или целый город (например, Казань) строились только после приношения девушки в качестве жертвы Мастораве (ее закладывали в стену).

Перевод со всех точек зрения выполнен качественно. Умело передаются метафорические эрзянские выражения: «*fényes lélek*» («душа, что светлее дня»), «*selyem vég*» («горячая кровь»), «*Férjem, én szép máklevelém*» («Муженек мой, маковый цветочек»), «*...kinek teste hajló nyírfá*» («...и белей березы тело»), «*Sikeredett a fejedelem / Fenyőszál szép teste / Annál is jobban sikeredett / Fényes esze-értelme*» («Что сосна прямая, ростом-статью, / Словно солнце, разумом он светел»).

Венгерский перевод «Масторавы», как и другие тома серии «Эпосы мира», имеет пуританское оформление. Однако, несмотря на это, книга сразу привлекает внимание. Единственную проблему со временем может вызвать ее мягкий переплет. Венгерское издание, по сравнению с красочной эрзянской книгой, содержит черно-белые иллюстрации, подготовленные дочерью Марии Дуганчи Хелле Беккер (ранее она участвовала в оформлении перевода «Песни о царе Тюште»).

Мария Дуганчи назвала данный эпос энциклопедией искусства мордовского фольклора. Это произведение словно приглашает на выставку человеческих судеб, которые переплелись с мифологической картиной и образом мышления мордвы. Венгерское издание эпоса сближает читателей с родственным народом и является вкладом в продвижении богатого мордовского культурного наследия.

Надежда на сохранение мордовской культуры выражена и в самом эпосе, в котором, несмотря на трагические события, в целом отражены позитивный исход, оптимизм, охвативший мордовскую интеллигенцию в 1990-е гг. Особенно это чувствуется в восемнадцатой песне, где повествуется о медной трубе Тюшти, при помощи которой великий герой призывает свой народ, потерявший свободу, к сохранению своих обычаев, традиций и языков, обещая лучшие времена для эрзянских и мокшанских земель: «Как от века жили, так живите / С благословением моим, эрзяне! / С благословением моим, мокшане! / Пазчангот тебе жить, Масторава!».

Богларка Янурик.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенова Татьяна Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии НИИГН, e-mail: congress7@list.ru

Асабин Игорь Юрьевич — кандидат исторических наук, e-mail: guniign@list.ru

Балыкова Оксана Павловна — кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры общественного здоровья и здравоохранения с курсом гигиены медицинского института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: balykovaop@mail.ru

Бикейкин Евгений Николаевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Блинов Дмитрий Сергеевич — доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения с курсом гигиены медицинского института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: balykovaop@mail.ru

Бояркина Людмила Борисовна — кандидат искусствоведения, профессор кафедры народной музыки института национальной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: guniign@list.ru

Варламенков Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, e-mail: guniign@list.ru

Винтина Светлана Геннадьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела информационно-аналитического обеспечения исследований НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Градусова Валентина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета Северо-Западной академии государственной службы, e-mail: vi_doscer@mail.ru

Гусева Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник — заведующий отделом теории и истории культуры НИИГН, e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Девяткин Сергей Генрихович

Еремкина Татьяна Васильевна — аспирант отдела современного регионального развития НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Задкова Татьяна Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Зоркова Нина Николаевна — младший научный сотрудник отдела истории НИИГН, e-mail: soledad_83@mail.ru

Зубов Игорь Васильевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Ильин Дмитрий Федорович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: ilidmitrii@yandex.ru

Кандрина Ирина Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Средневолжского филиала Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (г. Саранск), e-mail: irin.ka_@bk.ru

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела современного регионального развития НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Корнишина Галина Альбертовна — доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории народов России Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: guniign@list.ru

Куршева Галина Александровна — доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Липатова Людмила Николаевна — доктор социологических наук, профессор кафедры экономики и предпринимательства Саранского кооперативного института (филиала) АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», e-mail: lln@saranskpribor.ru

Ломшин Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по проблемам социально-экономического развития региона НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Майорова Кристина Александровна — аспирант кафедры общественного здоровья и здравоохранения с курсом гигиены медицинского института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: ta040480@moris.ru

Москина Светлана Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: swetlana.moskina@yandex.ru

Никонова Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник — заведующий отделом археологии и этнографии НИИГН, e-mail: congress7@list.ru

Рогачев Владимир Ильич — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: rogachev-v@bk.ru

Романова Марина Николаевна — магистрант экономического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: congress7@list.ru

Ручина Наталья Александровна — студентка факультета иностранных языков Московского педагогического государственного университета, e-mail: natalia@bk.ru

Смирнова Оксана Александровна — аспирант кафедры общественного здоровья и здравоохранения с курсом гигиены медицинского института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: ta040480@moris

Сокорова Ирина Павловна — аспирант отдела языкознания НИИГН, e-mail: sokorova@yandex.ru

Сулдина Людмила Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Сураева Мария Николаевна — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Трегулова Наталья Петровна — старший преподаватель кафедры народной музыки института национальной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: guniign@list.ru

Цапкина Мария Александровна — аспирант отдела современного регионального развития НИИГН, e-mail: mary_tsapkina@mail.ru

Цыбусов Алексей Петрович — кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения с курсом гигиены медицинского института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: ta040480@moris.ru

Цыплякова Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Чужайкина Татьяна Александровна — научный сотрудник редакционно-издательского отдела НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Шаронов Александр Маркович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: sharonov@mail.ru

Шевцова Анна Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра международных образовательных программ Московского института открытого образования, e-mail: ash@inbox.ru

Шеянова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Шкердина Надежда Олеговна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: shnadejda@bk.ru

Щанкина Любовь Николаевна — докторант Института этнологии и антропологии РАН, e-mail: Schankina@yandex.ru

Щукин Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: schukin53@rambler.ru

Юрченков Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, директор НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Юрченкова Нина Георгиевна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Янурик Богларка — аспирант финно-угорской кафедры Сегедского университета (Венгрия), e-mail: janurikbogi@yahoo.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Aksenova Tatyana Viktorovna — Candidate of History, Senior Researcher of Department of Archaeology and Ethnography, NIIGN, e-mail: congress7@list.ru

Asabin Igor Yuryevich — Candidate of History, e-mail: guniign@list.ru

Balykova Oksana Pavlovna — Candidate of Medicine, Senior Teacher of Department of Public Health and Health Service with Course of Hygienics of Medical Institute, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: balykovaop@mail.ru

Bikeykin Evgeny Nikolayevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of History, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Blinov Dmitry Sergeevich — Doctor of Medicine, Professor, Head of Department of Public Health and Health Service with Course of Hygienics of Medical Institute, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: balykovaop@mail.ru

Boyarkina Lyudmila Borisovna — Candidate of Arts, Professor of Department of Folk Music of Institute of National Culture, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: guniign@list.ru

Varlamenkov Viktor Nikolayevich — Candidate of History, e-mail: guniign@list.ru

Vintina Svetlana Gennadyevna — Candidate of History, Senior Researcher of Department of Informational and Analytical Support of Studies, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Gradusova Valentina Nikolayevna — Candidate of Economics, Assistant Professor of Department of Accountancy, North-West Academy of Public Service, e-mail: vi_doscer@mail.ru

Guseva Tatyana Mikhailovna — Candidate of History, Principal Researcher — Head of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Devyatkin Sergey Genrikhovich

Eryemkina Tatyana Vasilyevna — Postgraduate Student of Department of Modern Regional Development, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Zadkova Tatyana Yuryevna — Candidate of History, Senior Researcher of Department of History, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Zorkova Nina Nikolayevna — Junior Researcher of Department of History, NIIGN, e-mail: soledad__83@mail.ru

Zubov Igor Vasilyevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Ilyin Dmitry Fedorovich — Candidate of Philosophy, Senior Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: ilidmitrii@yandex.ru

Kandrina Irina Aleksandrovna — Candidate of History, Assistant Professor of Department of Department of State and Law Disciplines of Middle Volga Affiliate Branch of Russian Law Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation (Saransk), e-mail: irin.ka_@bk.ru

Kildyushkina Irina Gennadyevna — Candidate of History, Associate Professor, Leading Researcher of Department of Modern Regional Development, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Kornishina Galina Albertovna — Doctor of History, Professor of Department of Modern History of the Peoples of Russia, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: guniign@list.ru

Kursheva Galina Aleksandrovna — Doctor of History, Associate Professor, Deputy Director on Scientific Work, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Lipatova Lyudmila Nikolayevna — Doctor of Sociology, Professor of Department of Economics and Business, Saransk Cooperative Institute (Affiliate Branch) of Russian University of Cooperation, e-mail: 11n@saranskpribor.ru

Lomshin Vladimir Aleksandrovich — Candidate of History, Associate Professor, Deputy Director on Problems of Social and Economic Development, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Mayorova Kristina Aleksandrovna — Postgraduate Student of Department of Public Health and Health Service with Course of Hygienics of Medical Institute, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: ta040480@moris.ru

Moskina Svetlana Ivanovna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Mordovian Languages, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: swetlana.moskina@yandex.ru

Nikonova Lyudmila Ivanovna — Doctor of History, Professor, Principal Researcher — Head of Department of Archaeology and Ethnography, NIIGN, e-mail: congress7@list.ru

Rogachev Vladimir Ilyich — Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: rogachev-v@bk.ru

Romanova Marina Nikolayevna — Magistracy Student of Faculty of Economics, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: congress7@list.ru

Ruchina Nataliya Aleksandrovna — Student of Faculty of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, e-mail: natalia@bk.ru

Smirnova Oksana Aleksandrovna — Postgraduate Student of Department of Public Health and Health Service with Course of Hygienics of Medical Institute, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: ta040480@moris.ru

Sokorova Irina Pavlovna — Postgraduate Student of Department of Linguistics, NIIGN, e-mail: sokorova@yandex.ru

Suldina Lyudmila Viktorovna — Candidate of History, Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Surayeva Mariya Nikolayevna — Postgraduate Student of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Tregulova Nataliya Petrovna — Senior Teacher of Department of Folk Music of Institute of National Culture, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: guniign@list.ru

Tsapkina Mariya Aleksandrovna — Postgraduate Student of Department of Modern Regional Development, NIIGN, e-mail: mary_tsapkina@mail.ru

Tsybusov Aleksey Petrovich — Candidate of Medicine, Assistant Professor of Department of Public Health and Health Service with Course of Hygienics of Medical Institute, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: ta040480@moris.ru

Tsyplyakova Olga Yuryevna — Candidate of Philology, Senior Researcher of Department of Linguistics, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Chuzhaykina Tatyana Aleksandrovna — Researcher of Editorial and Publishing Department, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Sharonov Aleksandr Markovich — Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Shevtsova Anna Aleksandrovna — Candidate of History, Senior Researcher of Center on International Educational Programs, Moscow Institute of Open Education, e-mail: ash@inbox.ru

Sheyanova Irina Ivanovna — Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Shkerdina Nadezhda Olegovna — Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: shnadejda@bk.ru

Schankina Lubov Nikolayevna — Doctoral Candidate, Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, e-mail: Schankina@yandex.ru

Schukin Dmitry Sergeevich — Candidate of History, Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: schukin53@rambler.ru

Yurchenkov Valery Anatolyevich — Doctor of History, Professor, Director, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Yurchenkova Nina Georgievna — Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Janurik Boglárka — Postgraduate Student of Finno-Ugrian Department, University of Szeged (Hungary), e-mail: janurikbogi@yahoo.com

СОКРАЩЕНИЯ

ГА НО — Государственный архив Нижегородской области

ГА ПО — Государственный архив Пензенской области

НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР

СОГАСПИ — Самарский областной государственный архив социально-политической истории

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

ЦГА СО — Центральный государственный архив Самарской области

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» основан в 2006 г. и является регулярным научным изданием, выпускаемым НИИГН с целью оповещения научной общественности о результатах деятельности отделов института и введения в оборот материалов региональной гуманитарной науки. В связи с этим были определены направления, освещаемые в журнале: региональная экономика; отечественная история; политология; археология; этнография; языкознание; литературоведение; фольклористика; теория и история культуры.

Журнал выходит 4 раза в год как в печатном, так и в электронном виде. Электронная версия журнала размещается на сайте НИИГН: <http://www.niign.ru/>

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться *две рецензии*, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения.

2. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.

3. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

4. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

1) УДК (в левом верхнем углу);

2) инициалы и фамилия автора на русском языке (под УДК);

3) инициалы и фамилия автора на английском языке;

4) название статьи на русском языке;

5) название статьи на английском языке;

6) ключевые слова на русском языке;

7) ключевые слова на английском языке;

8) аннотация на русском языке;

9) аннотация на английском языке;

10) текст статьи;

11) литература (литература и источники; для этнографов — литература и полевой материал авторов);

12) сведения об авторах.

5. *Иллюстрации:*

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка;

иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля;

обязательно должны упоминаться в тексте.

6. *Формулы и буквенные обозначения* по тексту:

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. Таблицы:

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

располагаются после ссылки в тексте.

8. Библиографические ссылки:

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом;

располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию;

оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», например:

ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:

Первичная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

Повторная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

Первичная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9 — 11 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 89 — 93.

Повторная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

Первичная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

Повторная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

Первичная

Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченков [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН ; т. 1 (118)).

Повторная

Власть и общество в XX в. ... С. 30.

Первичная

Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

П о в т о р н а я

Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibid.» (Ibidem):

П е р в и ч н а я

⁵ **Келина А. Н.** Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

П о в т о р н а я

⁶ Там же. или ⁶ Там же. С. 15.

П е р в и ч н а я

³ **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.

П о в т о р н а я

⁴ Ibid. или ⁴ Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов):

П е р в и ч н а я

¹ **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. [Саранск]. 2008. № 2. С. 86.

П о в т о р н а я

⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. или ⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. С. 90.

П е р в и ч н а я

² **Paasonen H.** Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1992. Bd. 2. S. 590.

П о в т о р н а я

⁶ **Paasonen H.** Op. cit. или ⁶ **Paasonen H.** Op. cit. Bd. 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:

В т е к с т е

В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»¹⁴².

В с с ы л к е

¹⁴² Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «;» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же», или «Idem», «Eadem», «Idem», например:

²⁰ Юрченков В. А. Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; Его же. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917 — 1920 гг.) //

Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Гр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

П е р в и ч н а я

Лигчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

П о в т о р н а я

Лигчфорд Е. У. Указ. соч.

П е р в и ч н а я

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... [Электронный ресурс] : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской /отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: <http://www.audisium.ru/looks/473> (дата обращения 20.09.2010).

П о в т о р н а я

Жизнь прекрасна...

П е р в и ч н а я

Уральская семья народов : крат. информ. справ. о финно-угор. и самод. народах [Электронный ресурс] / сост. П. Симпелев, О. Лапшина. Сыктывкар, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

П о в т о р н а я

Уральская семья народов.

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124. Л. 60.

Прокаев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

9. *Сведения об авторах:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

10. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

11. С аспирантов плата за публикацию рукописей не взимается.

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 3 (19) 2011

Редакторы: *О. Б. Гнатовская, Е. В. Глазкова, Т. В. Шугаева*
Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 12.09.2011. Формат 70 x 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430000 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.